

МОРИС КОРНФОРТ

ОТКРЫТАЯ
ФИЛОСОФИЯ
И ОТКРЫТОЕ
ОБЩЕСТВО

МОРИС КОРНФОРТ

ОТКРЫТАЯ
ФИЛОСОФИЯ
И ОТКРЫТОЕ
ОБЩЕСТВО

THE OPEN PHILOSOPHY AND THE OPEN SOCIETY

A REPLY TO DR. KARL POPPER'S
REFUTATIONS OF MARXISM

BY MAURICE CORNFORTH

Lawrence and Wishart
London • 1968

МОРИС КОРНФОРТ

ОТКРЫТАЯ
ФИЛОСОФИЯ
И ОТКРЫТОЕ
ОБЩЕСТВО

ОТВЕТ д-ру КАРЛУ ПОППЕРУ
НА ЕГО ОПРОВЕРЖЕНИЕ
МАРКСИЗМА

Перевод с английского

Вступительная статья и общая редакция
проф. И. С. Нарского

Издательство «Прогресс»
Москва • 1972

Спец. редактор канд. философских наук *Л. Н. ДАНИЛОВА*

Редакция литературы по вопросам философии и права

МАРКСИСТСКИЙ ОТВЕТ КАРЛУ ПОППЕРУ

Книга «Открытая философия и открытое общество» — как бы результат взаимопересечения двух диаметрально противоположных друг другу судеб, — «теоретика-антикоммуниста № 1» Карла Поппера (род. в 1902 г.) и виднейшего английского философа-марксиста Мориса Корнфорта (род. в 1909 г.). Перед нами не просто критика по адресу отдельных концепций реакционного социолога, а именно развернутый ответ убежденного и воинствующего сторонника диалектического и исторического материализма на те атаки на марксизм — атаки широким фронтом с весьма недалеко ушедших от неопозитивизма позиций по проблемам теории познания, метода, истории науки, философии истории и коммунизма, — которые развернул один из самых изощренных и опытных современных «аналитиков», активный в прошлом деятель знаменитого «Венского кружка», претенциозно определяющий ныне свою философию как «критический рационализм». Глубокий антагонизм воззрений Поппера и Корнфорта, коренная взаимополярность их общественно-политических позиций обусловили страстный накал и большую убедительность лежащей перед читателем книги, широту охвата в ней проблем и обстоятельность их рассмотрения.

Первый из названных философов — автор одного эпистемологического и трех историософских бестселлеров Запада, «сэр Чарльз», самый авторитетный в бур-

жуазном мире «специалист» по выработке антимарксистской аргументации. Из писаний Поппера эту аргументацию черпают буквально все антикоммунисты обоих полушарий. Его книги «Открытое общество и его враги» (1945), «Нищета историцизма» (1954) и «Предположения и опровержения» (1963), опирающиеся в методологическом отношении на «Логiku научного исследования» (1935, англ. издание 1959), не раз переиздавались (первые две из них были изданы по 8 раз и переведены на 13 языков). Буржуазная печать носится с Карлом Поппером как со своей излюбленной и выигрышной темой. В сборнике статей, подготовленном большим коллективом западноевропейских и американских авторов по случаю 60-летия Поппера, настойчиво проводится мысль, что он «общепризнан как один из самых оригинальных, пронизательных, точных и разносторонних мыслителей нашего времени»¹. Полемизуя с Поппером, Франкфуртская философско-социологическая школа лишь добавляет ему паблисити. А мы будем помнить, что Поппер в первой из названных выше его книг провозгласил стратегию «холодной войны» против сил мира, демократии и социализма *еще до* печально знаменитой речи Черчилля в Фултоне.

Второй — самоотверженный пропагандист диалектического и исторического материализма в трудных условиях торийской реакции в Англии. Усилиями Корнфорта издательство «Лоренс энд Вишарт» выпустило целый ряд теоретических произведений по марксизму, и прежде всего важнейшие первоисточники, по которым изучает единственно научную и подлинно прогрессивную философию наших дней уже второе поколение британских коммунистов. Несмотря на неблагоприятную обстановку, Морис Корнфорт уже много лет проводит творческие исследования теоретических вопросов, связанных с проблемами взаимоотношения философии, науки и общественной жизни в условиях капитализма, взаимодействия философии и языка и раскрытия социальных основ теории познания марксизма. Своими книгами «Диалектический материализм. Введение» (1952—1954), «Наука против идеализма. В защиту философии против позитивиз-

---

¹ «The Critical Approach to Science and Philosophy, in Honor of Karl R. Popper», ed. by Mario Bunge, London, 1964, p. VII.

ма и прагматизма» (1954), «Марксизм и лингвистическая философия» (1965) он хорошо известен советскому читателю, поскольку все эти сочинения переизданы на русском языке¹. В этих работах, написанных ярко и страстно, теоретически глубоко и популярно в лучшем смысле этого слова, убедительность изложения связана с полемической направленностью, потому что положительное разрешение проблем достигается в них в процессе критики, которую Корнфорт развернул по адресу современного позитивизма и прагматизма. Эти работы снискали Морису Корнфорту уважение и авторитет в среде марксистов, занимающихся философией или интересующихся ею, вызвали интерес к марксистской теории в прогрессивных кругах англоязычных стран и за последние годы немало способствовали устранению нелепых предрассудков насчет «зловредной большевистской философии», которые сеялись антикоммунистическими писателями, и больше всего Поппером.

Можно сказать, что «велением времени» было решение М. Корнфорта направить свой незаурядный теоретический и публицистический талант специально на опровержение серии книг К. Поппера, связанных общей методологической установкой и соединяющих в один антикоммунистически-позитивистский узел ложные решения многих кардинальных проблем — критерия научной осмысленности и истинности, соотношения утопических пророчеств и подлинно научного социального предвидения, свободы и необходимости и т. д. Разгромить теоретически эти книги Поппера, которые для антикоммунистов разных мастей явились желанным источником наукообразной респектабельности и завораживающей слушателей «логической убедительности», Морис Корнфорт и счел своей настоящей обязанностью. Своим трудом «Открытая философия и открытое общество» (1968) он решил создать своего рода «Анти-Поппер», и это ему во всем основном вполне удалось. У нас, в Советском Союзе, есть свои работы по критике теоретических воззрений Поппера, но они далеко не исчерпали

---

¹ Вторая из этих работ была выпущена в свет первоначально в виде двух отдельных книг (в 1946 и 1950 гг., соответственно на русском языке в 1948 и 1951 гг.), которые при объединении в одну книгу были автором переработаны.

темы, и в сочинении Корнфорта наш читатель найдет немало для себя нового и полезного.

Главным предметом критических размышлений Корнфорта являются понятия «закрытых» и «открытых» обществ и философий, которыми рьяно оперирует Поппер, софистически искажая и смещая их смыслы.

Для Поппера марксизм — это «закрытая», то есть «усиленно догматическая», философия, не способная к усовершенствованию и развитию, а социализм и коммунизм в их практической реализации — это «закрытое», то есть авторитарно-кастовое и пропитанное предрассудками, антидемократическое общество. Противопоставляя этим вымученным конструкциям «открытое» общество и «открытую» философию, Поппер изображает в качестве последних капитализм и современную буржуазную философскую мысль, а обе противостоящие друг другу тенденции — «закрытую» и «открытую» — выводит из глубин истории, рассматривая тем самым антикапитализм и капитализм именно как *антиисторические* и вечные социальные состояния.

Корнфорт критикует построения Поппера непримимо принципиально и строго научно, а значит, не по принципу «что бы ни сказал наш противник — все неверно», а по существу и во всеоружии теоретической и фактической аргументации.

Корнфорт доказывает, что именно марксистская философия обладает «открытым» характером в том смысле, что это развивающееся, творческое учение, открытое для восприятия новых фактов социальной практики и науки, обогащающее свои теоретические положения выводами из них. Именно социализм и коммунизм — это такой общественный строй, который «открыт» в смысле своей подлинной демократичности и способности к неограниченному совершенствованию и прогрессу. Капиталистический же строй и оправдывающая его существование буржуазная философия в виде разных вариаций идеализма и позитивизма «закрыты» в наихудшем смысле этого слова.

Доказать все это в рамках поставленной Корнфортом перед собой задачи значило опровергнуть рассуждения Поппера в самой их основе, что ученый-марксист и сделал с необходимой для этого последовательностью и принципиальностью.

Одна из главных проблем, рассматриваемых в книге Корнфорта,— проблема *научности* теории марксизма.

Поппер утверждает, что марксизм спекулятивен и догматичен. Материалистическая диалектика, провозгласившая антидогматизм одним из своих первейших принципов, настолько «гибко» оперирует фактами, что-то согласовывает с собою любой из них, а потому марксизм «не боится» новых фактов, «равнодушен» к ним и не способен, следовательно, к теоретическому развитию. Мало того, он вообще не есть теория и представляет собой разновидность произвольных, фантастических или религиозных доктрин, не имеющих познавательного соприкосновения с действительностью.

Это обвинение Поппера в адрес марксизма основано на тезисе о необходимости так называемой *принципиальной негативной верификации* (проверки), или, как выражается Поппер,— на требовании «опровергаемости» (*falsifiability*). Смысл данного требования таков: согласно разработанной Поппером концепции, принцип верификации действует как критерий отнесения тех или иных утверждений или даже целых теорий к числу научно осмысленных или же, наоборот, в разряд не имеющих никакого отношения к науке (то есть научно не осмысленных) таким образом, что это его действие *неотделимо* от его функции в качестве критерия истинности или ложности данных положений и теорий¹. Лишенными научного смысла считаются прежде всего те утверждения, которые в принципе невозможно сопоставить ни с какими фактами. Научно осмысленными (а не фантастически-спекулятивными) и притом истинными являются те утверждения, которые подтверждаются эмпирическими фактами («согласуются» с ними) и *опровергаются фактами воображаемыми*. Научно осмысленными и притом ложными будут те утверждения, которые опровергаются эмпирически существующими фактами («стал-

---

¹ В период «Венского кружка» в действии принципа верификации комментаторы обычно различали две ступени— сначала он играет роль критерия осмысленности для философии, а затем роль критерия истинности для частных наук.

квиваются» с ними), но подтверждаются фактами мнимыми, не существующими в наблюдаемом опыте. «...Содержание теории — а это то же самое, что ее *неправдоподобие* — определяет ее *проверяемость* (testability) и ее *подтверждаемость* (corroborability)»¹.

Добавление о необходимости наличия опровергающих воображаемых фактов для истинных научно осмысленных предложений и подтверждающих, но столь же воображаемых фактов для предложений ложных, но тем не менее также научно осмысленных кажется по меньшей мере излишним педантизмом, а то и вообще чепухой. Примерно так иногда пытаются критиковать Поппера. Но дело обстоит совсем не так, и Корнфорт пронизательно на это указывает.

Требование наличия таких в *принципе* фактов, которые «опровергали» бы данную теорию, *если бы* они *реально* существовали, существенно важно, и из необходимости наличия их за много лет до Поппера исходили классики марксизма, когда они разрабатывали свое учение. Теория, краеугольные положения которой подтверждаются известными нам фактами, но для которой невозможно даже представить себе, какие могли бы быть хотя бы абстрактно возможные факты, которые с нею не согласовывались бы и потребовали бы самим «фактом своего наличия» если не отрицания данной теории, то, во всяком случае, ее усовершенствования и развития,— это не теория, а внетеоретическая и внепрактическая доктрина. Она не имеет соприкосновения с действительностью именно потому, что охватывает не только реальную, но и воображаемую действительность «*на равных правах*», потому что удовлетворяет и ту и другую одинаково. Она бесполезна для науки и должна быть запрещена, потому что в ней самой отсутствуют «запреты» на реальное существование каких-либо определенных нереальных фактов. Ее нельзя разрешить, потому что она сама разрешает буквально все. Псевдотеорию опровергает сам факт невозможности ее опровергнуть. Возникает диалектическая ситуация перехода в противоположность: теорию делает неосмысленной и невозможность ее проверки и «чересчур легкая» ее прове-

---

¹ К. Поппер, *The Logic of Scientific Discovery*, N. Y., 1961 p. 395.

ряемость! Отсутствие принципиальных «опровергающих» возможностей позволяет теории совмещаться с *любыми* будущими фактами, какими бы они ни были, а это противоречит марксистско-ленинскому критерию практической проверки истинности теорий и учению о бесконечном развитии знания по пути от относительных истин к истине абсолютной.

Вполне справедливо Корнфорт указывает на то, что не приходится критиковать Поппера за то, что тот выдвигает требование принципиальной опровергаемости научных теорий. Однако следует подчеркнуть, что совсем не неопозитивизм, а именно диалектический и исторический материализм, опирающийся на принципы *теории отражения*, проводит *действительную качественную грань* между фактами объективно реальными, отражаемыми в сознании и воображаемыми. Это три различные категории фактов, и их взаиморазграничение именно в неопозитивизме с его смутными и непоследовательными понятиями «фактичности вообще» и «существования вообще» не может быть вполне определенным. А взаиморазграничение их должно быть очень четким. Ленин писал о субъективно-идеалистической концепции эмпириокритиков о «примысливании» человеческого сознания к природе до человека следующее: «Софистика этой теории так очевидна, что неловко разбирать ее. Если мы «примыслим» себя, то наше присутствие будет *воображаемое*, а существование земли до человека есть *действительное*. На деле быть зрителем раскаленного, к примеру скажем, состояния земли человек *не мог*, и «мыслить» его присутствие при этом есть *обскурантизм*, совершенно такой же, как если бы стал я защищать существование ада доводом: если бы я «примыслил» себя, как наблюдателя, то я мог бы наблюдать ад. «Примирение» эмпириокритицизма с естествознанием состоит в том, что Авенариус милостиво соглашается «примыслить» то, возможность допущения чего *исключена* естествознанием»¹.

Именно теория познания диалектического материализма указывает на необходимость потенциальных «опровергателей», то есть воображаемых опровергающих фактов, проводя *самое строгое различие* между фактами

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 74.

воображаемыми и объективно реальными. Чем больше класс таких воображаемых опровергающих фактов для данной теории (крайне неточно это обстоятельство выражают так: «чем более опровержима данная теория...»), тем более эта теория поддается проверке на ее научную *осмысленность*. Но нужно со всей силой подчеркнуть то, что у Поппера затушевано, а именно, что установление истинности теории невозможно без наличия тех *реальных* фактов, которые ее, эту теорию, *подтверждают*. Конкретный фактический анализ конкретной ситуации — вот на что ориентирует теория познания марксизма, и на это неоднократно указывали ее основоположники.

Корнфорт убедительно доказывает, что Поппер извращает действительное положение вещей, утверждая, что марксизм не выдерживает требования принципиальной «опровергаемости». Иначе говоря, воображаемые факты, которые марксизму противоречат, существуют, но существуют именно в воображении теоретика. Так, Ленин указывал, что (1) если бы земля не существовала до человека (то есть если бы воображаемый факт отсутствия земли до человечества был реальным), то в этом случае были бы правы субъективные идеалисты. В книге Корнфорта приводятся следующие примеры «опровергающих» фактов: (2) осуществление первой социалистической революции не в России, стране среднего уровня развития капитализма, а на дальневосточной оконечности Азии или же в джунглях Центральной Африки; (3) выполнение британскими консерваторами и лейбористами тех лживых широкообещательных обещаний, которые они направо и налево раздают перед выборами, но никогда их не выполняли, да и не собирались выполнять, поскольку это шло бы совершенно вразрез с их действительными классовыми интересами.

Если бы воображаемые факты (1), (2), (3) были не воображаемыми, какими они в действительности и являются, но объективно-реальными, то тогда диалектический и исторический материализм потерпел бы серьезный урон. Если бы эти факты не существовали «вообще», то есть их невозможно было бы сконструировать даже гипотетически, то марксистская философия оказалась бы непроверяемой, а следовательно, не имеющей

никакого отношения к фактам. Однако факты (1), (2), (3) являются именно *существующими в воображении*, значит, философия марксизма проверяема и не ложна. Но этого мало. Имеется огромное и все более умножающееся количество реальных фактов из всех областей жизни и познания, которые *ежечасно подтверждают* правоту учения Маркса, Энгельса и Ленина, и, значит, диалектический и исторический материализм есть *истинная научная теория*. Вследствие же того, что среди будущих фактов могут оказаться такие, которые не вполне согласуются с отдельными положениями нашей теории, она будет развиваться и совершенствоваться далее. Этого требуют и расширяющиеся и все более усложняющиеся задачи нашей практической деятельности. Марксизм-ленинизм есть не какая-то завершенная и окончательная, «закрытая» догма, а творческое, беспредельно развивающееся научное учение. Корнфорт убедительно пишет об этом.

Автор метко вскрывает многие метафизические и идеалистические заблуждения эпистемологии Поппера. Он подвергает критике ту ложную ориентацию, которая из нее вытекает,— ориентацию не на проверку научных теорий в ходе их практического претворения в жизнь, что вело бы к их дальнейшему развитию, а лишь на поиски и «насаждение» опровергающих обстоятельств. Поскольку у неопозитивистов граница между мыслимыми и реальными фактами стирается, то ироническое замечание Корнфорта вполне уместно: усилия сохранить капитализм оказываются у Поппера... лучшим «средством опровергающего подтверждения» марксистского учения об обществе, тогда как действительно реальные факты современного социального развития и классовой борьбы британский «аналитик» оставляет в тени.

Не поняв ничего в диалектике движения относительных истин к истине абсолютной, Поппер изобразил процесс перехода от прежних научных теорий к новым как простую *замену* одних теорий другими, согласно методу проб и ошибок, в применении которого, то есть в актах выбора новых теорий-гипотез, решающее слово принадлежит субъекту. Он игнорировал большое разнообразие типов отношения новой теории к старой и свел их все к *отбрасыванию* последней. По сути дела, он «забыл» о таком существеннейшем моменте познания,

как *преemptивность* знаний и их взаимодействие с социально-исторической обстановкой и историей их формирования.

Как вполне обоснованно заключает автор, Поппер в своих объемистых опусах ни в коей мере не рассмотрел действительного метода Маркса. Согласно марксистскому методу материалистической диалектики, достижение объективной истины происходит путем приращения новых знаний к древу знаний, ранее достигнутых, причем основной их ствол не только сохраняет свою прочность, но и наполняется все большей силой. Недаром Ленин писал о том, что вывод из факта объективной истинности теории Маркса «состоит в следующем: идя *по пути* марксовой теории, мы будем приближаться к объективной истине все больше и больше (никогда не исчерпывая ее); идя же *по всякому другому пути*, мы не можем прийти ни к чему, кроме путаницы и лжи»¹.

В первой части книги Корнфорта содержится специальная критика попыток Поппера изобразить диалектико-материалистический метод в виде варианта иррационализма, поскольку он (метод) будто бы допускает проникновение формальнологических противоречий в содержание научных теорий под видом «истинных» утверждений, после чего оказывается возможным любой факт из «опровергающего» превратить в верифицирующий, отчего и возникает смешение истины и лжи. Корнфорт занял в этом вопросе очень верную позицию. Принципы марксистско-ленинской теории отражения отвергают абсолютное взаимопротивопоставление объективных и субъективных (познавательных), а также диалектических и формальнологических противоречий, но в то же время требуют строгого различения их, не допуская их отождествления. Ленин считал, что к познаваемым объективным противоречиям не должны примешиваться противоречия чисто субъективные, и писал, что ««логической противоречивости»,— при условии, конечно, правильного логического мышления— не должно быть *ни* в экономическом *ни* в политическом анализе»². Опираясь на марксистско-ленинские положения, Корнфорт

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 146.

² Там же, т. 30, стр. 91.

приходит к выводу, что «диалектика не допускает логических противоречий, а избавляется от них»¹. Тем самым из рук Поппера, Бохеньского, Веттера и других противников диалектического материализма выбивается один из излюбленных ими аргументов, будто марксистская философия несовместима с логикой². Мало того, Корнфорт показывает на примерах, что как раз не кто-либо, а сам Поппер нарушает требования последней, когда смешивает свойства диалектических и формальнологических противоречий, путает логическую и реальную необходимость и то прилагает, то вдруг отказывается прилагать к наукам им же самим выработанные критерии научности и т. д.

Поппер приписывает диалектическому материализму черты спекулятивной натурфилософии. Корнфорт опровергает эти измышления, он согласен с Энгельсом, что «*систематика* после Гегеля невозможна. Ясно, что мир представляет собой единую систему, т. е. связанное целое, но познание этой системы предполагает познание *всей* природы и истории, чего люди *никогда* не достигают»³. Тем более невозможна собственно натурфилософская, спекулятивная систематика à la Гегель. Правда, Корнфорт несколько недооценивает значение теории материи и объективной диалектики как составной части философии, подчеркивая по преимуществу, что диалектический материализм дает лишь «подход, или метод», для разработки научной картины мира. Но затем он сам же приближается к выводу, что диалектический материализм «в какой-то мере также дает ответ на вопрос: «Какова природа вселенной?»⁴ И если для Поппера материалистическая теория мира — не более как только «предположения», то Корнфорт доказывает, что это есть твердо обоснованная *наука*, а характер свойственного ей метода познания мира неотделим от характера материалистического мировоззрения. Он раскрывает глубокий вред, приносимый науке идеалистическим мировоззрением и методом познания, и находит в своей

¹ Настоящее издание, стр. 54.

² Об этом Поппер много рассуждает в статье «What is dialectic?» в сб.: «Conjectures and Refutations. The Growth of Scientific Knowledge», 1963, p. 312—335.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 630.

⁴ Настоящее издание, стр. 60.

критике оригинальный ракурс: философский идеализм и религия не дают действительной информации об окружающем нас мире и о нас самих, но «подделываются под информацию», заменяя ее непроверяемыми *предписаниями* поведения, которые лишь *кажутся* результатом таковой.

Интересны соображения, высказываемые автором насчет метафизического метода. Он считает метафизикой абсолютизацию любой из черт и моментов диалектики, будь то положение о взаимосвязи всех вещей и процессов (когда забывают об относительной их самостоятельности), будь то закон борьбы противоположностей (когда забывают об их единстве и превращают в абсолютно независимые и застывшие в своей взаимополярности начала). Корнфорт подчеркивает, что метафизику нельзя отождествлять с формальной логикой. «Законы формальной логики имеют *абсолютное* значение, и *любая* форма суждения, отвергающая их, становится вследствие этого непоследовательной и противоречивой»¹.

Еще более примечательны ценные соображения Корнфорта по поводу софистических обвинений Поппером диалектики в том, что ее законы будто бы позволяют *предсказывать* все, что угодно, а значит, ничего определенного. Корнфорт разъясняет, что общие философские принципы и законы никогда ничего конкретного не предсказывают, они «не участвуют в соревновании предсказаний наравне с теориями конкретных наук...»² и говорят о характеристиках *любых* существующих и возможных предметов и процессов. Но они говорят о них далеко *не любое, не* что угодно. Диалектика и материализм суть логическая основа научного предвидения, и их законы как взаимосвязи между философскими категориями хотя и означают предсказания, но, так сказать, «рангом выше», чем предсказания в частных, конкретных науках.

Это надо пояснить с помощью примера. Так, положение «материальный мир следует объяснять, исходя из него самого» означает не только предписание, но и предсказание, а именно, что всякое *конкретное* предсказание, исходящее не из свойств самого мира, а из идеалистиче-

---

¹ Настоящее издание, стр. 109.

² Там же, стр. 125.

ской метафизики, в конечном счете обречено на неудачу, тогда как неудача *отдельных* конкретных предсказаний, основывавшихся в принципе на указанном положении (но, как потом выясняется, отправлявшихся от недостаточной информации), отнюдь не нарушает правоты приведенного выше положения. Это происходит потому, что критерием истинности философских положений служат не отдельные верификационные акты, тесты, эксперименты и т. п., но вся совокупность общественно-исторической практики людей. И именно практика как активное и целенаправленное взаимодействие субъектов и объектов показывает, что принципы, законы и категории философии диалектического материализма *необходимы* для наиболее успешного получения, обобщения и применения истинных знаний людьми в их жизни и борьбе.

Одним из важных положительных выводов первой части книги Корнфорта является вывод о том, что диалектика и материализм в их единстве играют огромную методологическую роль, в том числе и для их собственного дальнейшего развития, то есть для уточнения, дополнения и конкретизации их принципов, законов и категорий. Одна из неотложных задач, вытекающих из данного соображения, состоит в необходимости разработки детальной типологии (классификации) различных видов диалектических противоречий, поскольку в *каждом* отдельном случае мы, строго говоря, сталкиваемся с конкретно-неповторимым их видом.

Поппер, ничтоже сумняшеся, обвинил Энгельса в «догматизме» на основании того, что он, Энгельс, критиковал противников марксизма, одновременно защищая и развивая марксизм на основе анализа разнообразных новых фактов из разных областей действительности. Корнфорт очень хорошо показывает, что догматиком является не Энгельс, а тот, кто не понял существа материалистической диалектики и отказался от нее. Марксизм и догматизм несовместимы, и воинствующий марксист «всегда критичен. Он не позволит навязать себе никакой догмы, ни «правой», ни «левой», потому что все они — шоры, мешающие критически оценивать окружающий мир»¹.

¹ Там же, стр. 173.

По поводу первой части книги Корнфорта могут быть высказаны отдельные критические замечания, но, к счастью, они невелики. Едва ли автор прав, полагая, что методология Маркса «точно такая же», что у Дарвина, а диалектические триады во всех случаях не заслуживают серьезного рассмотрения. Трудно согласиться с ним, когда он считает, что в категориальных парах «свойство и отношение», «форма и содержание», «количество и качество» первые их члены статичны, а вторые процессуальны, хотя сам же автор тонко замечает, что «предмет» и «процесс» — это два разных, но одинаково односторонних способа абстрагирования от реальности применительно как к микро-, так и к макромиру: в действительности не существует ни «чистых» предметов, ни «чистых» процессов. Определение диалектики, даваемое Корнфортом в начале 3 главы первой части, слишком узкое. Есть в книге ряд страниц, на которых интересные мысли и свежие соображения автора изложены слишком лапидарно и бегло. Зато его уж никак нельзя упрекнуть в многословии.

Последующие разделы книги Мориса Корнфорта посвящены социологическим проблемам. Он следует за объектом своего критического анализа в различные области исторического материализма, общественной практики и классовой борьбы наших дней, давая в высшей степени убедительный ответ на рьяные попытки Поппера во что бы то ни стало дискредитировать марксизм как *социальную* теорию и «охранить» от его влияния британскую и далеко не только британскую общественность. «Авторитет» Поппера в социологии — стоит здесь заметить — признали ныне не только английские и американские, но и западногерманские буржуазные теоретики, которые считают его «достойным преемником Макса Вебера»¹.

Поппер обрушился на теорию исторического материализма, обвиняя ее в «историцизме» и в проистекающем

¹ См., например: Albrecht Wellmer, *Methodologie als Erkenn thislehre. Zur Wissenschaftslehre Karl R. Popper*, Frankfurt am Main, 1967, S. 8.

из этого смертном грехе «эссенциализме», «холизме» и утолизме. Под «историцизмом» британский антикоммунист понимает принцип, согласно которому основная цель общественных наук состоит в осуществлении исторических предвидений на основе раскрытия тенденций развития предшествовавших социальных состояний. Поскольку Поппер отрицает и объективное развитие и присутствующие ему определенные тенденции, всякое общественное предвидение оказывается для него ненаучными «догадками», утопическим пророчеством или — в лучшем случае — удавшейся гипотезой. Одним словом, твердая ориентация расчетов людей на ранее сделанные социальные предвидения — это идеализм, а Маркс — носитель этого идеалистического убеждения, продолживший заблуждения, которые имелись на этот счет у Платона и в особенности у Гегеля. Что касается «эссенциализма», то это стремление познавать сущность происходящих явлений, и ему Поппер противопоставляет свой агностицизм. «Холизм», согласно терминологии Поппера, — это ориентация на кардинальное изменение существенной структуры общества в целом, и он конфронтирует эту ориентацию со своей концепцией политики «малых дел», именую последнюю «социальной инженерией». Назвав научный коммунизм утопией вроде «идеального типа» у М. Вебера, Поппер противопоставляет ему свою апологию капитализма, обильно уснащенную буржуазно-либеральной фразеологией.

Корнфорт начинает свою критику попперовых построений с того, что вскрывает их глубинные методологические корни. Он разъясняет подлинный диалектический смысл взаимодействия случайности, свободы и необходимости в том фундаментальном и в свое время тщательно проанализированном Марксом факте, что *люди сами делают свою историю*. Английский философ-коммунист разъясняет, что не существует безусловных, фатально и независимо от деятельности людей осуществляющихся законов, — их осуществление обусловлено этой деятельностью и вовсе не требует полного повторения человеческих поступков, которое к тому же вообще невозможно и которого никогда не бывает. Автор доказывает, что столь же ошибочно уповать и на «беззаконие» социальной практики, о которой в разных вариантах так много рассуждают волюнтаристы, — объектив-

ные законы человеческой истории проявляют себя как сравнительно устойчивые тенденции, обеспечивающие эффективность не только краткосрочных, а именно долгосрочных прогнозов. Таков, например, открытый Марксом закон соответствия производственных отношений производительным силам.

Поппер любит ссылаться на то, что невозможно прогнозировать *суть* будущих научных открытий, от которых в большой степени будет зависеть будущее состояние производительных сил. Конечно, саму эту «суть» прогнозировать невозможно, а если бы это было возможно, то это означало бы, что будущие открытия сделаны нами уже теперь. Однако те *проблемы*, которые будут разрешены последующими открытиями ученых, мы в состоянии предвидеть уже в наши дни, что и делается с помощью электронно-вычислительных машин. Поппер злорадствует по поводу того, что не все социальные предвидения марксистов сбывались тогда, когда это ожидалось. Корнфорт объясняет, почему так случилось, и указывает и на общие обстоятельства, которые так усложняют ранее набросанную картину хода событий и так загадочны для буржуазных футурологов.

Диалектика жизни такова, что само осуществление некоторого исторического события до известной степени затрудняет или хотя бы усложняет возможности его повторения. Так, победа капитализма в ведущих странах Западной Европы и в США была в XVII—XVIII вв. использована господствующим классом для замедления общественного развития в тех странах, которые им было выгодно сохранять слабыми, отсталыми и зависимыми. Реакцией империалистов на Великую Октябрьскую революцию в России явился человеконенавистнический фашизм, на который была возложена задача воспрепятствовать дальнейшему распространению социалистических преобразований и задушить их в корне. Выдвижение некоторого человека на роль великой исторической личности в данных условиях тем самым уже «закрывает» возможности для других людей сыграть эту роль и т. д. Примеры, *весьма различные* по своему характеру, могут быть умножены, но в этом нет нужды.

Более важно иное соображение: сами предвидения делаются новым, иногда *ранее непредвиденным*, участником социальных изменений. Они приобретают свой-

ства организующего политического фактора, но те результаты, к которым приводит их действие, зависят не только от тех, кто ими руководствуется: столкновение интересов различных классов придает результатам процесса реализации предвидений не совсем тот вид, который ожидался, хотя и не тот вид, который пришлось бы квалифицировать как совершенно неузнаваемый, а значит, *абсолютно* не предвиденный (в соответствии только с последним вариантом рассуждает Поппер). Коммунистическая партия, приходит к конечному выводу Корнфорт, вот та единственная политическая организация, которая способна к эффективному предвидению результатов освободительного рабочего движения, призвана внести в него сплоченность и научное понимание его целей и задач и должна возглавить его победоносное развитие.

Для того чтобы общественные предвидения были действительно эффективными, пишет Корнфорт, они должны базироваться на точном знании законов и условий формирования, развития и смены социально-экономических формаций, а также на верном понимании организационных мероприятий, которые необходимы для реализации тех прогрессивных целей и замыслов, которые на эти предвидения опираются. Необходимы, разумеется, и твердые решения и воля их осуществить. Именно такими были исторические предвидения Маркса, Энгельса и Ленина, и они нашли свое блестящее подтверждение за последнее столетие человеческой истории,— имея в виду как законы — предвидения исторического материализма, так и более конкретные прогнозы, касающиеся социальных революций, результатов двух мировых войн, прогрессирующего ослабления капитализма, возникновения и утверждения содружества социалистических стран. Демагогия Поппера, желающего опорочить эти предвидения и отвергнуть факт подтверждения их жизнью,— это голос апологета капиталистического общества, которое утратило перспективы и страшится своего будущего.

Теоретически и практически значимы соображения Корнфорта относительно упреков по адресу исторического материализма в «холизме» («тотальности») его подхода к проблеме перестройки общества. Анализ ключевых отношений капиталистической социально-эконо-

мической формации привел Маркса к выводу, что только *коренное* изменение этих отношений влечет за собой действительную их прогрессивную перестройку. И вообще всякая наука развивается в этом смысле «холистично», она ищет *общие* и существенные законы, а значит, вскрывает *повторяемость* явлений в приблизительно одинаковых условиях. О повторяемости же в социальных процессах говорит уже то, что даже сама необратимость общественного развития и неповторимость тех же самых изменений, что произошли в одних странах, в абсолютно одинаковом их виде в других странах и на других континентах (то, что называют национальным своеобразием развития, и т. п.), *повторяется* неукоснительным образом.

Между прочим, «антихолистические» рассуждения Поппера крайне противоречивы: с одной стороны, он порицает марксистов за их «фатализм», то есть убеждение, что законы перехода общества от капитализма к социализму действуют неизбежно и в полном своем объеме, независимо от того, желают ли этого те или другие люди, а с другой — обвиняет в том, будто мы, марксисты, стремимся к установлению «тирании» вопреки реальным тенденциям общественного развития. Поппер опровергает сам себя и тогда, когда выдвигает известную генеральную схему гипотетико-дедуктивного современного научного знания: коль скоро науки все начинаются с проблем-гипотез и гипотетических *предсказаний*, нуждающихся затем в эмпирическом подтверждении, значит, этого пути не могут избежать и все те социальные дисциплины, существование которых он так или иначе признает.

Автор разоблачает всевозможные антикоммунистические измышления Поппера и извращения им истории строительства социализма в СССР, вскрывает ту прямую фальсификацию фактов, к которой нередко прибегает британский «аналитик»¹. Соответственно Корнфорт опровергает и доводы Поппера насчет того, что теперешний капитализм — это уже не капитализм. Наоборот,

¹ При рассмотрении истории и теории коммунистического движения автор допускает некоторые неточности в характеристике политических событий минувших лет. Нельзя, кроме того, согласиться с его определением социализма как «переходной стадии от капитализма к коммунизму». Такое определение невольно приуменьшает историческую роль социалистического общества.

в позднекапиталистическом обществе получили углубление все основные пороки и беды «классического» капитализма, и классики марксизма-ленинизма это предвидели. Очень метко показывает Корнфорт неосновательность попыток Поппера «доказать», будто эксплуатация и закон всеобщего капиталистического накопления потеряли свою силу в наши дни и положение пролетариата «улучшилось». Корнфорту приходится, правда, иногда возвращаться к тому, чтобы объяснить английскому читателю «азы» марксизма, но это он делает столь ярко и по-публицистски талантливо, что и эти страницы советский читатель изучит с пользой для себя, тем более что автор использует факты из жизни современной Англии, которую правящий в ней класс завел ныне в тупик.

Особый вопрос — о социальном смысле и последствиях современной научно-технической революции. Здесь автор высказывает ряд свежих мыслей и идей, направляя свои выводы против попперовой концепции «социальной инженерии», которая будто бы идет «в ногу» с новейшим научным прогрессом. Под «социальной инженерией» Поппер понимает «планирование и конструирование институтов с целью возможного сдерживания, регулирования или же ускорения предстоящего социального развития»¹.

В обрамлении туманных лжедемократических словес в лице пресловутой «социальной инженерии» Поппера перед нами выступает довольно пошлая *капиталистическая утопия*, своего рода запоздалый рецидив фабианских прожектов, но еще более расплывчатый и анахроничный. Это продукт панического страха «сэра Чарльза» перед действительными социалистическими преобразованиями в Англии, в которых ему мерещится «крах цивилизации». В набрасываемых им планах нет ничего от «регулирования или же ускорения», но мечта о «сдерживании» чувствуется в каждой его фразе! Он изображает коммунистов кровожадными людьми, которые якобы «радуются» страданиям трудящихся, исходя из того низменного расчета, что чем несчастнее народ, тем быстрее вспыхнет всеистребляющий бунт. В противовес этому Поппер розовой краской малюет картину

---

¹ К. Поппер, *The Poverty of Historicism*, London, 1960, p. 45.

неких «вдохновляющих» возможностей, которые будто бы таятся внутри буржуазного общества и ведут всех участников капиталистического производства к богатству, благоденствию и счастью...

Корнфорт показывает полное убожество и пустоту «социальной инженерии» Поппера. Крахом человечеству угрожает именно империализм, готовый ради сохранения своих позиций в третий раз бросить человечество в пекло всемирной войны. Новомодный «социальный инженер» совершенно извратил действительную позицию коммунистов в вопросе соотношения реформ и революции. На деле социалистическая революция есть альтернатива не всякой реформе, а только той, которая нацелена на поддержку и укрепление капитализма. Подлинное, а не обманчивое социальное проектирование возможно только на основе марксистско-ленинской теории общественного развития. Сохранению капиталистической эксплуатации противостоит только одна альтернатива — *уничтожение посредством социалистической революции всякой эксплуатации человека человеком.*

И наконец, теоретическая и практическая проблема свободы. В философском ее разрезе метафизик Поппер колеблется между фаталистическим отрицанием и полным непониманием этой проблемы, с одной стороны, и волюнтаристской апологией свободы, связанной со столь же ее глубоким непониманием. В социологическом ее аспекте он блуждает между толкованием свободы как анархического произвола и как совершенно формального и абстрактного права быть нескованным в экономической, политической и прочей деятельности, но непременно в рамках буржуазных отношений между людьми.

Корнфорт переносит всю эту проблему на действительную и совершенно конкретную почву, исходя из определения свободы Энгельсом как познаваемой и реализуемой необходимости и различая, вслед за Марксом, свободу «от чего» (от эксплуатации, угнетения и отчуждения, от безработицы, голода, расовой дискриминации и т. д.) и — на основе достижения таковой — свободу «для чего» (для творческого труда, счастливой, полноценной и радостной жизни, для беспредельного развития науки и искусств и т. д.). Он разоблачает лживость либеральной и лейбористской фразеологии и показывает, что требование совершенно неограниченной свобо-

ды абсурдно (это как будто наконец-то уразумел и Поппер), а лишённые подлинных гарантий права личности превращаются в пустую бумажку. Автор раскрывает изнанку фальшивых буржуазных «свобод» и лицемерие капиталистического образа жизни. Марксистский идеал свободы несравненно гуманистичнее и реальнее, чем идеал буржуазный, и он открывает двери в действительное «царство свободы» будущего, где коммунизм реализует огромнейшие и *качественно новые возможности*, доставляемые научно-технической революцией и только им, коммунизмом, во всей беспредельной полноте используемые на благо всех людей. Тогда «суровость гор и бездна межпланетного пространства не остановят движения человеческой свободы»¹, покоряющей окружающий нас мир,— движения, происходящего не вопреки необходимости, а на основе ее пронизательного осмысления и всестороннего познания.

* *
*

В итоге осуществленного Корнфортом исследования миф попперова «открытого» капиталистического общества развеян как жалкая внеисторическая иллюзия, не способная ни указать реальных перспектив, ни наметить путей к их достижению. Но за этим мифом вырисовываются мрачные черты вполне реального «закрытого» капитализма, на сохранении которого столь упорно настаивает Поппер и «открыть» который возможно только путем революционного его упразднения и перехода к подлинно «открытому» социалистическому и коммунистическому обществу безбрежных и светлых перспектив. Антисоциалисты — вот враги этого воодушевляющего будущего, и писания их теоретического лидера, которому реакционный классовый интерес закрывает очи разума, Морис Корнфорт своей книгой убедительно заклеил и опроверг.

И. Нарский

---

¹ Настоящее издание, стр. 425.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Цель этой книги — обсудить основные идеи марксистской философии и их значение для социальной теории и социалистической политики. Моя исходная посылка состоит в принятии марксизма как научного в своей сущности воззрения, которое стремится к разработке и проверке идей и политики во всех областях в соответствии с канонами рационального обсуждения и никак иначе.

Книга построена в форме ответов на критику марксизма. Из всех критиков я выбрал одного, д-ра Карла Поппера, и ему отвечаю. Я сделал это потому, что все критические замечания д-ра Поппера в адрес марксизма основываются на его утверждении, что марксизм есть не что иное, как система догм, так что его аргументы против марксизма предоставляют благоприятную возможность для ответа и для доказательства, что марксизм, напротив, является рациональной научной дисциплиной.

Есть определенный смысл для марксиста рассмотреть критику марксизма д-ром Поппером не только потому, что он, может быть, наиболее известный из наших современных критиков, и не только потому, что его критика обладает наибольшим мастерством и силой, но и потому, что насколько я могу судить, его возражения против марксизма включают практически все основные пункты, вокруг которых ведутся споры в наши дни. Конечно, некоторые из его аргументов (например, те, что направлены против «Капитала» Маркса или против тео-

рии и практики социалистического экономического планирования) заимствованы из аргументов, ранее выдвинутых другими критиками. Однако я предпочел иметь дело только с Поппером, чтобы не загромождать обсуждение ссылками на работы других авторов, которые высказывали подобные аргументы до или после него. Аргументы д-ра Поппера против марксизма касаются всех сторон последнего, и давно пора, чтобы на них кто-нибудь попытался подробно ответить.

Сам д-р Поппер занимает прочное положение в современной литературе как выразитель принципов научного метода. Его вкладом в эту область является прежде всего его знаменитая книга «Logik der Forschung», а также многочисленные статьи в английских и американских журналах, оказавших и продолжающих оказывать большое и благотворное влияние на современную мысль. Мне хотелось бы подчеркнуть, что я не собираюсь критиковать или отвергать все, что д-р Поппер сказал о науке или об обществе. Напротив, я многое принимаю и со многим соглашаюсь. Эта книга представляет собой не полемику с д-ром Поппером, а ответ на его полемику с марксизмом. Я стремлюсь только ответить на его нападки и (как будет показано ниже — это часто самое подходящее слово) клевету на марксизм, чтобы прояснить по мере моих возможностей, за что в действительности выступает марксизм, а также показать, что рациональный и научный подход к социальным проблемам (которого требует д-р Поппер) подтверждает правоту марксизма.

Д-р Поппер популяризировал в социологии и политике слово «открытый». Я позволил себе позаимствовать у него это слово для заглавия настоящей книги и для тематики ее содержания. Общество является «открытым», когда ничто не препятствует индивидам, если они того хотят, в полной мере развивать свои способности и индивидуальность и когда социальные институты организованы таким образом, что их можно изменять и совершенствовать по решению членов общества в направлении, которое будет способствовать более полной и свободной жизни индивидов. С другой стороны, общество является «закрытым», когда члены общества обременены правилами, инструкциями, условностями и предрассудками, которые ограничивают их выбор и

навязывают им образ жизни, строго установленный предписаниями, которые нельзя изменять.

Открытое общество и прогрессивное движение к открытому обществу (так утверждает д-р Поппер, и я согласен с ним) требуют открытого образа мышления, характеризующегося рациональностью в противоположность слепой вере в догмы. Открытое общество нуждается в таком мировоззрении, которое отвергает догмы и судит о вещах только на основании фактов и всегда готово внести поправки в ранее сделанные выводы, если опыт покажет их ошибочность. Это я осмелюсь назвать «открытой философией».

Д-р Поппер упрекает марксизм в том, что он является закрытой философией, системой догм, которую он называет «усиленным догматизмом». И неизбежно, по его утверждению, что марксистские догмы предписывают соответствующее «закрытое» поведение в общественной жизни — навязывая обществу правила, инструкции, тиранию обычаев, усиленную политической тиранией, которая надежно закрывает для индивидов и для общества в целом все пути свободного развития.

Но может возникнуть вопрос, является ли общество действительно «открытым», когда общественное производство направлено на обеспечение накопления капитала на основе прибавочной стоимости, а получение прибылей и привилегий одними зависит от эксплуатации труда других? И может ли разум человека быть действительно «открытым», если он не в состоянии увидеть, что именно таково положение вещей в современном капиталистическом обществе или что возможности прогресса открываются перед человечеством, только если покопаться с эксплуатацией человека человеком? Вопреки утверждению, будто марксизм является системой догм, препятствующих свободе мышления и попыткам разума определить, как лучше добиться свободы и братства людей, марксизм делает мышление строгим и точным, чтобы подготовить наши умы к оценке вещей такими, каковы они есть, а также к оценке практических возможностей изменения их к лучшему.

Открытый способ мышления — это такой способ мышления, в основе которого лежат очевидные принципы, помогающие раскрыть суть вещей, который стремится определить истинные условия нашего материального

существования и необходимые условия их изменения и который поэтому закрывает путь к искажениям и догмам и раскрывает истинные возможности человеческой жизни. Вот почему я назвал философию марксизма «открытой философией», а коммунистическое общество, к которому марксизм обращает наши взоры,— «открытым обществом».

Большая часть этой книги полемична — не только потому, что я вступаю в полемику с противниками марксизма, но и потому, что самому марксизму свойственна полемичность. Когда отвечаешь на нападки противников марксизма, особенно на такие, которые выдвигает д-р Поппер, утверждающий, что марксизм — это догма, а политика, защищаемая им, является политикой диктатуры и тирании, неизбежно возникает дискуссия, как это бывает и среди друзей. В этой связи я хотел бы, заканчивая это предисловие, выразить особую благодарность Р. Палму Датту, прочитавшему большую часть этой книги в том виде, в каком я впервые набросал ее. Разумеется, я один несу ответственность за точку зрения, которую я высказываю, и за те неясности и ошибки, которые могут быть обнаружены в книге. Однако своими критическими замечаниями он помог мне сделать несколько пунктов более ясными и, я думаю, более убедительными, чем они были бы в противном случае.

Лондон, октябрь, 1967

К ОТКРЫТОЙ ФИЛОСОФИИ

Глава I

НАУЧНЫЙ ХАРАКТЕР МАРКСИЗМА

1. МАРКСИЗМ В СТРАНЕ ЧУДЕС

Тогда говори то, что ты думаешь»,—предложил Мартовский Заяц Алисе на безумном чаепитии. «Я это и делаю»,—ответила Алиса. «По крайней мере я думаю, что говорю,—это, знаете ли, одно и то же». «Совсем не одно и то же!»—возразил Шляпочник.

Пространные изложения и опровержения марксизма у д-ра К. Поппера ставят марксистов в такое же затруднительное положение, в какое Шляпочник поставил Алису. Независимо от того, что мы говорим, он берется сказать за нас, что мы думаем, а затем показать, что это абсурдно.

Д-р Поппер считает марксизм «усиленным догматизмом». И имея с ним дело, он изобретает метод усиленного опровержения. Он сам говорит о том, что марксизм имеет в виду, и затем показывает, насколько это ошибочно. Если марксист возражает: «Но это не то, что мы говорим!»—он отвечает: «Это то, что марксизм имеет в виду». Как можно ответить на такое опровержение? Как говорит д-р Поппер в предисловии ко второму изданию своей книги «Открытое общество и его враги», его «критика уничтожающая».

Его изложение, толкование и опровержение марксизма основываются на предпосылке, что марксизм по существу своему ненаучен. Насколько ненаучен марксизм, он показывает в своей книге «Открытое общество и его враги», в которой он сначала излагает и разоблачает учения Платона и Гегеля, а затем предупреждает

читателя: «Марксизм подобен *им*». Таким вступлением он создает у читателя предвзятое отношение и хорошо подготавливает его к окончательному разоблачению марксистских догм.

Однако Маркс не следовал слепо по стопам Платона и Гегеля, а разработал основы научной теории человеческого общества. Это то, что, по его словам, он старался сделать, и это то, что он сделал. Марксизм — это наука. И заслугой Маркса было применение научных методов к изучению общества и решению социальных проблем. Тем самым Маркс оказал большую услугу рабочему движению, так как его научная теория а) раскрыла характер и показала последствия эксплуатации труда в современном обществе; б) сформулировала практическую цель ликвидации эксплуатации и ее последствий и в) выработала принципы практической политики для достижения этой цели. Только применение, и последовательное применение, научного метода позволило Марксу и марксистам выработать то новое понимание задач и целей, которые стоят перед рабочим движением.

Быть или не быть марксизму зависит от того, может он или нет оправдать свои научные принципы. Но если марксизм есть наука, как он это утверждает, то в нем должен найти отражение общепризнанный характер научности теорий и взглядов, а именно, он не может претендовать на окончательную завершенность и полноту, а должен пополнять свои выводы и рекомендации, модифицировать, уточнять их в соответствии с приобретаемым опытом и возникающими новыми проблемами. Марксист — это, разумеется, последователь Маркса, а марксизм — это *продолжение* труда Маркса в развитии научной теории рабочего движения и социализма. Однако когда марксисты пытаются продолжить научное развитие марксизма (а это предполагает не только расширение и разработку, но и исправление), наши критики говорят нам: «Стоп! Марксизм не наука, и его нельзя развивать».

Д-р Поппер сам много написал о научном методе, в частности в своей книге «*Logik der Forschung*» и в статьях, собранных в работе «*Conjectures and Refutations*». Его вклад в решение этого вопроса весьма значителен и глубок, и, если я осмелюсь предположить, что

он еще не сказал последнего слова (и он сам, я надеюсь, едва ли претендует на это), это несколько не умаляет ценности, значения и оригинальности того, что он сделал. Отвечая на его опровержение марксизма, я понимаю, сколь многим мы ему обязаны. Мы обязаны ему прежде всего тем, что положения, которые он высказал о «логике научного открытия», оказывают большую помощь в формулировании и объяснении действительных научных методов марксизма. Во-вторых, его попытки сказать, что мы думаем, по меньшей мере помогают понять, чего мы не думаем. Что касается нас, мы говорим то, что думаем, а также (что, по-видимому, д-ру Попперу, подобно Мартовскому Зайцу и Безумному Шляпочнику, трудно понять) мы думаем то, что говорим. Мы говорим, что марксизм основан на научных методах и может существовать только на этой основе. И мы так думаем!

2. МОЖНО ЛИ ОПРОВЕРГНУТЬ МАРКСИЗМ?

В своих работах о научном методе д-р Поппер останавливался на вопросе о критериях разграничения научных теорий, с одной стороны, и ненаучных (псевдонаучных или метафизических) теорий, с другой. Общеизвестно, что теория является научной лишь в том случае, если она может быть *проверена* опытом. Он подчеркивал, что возможность быть проверенной означает возможность *оказаться ошибочной*. Таким образом, недостаточно указать типы примеров, которые могут *подтвердить* теорию, необходимо указать также, какого рода примеры могли бы ее *опровергнуть*. «Критерием научности теории является возможность ее опровержения»¹.

Это важное положение можно оценить, если понять, что, предпринимая проверку, необходимо допускать возможность ее *провала*. Если имеется только смутное представление о том, что требуется проверка, но нет ясного представления о том, что принесет провал, тогда можно подтасовать результаты проверки и такая проверка не имеет смысла. Или, если проверка задумана

---

¹ К. Поппер, *Conjectures and Refutations*, London, 1963, p. 37.

так, что проверяемое обязательно выдержит ее, тогда это вообще не является проверкой. Это, настаивает д-р Поппер, касается научных теорий. «Легко получить подтверждения почти для каждой теории, если мы ищем подтверждений. Всякая истинная проверка теории есть попытка ее фальсифицировать или опровергнуть. Способность подвергаться испытанию подразумевает возможность ее опровержения»¹.

Вполне возможно, как отмечал д-р Поппер и другие, что некоторые искусные теории маскируются вывеской науки, хотя в действительности они являются ненаучными, и это потому, что они построены так, что их невозможно опровергнуть. Они построены так, что, *что бы* ни случилось, это соответствует данной теории, и *ничто* поэтому не может ее опровергнуть.

Было высказано предположение, что таковы некоторые теории Фрейда. Фрейд утверждал, что каждый мужчина хочет убить своего отца и жениться на своей матери. И если человек возражает, что он вовсе не хочет этого, Фрейд отвечает, что он, разумеется, не осознает свое желание, так как оно подавлено. И вообще, все, что человек сознательно хочет и делает, можно *всегда* связать с его подсознательным эдиповым комплексом. Но это выводит фрейдовскую теорию за границы науки. Это не научная, а псевдонаучная теория. Это «усиленный догматизм», построенный таким образом, чтобы не оставалось возможности «фальсифицировать», или опровергнуть, его.

Эти соображения подсказали д-ру Попперу счастливую мысль осуществить окончательное опровержение марксизма. Кое-кто давно тщетно пытался подобрать факты, которые бы опровергли социальные теории Маркса. Не удивительно, что это не увенчалось успехом, ибо эти теории придуманы таким образом, чтобы их невозможно было опровергнуть, а это-то и опровергает их.

Если бы марксистские социальные теории *были* непроверяемыми в этом смысле, тогда они действительно были бы ненаучными. Но тот факт, что теория не была опровергнута, не означает, что она ненаучна. Например, общепризнано, что закон сохранения энергии

---

¹ К. Поппер, *Conjectures and Refutations*, p. 36.

(первый закон термодинамики) является истинным и хорошо проверенным научным законом; но он не был опровергнут. Мы хорошо можем себе представить, что могло бы произойти, если бы не действовал закон сохранения энергии; но он действует и ничего такого не происходит. Точно так же мы легко можем себе представить, что произошло бы, если бы перестали действовать основные законы общественного развития, сформулированные Марксом; но они действуют, и ничего подобного не происходит. К несчастью для опровергателей, марксизм *не* неопровержим. Но его основные законы, как и законы термодинамики, соответствуют действительному положению вещей. То, что они запрещают, никогда не происходит.

Д-р Поппер справедливо замечает, что «каждая «хорошая» научная теория представляет собой запрещение: она запрещает случаться определенным событиям»¹. Таким образом, «хороший», или «истинный», научный закон в отличие от псевдонаучного можно всегда выразить в следующей форме: «Это и то не может произойти». Например, первый закон термодинамики говорит нам: «Вы не можете построить машину с вечным двигателем», а второй закон — «Вы не можете построить машину с к. п. д. в 100%». Этот способ выражения законов хорошо передает их практическое значение. Таким образом, законы термодинамики информируют инженеров-машиностроителей о пределах практических возможностей, в рамках которых они могут действовать (и действительно, эти законы были открыты в связи с сооружением паровых двигателей). Двигатель не может работать без топлива, и задача конструктора состоит в том, чтобы построить двигатель, в котором энергия топлива будет наиболее эффективно превращаться в работу. Это открывает очень большие, но не неограниченные возможности для сооружения двигателей. Конечно, если бы кто-нибудь изобрел двигатель, который работал бы без топлива или характеризовался бы 100-процентным к. п. д. (это был бы какой-то фантастический двигатель), то он опроверг бы законы термодинамики и инженеры вынуждены были бы в корне изменить свои

---

¹ К. Поппер, *Op. cit.*, p. 36.

представления. Никто не думает, что это может случиться, но это можно вообразить (то есть это может быть описано в фантастических рассказах). Таким образом, законы термодинамики могут быть опровергнуты, но они не опровергнуты. Поэтому, разумеется, они и считаются очень «хорошими» законами.

Сформулированные Марксом основные законы, управляющие общественным развитием, аналогично «запрещают случаться некоторым событиям». Они гласят, что между производительными силами и производственными отношениями всегда должно быть определенное соответствие. Это допускает возможность осуществления всякого рода событий в рамках этого соответствия, но отрицает возможность выхода из этих рамок. Поэтому с точки зрения общественной деятельности, или, как называет д-р Поппер, «социальной инженерии», происходит подразделение на то, что возможно, и то, что невозможно. Например, можно использовать все ресурсы современной техники в интересах благосостояния человечества, но не без перестройки отношений собственности в соответствии с общественным характером производства — нельзя сочетать такое использование ресурсов с капиталистической собственностью и капиталистической прибылью. То, чему марксизм «запрещает случаться», можно *представить* как случившееся — например, во многих демократических странах основные политические партии устраивают парад таких «представлений» на каждом выборах; но это никогда не случается в действительности. Если бы непрерывное экономическое развитие можно было бы совместить с капиталистическим предпринимательством и капиталистической прибылью, то теория Маркса была бы опровергнута — аналогично тому, как были бы опровергнуты законы термодинамики, если бы была построена машина с вечным двигателем.

«Социальная инженерия», которая рассматривает марксизм как усиленный догматизм, таким образом, находится на одном уровне с такой обычной инженерией, которая считала бы законы термодинамики усиленным догматизмом. Д-р Поппер утверждает, что каждый настоящий ученый всегда стремится проверить свои теории любым возможным способом и направляет свою энергию на изобретение разного рода опровержений.

Такой взгляд на научную работу упускает из виду тот факт, что научная позиция также требует руководства практической работой в соответствии с научными открытиями. Д-р Поппер, по-видимому, считает, что научная позиция в отношении социальных открытий, сделанных Марксом, требует непрерывного испытания всех средств в надежде опровергнуть законы, сформулированные Марксом. Отсюда следует, что научно мыслящий человек должен стараться сохранить капитализм, чтобы увидеть, нельзя ли опровергнуть законы, открытые Марксом. Марксист, который, признавая законы, рекомендует уничтожение капитализма, является-де просто-напросто догматиком и лишен всякого представления о путях развития науки. Но это равносильно тому, чтобы предложить химикам заниматься алхимией в надежде опровергнуть законы химии, а инженерам — посвятить все свои силы конструированию вечных двигателей.

Но д-р Поппер формулирует свои возражения против марксизма также и в следующих отношениях. Марксизм запрещает некоторым событиям случаться, но тем не менее *некоторые* события, которые он запрещает, *случаются*. В этом случае марксисты допускают, что сделали ошибку, но говорят, что все равно «основы» теории не опровергнуты. Это показывает, говорит д-р Поппер, что эта теория есть не что иное, как усиленный догматизм. Она сформулировала свои «основы» таким образом, что они не могут быть опровергнуты. Научная теория не боится испытаний, а ненаучная избегает любой проверки.

Д-р Поппер и другие ссылались на русскую революцию, чтобы подтвердить это положение. Да, Маркс утверждал некогда, что социалистическая революция начнется в самых развитых индустриальных странах. Он «запрещал» революции начаться где-либо в другом месте, но в действительности она началась в России. И когда это предсказание (или запрещение, поскольку всякое предсказание есть запрещение чего-либо другого) не оправдалось, марксисты объяснили это тем, что были недооценены некоторые специфические черты социального развития в отдельных странах; революция началась в России потому, что «цепь была прорвана в ее самом слабом звене».

Подтверждает ли беспристрастный анализ этого примера, что марксизм является усиленным догматизмом? Напротив, марксизм допускает возможность некоторых ошибок. И действительно, марксисты легко могут объяснить, почему революция началась в России. Но если бы она началась, скажем, на Дальнем Востоке или в Центральной Африке или если бы она вообще никогда не произошла, это было бы невозможно объяснить и это опровергло бы марксизм. Но революция началась, и началась там, где марксизм допускал возможность ее начала. Фактически сам Маркс в своих последних письмах писал, что наблюдения привели его к выводу, что едва ли революция может начаться в развитых индустриальных странах. События в этих странах развивались таким образом, что отодвигали начало революции, которую он прежде ожидал, в России же события приближали ее. Маркс подходил к этим вопросам с позиции научного мыслителя, готового пересмотреть ранее выдвинутые положения в свете новых фактов, но не отбрасывать теоретические основы науки каждый раз, когда необходим такой пересмотр.

Точно так же после второй мировой войны, когда в Великобритании в течение многих лет наблюдалась полная занятость рабочей силы, что противоречит утверждениям Маркса, что капитализм всегда создает «резерв» безработных, английские марксисты не пришли в результате этого к выводу, что марксистская теория капитализма и социализма опровергнута, но отнесли это за счет определенных специфических условий, временно существовавших в Великобритании.

Ученые обычно считают, что если предсказания, сделанные в свете общей теории, оказались ошибочными и для «спасения» теории предложены «дополнительные гипотезы», то сама теория тем не менее должна быть отвергнута, если *единственным* доводом для выдвижения дополнительных гипотез является сохранение этой теории. Так, например, старая Птолемея теория о движении планет по круговым орбитам вокруг Земли оказалась в противоречии с наблюдениями, и для ее «спасения» был выдвинут постулат о неравномерности, или эпицикличности, движения планет. Однако, поскольку единственным основанием для выдвижения этого постулата было стремление спасти теорию, ученые при-

шли к общему мнению, что наблюдения опровергли теорию Птолемея.

Говорят, будто таким же образом «спасают» марксизм в тех случаях, когда наблюдаются отклонения от его предсказаний. Но в действительности изобретение дополнительных гипотез никогда не было присуще марксизму. Например, для объяснения полной занятости рабочей силы в Великобритании мы не изобретаем дополнительной гипотезы — нечто вроде экономического эпицикла. Мы просто изучаем факты, которые в действительности не выходят за границы возможностей, допускаемых общей теорией марксизма, а находятся в рамках предвидимого и объяснимого этой теорией. Аналогичным образом обстоит дело с русской революцией.

«Спасение» марксизма в этих случаях интересно сопоставить с другим примером из теории движения планет. После того как теория Птолемея была опровергнута законами Кеплера, были обнаружены некоторые отклонения в движении планеты Уран, которые не согласовывались с предсказаниями, сделанными на основе этих законов. Тогда было высказано предположение, что имеется другая планета, о существовании которой прежде не знали и влияние которой объясняет эти отклонения. И действительно, такая другая планета (которая сейчас называется Нептун) была обнаружена с помощью телескопа в указанном направлении — так законы Кеплера были «спасены», поскольку они не «запрещали» существование другой планеты, а допускали его. Точно так же обстоит дело и с марксизмом: когда имеют место социальные «отклонения» (такие, как русская революция или полная занятость рабочей силы в Великобритании), мы ищем и находим причины этих «отклонений».

3. ОСНОВЫ МАРКСИСТСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Можно ли сказать, как утверждают марксисты, что «основы» марксистской социальной теории остаются непровержимыми, даже если некоторые частные предсказания событий не подтверждаются? Является ли недостатком теории, если она построена на таких осно-

вах, что ей соответствует довольно широкий круг возможных событий? Если это так, то не только марксизм, но также и ряд других теорий, признанных научными, должен быть отнесен к категории псевдонаучных. Всегда существует опасность, что некоторые предвидения ученых не сбудутся, однако в таких случаях они стараются дать объяснение случившемуся, не выходя за рамки своих теорий; таков путь развития теорий.

Чтобы решить вопрос, является ли марксизм научным или псевдонаучным, следует начать с изучения основных положений марксистской социальной теории и выяснения того, каким путем Маркс к ним пришел.

До того как Маркс сформулировал эти научные положения, социальные явления обычно объяснялись намерениями и побуждениями людей, а структура общества и его институты — господствующими идеями. Основной недостаток такого подхода к социальным явлениям состоит в том, что им можно объяснить любой ход событий. Люди всегда имеют какие-либо намерения, и, что бы ни произошло, это всегда можно объяснить, сказав, что такие-то люди действовали, имея такие-то намерения, если случившееся совпадает с их намерениями, хорошими или плохими; если же случившееся не совпадает с их намерениями, это можно объяснить их просчетом либо тем, что этому помешали другие люди с другими намерениями. Более того, поскольку практически невозможно с уверенностью определить намерения людей, им можно приписать любые намерения, соответствующие случившемуся, и таким образом объяснить случившееся. Подобно этому, каковы бы ни были структура общества и его институты, всегда можно сказать, что они возникли потому, что какие-то люди видят в них лучший путь для разрешения социальных проблем, или потому, что реализация хороших намерений одних людей была сорвана другими. Такая теория (определяемая Марксом как «идеалистическая», поскольку, согласно ей, намерения и идеи являются основной движущей силой в обществе) может считаться ненаучной по критерию, предложенному д-ром Поппером для определения научной и ненаучной теорий. Основным недостатком подобной теории является то, что она оставляет открытым вопрос — чем объяснить, что разные люди имеют различные намерения и идеи и

почему одни намерения и идеи реализуются успешнее других?

Сформулированные Марксом основные положения социальной науки положили конец такому ненаучному подходу к объяснению событий, точно так же, как были опровергнуты ненаучные теории в других науках, когда были сформулированы основные положения этих наук. Например, прежняя физика, идущая от Аристотеля, объясняла физическое движение по принципу, что каждое тело ищет свое естественное место и изменяется в соответствии с присущими ему потенциальными возможностями к изменению. Как показали Галилей, Ньютон и другие, такие теории ничего не объясняют, потому что они могут объяснить все. Так, теория первоначального творения биологических видов ничего не объясняет, потому что она может объяснить все, ведь любую форму жизни она может объяснить тем, что это входило в первоначальный замысел Создателя.

Д-р Поппер отмечал, что научные теории не возникают в результате так называемой «индукции» из многочисленных наблюдений, а создаются в результате постановки *вопросов* и ответов на них — ответов, которые затем проверяются всеми возможными способами. Однако из этого он не сделал вывода (который мог бы сделать), что создание фундаментальной теории или руководящих принципов для любой области знаний всегда зависит от того, кто ставит эти вопросы. Гений великих новаторов в науке состоит в правильной постановке вопросов. Когда это сделано, ответы, как правило, очевидны. Теория Маркса возникла в результате постановки им вопроса об обществе.

Что является основным вопросом, на котором строится социальная теория Маркса? Теорию нельзя понять, пока не поймешь этого вопроса, и вот почему многие люди (включая и д-ра Поппера) не могут понять ее и утверждают, что она имеет в виду то, чего она вовсе не имеет в виду.

Наблюдая многочисленные явления общественной жизни (как современные, так и исторические) и пытаясь охватить их в своей теории, Маркс *не* задавал вопроса, «чем объяснить все эти явления?». Действительно, вопрос в форме «чем объясняются все эти явления?» *никогда* не может служить ключом к созданию

фундаментальной научной теории. Конкретные явления нужно объяснять конкретными исследованиями, руководствуясь научной теорией, которая полностью отличается от теории, созданной заранее, чтобы объяснить все возможные явления. Не будучи ключевым вопросом науки, вопрос «чем объясняется все?» является именно тем самым вопросом, который обычно приводит к псевдонауке: проявляя готовность объяснить все, он не объясняет ничего. Марксу часто приписывали, что в противовес псевдонаучной теории о том, что идеи объясняют все, он выдвинул конкурирующую псевдонаучную теорию о том, что все объясняется экономическими интересами. Этого он не делал, и Маркс и Энгельс часто и настойчиво указывали на данное обстоятельство.

Ключевой вопрос, который задал Маркс, является простым и хорошо продуманным: *«Каковы условия существования общества любого типа?»* Ответ на этот вопрос очевиден. Условием существования любого общества является необходимость объединения людей для производства материальных средств к жизни. Положение, что, *для того чтобы участвовать в какой-либо форме в социальной деятельности, люди должны прежде всего объединиться для производства средств к существованию*, было основным положением, которое лежит в основе марксовой науки об обществе.

Придя к этому положению, Маркс затем смог сформулировать *основные понятия*, с помощью которых можно определить способ производства. Такими понятиями являются *производительные силы и производственные отношения*. Для того чтобы производить средства к существованию, люди должны совершенствовать инструменты и орудия труда, приобретать навыки и знания для их использования — и все это является их производительными силами. Для использования этих производительных сил они должны вступать в общественные производственные отношения. Люди «не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью, — писал Маркс в работе «Наемный труд и капитал». — Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений... имеет место

производство»¹. Производственные отношения, таким образом,— это отношения между отдельными людьми, поскольку «они обмениваются своей деятельностью и участвуют в совокупном производстве»². Они включают отношения собственности, в которые люди вступают, владея средствами производства и присваивая и распределяя продукты труда, и определяют экономическую структуру общества и деление его на классы.

Придя таким образом к заключению, что условием социальной жизни является то, что люди включаются в способ производства, то есть вступают в определенные производственные отношения для использования определенных производительных сил, Маркс перешел к созданию *общей гипотезы* о пути развития общественной жизни — ее можно назвать общим законом общественного развития. Он гласит, что *люди всегда должны приводить свои производственные отношения в соответствие с характером производительных сил* и создавать такие идеи и общественные институты, которые позволили бы им сделать это.

Эта теория (известная как «исторический материализм» и здесь изложенная в самой общей и упрощенной форме) послужила Марксу (как он сказал в предисловии к работе «К критике политической экономии») «руководящей нитью в... дальнейших исследованиях»³. Это значит, что при изучении любой частной фазы общественного развития, прошлой или настоящей, он рассматривал, каковы были производительные силы и производственные отношения и как обосновывались идеи и действия общественных институтов, которые позволяли приводить производственные отношения в соответствие с производительными силами. В то же время этот метод позволял устанавливать главные направления общественной деятельности и их взаимодействие, определять существующие возможности и возможные направления социальных изменений, а также их границы.

Такое исследование, разумеется, должно быть эмпирическим, как любое научное исследование, ибо всегда

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 6, стр. 441.

² Там же.

³ Там же, т. 13, стр. 6.

необходимо установить факты, ибо они не могут быть выведены из общей теории. Общая теория, подобно любой «хорошей» научной теории, направляет исследователя, указывая ему *что искать*, она не сообщает ему заранее, что он найдет. Очевидно, с одной стороны, что исследователь может допустить различные ошибки (например, проглядеть определенные события, имевшие место, или принять одни события за другие), но не ошибки, опровергающие общую теорию. Однако обращение к общей теории поможет ему исправить такие ошибки. А с другой стороны, общая теория является достаточно общей и «гибкой», чтобы допустить широкий диапазон возможных вариантов развития, не рискуя быть опровергнутой. Напротив, в данной ситуации теория допускает множество альтернативных возможностей и, что бы ни случилось, она может найти объяснения этому и проследить развитие случившегося.

Общая теория марксизма проверяется, когда она применяется к определенным событиям или к последовательности событий. И до сих пор эта теория не была опровергнута, а наоборот, подтверждалась. Как я указывал ранее, это не делает ее неопровержимой. Некоторые явления, несомненно, могли бы ее опровергнуть, однако они не наблюдаются — например, общество каменного века, управляемое парламентарным правительством и проводящее дискуссии о правах человека, или успешно управляемый капитализм.

Методология, с помощью которой Маркс пришел к своей теории социального развития, точно такая же, которую использовал Дарвин при создании теории эволюции видов путем естественного отбора. Энгельс отметил это в своей речи на похоронах Маркса, сказав: «Подобно тому как Дарвин открыл закон развития органического мира, Маркс открыл закон развития человеческой истории...»¹. Примечательно, что Маркс и Дарвин опубликовали свои основные выводы с интервалом лишь в несколько лет и каждый работал независимо друг от друга, применяя одну и ту же научную методологию в своих областях исследования.

Теория Дарвина строится на основной предпосылке, что каждый живой организм существует, приспособли-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 350.

ваясь к среде, из которой он усваивает все, что требуется ему для жизни. И это, по мнению Дарвина, является всеобщим условием существования живых видов, так же как Маркс считал, что общественное производство является всеобщим условием существования человеческого общества. Выдвинутое Марксом положение, что человеческое общество существует благодаря общественному производству средств жизни, было, по существу, применением к людям более общих положений о всех живых организмах, выдвинутых Дарвином. От животных людей, как указывал Маркс, отличает то, что они удовлетворяют свои потребности посредством общественного производства; в результате этого появляется человеческая речь и общественная и интеллектуальная жизнь, благодаря чему люди выделяются из остальной живой природы. Таким образом, эволюция человека является не биологическим, а социальным процессом. Люди приобретают и удовлетворяют свои новые потребности не благодаря каким-либо изменениям органов тела, а путем совершенствования производительных сил; и вместе с этим меняются образ их общественной жизни и индивидуальные привычки.

Выдвинув свое основное положение, Дарвин сформулировал общую гипотезу естественного отбора. Точно так же, выдвинув свое основное положение, Маркс сформулировал общую гипотезу о соответствии производственных отношений характеру производительных сил. Дарвин в своей работе собрал и проанализировал огромное количество данных, подробно проиллюстрировав ими свою гипотезу. Кроме того, исходя из общей теории, он объяснил и все очевидные аномалии. Маркс в своей работе сделал то же самое. Он применил аналогичную научную методологию; и если отвергать исторический материализм как псевдонаучный, то так же следует поступить и с теорией эволюции видов путем естественного отбора.

Установление аналогии в научной методологии эволюционных теорий Маркса и Дарвина не отменяет критики, которой Маркс подверг некоторые дополнительные аспекты теории Дарвина. К общей теории естественного отбора Дарвин добавил понятие, которое он заимствовал у Мальтуса,— о «борьбе за существование» и «выживании сильнейших». Маркс критиковал

эти дополнительные положения в теории Дарвина. Сейчас почти всеми признано, что эти положения ошибочны, и ныне теория Дарвина не сохранилась в своем первоначальном виде. Но «основы» дарвиновской теории эволюции путем естественного отбора сохранили свое значение.

Теории Маркса, разумеется, недостает «точности» характеристик, присущей наукам, имеющим дело с физическими и химическими явлениями. Так, обобщения и законы, изложенные в его теории, не сформулированы в количественных выражениях. Из-за этого теорию Маркса упрекают в ненаучной неопределенности. Но опять же если из-за этого считать теорию Маркса ненаучной, то и теорию Дарвина также следует считать ненаучной. Однако ни один здравомыслящий человек не может требовать, чтобы все обобщения, касающиеся социальной и биологической эволюции, были даны в количественной форме, свойственной законам механики и термодинамики.

Стоит заметить, однако, что, несмотря на эти различия, в «точных» науках для создания основной теории используется та же методология, которая, как показано выше, была использована Марксом и Дарвином при создании социальной и биологической теорий. Например, в основе фундаментальной теории механики лежит идея, что условием существования любого тела, находящегося в движении относительно других тел, является то, что на движущееся тело воздействуют внешние силы. Исходя из фундаментальной идеи, были разработаны основные понятия: «масса», «сила», «инерция», «энергия» и т. д., с помощью которых были сформулированы основные законы механики — это соответствует основным (но в данном случае неколичественным) понятиям: «производственные отношения» и «производительные силы», сформулированным Марксом.

Тщательное изучение основных идей Маркса об обществе раскрывает их научный характер. Неспособность д-ра Поппера понять этот факт показывает, что он не способен понять больше одного-единственного аспекта научной методологии, о чем свидетельствует опубликованная им работа по научному методу. Он говорит, что наука развивается, выдвигая «предположения», в которых заключена возможность их «опровер-

жения», а затем изобретая различные способы такого опровержения. До сих пор наука развивалась именно так. Однако научная теория является не просто собранием предположений, которые могут быть опровергнуты и различным образом пересмотрены или заменены другими, если доказывается их ошибочность. Всякая хорошо развитая наука опирается на свою основную теорию, которой она руководствуется. Эту черту науки д-р Поппер никогда не рассматривал, возможно, потому, что он не доверяет таким выражениям, как «основная теория», поскольку он считает, что от них веет духом псевдонаучной метафизики.

Этот недостаток становится очевиден, когда д-р Поппер, сказав, что «всякая «хорошая» научная теория... запрещает случаться некоторым событиям», добавляет: «Чем больше запрещает теория, тем она лучше»¹.

Высказывая суждения о том, как определить, насколько «хороша» научная теория, д-р Поппер, вероятно, имел в виду примеры, подобные зоологическим утверждениям, а именно: «Орлы не ловят мух». Это утверждение является истинным и достоверным, но его научная ценность как одного из положений зоологии очень мала. Оно просто «запрещает» орлам ловить мух и разрешает делать что-то другое. Но «хорошее» научное определение орлов должно быть более точным в вопросе о том, что запрещено и разрешено делать этим птицам. То, что, бесспорно, относится к положениям научной теории о каком-либо явлении, не относится к тем наиболее общим теориям и законам, которые в силу своей обобщенности служат основами для всей научной теории, имеющей дело с целым классом явлений (биологических, физических, химических, социальных и т. п.). Например, первый и второй законы термодинамики просто «запрещают» энергии не сохраняться, а энтропии не увеличиваться; в пределах этих запрещений они разрешают чему-то совершаться. Точно так же теория Дарвина просто запрещает биологическим видам и разновидностям выживать долгое время, если они не приспособились к окружающей среде (очень либеральное запрещение); аналогичным образом марк-

---

¹ К. Поппер, *Conjectures and Refutations*, p. 36.

систская теория просто запрещает обществу развиваться, не приводя производственные отношения в соответствие с характером производительных сил. Эти законы и теории не были бы «лучше», если бы они больше запрещали. Напротив, они не были бы очень хорошими, если бы запрещали слишком много.

Что, по-видимому, упустил д-р Поппер в своих высказываниях о запрещениях и опровержениях, так это значение *абстрагирования* и *обобщения* в научной теории. Задача «фундаментальной» теории заключается в абстрагировании необходимого или общего условия существования изучаемого явления и формулировании соответствующих обобщений. Такая фундаментальная теория, очень абстрактная и очень общая, не удовлетворяет и не может удовлетворять принципу д-ра Поппера, что «чем больше теория запрещает, тем она лучше». И действительно, трудно представить, зачем д-р Поппер сформулировал этот принцип, если только не затем, чтобы использовать его как палку и бить ею по марксизму. Но это не «хорошая» палка, и, взяв ее в руки, д-р Поппер присоединяется к весьма многочисленной и известной компании тех, кто позволяет маскировать своими рассуждениями антикоммунизм.

Короче говоря, доказывая, что теория Маркса об обществе является усиленным догматизмом, д-р Поппер вообще отказался от рассмотрения действительной методологии Маркса. На самом деле Маркс заложил основы теории общества точно так же, как другие заложили основы других наук. И это явствует из того, что говорил Маркс. Как мы увидим, игнорируя истинную методологию Маркса, д-р Поппер принимается толковать (употребляя такие клеветнические эпитеты, как «историцизм» и «эссенциализм»), что теория Маркса в действительности представляет собой всякого рода псевдонаучные положения, которые, однако, не могли быть результатом научного метода Маркса и которых Маркс никогда не высказывал.

Вместо того чтобы изучить научный метод Маркса, д-р Поппер ищет «источники» теории Маркса в философии Гегеля. Гегель был философом, который придерживался идеалистического взгляда на человеческую историю и считал, что идеи объясняют все, но в противоположность тем, кто утверждал и продолжает ут-

верждать, что нет объяснения идеям и что поэтому нет видимого «закона развития» в человеческой истории, Гегель признавал закон исторического развития, а именно логический закон формирования идей. Верно, что на Маркса большое влияние оказала гегелевская концепция закона развития, но не гегелевское объяснение того, каков этот закон развития. Маркс полностью отверг идеализм Гегеля и старался прийти к формулировке закона развития с помощью хорошо проверенных методов эмпирической науки. Он называл это «поставить Гегеля на ноги». Результатом этого явилась теория исторического материализма.

Д-р Поппер делает вывод, что, поскольку Маркс восхищался Гегелем и испытал на себе его влияние, теория Маркса произошла от Гегеля и поэтому так же далека от науки, как и теория Гегеля. Он заключает, что марксистская теория *по существу* ненаучна на том основании, что она ведет свое происхождение от Гегеля. Очень странно, между прочим, что такого рода толкования исходят от того, кто сам уделил много внимания доказательству ложности положения, согласно которому определить вещь, ее «сущность», можно путем выяснения ее «происхождения».

4. ДОПУСКАЕТ ЛИ МАРКСИЗМ ЛОГИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ?

Д-р Поппер далее утверждает, что марксизм превращается в «усиленный догматизм» из-за применения «диалектики», которую он считает абсолютно противоположной науке. Он выступает-де не столько против «материализма», сколько против «диалектики». «Хотя я и не отношу себя к материалистам, моя критика направлена не против материализма,— говорит он.— Материалистический элемент в этой теории можно было бы сравнительно легко сформулировать таким образом, чтобы против него нельзя было бы сделать никакого серьезного возражения»¹. Но «благодаря диалектике марксизм стал догматизмом, который достаточно гибок, так как пользуется диалектическим методом, чтобы из-

---

¹ К. Поппер, *Conjectures and Refutations*, p. 331—332.

бежать возможных атак. И таким образом он стал тем, что я называю усиленным догматизмом»¹.

Верный своему методу усиленного опровержения, д-р Поппер говорит о том, что «диалектика» имеет в виду, и заставляет ее иметь в виду нечто чрезвычайно глупое.

«Диалектика... это теория, которая утверждает, что нечто, в особенности человеческое мышление, развивается путем, характеризуемым так называемой диалектической триадой: тезис, антитезис и синтез»².

В противовес этому стоит напомнить, что говорил Ленин о диалектике в своей очень известной книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»: «...Всякий, прочитавший определение и описание диалектического метода у Энгельса ли... или у Маркса...—увидит, что о триадах Гегеля и речи нет, а все дело сводится к тому, чтобы рассматривать социальную эволюцию как естественно-исторический процесс развития общественно-экономических формаций». «Диалектическим методом — в противоположность метафизическому — Маркс и Энгельс называли не что иное, как научный метод в социологии, состоящий в том, что общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм... для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития»³.

В полном согласии с этим Ленин говорил также, что наиболее существенным в методе марксизма является конкретный анализ конкретных условий и что истинная диалектика состоит в тщательном детальном анализе процесса.

Д-р Поппер, конечно, читал Маркса и Энгельса (хотя, возможно, не читал Ленина). Однако, прочитав их, он делает вывод, что они говорят не то, что думают, поэтому он берется сказать это за них. Приписав им довольно бессвязную «теорию» о том, что «нечто, в особенности человеческое мышление», всегда разви-

---

¹ Ibid., p. 334.

² Ibid., p. 313.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 165—166.

ваётся через «тезис, антитезис и синтез», он далее навязывает им логическое заключение, еще более абсурдное, чем приписанная теория.

Согласно «диалектической теории» триад, тезис и антитезис «противоречивы». Поэтому, говорит д-р Поппер, диалектики «утверждают, что противоречий нельзя избежать, поскольку они встречаются повсюду в мире. Такое утверждение, продолжает он, сводится к нападкам на так называемый «закон противоречия» (или, более полно, на «закон исключения противоречий») в традиционной логике, — закон, который гласит, что два противоречивых утверждения никогда не могут быть одновременно истинными или что утверждение, состоящее из двух противоречивых утверждений, всегда должно быть отвергнуто как ложное на чисто логическом основании»¹. Поэтому, заключает он, диалектика основана на абсурдном утверждении, что логически внутренне противоречивые утверждения являются истинными.

Это действительно абсурдно. Но Маркс ни в коей мере не ответствен за такую формулировку, он не говорил ничего подобного. Напротив, он часто (как и любой другой исследователь в науке) приходил к выводу, что определенные обобщения являются ложными, поскольку некоторые проверенные фактами утверждения противоречат им; и он едва ли сделал бы это, если бы не считался с логическим «законом исключения противоречий». Если бы два логически противоречивых утверждения были бы истинными, обобщение также было бы истинным, даже если бы факты противоречили ему. Тогда каждый мог бы говорить что хочет, нельзя было бы проверить истинность или ложность сказанного и, как справедливо замечает д-р Поппер, «пришлось бы отказаться от какой бы то ни было научной деятельности, и это означало бы полный крах науки»².

Приписывание д-ром Поппером марксизму абсурдного взгляда, будто в истинном утверждении допускаются логические противоречия, строится на обыгрывании слова «противоречия» вполне в духе персонажей, которых Алиса встретила в Стране чудес.

---

¹ К. Поппер, *Conjectures and Refutations*, p. 316.

² *Ibid.*, p. 317.

Если при описании какого-нибудь человека про него говорят, что «он — масса противоречий», никто, кроме безумного Шляпочника, Мартовского Зайца или д-ра Поппера, не сделает вывода, будто под этим подразумевается, что суждение о характере этого человека логически внутренне противоречиво. Подобным образом Маркс писал о «противоречиях капитализма», указывая, что сочетание в развитии капитализма «общественного производства» с «частным присвоением» порождает определенные диссонансы и неустойчивость. Но утверждение, что капитализм сочетает в себе общественное производство и частное присвоение, между которыми существует отношение, которое, не боясь неправильно употребить это слово, можно определить термином «противоречие», не является логически внутренне противоречивым или непоследовательным, а, наоборот, является вполне последовательным и соответствующим действительности утверждением такого рода, которое может быть подтверждено или опровергнуто. Нет ни одного положения в конкретном анализе конкретных условий или тщательном детальном анализе процесса, предпринятых Марксом, Энгельсом, Лениным или другими известными марксистами, применяющими диалектический метод, в которых был бы хотя бы намек на логическое противоречие, когда они разбирали вопрос о «противоречиях», анализируя условия и процессы.

Сделав вывод, будто марксизм имеет в виду, что логические противоречия допустимы, д-р Поппер торжественно представляет свое финальное доказательство того, что марксизм — это «усиленный догматизм». «Потому что, если мы готовы примириться с противоречиями, обнаружение противоречий в наших теориях не может больше побудить нас к их изменению. Другими словами, вся критика (которая указывает на противоречия) потеряет свою силу. Критики услышат в ответ: «А почему бы и нет?» или, возможно, даже от некоторых энтузиастов: «Ну и пожалуйста!», то есть одобрение противоречий, на которые нам указали»¹. Таким образом, вы не можете опровергнуть марксизм, потому что марксизм утверждает, что опровержение или противоречие не может быть опровержением. Такое объяс-

---

¹ К. Поппер, *Op. cit.*, p. 317.

нение «усиленного догматизма» Маркса, конечно, не вполне соответствует другим объяснениям д-ра Поппера относительно того, как марксизм избегает опровержения. Но не обращайтесь внимания на это! Его усиленное опровержение никогда не терпит неудачи, потому что, что бы Маркс или марксисты ни говорили, д-р Поппер всегда найдет возможность объяснить, что под этим подразумевалось, и это превращает сказанное в абсурд.

За пределами Страны чудес общеизвестно, что целью марксистской диалектики является понять вещи «в их изменениях и взаимосвязях» и сформулировать «законы», по которым эти изменения происходят.

Как писал Энгельс во введении к «Анти-Дюрингу», тот, кто «за отдельными вещами... не видит их взаимной связи, за их бытием — их возникновения и исчезновения», допускает ошибку и при этом непременно запутывается в неразрешимых противоречиях. Так, «в обыденной жизни, например, мы знаем и можем с уверенностью сказать, существует ли то или иное животное или нет, но при более точном исследовании мы убеждаемся, что это иногда в высшей степени сложное дело... Невозможно... определить и момент смерти, так как физиология доказывает, что смерть есть не внезапный, мгновенный акт, а очень длительный процесс. Равным образом и всякое органическое существо в каждое данное мгновение является тем же самым и не тем же самым; в каждое мгновение оно перерабатывает получаемые им извне вещества и выделяет из себя другие вещества, в каждое мгновение одни клетки его организма отмирают, другие образуются; по истечении более или менее длительного периода времени вещество данного организма полностью обновляется... Вот почему каждое органическое существо всегда то же и, однако, не то же»¹. Значит, если вы упускаете из виду, как вещи возникают и прекращают свое существование, как они разрушаются и обновляются и что они существуют только во взаимосвязи с другими вещами, и пытаетесь сказать о каждой вещи, каковым является ее состояние в каждый момент независимо от ее изме-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 21—22.

нений и взаимосвязей, вы придете к противоречивым утверждениям — «это то...» и «это не то...».

Что под этим подразумевается? Разумеется, не то, что мы должны быть готовы смириться с логическими противоречиями. Напротив, наличие логических противоречий есть признак того, что категории, использованные при описании вещей в абстракции от «их взаимной связи» и «возникновения и исчезновения», не соответствуют конкретному анализу конкретных условий. Когда, в соответствии с принципами диалектики, такое абстрактное и неадекватное толкование вещей заменяется детальным анализом процесса, логические противоречия исчезают.

Так, например, описание того, как в органическом существе обновляются клетки в процессе взаимодействия его с окружающей средой, и описание «противоречивых» взаимосвязей процесса распада и обновления, которые составляют его жизнь, не предполагают противоречивых утверждений. Напротив, весь анализ производится в строгом соответствии с принципами последовательности, или непротиворечивости, сформулированными формальной логикой. Диалектика неощущает непоследовательности, а, наоборот, выдвигает самые жесткие требования формально логической последовательности утверждений. Сказать, что «вещь является той же и не той же», — это значит допустить логическое противоречие, с которым никакой научно мыслящий человек «не может примириться». Сказать, что «в каждое мгновение она усваивает новое вещество и выделяет старое», значит дать более адекватное объяснение, не содержащее никаких логических противоречий. Диалектика не допускает логических противоречий, а избавляется от них.

Дело в том, что если сказать: «Это является тем же самым и в то же время не тем же самым», — то в связи с таким загадочным утверждением немедленно возникает вопрос: «В каком отношении это то же самое и в каком отношении не то же самое?» Потому что (как указывал Аристотель, когда он впервые сформулировал логический закон непротиворечия) утверждение, что предмет во всех отношениях является тем же самым и не тем же самым, является логическим противоречием, которого нельзя допустить. А сказать, что «в каж-

дое мгновение он перерабатывает новые вещества и выделяет старые», — значит ответить на вопрос, в каком отношении предмет изменяется и в каком — остается тем же самым. Информацией о том, что происходит с предметом, можно объяснить, что в то время, как он внешне остается тем же самым, составляющее его вещество претерпевает изменения. Из этого далее можно сделать вывод, что, по всей вероятности, и внешние признаки предмета в результате внутренних изменений рано или поздно подвергнутся изменениям и станут другими.

Таким образом, когда в соответствии с диалектикой осуществляется детальный анализ процесса, который обнаруживает его противоречивые стороны и показывает, как характер и способ изменения целого определяется взаимодействием этих противоречивых сторон, результат, не будучи логически внутренне противоречивым, полностью удовлетворяет всем логическим критериям научного утверждения. Мы получаем утверждения, которые могут быть подтверждены или опровергнуты и которые будут иметь отношение к возможным выводам о дальнейшем течении процесса.

Это положение, между прочим, можно представить в виде формулы в полном соответствии с принципами формальной логики. Пусть P обозначает процесс, который содержит противоречивые стороны или аспекты A и B . Если рассматривать A само по себе, без взаимодействия его с B , то можно сделать вывод о P , который можно записать в виде « $A(P)$ »; и подобным же образом, рассматривая B само по себе, можно прийти к выводу « $B(P)$ ». Эти два вывода являются несовместимыми и противоречащими друг другу. Однако если провести правильный анализ P , как включающего в себя противоречивые стороны A и B , то придем к выводу « $AB(P)$ ». Этот вывод отражает способ взаимосвязи и взаимодействия противоречивых сторон P , и из него можно сделать вывод о вероятном пути развития P .

Марксистская диалектика не допускает, как ей это приписывают, логических противоречий. Она не ставит себе целью, а это ей также приписывают, делать утверждения, которые нельзя проверить, но, совсем напротив, формулирует научные утверждения, которые можно проверить. Что же касается д-ра Поппера, то все, что он сделал, — это вывел логические нелепости из псевдонауч-

ной теории о «триадах» и затем торжественно информировал своих читателей: «Вот что имеет в виду марксизм!» Напрашивается вопрос, кого он считает глупцами — марксистов или читателей, которым он преподносит такой вздор.

5. ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ И НАУЧНЫЙ МЕТОД

Если диалектический материализм не является нелепостью, какой пытается представить его д-р Поппер, то что же он в действительности утверждает? Каково его содержание и каковы его цели как философии?

Одно должно быть ясно с самого начала, а именно: Маркс и Энгельс никогда и нигде не дали полного систематического изложения диалектического материализма. Все, что они делали, — это в споре с другими точками зрения в философии закладывали определенные руководящие принципы для развития своих собственных взглядов. Таким образом, научные философские принципы нуждаются в дальнейшей разработке, и марксизм предусматривает их разработку — на основе указаний, данных Марксом и Энгельсом, и, кроме того, таким путем, который исключает необоснованные догмы или логические нелепости и отвечает достижениям логической и научной мысли, а также современной социальной технологии. Эти достижения значительно превосходили уровень, существовавший во времена Маркса. Хотя д-р Поппер, по-видимому, считает, что *bona fide*¹ марксист по определению несведущ в прогрессе логического и математического анализа, в научных открытиях и достижениях технических наук, марксисты, напротив, принимают во внимание все эти достижения и соответственно им формулируют марксистские позиции. Марксизм, как я уже сказал, — это продолжение работы Маркса. При этом марксисты неизбежно вступают в споры между собой так же, как и с оппонентами марксизма. И таким образом марксизм развивается и продолжается.

---

¹ Добросовестный (лат.).

Сторонник усиленного опровержения может вообразить, что нашел здесь лазейку для инсинуаций насчет усиленного догматизма. Если марксизм допускает такое рациональное и научное развитие (спросит он), то не может ли *любое* утверждение, которое окажется подходящим, считаться «марксистским», тогда как любое дискредитированное утверждение, даже если оно сделано марксистом, будет по этому определению исключено из «марксизма»? Это очевидный софизм. Развитие марксизма продолжается до тех пор, пока он следует основным своим руководящим принципам. Если отвергаются основные принципы, это уже не марксизм, и если то, что предлагают в этом случае, все еще называют марксизмом, то это просто самозванство. Так мы считаем какого-нибудь мужчину тем же человеком, что и мальчика, каким он был прежде; но если в какой-то момент человек этот получил удар по голове, умер и был похоронен, а кто-то присвоил себе его имя, то этого последнего человека мы будем считать самозванцем. Такого рода рассуждения применимы ко всему, что развивается, и в том числе и к научным теориям.

Я вполне согласен с д-ром Поппером в том, что *все* точки зрения должны подвергаться непрерывной проверке и в свете ее изменяться или, если это потребуется, отвергаться. Но если я тем не менее остаюсь марксистом, то не потому, что не допускаю критики марксизма, а потому, что понимаю «критическое отношение» не как готовность следовать любой «критике». Что касается меня, то я марксист потому, что я еще не нашел никакого логического или научного аргумента, который опроверг бы марксизм, хотя имеется множество таких, которые вносят вклад в его развитие. И в то же время я всегда обнаруживал, что аргументы, которые выдвигаются для опровержения марксизма, не являются ни логичными, ни научными.

Чтобы составить общее представление о том, что говорит и подразумевает диалектический материализм, как основа философского мировоззрения, примененного и представленного в марксистской социальной теории, желательно начать с того, чтобы установить, во-первых, на какой *вопрос* он дает ответ и, во-вторых, какому ответу это *противопоставляется*. Вообще говоря, эти два соображения имеют первостепенное значение для изло-

жения и толкования любых взглядов. Самый верный путь, ведущий к неправильному пониманию или ошибочному представлению о том, что люди имеют в виду, это предположить, что они пытаются ответить на какие-то другие вопросы, а не на те, которые в действительности их интересуют, и противопоставлять своей иные точки зрения, чем те, которые в действительности нужно противопоставлять.

Итак, я начинаю с вопроса, на который, предполагается, должен ответить диалектический материализм, но этот вопрос *не* является тем вопросом, с постановки которого диалектический материализм начинается. Задачей диалектического материализма *не* является ответ на вопрос: «Какова природа вселенной?» Поэтому он *не* состоит из ряда суждений о «совокупности предметов», или «обо всем», или о «мире в целом», или о «конечной сущности вещей», или о «конечной структуре действительности». Если предполагается, что диалектический материализм является разновидностью «метафизической системы», которая предлагает ответ на подобные вопросы, то тогда он неправильно понят и неправильно представлен с самого начала. Как вполне убедительно показали последние исследования логического и научного метода, все такие вопросы плохо сформулированы и ответы на них бесполезны, поскольку не поддаются никакой проверке. И как бы предвидя это, Энгельс убедительно писал в «Людвиге Фейербахе...»: «Мы оставляем в покое... «абсолютную истину» и зато устремляемся в погоню за достижимыми для нас относительными истинами по пути положительных наук...»¹ и во введении к «Анти-Дюрингу»: «... Современный материализм... не нуждается больше ни в какой философии, стоящей над прочими науками... из всей прежней философии самостоятельное существование сохраняет еще учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика. Все остальное входит в положительную науку о природе и истории»².

Марксизм и диалектико-материалистическая философия подчеркивают, что хорошо обоснованная достоверная теория о нас самих и окружающем нас мире может

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 278.

² Там же, т. 20, стр. 25.

быть получена только путем методического изучения отдельных, доступных наблюдению явлений и всегда подвергается проверке опытом. Поэтому до проведения таких исследований задавать вопрос о структуре окружающего нас мира в целом, или о том, какова сущность окружающих нас вещей, каковы их свойства и отношения, и выдвигать какую-либо теорию, которая, исходя из общефилософских основ, ответила бы, что «это должно быть так-то», настолько же противоречит марксизму, насколько это противоречит принятым предпосылкам научного и логического метода. Более разумно было бы задать вопрос о природе, составе, строении или законах взаимодействия наблюдаемых объектов или процессов и искать ответ с помощью научных методов и проверять его на опыте. Такие знания, как знания о «совокупности предметов», мы можем получить, только объединяя вместе сведения об отдельных предметах — поэтому результат непременно будет неполным и временным. Более того, марксизм практичен — он стремится развивать теорию, чтобы информировать практику и проверяться на практике. Претенциозные теории о «вселенной в целом» не информируют практику, а только одурманивают ее и не могут быть подвергнуты какой-либо практической проверке. Чтобы информировать практику, нам нужны доступные проверке теории о том, что интересует нас в практике (именно так, как утверждает это и сам д-р Поппер).

Вопрос, на который диалектический материализм предлагает ответ, касается скорее *подхода* или *метода*, необходимого для создания и развития надежной теории, способной информировать практику и доступной проверке на практике. Таким образом, он отвергает предложение: «Пожалуйста, создайте теорию о природе вселенной», но принимает предложение: «Пожалуйста, изложите принципы, которые следует принять при создании теорий». Когда мы говорим о «материализме» и о «диалектике», отдельно или вместе, мы не выдвигаем философскую теорию обо «всем» в противовес или в дополнение к научным теориям о частных вещах, но предлагаем подход или руководящие принципы, рекомендуемые при создании теорий.

Мы увидим позднее, что диалектический материализм как ответ на вопрос о принципах, которые необходимо

принять при создании теорий, в какой-то мере также дает ответ на вопрос: «Какова природа вселенной?» — ответ на вопрос о подходе к выработке теорий не может не привести к выводам о виде утверждений, соответствующих познанной реальной действительности. Например, всякое утверждение, которое может информировать практику, должно иметь дело с вещами, доступными чувствам и существующими только в их взаимосвязи с другими вещами в процессе изменения. Это показывает, что мир, в котором мы живем и который мы познаем, есть мир материальных изменений; и это, конечно, наиболее общий вывод о «природе мира». Дело в том, во-первых, что на вопрос о «природе мира» нельзя ответить прямо, а только посредством вопросов о подходе и методе; и, во-вторых, проблема достоверного познания мира, в котором мы живем, требует изучения отдельных вещей, а не «природы мира в целом».

С некоторым презрением упоминает д-р Поппер спор о том, является ли марксизм «теорией» или «методом». Марксизм — это теория, настаивает он. Действительно, марксизм это теория, применяющая метод. Марксизм — это теория о проблемах человеческого общества, применяющая метод диалектического материализма. Но диалектический материализм не является теорией обо «всем» в дополнение к теориям по отдельным вопросам. Марксизм — это не теория о человеческом обществе плюс теория диалектического материализма, его теорией является диалектический материализм. И те самые принципы, которые применены и продемонстрированы в марксистской теории о человеческом обществе, лежат в основе всех научных теорий о природе. Диалектический материализм является «основой» марксизма не в том смысле, что он есть догма о мире, в которую так или иначе все должно укладываться, невзирая на факты, а в том смысле, что он является обобщением принципов подхода или метода, которые необходимо применять при изучении фактов, чтобы прийти к конкретному анализу конкретных условий или к детальному анализу процесса.

Но это, могут возразить, лишает диалектический материализм особого характера как «философии марксизма» и просто уравнивает его с «научным методом». В широком смысле это верно: материалистическая диа-

лектика утверждает, что она является не чем иным, как научным методом. Как сказал Ленин, материалистическая диалектика не что иное, как научный метод. Отличительной чертой марксизма является не то, что он изобретает и использует свой собственный новомодный метод, полностью отличающийся от метода, разработанного, применяемого и одобренного другими науками, но то, что он развивает и применяет научный метод *универсально* и делает выводы о человеке, человеческом обществе и его проблемах. Марксизм стремится распространить научный подход на понимание *всего*, что входит в круг знаний человека, включая и само человечество. Поэтому он критически и оппозиционно относится к традиционным способам понимания *нас самих*, которые ни в коей мере не являются научными, и именно *это* прежде всего отличает марксизм как философию или мировоззрение от того, что все еще является общепринятым.

Разумеется, научное понимание нас самих основывается на уже достигнутом научном понимании природы, поскольку человек становится тем, что он есть, и существует благодаря его взаимодействию с природой. В то же время (и это как раз тот вопрос, на котором заострял внимание английский марксист Кристофер Кодвелл в своей книге «Кризис в физике») понимание связей человека с природой расширяет и вносит поправки в понятие «природы», которое до некоторой степени было искажено из-за неправильного понимания взаимодействия человека с природой.

Но, хотя материалистическая диалектика в действительности является не чем иным, как научным методом, это ни в коей мере не ограничивает область исследования марксистской философии проблемами, которые немарксистами обычно обсуждаются под рубрикой «научный метод». Если бы мы взяли в качестве гида д-ра Поппера, то это оказались бы просто вопросы формальных критериев разделения «научных» и «ненаучных» теорий (научные теории — это такие теории, которые «опровергаемы»), плюс некоторые вопросы вероятности, индукции (так называемой) и специальной методики, необходимой для специальных исследований. Я не хочу сказать, что эти проблемы не являются действительными проблемами или что д-р Поппер и другие

современные исследователи «научного метода» и «логики научных открытий» рассматривали эти вопросы без пользы. Но было бы неправильным думать, что сфера исследований диалектического материализма сводится лишь к *этим* проблемам, потому что, хотя эти проблемы и *входят* в нее, диалектический материализм охватывает нечто *гораздо большее*.

Диалектический материализм интересуется прежде всего теми проблемами, которыми пренебрегают эти более ограниченные исследования научного метода, а именно, *способом мышления, принципами оперирования и соединения понятий*, необходимыми для научного понимания в целом. Как сказал Энгельс в предисловии к «*Анти-Дюрингу*», результаты научной работы обобщаются в понятиях и «искусство оперировать понятиями не есть нечто врожденное и не дается вместе с обыденным, повседневным сознанием, а требует действительного мышления»¹, и, следовательно, чтобы охватить факты теорией, мы должны быть вооружены «пониманием законов диалектического мышления». Естествознание, добавлял Энгельс, «не может уже избежать диалектического обобщения». Но «оно облегчит себе этот процесс», если освободится не только от так называемой «вне его и над ним стоящей натурфилософии», но также от своего собственного традиционного «ограниченного метода мышления»².

Это привело меня к вопросу о том, какому подходу *противостоит* диалектический материализм. Маркс и Энгельс неоднократно повторяли, что он противостоит «идеализму» и «метафизике». Его противоположность «идеализму» выражается уже самим словом «материализм», а «метафизике» — словом «диалектика». Эти слова, выражающие противоположность — «материализм» против «идеализма» и «диалектика» против «метафизики», — здесь употребляются в несколько специфическом смысле (отличном от того, какой придается иногда этим словам в других контекстах) и требуют теперь некоторого пояснения.

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 14

² См. там же.

Глава 2

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

1. МАТЕРИАЛИЗМ ПРОТИВ ИДЕАЛИЗМА

Великий основной вопрос всей, в особенности новейшей, философии,— писал Энгельс,— есть вопрос об отношении мышления к бытию...

Философы разделились на два больших лагеря сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, составили *идеалистический лагерь*. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам *материализма*¹.

Мартовский Заяц и Шляпочник упрекали Алису за неясность выражений. Что она могла иметь в виду? Подобно этому многие философы Страны чудес заявляют о том, что их ставит в тупик неясность выражений Энгельса. Но, как и его младшие современники, он просто имел в виду то, что говорил.

В вышеприведенном отрывке Энгельс противопоставляет «мышление» «бытию», «дух» «природе» и говорит, что «великий основной вопрос всей философии» есть вопрос о том, какая сторона этой противоположности «первична» по отношению к другой. Очевидно, это противоположность «материального», с одной стороны, и «нематериального» (или «идеального») — с другой. Энгельс определяет «бытие» и «природу» как «материальное», а «мышление» и «дух» — как «нематериаль-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 282—283 (курсив мой. — М. Корнфорт).

ное». Такую терминологию многие современные философы считают туманной, хотя она просто выражает различия, которые хорошо известны каждому и являются точными по отношению к вещам, о которых мы обычно говорим, однако многие философы пытаются внести в них путаницу.

«Материальное», как его обыкновенно понимают люди (и нам не следует приписывать Энгельсу желание придавать ordinary словам экстраординарное значение), есть то, что воздействует на наши органы чувств,— то, что мы можем видеть, слышать, обонять, трогать или пробовать на вкус. Напротив, нематериальное не поддается восприятию органами чувств. Так, например, дерево или гора являются материальными, тогда как идея дерева или горы нематериальна. В обыденном языке говорится, что мы видим или трогаем материальный предмет, тогда как мы мыслим или понимаем идею. Будет бессмыслицей сказать, что «мы думаем дерево» или «видим мысль». Далее, тело человека материально, но его мысли, желания и другие проявления его разума или «духа» нематериальны. Поэтому та противоположность материального и нематериального, «бытия» и «сознания», или «природы» и «духа», о которой говорит Энгельс, является понятной и очевидной.

Из этой противоположности вытекает противоположность материализма и идеализма, определяемая ответом на вопрос: «что первично» — материальное или нематериальное. Быть *идеалистом* — значит подходить к вопросу анализа и объяснения явлений, исходя из того, что существуют идеи, намерения и цели (безразлично — бога или человека), и то, что существует или происходит, существует или происходит благодаря им, то есть что нематериальное предшествует материальному. Быть *материалистом*, с другой стороны, значит подходить к этому вопросу, исходя из материальности предметов и событий и того, что идеи их, намерения и цели, связанные с ними, являются результатом материальных условий, в которых такие идеи, намерения и цели возникают, то есть, что материальное является первичным по отношению к нематериальному.

Так, например, объяснять гром проявлением гнева богов означает идеалистический подход, объяснение же его как результат электрических разрядов будет подхо-

дом материалистическим. Точно так же, сказать о социальных событиях (например, о Французской революции), что они являются выражением некоторой идеи (а именно идеи свободы), есть идеалистический подход, тогда как объяснение их классовой борьбой, коренящейся в производственных отношениях (которые также порождают определенные идеи, мотивирующие события), есть подход материалистический. Опять же сказать (как говорят некоторые современные философы), что материальные объекты — это логические конструкции на основе чувственных данных, есть идеалистический подход; тогда как сказать, что чувственные восприятия являются средствами познания материальных объектов, есть подход материалистический.

Все теории отражают либо идеалистический, либо материалистический подход (или во многих случаях запутанное и непоследовательное соединение обоих), и «великим основным вопросом философии» является вопрос о том, какой из этих подходов правильный.

Марксизм рекомендует и отстаивает последовательно материалистический подход ко всем вопросам; он разрабатывает материалистическую философию и основывается на ней, так же как он исследует и формулирует основные принципы последовательного материалистического подхода в противоположность идеализму. Каковы же эти принципы?

Первым принципом материализма, как он представлен в марксистской материалистической философии, является то, что материальные процессы действительно имеют место и материальные вещи действительно существуют независимо от каких-либо идей о них.

Чтобы объяснить это, нам необходимо несколько глубже вникнуть в смысл таких слов, как «материальное» и «материя», и в то, что подразумевается при их употреблении. Употребление прилагательного «материальный» имеет значение, конечно, только как противоположность «идеальному», «мысленному» или «духовному». Так, мы говорим «материя» или «материальные процессы» в противоположность «разуму», «духу» или «идее». Например, если говорят, что стол в столовой «материален», это не значит, что уточняют его свойства, подобно тому как говорят, что он «сделан из дерева» или «имеет пластиковое покрытие». Этим просто проти-

вопоставляют его идее стола и отличают от нее, подчеркивая, что он находится там, в столовой, независимо от какой-либо идеи о нем.

Материализм утверждает *независимость*, независимое *существование* чего-либо материального. Употребление слова «материальный» в марксистских формулировках основных положений материализма подчеркивает *существование* материального мира *независимо* от идей и восприятий, благодаря которым мы знаем о нем, и от каких-либо других идей или идеальных, или духовных, сущностей, наличие которых можно предположить.

Так, в своей работе «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин подробно объяснил, что говорить о «материальных» вещах и процессах и вообще о «материи» и «материальном мире» не значит подразумевать какую-либо определенную теорию строения материальных вещей (то есть это не значит, что они состоят из «вещества» в отличие, например, от «энергии» или что они состоят из «твердых частиц», а не являются «волновым движением»). Это значит иметь в виду их объективное существование, независимое от нашего или чьего-либо еще представления о них. Что касается строения материальных вещей — из чего они состоят, какова их структура, каковы их свойства, — то это выясняется в ходе их исследования, а результаты таких исследований могут оставаться и на уровне предположений.

Объяснение Лениным употребления терминов «материя» и «материальный» в формулировках основных положений материализма было дано в ответ тем идеалистам, которые заявляли, что открытия физики показали, что «материи не существует» и «материализм устарел». Действительно, ранние материалистические философии (возникшие на основе древнейших умозрительных теорий в Греции, Китае и Индии) были тесно связаны с определенными теориями строения материи, а именно с теориями, утверждающими, что материальный мир состоит из твердых неделимых частиц, или «атомов», перемещающихся в пустоте. В XVII веке Декарт рассматривал материю иначе, как «протяженную субстанцию», заполняющую пространство, и придумал теорию «круговорота» материи, чтобы объяснить различные наблюдаемые явления. Позднее подобную же идею развил Максвелл, когда постулировал существование «эфира», за

полняющего все пространство, в котором распространяются электромагнитные волны. Старая атомистическая теория материи была дискредитирована последующими исследованиями атома, а теория эфира — изучением электромагнитных явлений и заменена теорией относительности. Но это не значит, что физика показала, будто не существует материи или материальных процессов. Идеалисты, утверждающие это, просто смешивали материализм в целом с донаучными материалистическими умозрительными теориями. Современная физика заменила донаучные умозрения научными исследованиями. Это не делает материализм устаревшим, а лишь показывает, что устарели некоторые умозрительные материалистические гипотезы.

Не сводит ли это в таком случае материализм к одному абстрактному утверждению, что существует только объективная реальность, независимая от идей? Нет, материальные вещи и процессы *известны* нам благодаря нашим ощущениям и восприятиям. Как отмечал Ленин: «Материя есть то, что, действуя на наши органы чувств, производит ощущение; материя есть объективная реальность, данная нам в ощущении»¹. Материализм не сводится к одному пустому утверждению, что то или иное существует независимо от идей, но утверждает, что объективная реальность — материальный мир — обладает фундаментальным свойством *быть познаваемым посредством органов чувств, ибо является каузальным процессом*, протекающим в пространстве и времени.

Таким образом, первый принцип материализма можно сформулировать следующим образом: каузальный процесс в пространстве и времени, данный нам в ощущениях, существует *независимо* от какого-либо разума или духа, сознания или идеи. Второй принцип дополняет первый и отрицает независимое существование чего-либо нематериального. Восприятия, идеи, намерения, чувства, цели, идеалы, сознание и разум существуют только как результаты определенных материальных процессов. Они являются восприятиями, идеями и т. д. материальных организмов, результатами функционирования специфических органов их тел, сформировавшихся в условиях материального образа их жизни.

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 149

Итак, для материализма нет ничего *вне* материального мира. Не существует отдельного или независимого духовного мира, нет разума или духа вне материи. Существует единый мир, материальный мир, и, как говорил Энгельс в «*Анти-Дюринге*», «единство мира состоит в его материальности». «...Основные формы всякого бытия суть пространство и время...»¹ Не существует ничего, что не было бы связано с каузальными процессами в пространстве и времени; и все те явления, которые мы называем умственными или духовными, имеют место в материальном мире как продукты особой формы движения материи в определенное время и определенном месте.

Далее, материализм формулирует принципы теории человека, общее представление о нас самих. Мы являемся материальными организмами. И, как таковые, познаем себя и окружающий нас мир с помощью своих ощущений, которые получаем в ходе материальных взаимодействий и благодаря процессу мышления, который развивается на основе ощущений. Хотя наши чувства часто могут обманывать нас, а идеи могут оказываться иллюзорными, тем не менее материальный мир, данный нам в ощущениях и дающий нам материал для мышления, объективно существует как арена всех наших действий и как объект нашего сознания и познания. Мы познаем его, познаем себя, управляем материальными процессами в наших собственных целях, учимся удовлетворять наши потребности путем активных исследований, в которых теория сначала выводится из нашего практического опыта, а затем проверяется на опыте.

Таковы, следовательно, основные философские принципы материализма, как они представлены в марксистской философии в противовес идеализму.

Д-р Поппер, как мы видели, любезно сказал, что не может быть «серьезного возражения» против материализма при условии, если его «сформулировать» менее определенно, что сделать «сравнительно легко». Но он добавляет: «Я не отношу себя к материалистам». Эта оговорка свидетельствует по крайней мере о его честности. Со своей стороны он просто подчеркивает, что теории должны допускать экспериментальную проверку

---

¹ К Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 43, 51.

и, значит, могут быть опровергнуты; и он, по-видимому, не находит возражений против материализма до сих пор, и только до сих пор, так как считает, что теории должны проверяться на практике. Но он не называет себя материалистом, поскольку считает, что даже лучшие из теорий представляют собой не более чем предположения, которые создаются для того, чтобы затем предпринимать научные попытки их опровержения, в то время как *материализм* вообще (а марксистский материализм особенно) подразумевает нечто большее. Возможны предположительные и подлежащие исправлениям частные теории об отдельных вещах, однако *материализм* имеет в виду, что принципы, на которых строится теория, являются не предположительными, а, бесспорно, истинными.

Усиленное подчеркивание д-ром Поппером *предположительного* характера научных теорий объясняется его исключительной заботой о том, чтобы научные теории подвергались экспериментальной проверке. Конечно, научные теории создаются, чтобы подвергнуться *экспериментальной проверке*, иначе они не были бы научными теориями, и, следовательно, они всегда имеют предположительный, или временный, характер. Но в чем смысл этих теорий? Почему считается столь жизненно важным оказывать полное доверие предположениям, которые подвергаются экспериментальной проверке и могут, следовательно, оказаться ложными? Зачем рисковать и доверяться предположительной теории, которая может быть опровергнутой, вместо того чтобы с уверенностью и удовлетворением принять непроверяемую теорию? Д-р Поппер обвиняет марксизм в усиленном догматизме, который не допускает проверки и дает готовые ответы на любой вопрос. По крайней мере марксизм может дать ответ на вышеупомянутые вопросы, что уже больше, чем то, что может сделать д-р Поппер. И, отвечая на них, мы можем сейчас в свою очередь обвинить его в склонности к одностороннему представлению о научной теории, которая совершенно неспособна ответить на вопросы о науке.

Мы *не предполагаем* существование материальных процессов, частью которых мы сами являемся и от которых зависит наше собственное бытие, наше сознательное существование. Мы познаем и в познании учим-

ся в какой-то степени овладевать ими в наших собственных интересах. Именно этого мы добиваемся с помощью науки, вот почему научные теории, подвергающиеся экспериментальной проверке, так важны для нас.

2. ДОВОДЫ ПРОТИВ ИДЕАЛИЗМА

Энгельс не сомневался в том, что материализм является правильным подходом, а идеализм — неправильным, и причины его уверенности в этом абсолютно ясны. Он не был догматиком, считавшим себя пророком открытия «первичности материи». Он был просто ученым-мыслителем, наделенным способностью обобщения принципов мышления, который сознавал, что идеалистический подход не может дать ничего, кроме того, что он называл «выдумками», то есть теории, которые не могут быть проверены, или, говоря словами д-ра Поппера, являются «неопровергаемыми»; тогда как только материалистический подход дает теории, которые проверяемы. Так, в четвертой главе работы «Людвиг Фейербах...» Энгельс объясняет решение всегда принимать материалистический подход следующим образом: «Это значит, что люди этого направления решились понимать действительный мир — природу и историю — таким, каким он сам дается всякому, кто подходит к нему без предвзятых идеалистических выдумок; они решились без сожаления пожертвовать всякой идеалистической выдумкой, которая не соответствует фактам, взятым в их собственной, а не в какой-то фантастической связи. И ничего более материализм вообще не означает»¹.

Очевидно, следовательно, что нельзя считать истинной теорию только потому, что она является материалистической. Истинность теории может быть подтверждена лишь в результате проверки и перепроверки ее практикой. С другой стороны, не может быть научно обоснованной теория, если она не является материалистической. Отдельные идеалистические теории могут быть отвергнуты, потому что они не согласуются с опытом, но каждая идеалистическая теория может быть отвергнута

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 301

де потому, что опыт показывает ее ложность (ибо каким бы ни был опыт, всегда могут быть сочинены те или иные идеалистические выдумки, чтобы объяснить его), а потому, что она является просто «предвзятой выдумкой», которую не может подтвердить никакой опыт. И как бы много частных материалистических теорий ни опровергалось событиями, мы остаемся уверенными, что правильное объяснение может быть только материалистическим, и как бы ловко некоторые идеалистические теории ни избегали опровержения, мы можем быть уверены, что они тем не менее просто выдумки. Вот почему марксизм отвергает любую идеалистическую теорию об обществе. Но он принимает свою собственную материалистическую теорию не потому, что она выводится из «основных принципов материалистической философии». Он принимает ее потому, что к ней приводит изучение человеческого общества, и марксисты продолжают поддерживать и развивать ее потому, что она оказывается верной как руководство к практике, не опровергаемой никакими событиями.

Чтобы верно информировать практику, мы должны следовать по пути материализма. Если мы хотим выяснить, что мы собой представляем и что мы можем делать, каковы наши истинные потребности и как их удовлетворить, материалистический подход должен служить нашим руководством.

Какова основная ошибка идеализма как способа мышления?

Ошибка, содержащаяся, например, в утверждении, что существуют бестелесные души, или первопричины, или вечные формы (как это называют различные идеалистические школы),— это ошибка *другого рода*, чем ошибка, содержащаяся в утверждении, что существуют единороги или фениксы. Точно так же *разного рода* ошибки содержатся в утверждениях, что гром вызывается разгневанными богами и что причиной грома является (как это предполагали некоторые ранние ошибочные материалистические теории) столкновение тяжелых частиц в облаках. Так же как одно дело сказать, что в небесный рай можно попасть через крематорий Голдерс Грин благодаря богослужению в англиканской церкви, и другое, что из Лондона в Бирмингем можно проехать через Кру.

Ошибки второго типа состоят в неправильном описании и характеристике материальных вещей, и они могут быть обнаружены и исправлены в процессе практики, в ходе наблюдений и опыта. Ошибки первого типа отличаются от них, поскольку души, первопричины, вечные формы, боги, путь на небеса нельзя наблюдать, и утверждения о них не могут быть проверены тем же практическим эмпирическим путем. Когда один теолог говорит, что на кончике иглы может поместиться только один ангел, а другой уверяет, что больше, то для принятия одной из этих точек зрения необходим созыв церковного совета и отлучение от церкви одной из сторон, ибо невозможно изобрести инструмент для измерения размеров ноги ангела.

Каждое утверждение *абстрагирует*. Например, сказать «роза красна» — значит абстрагировать определенную розу от всей их совокупности, а ее цвет от всех других ее свойств. Если какая-то роза красного цвета, а я говорю, что она белая, значит, мое утверждение искажает факт. Ошибочность или ложность идеалистических утверждений не является фактической, а заключается в ложной абстракции. Так, сказать, что «мистер Смит находится в конторе», в то время как он прервал работу, чтобы посмотреть крикетный матч, значит высказать суждение, в котором произведена правильная абстракция объекта (мистера Смита) от его окружения, от его местонахождения, от совокупности свойств и отношений, и утверждать, что он находится в другом месте, а не там, где он есть на самом деле. С другой стороны, сказать (предположим, что мистер Смит умер), что «душа мистера Смита на небесах», значит произвести неправильную абстракцию, так как абстрагировать душу мистера Смита от самого мистера Смита — это значит произвести такую абстракцию, при которой выражающее ее утверждение невозможно проверить; и точно так же говорить о небесах — значит говорить о месте, которое абстрагируется от пространства и времени таким образом, что невозможно выяснить, есть там кто или нет.

Основная ошибка идеализма как способа мышления заключается в том, что он производит ложные абстракции. Этот способ мышления является привычкой, методом, систематическим использованием ложных абстракций.

Так, например, историк-идеалист может справедливо утверждать, что Вильгельм Завоеватель выиграл битву при Гастингсе и король Джон подписал Великую хартию вольности. Он не искажает фактов. Он не говорит, что люди сделали то, чего они не делали, или не сделали того, что они сделали. Некоторые историки совершают и такие ошибки тоже, но не в этом заключается *идеализм*. Идеализм состоит в таком *абстрагировании* «разума», «души», «духа», «идей», «намерений», «тенденций», что их представляют как независимые сущности, независимые силы, которые являются движущими причинами исторических событий.

Конечно, люди имеют идеи и действуют сознательно; и если не принимать во внимание эту особенность их деятельности, то их деятельность будет неправильно представлена. Но представить «разум» или «сознание» как нечто существующее и действующее независимо, предшествуя сознательной деятельности людей, значит произвести ошибочную абстракцию. Как писал Маркс в предисловии к работе «К критике политической экономии», «не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»¹.

Точно так же мистер Смит наделен сознанием и в этом отношении он отличается от автомата. Описать его умственные процессы и сознательные побуждения — значит абстрагировать некоторые черты его жизненного процесса от остальных и описать их, скажем, так же, как привычки в питании и пищеварительные процессы, то есть произвести абстрагирование. Но это не ложное абстрагирование. Ложным абстрагированием *является* утверждение, что его сознание существует независимо от его сознательной деятельности в его материальном окружении. Сказать, что разум независим от мозга, означает то же самое, что утверждать, что пищеварение не зависит от желудка.

Эти примеры показывают, что идеализм не является методом мышления, изобретенным философами-идеалистами. Философы лишь обобщили и систематизировали общераспространенные способы мышления (воплощенные в суевериях, мифах и религии) в разработанных

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 13, стр. 7

ими теориях о вселенной, человеке и человеческом познании. Но, делая это, они не только теоретизировали о разуме и духе, человеческом и божественном, но и производили дальнейший ряд ложных абстракций, на которые нефилософы никогда не решались.

Так, например, Платон и другие философы, на которых он оказал влияние, абстрагировали «формы», «свойства», «сущность» вещей, приписывали им идеализированное существование, отдельное от вещей и предшествующее им, и говорили, что вещи являются такими, каковы они есть, потому что они различаются по форме или сущности. Это учение иногда называют «реализмом» (хотя оно не очень-то «реалистично» в обычном смысле этого слова) или, правильнее, «объективным идеализмом». В современной философии возникло совершенно другое учение, часто называемое «субъективным идеализмом» (самым ярким представителем этого учения был англо-ирландский философ Джордж Беркли). В то время как объективный идеализм утверждает, что духовная и божественная сущности должны каким-то образом схватываться и познаваться интеллектом, независимым от ощущений, субъективный идеализм возникает из теоретизирования о том, как мы получаем знания посредством наших ощущений. Он заключается в абстрагировании чувственных данных от всей окружающей обстановки, в которой человек познает свою среду, наделяет их независимым существованием и затем утверждает, что у нас нет оснований предполагать существование чего-либо еще, и то, что мы называем «материальными объектами», есть не что иное, как умственные конструкции из наших чувственных данных.

Эти примеры показывают, чем ложная абстракция отличается от ложного утверждения факта. Ложная абстракция является одновременно и определенным искажением факта: она искажает связи и причины событий. Реальные связи и причины она заменяет фантастическими связями и причинами. Например, если вы говорите, что мистер Смит прервал работу из-за грешных наклонностей своей души, ищущей удовольствий, вы думаете, что его действия определяются тем, что происходит в его душе, тогда как в действительности они определяются тем, что происходит в его мозгу. По этой причине идеалистический способ мышления может при-

вести и обычно приводит к тому, что упускаются из виду отдельные события и связи между ними, тогда как материалистический способ мышления заставляет искать и обнаруживать их. Материалистический подход привел Маркса к изучению экономических процессов и производственных отношений, которые идеалисты игнорировали, потому что идеалистический способ объяснения событий закрывал им глаза на значение этих процессов и связей. Они освобождали себя от научных исследований такого типа, которые были осуществлены Марксом.

Как писал Энгельс, материализм, или материалистический подход, заключается в отказе заниматься «идеалистическими выдумками» или ложным абстрагированием и в решении постигать факты «в их собственной, а не в какой-то фантастической связи». Это предполагает такое изучение фактов, которое устанавливает их собственные реальные связи. Встать на путь идеалистических выдумок — значит, напротив, освободить себя от такого изучения.

3. ДОВОДЫ В ЗАЩИТУ МАТЕРИАЛИЗМА

Рекомендациям материалистического подхода часто противятся как простой произвольной догме, а материалистические теоретические принципы считаются бездоказательными. Действительно, логически невозможно доказать с помощью одних только теоретических рассуждений, что для открытия истины необходим материалистический подход, а идеализм создает лишь фантазии. Но это не означает, что материализм должен быть отвергнут как недоказанный. Великий вклад, сделанный Марксом в утверждение материалистического подхода, заключается в том, что он показал, что его рекомендация является выводом из потребностей *практики* и основывается на *практических соображениях*.

«Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто *схоластический* вопрос»¹, — писал Маркс в «Тезисах о Фейербахе». Если вы решили прийти к выводу о том,

---

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 2.

что существует и чего не существует, о том, что первично — сознание или бытие, о действительных связях предметов путем чисто теоретической дедукции, без ссылок на практику и без учета ее требований, а также того, что можно почерпнуть у нее, то вы можете спорить вечно, но никогда не придете ни к какому заключению. Сама логика подтверждает это, так как она доказывает, что экзистенциальный вывод можно сделать не из любой, а только из экзистенциальной посылки и что никакая экзистенциальная посылка не может быть подтверждена чистой теорией как самоочевидная и обязательно истинная. Нет и не может быть теоретически подтвержденных посылок, из которых можно сделать вывод, каким должен быть мир и как создать и проверить истинную теорию.

Но теории создаются живыми людьми, которые не являются чистыми интеллектами, занимающимися теоретизированием, а суть как бы представители практики, которая и заставляет их теоретизировать. «Общественная жизнь является по существу *практической*, — писал Маркс. — Все мистерии, которые уводят теорию в мистицизм, находят своё рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики»¹. Правильному подходу к созданию теорий, который позволит людям в общественной практике понимать факты в их собственной, а не в какой-то фантастической связи, следует *учиться*, пытаясь удовлетворить *потребности практики*, и это подтверждается с точки зрения *практических* потребностей и никак иначе. Это *практический*, а не только теоретический вопрос, и на него надо отвечать как на таковой.

Теоретизируя о практике, марксизм обогащает практические доводы в пользу материализма выводами эмпирического изучения действительных условий человеческой жизни. Марксизм ведет спор не в плане голого противопоставления «практики» и «теории», но в плане конкретного анализа человеческой практики, которая показывает, как теория и практика сливаются воедино таким образом, что теории сознательно выводятся из практического опыта и служат для того, чтобы информировать практику.

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 3. стр. 3

А что же такое тогда «практика»? Что обозначает это слово в контексте марксистской аргументации в защиту материалистического теоретического подхода?

Говорить о «практике» в этом контексте — значит говорить об определенной деятельности (или об определенных аспектах деятельности) человеческих существ. В других контекстах можно также говорить о практике шимпанзе, качающихся на деревьях, или о пчелах, строящих соты, но в данном контексте под «практикой» понимается «человеческая практика». Это слово относится к определенным уникальным видам деятельности, осуществляемой человеком.

Разумеется, если органическая жизнь развилась на других планетах Галактики и достигла форм, сходных в соответствующих отношениях с человеческими существами на Земле, то все, что мы говорили о человеческой практике, будет в равной степени относиться и к практике этих организмов. Они, вероятно, способны делать выводы из своей практики точно так же, как это делаем мы. В общем, *законы мышления — это правила, как делать выводы из практики*; и они будут одними и теми же для любых мыслящих организмов, так же как и законы природы. Однако удобнее будет игнорировать возможное существование сознательной интеллектуальной жизни на других планетах, кроме Земли, и продолжить разговор только о нас самих — с оговоркой, что то, что мы говорим о нас самих, будет, вероятно, относиться к другим подобным нам организмам.

Человеческая практика характеризуется тем, что она является сознательной, целенаправленной и продуктивной.

В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс писали, что люди «начинают отличать себя от животных, как только начинают *производить* необходимые им средства к жизни...»¹. Именно в процессе труда вся человеческая практика приобретает специфический человеческий характер так же, как благодаря производительным силам и отношениям, в которые вступают люди, используя их, человеческое общество приобретает свои характерные черты. Описывая процесс труда, Маркс говорит в «Капитале», что это «есть прежде всего процесс, совершаю-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 19.

щийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой... Для того чтобы присвоить вещество природы в форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы»¹. Человеческий труд, продолжает он, отличается от различных строительных операций других животных. «...Пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове»². Этим определяется особый характер человеческой практики. Практическая деятельность человеческого тела и его органов, в процессе которой индивиды взаимодействуют с окружающими их предметами, сознательно направлена на конечный результат, который уже существует «в голове». И, действуя так, люди изменяют внешние предметы таким образом, чтобы приспособить их к своим потребностям.

В «Тезисах о Фейербахе» Маркс определяет человеческую практику как «предметную деятельность», она заключается в сознательном взаимодействии человека с предметом, в ходе которого он употребляет предмет для себя. И сообразно тому, как мы употребляем предметы для себя (то есть воздействуем на них сознательно, целенаправленно и продуктивно), формируются наши представления о них — о их существовании, свойствах и взаимоотношениях и о том, что мы можем с ними делать. Эти представления, заключает Маркс, сначала формируются в человеческой практике, и они могут быть проверены только в практике, которую он назвал «человеческой чувственной деятельностью». В практике, и только в практике, мы можем установить истину о предметах.

Называя практику «чувственной деятельностью», Маркс обращал внимание на то обстоятельство, что все наши сознательные действия над предметами зависят от их воздействия на наши органы чувств. Работа рук,

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 188.

² Там же, стр. 189.

на которую он ссылается, описывая процесс труда, начинается и направляется органами чувств. Именно это имел в виду Энгельс, когда отвечал (во Введении к английскому изданию работы «Развитие социализма от утопии к науке») тем философам, которые доказывали, что нет достаточных оснований предполагать, что вообще существуют какие-либо предметы, соответствующие нашим восприятиям. «Слов нет, это такая точка зрения, которую трудно, по-видимому, опровергнуть одной только аргументацией. Но прежде чем люди стали аргументировать, они действовали... И человеческая деятельность разрешила это затруднение задолго до того, как человеческое мудрствование выдумало его... В тот момент, когда сообразно воспринимаемым нами свойствам какой-либо вещи мы употребляем ее для себя,— мы в этот самый момент подвергаем безошибочному испытанию истинность или ложность наших чувственных восприятий. Если эти восприятия были ложны, то и наше суждение о возможности использовать данную вещь необходимо будет ложно, и всякая попытка такого использования неизбежно приведет к неудаче. Но если мы достигнем нашей цели, если мы найдем, что вещь соответствует нашему представлению о ней, что она дает тот результат, какого мы ожидали от ее употребления,— тогда мы имеем положительное доказательство, что в этих границах наши восприятия о вещи и ее свойствах совпадают с существующей вне нас действительностью... успех наших действий дает доказательство соответствия наших восприятий с предметной природой воспринимаемых вещей»¹.

Конечно, практика может быть успешной или не успешной, и в различной степени. И если людям не удастся достичь поставленной перед собой цели, если им не удастся удовлетворить своих желаний, такая практика безуспешна. Поэтому в практике всегда есть известная доля «проб и ошибок». И в ней мы проверяем и (если подходим разумно) пытаемся исправить наши представления.

Человеческая практика требует и всегда должна требовать того, чтобы она была *информированной*. Под этим я понимаю, что, для того чтобы практически воз-

---

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 303—304

действовать на окружающие нас предметы, чтобы употреблять их для себя, мы должны прежде всего стараться получить восприятия, из которых сделать вывод о том, что в действительности представляет собой вещь, и затем сформулировать (выразить словами) представления и теории о свойствах и связях вещей, в свете которых мы сможем планировать свои действия.

Информация, которую мы требуем для практики, начинается с ощущений. Но ощущения или чувственные восприятия не являются сами по себе *информацией* в том смысле, в котором я употребляю здесь это слово. С другой стороны, все знания получают и проверяются посредством восприятий.

Будучи сознательной, целенаправленной и продуктивной, человеческая практика имеет общественный кооперативный характер. Человек может, конечно, делать разные вещи по своему усмотрению, но он может это делать только потому, что он научился по крайней мере элементам общественной практики в ассоциации с другими людьми. Чтобы понять цели, представить, что может быть сделано, и приступить к выполнению этого, люди должны работать сообща и учиться друг у друга. Они должны превратить язык, или средства коммуникации, в членораздельную речь. *Информация*, которую требует практика, коммуникабельна, она *выражается в предложениях и передается* посредством языка.

Ощущения не поддаются передаче, но, будучи осведомленными посредством ощущений об объектах своей практической деятельности, люди формулируют и передают информацию об объектах, чтобы направить практику и руководить ею.

Строитель, например, не мог бы ничего построить, пока не увидел бы (или по крайней мере не потрогал бы) различные строительные материалы. Но один только вид множества кирпичей не дает информации, необходимой для строительства. Этим, как отмечал Маркс, человек-строитель отличается от различных животных, которые строят что-либо, и обнаруживает свое превосходство над ними. Для птицы, строящей гнездо, достаточно увидеть соломинку, чтобы подобрать ее и добавить к своему гнезду: она действует инстинктивно, и для этого ей в отличие от людей не нужна никакая информация. Птица может обходиться простым щебетанием.

ей не надо говорить и выслушивать других. Напротив, человек-строитель не только различает строительные материалы по виду, но ему требуется информация о них такого типа, как «это кирпич», «это лоток для переноски кирпичей», «это раствор для скрепления кирпичей» и т. п. И наряду с такой *частной* информацией человеку нужна еще информация более *общего характера*, как, например, «кирпичи должны быть скреплены так, а не иначе, чтобы стена не развалилась». Разумеется, квалифицированный рабочий знает все это наизусть, не повторяет все время про себя и не спрашивает об этом помощников. Он не бормочет про себя «это кирпич» каждый раз, когда поднимает его, и не консультируется всякий раз со своими помощниками, чтобы определить, что это такое. Тем не менее именно на такой коммуникабельной информации основывается его мастерство.

Теория необходима людям, чтобы *информировать практику*. И поскольку слово «теория» обычно относится к сообщениям, до известной степени обобщенным, каждый пункт информации является, строго говоря, пунктом теории. Теория о какой-нибудь вещи обобщает то, что находится за пределами органов чувств в каждый данный момент. Очевидно, следовательно, что такое утверждение, как «это кирпич», теоретично в той же мере, в какой и утверждение «это структура, в которой атомы расположены определенным образом»; второе утверждение воплощает более обобщенную теорию, чем первое, и разница только в этом. Действительно *все* утверждения теоретичны. И правильно понятая теоретическая работа или деятельность состоит не только в достижении частных видов весьма обобщенных утверждений, а в классификации, координации, проверке и критике утверждений в целях получения информации.

Чтобы теория информировала практику, она должна, следовательно, удовлетворять двум очевидным условиям. Во-первых, она должна заниматься *чувственными объектами*, их свойствами и взаимоотношениями. Поскольку практика заключается во взаимодействии с вещами, которые воздействуют на наши органы чувств, совершенно очевидно, что практика нуждается в информации об этих вещах. Во-вторых, утверждения ее должны поддаваться *проверке* практическим *опытом* нашего взаимо

действия с вещами. Это значит, что теория должна привести нас к возможности на основании наблюдения определенных событий предсказывать другие наблюдаемые события; если же предсказание не оправдывается, то данная теория будет (пока что по меньшей мере) опровергнута.

Так, например, теория, информирующая строителей, имеет дело с чувственными объектами, такими, как кирпичи. И то, что говорится о них, может быть подвергнуто экспериментальной проверке. Утверждение «это кирпич» окажется опровергнутым, если при поднятии его он со взрывом рассыплется! И более общая теория сооружений также будет опровергнута, если большинство зданий разрушится без землетрясений или бомбардировок. Очевидно, теория, не допускающая опровержения, не сообщит ничего об ожидаемом поведении объектов, с которыми мы имеем дело на практике, и, таким образом, не будет информировать практику. Вот почему условие опровергаемости, на котором д-р Поппер вполне справедливо настаивает, имеет такое огромное практическое значение при создании теории.

Практическая причина отстаивания *материалистической* теории теперь ясна. Только такая теория может и будет информировать практику.

Но разве идеалистическая теория не претендует также на то, чтобы информировать практику и значительно пополнять утверждения о материальных вещах?

Предположим, что кто-то спросил дорогу в церковь и ему ответили: «Прямо, второй поворот направо — и Вы попадете в церковь». Действуя согласно этой теории и найдя церковь, он затем спрашивает о пути в рай, и ему отвечают: «Заплатите два с половиной шиллинга и зажгите свечу — и тогда после Вашей смерти Ваша душа попадет в рай». Он действует также и в соответствии с этой теорией, платит и зажигает свечу. Но это не *информирует* его практику так, как это делала первая теория, потому что, во-первых, данная теория касается его души, которая не является предметом, каким-либо образом доступным органам чувств, и, во-вторых, она не может быть проверена практикой и не поддается подтверждению или опровержению. Он получил не *информацию*, а только *указания*, которые должен принять на веру. Информацию можно проверить практикой, но

этого нельзя сделать с теорией, излагаемой в церкви. Что должен делать истинно верующий, когда встретит атеиста, который скажет ему, что у него нет души и нет такого места, как рай, или когда он посетит другую церковь, где ему скажут, что нет никакой пользы в зажигании свечей? Он может только утвердиться в своей вере.

Этот пример показывает различие между *информирующей* и *неинформирующей* теориями, а также, как легко принять *неинформирующую* теорию за *информирующую*. Она *кажется* информирующей, потому что предписывает определенный ход действий, так же как информирующая теория. «Вам нужны определенные результаты? Тогда делайте то-то. Вы хотите пойти в церковь? Второй поворот направо. Вы хотите спасти свою душу? Зажгите свечку». Но она предписывает, не информируя, поскольку цель, которой это предписание должно служить, лежит за пределами практического познания и практически невозможно решить, достигнута она или нет. Она просто указывает вам, что делать, но не предлагает проверки того, достигнута ли намеченная цель.

Всему *идеализму* присущ этот обманчивый характер. Идеалистическая ложная абстракция является претензией на информацию. Она подделывается под информацию и часто выступает в роли ее заместителя, но она не информирует. Это фальшивая информация. Именно в этом заключается ее *ложность*. Является информация истинной или ложной — это можно решить только путем проверки на практике. Но фальшивая информация не может быть проверена. Она не представляет на рассмотрение альтернативу «истинная или ложная», поскольку не допускает никакой процедуры ее решения. Она является «ложной» не в том смысле, в каком оказывается ложным утверждение какого-либо факта, когда вещи взаимосвязаны не так, как об этом говорится в утверждении, а в том смысле, в котором, скажем, нищий на коне является ложным джентльменом, — то есть выдает себя не за того, кем он в действительности является.

Вероятно, отчасти поэтому в наш век науки среди верующих, по крайней мере среди христиан, наблюдается растущая тенденция утверждать, что важными, дей-

ствительно имеющими значение в христианском учении являются скорее наставления о развитии индивидуальной личности и человеческих взаимоотношений, чем доктрины об ином мире. Это одна из причин для развития современного «диалога» между христианами и коммунистами, которые по таким вопросам находятся в большем согласии, чем любая из сторон могла предполагать ранее. Что останется от религии и как долго она будет существовать как институт, если ее наставления будут отделены от ложных абстракций, с которыми они до сих пор всегда были связаны,— проблема для верующих. Что касается марксистов, то мы не склонны спорить с людьми о том, что случится с нами после смерти, если можем достичь какого-то соглашения относительно того, что нам делать, пока мы живы. Марксисты считают, что для того, чтобы решить такие вопросы, нам необходима только проверенная информация об условиях нашей жизни в этом мире. Последовательное применение строго материалистического подхода к теории и постоянное отрицание идеалистического подхода основано на том, что только при применении материалистического подхода мы можем надеяться *информировать нашу практику*, тогда как идеалистический подход не может дать ничего, кроме лишь претензии на информацию.

Могут сказать, что мы хотим не просто информировать нашу практику, а выяснить «истину», которая служит целям более высоким, чем земные практические. Но что это, как не использование слова «истина» в видах приукрашивания беспочвенных выдумок, призванных диктовать практике ее формы, а не информировать ее? У нас нет никакого другого пути поисков *истины* — а именно, формирования наших представлений в соответствии с фактами,— кроме поисков информации для нашей практики и соответственной проверки наших представлений.

Далее, говорят, что принять точку зрения, согласно которой человек — чисто материальное существо, без «души», это значит принять очень ограниченную точку зрения на человеческую практику — ибо ведь люди очень тесно связаны и с «духовными» вещами и обедняют себя, если игнорируют их. Конечно, практика доставляет нам не только материальное удовлетворение, но и удов-

летворение от человеческих взаимоотношений, от любви и товарищества, от развития всех высоких человеческих качеств индивидов. Если под «душой» и «духовной жизнью» понимать это, то, разумеется, не будет «выдумкой» сказать, что у нас есть душа и способность к духовной жизни и что наша практика включает также и духовную жизнь. Но признание этого не требует от нас признания бессмертной души, существующей отдельно от тела. Фактически тем, кто ее признает, пока что явно не удастся развить способность к «духовной жизни» большинства человеческих существ. Ибо, если оскудевает материальная жизнь людей или они не в состоянии понять истинный характер человеческих отношений и интересоваться чем-нибудь, помимо удовлетворения своих личных материальных потребностей, у них остается немного возможностей для развития своего духовного мира. Если только мы сумеем лучше информировать свою практику в материалистическом смысле, глубже познавая самих себя, свои потребности, свою зависимость друг от друга, мы получим по крайней мере некоторый шанс понять, как нам в практике развивать все высшие человеческие способности. свой духовный мир

Глава 3

ЗНАЧЕНИЕ ДИАЛЕКТИКИ

1. ДИАЛЕКТИКА ПРОТИВ МЕТАФИЗИКИ

Материалистический подход, рекомендуемый марксизмом, должен быть *диалектическим*. Противопоставляя «материализм» «идеализму», Маркс и Энгельс противопоставляли «диалектику» тому, что они называли «метафизикой». Это значит, что подход, необходимый для разработки информирующей теории,— это подход *диалектико-материалистический*, противоположный как идеалистическому заблуждению — ложной абстракции, так и тому виду заблуждения, который обозначается словом «метафизика».

В нескольких местах своих трудов Энгельс говорил о том, что он понимал под «метафизикой», или метафизическим способом мышления, и что — под «диалектикой» в отличие от «метафизики». Хотя сообщение о том, что подразумевается под «диалектикой» в марксистской философии, которым нас облагодетельствовал д-р Поппер, предполагает, что Энгельс имел в виду нечто совершенно отличное от того, что он говорил, я и впредь буду считать, что Энгельс тем не менее имел в виду именно то, что говорил,— включая сказанное им относительно того, что именно он имеет в виду.

«Метафизический способ мышления»,— писал Энгельс в «Анти-Дюринге»,— заключается в привычке «рассматривать вещи и процессы... в их обособленности, вне их великой общей связи, и в силу этого — не в движении, а в неподвижном состоянии, не как существенно изменчивые, а как вечно неизменные...» Таким образом, «за отдельными вещами он не видит их взаимной связи, за

их бытием — их возникновение и исчезновение, из-за их покоя забывает их движение...»¹.

В противоположность метафизике, продолжает он, диалектический способ мышления рассматривает вещи «в их взаимной связи, в их сцеплении, в их движении, в их возникновении и исчезновении»².

При таком определении недостаток метафизики состоит в неумении устанавливать истинные связи. Диалектика же, напротив, строго *прослеживает эти связи*.

Строго говоря, добавление Энгельсом «сцепления, движения, возникновения и исчезновения» к «взаимной связи» не было совершенно необходимым — это просто детализация основной мысли, проделанная, возможно, (хотя это и не помогло им) ради тех, кто изучает диалектику за безумными чаепитиями, когда суть дела не всегда бывает вполне ясной. Ибо совершенно очевидно, если кто-то не в состоянии принять во внимание «сцепление, движение, возникновение и исчезновение», то он тем самым «не видит» существенный элемент «великой общей связи».

Исследование «взаимных связей» представляет собой, следовательно, достаточное определение диалектического подхода. Поэтому Энгельс в «Диалектике природы», в разделе «Диалектика» писал, что исследование законов или принципов, определяющих диалектический подход и диалектическое истолкование реального мира, надо развивать «как науку о связях в противоположность метафизике»³.

Кое-кто может пожаловаться, что, противопоставляя таким образом «диалектику» «метафизике», Энгельс внес путаницу, так как употребил второе из этих слов не в том смысле, в каком оно часто употреблялось другими авторами и до и после него. Фактически он употребил его в том смысле, в каком оно обычно употреблялось в его время в Германии и в каком употреблял это слово Гегель. А так как он разъяснил совершенно четко и, несомненно, яснее, чем другие немецкие авторы, что это за смысл, то нет никаких серьезных оснований считать этот смысл туманным. Наоборот, другой смысл, который

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 20—21.

² Там же, стр. 22.

³ См. там же, стр. 384.

инные философы придавали слову «метафизика», оставляет желать многого в отношении его разъяснения.

В современной претендующей на научность философской литературе, например, это слово, по-видимому, часто обозначает любую доктрину, с которой данный философ не согласен, и в особенности любую доктрину, утверждающую, что реальный мир не таков, каким он кажется, и что истинная природа действительности может быть раскрыта не в результате наблюдения и эксперимента, а исключительно чистым рассуждением. Конечно, диалектико-материалистический подход к оценке подобных доктрин как неприемлемых «метафизических», совпадает с подходом этих философов, но он считает столь же «метафизическими» многие из их собственных доктрин. Против чего он одинаково возражает как в их собственной «метафизике», так и в той «метафизике», на которую они нападают,—это неспособность *связать* «видимость» с «действительностью» или чувственные данные с обстоятельствами, которые они отражают. Те, кого многие современные философы называют «метафизиками», рассматривают «действительность» как нечто совершенно независимое от ее «видимости», но «антиметафизические» философы рассматривают видимость саму по себе и полагают, что она-то и есть действительность.

Однако если мы примем во внимание, как в прошлом возник термин «метафизика», то следует, пожалуй, признать, что последующее применение этого термина для обозначения того, что противоположно диалектике, можно считать не вполне удачным. В своем первоначальном значении слово «метафизика», греческое по происхождению и означающее «после физики», было заглавием, которое издатели рукописей Аристотеля дали трактату этого философа о том, что он именовал «бытие как бытие». Они озаглавили так этот трактат по той простой причине, что в их расположении трудов Аристотеля он шел как раз после трактата о физике. В результате дурной славы, которую снискал Аристотель в начале нового времени, это слово впоследствии приобрело предосудительное значение и стало употребляться для обозначения любого вида философских рассуждений, сочетавших туманность выражения с *априорностью* аргументации. Но трактат Аристотеля, которому было

дано это заглавие, фактически был трактатом о всеобщей взаимосвязи вещей, исследовавшим, в частности, связи между «содержанием» и «формой», «возможностью» и «действительностью». Поэтому, воздавая должное Аристотелю, можно собственно рассматривать его «Метафизику» как один из первых систематических набросков диалектики. Таким образом, ничуть не будучи повинным в ошибках метафизики в том смысле, в каком их определял Энгельс, то есть в рассмотрении вещей вне их связей, он старался показать, как надо истолковывать вещи в их связях. И поэтому, если бы мы понимали под «метафизикой» все, что развивает идеи оригинального трактата Аристотеля, то пришлось бы называть «метафизическим» любое общее высказывание о принципах диалектики.

Учитывая все это, а также двусмысленность, связанную с употреблением слова «метафизика», вполне можно было бы пожелать найти какое-нибудь другое слово для обозначения способа мышления, который Энгельс противопоставил диалектике, и тотчас же приходит на ум простое выражение «недиалектический». Однако после того, как слово «метафизика» более столетия употреблялось в значении, определенном Энгельсом, оно настолько основательно прижилось в дискуссии о диалектике, что и сам Шалтай-Болтай не мог бы теперь, пожалуй, надеяться заменить его каким-нибудь другим словом. Его употребление не приведет ни к каким недоразумениям, если только всегда иметь в виду данное ему определение.

Охарактеризовав метафизический, или недилектический, способ мышления, Энгельс отметил, что он неправилен потому, что «становится односторонним, ограниченным, абстрактным и запутывается в неразрешимых противоречиях»¹. Я уже указывал на некоторые из этих противоречий, когда говорил, что, отнюдь не радуясь им, диалектик соглашается с формальным логиком, признавая их в высшей степени нежелательными. Метафизика «запутывается» в противоречиях, которые становятся «неразрешимыми» для нее. Диалектика, напротив, находит путь к их разрешению, избавляясь от них.

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 21

Недиалектический способ мышления о вещах и их свойствах «в их обособленности, вне их великой общей связи», ведет к формальному противопоставлению «да...» и «нет...»¹.

Так, например, если рассматривать живые существа, как писал Энгельс, «каждое отдельно», то кажется, что все они обладают свойством быть «живыми», противоположным свойству быть «мертвыми» и не совместимым с ним. Однако если рассматривать, что происходит с ними в действительности, в реальных условиях их взаимодействия со средой, то становится совершенно очевидным, что смерть — это процесс. Если этот процесс заходит достаточно далеко, животное к концу его совершенно определено мертво; но во время процесса оно продолжает существовать в переходном состоянии. В наше время этот факт часто подтверждается примерами в больницах. Кто-то «умирает» в том смысле, что сердце у него перестает биться и дыхание прекращается, так что начинаются процессы органического распада. Но в течение короткого времени он остаётся достаточно «живым», чтобы врачи могли вернуть его к жизни. «Умер» он или нет? Менее драматической иллюстрацией к той же мысли могут служить лысеющие люди. Отвечать на вопрос, «лысый» такой человек в какой-то определенный момент или «не лысый», приходится так: он «лысеет» и, если не воспользуется средствами дляращения волос, скоро будет совсем лысым.

Эти примеры очень просты и очевидны и, как таковые, не представляют большого интереса. Как мы увидим дальше, применение того же принципа к другим случаям приводит к более интересным умозаключениям. Но между тем эти простые примеры доказывают основное положение.

Для недиалектического, или метафизического, способа мышления характерно, писал Энгельс в предисловии к «Анти-Дюрингу», что он устанавливает «неизменные противоположности» и «резкие, непреходимые разграничительные линии». Он разъединяет. Но непрерывное исследование науками того, как вещи *связаны* между собой в реальных процессах природы (и общества), показывает, что эти резкие и неизменные противоположности и деления «все более и более исчезают». Энгельс

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 20.

приводит множество примеров. «С тех пор... как было установлено, что тело может быть приведено в такое состояние, в котором капельножидкая и газообразная формы неразличимы,— агрегатные состояния потеряли последний остаток своего прежнего абсолютного характера... А с тех пор, как биологию стали разрабатывать в свете эволюционной теории, в области органической природы также начали исчезать одна за другой застывшие разграничительные линии классификации...»¹

Отсюда его вывод: «Центральным пунктом диалектического понимания природы является уразумение того, что эти противоположности и различия, хотя и существуют в природе, но имеют только относительное значение, и что, напротив, их воображаемая неподвижность и абсолютное значение привнесены в природу только нашей рефлексией»².

Поэтому он писал в главе I: «Для метафизика вещи и их мысленные отражения, понятия, суть отдельные, неизменные, застывшие, раз навсегда данные предметы, подлежащие исследованию один после другого и один независимо от другого. Он мыслит сплошными непосредствованными противоположностями... Для него вещь или существует, или не существует, и точно так же вещь не может быть самой собой и в то же время иной. Положительное и отрицательное абсолютно исключают друг друга; причина и следствие по отношению друг к другу тоже находятся в застывшей противоположности»³.

Но если мы поняли суть диалектики, то, писал Энгельс, «нам уже не могут больше внушать почтение... непреодолимые для старой... метафизики противоположности... Мы знаем, что эти противоположности имеют лишь относительное значение...»⁴

Во всех этих примерах и разъяснениях напрасно было бы искать «тезис, антитезис и синтез» и принятие логического противоречия (столь милого сердцу д-ра Поппера и прочих разоблачителей диалектики потому, что его очень легко раскритиковать). Основная мысль Энгельса при противопоставлении им «диалек-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 13.

² Там же, стр. 14.

³ Там же, стр. 21.

⁴ Там же, т. 21, стр. 302—303

тики» «метафизике» совсем проста, ясна и как день очевидна: метафизик формулирует «сплошные непосредствованные противоположности» в форме дизъюнкций: либо да... либо нет... но не: и да, и нет. Подобные дизъюнкции действительно отражают различия и противоположности, в самом деле встречающиеся в природе. Но они тем не менее «имеют лишь относительное значение». Диалектика — это прослеживание *связей противоположностей*, раскрываемых в реальных процессах как в природе, так и в обществе. В этих процессах вещи возникают, изменяются и исчезают не каждая отдельно, но во взаимодействии и взаимосвязи, в пределах «великой общей связи вещей и процессов».

В то время как цитата из Энгельса снимает такого рода возражения против диалектики, какие, как мы видели выше, выдвинул д-р Поппер (потому что ясно, что Энгельс не мог иметь в виду то, что говорит о смысле диалектического материализма д-р Поппер), иногда выдвигается возражение совсем другого рода. Суть этого возражения сводится к тому, что все сказанное Энгельсом очевидно, и очевидно до тривиальности. С ошибочным недиалектическим, или «метафизическим способом мышления», которому он противопоставил диалектику, покончено. Ни один здравомыслящий человек не станет думать подобным образом, так зачем создавать целую философию из «диалектики», противопоставляемой «метафизике»? «Диалектический материализм» оказывается простым трюизмом.

Ответ на это возражение распадается на две части. Во-первых, любые философские принципы, которые могут быть окончательно установлены, всегда должны быть в известном смысле простыми трюизмами. Философия, выступающая в роли откровения, раскрывающего, неведомо как, «сокровеннейшие тайны», является, мягко выражаясь, мошеннической. Обоснованные философские идеи *должны* обладать способностью становиться «очевидными», иначе они не могут быть обоснованными. Поэтому Энгельс сам говорил, что диалектика, если только ее как следует разъяснить, становится простой и ясной как день¹.

Во-вторых, с так называемым «метафизическим спо-

---

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 384.

собом мышления» в действительности отнюдь не покончено, даже наоборот, он широко распространен, с вытекающими из этого печальными последствиями. Поэтому изучение, формулирование и внедрение очевидных принципов диалектического мышления вполне заслуживают серьезного внимания.

Верно, как сказал Энгельс, что всякое плодотворное научное мышление является и должно быть диалектическим. Тем не менее делиться, хотя бы и с учеными, соображениями о законах диалектического мышления, как противоположного мышлению метафизическому, в общем не то же самое, что «ученых учить». Поэтому до сих пор стоит вспоминать еще одно высказывание Энгельса, пусть даже теперь оно и не так справедливо, как тогда, когда было записано: «...Так как и до сих пор можно по пальцам перечестъ естествоиспытателей, научившихся мыслить диалектически, то... конфликт между достигнутыми результатами и укоренившимся способом мышления вполне объясняет ту безграничную путаницу, которая господствует теперь в теоретическом естествознании и одинаково приводит в отчаяние как учителей, так и учеников, как писателей, так и читателей»¹.

В области более абстрактных и философских наук путаница, проистекающая из метафизического способа мышления или недостатка диалектики, очевидна и хорошо известна. За примерами нет нужды обращаться к средним векам или даже к XVIII и XIX столетиям. Наиновейшему виду «логико-аналитической» философии было положено начало чрезвычайно «метафизическими» заявлениями, в которых Рассел и Витгенштейн сформулировали принципы так называемого «логического атомизма». «Существующий мир состоит из многих предметов со многими свойствами и отношениями», — объявил Рассел в «Our Knowledge of the External World». «Полное описание существующего мира потребовало бы не только составления полного каталога всех предметов, но также упоминания всех их свойств и отношений». А Витгенштейн детально разработал его в знаменитых положениях своего «Логико-философского трактата»: «Мир есть все то, что имеет место... Мир

¹ К Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 22

распадается на факты. Любой факт может иметь место или не иметь места, а все остальное останется тем же самым. То, что имеет место, что является фактом,—это существование атомарных фактов. Атомарный факт есть соединение объектов... Объект есть постоянное, существующее... Конфигурация объектов образует атомарный факт... Атомарные факты независимы друг от друга»¹. Рассел и Витгенштейн взвалили на себя и своих последователей, в своей позднейшей деятельности, незавидную задачу—попытаться разрешить многочисленные головоломки, заданные этими метафизическими утверждениями.

В философии науки «неразрешимые противоречия», обусловленные метафизическим разделением и противопоставлением противоположностей, служат новыми примерами широкого распространения метафизики. Так, «частицы» и «волны», «материя» и «энергия», «детерминизм» и «индетерминизм» продолжают оставаться в «непримиримом противоречии». При обсуждении вопросов этики метафизическое противопоставление «свободы выбора» и «детерминизма» все еще дает тему для бесплодных споров.

Наконец, метафизический способ мышления никоим образом не остается в стороне от повседневных и практических дел. Возьмем, например, политику. Энгельс сказал, что метафизики принимают указание Евангелия от Матфея (глава 5, стих 37): «Да будет слово ваше «Да — да, нет — нет», а что сверх этого, то от лукавого». Когда люди говорят и действуют, оглядываясь на политические лозунги, и держат наготове набор трафаретных ярлыков для наклейки на все подряд, с тем чтобы судить о чем угодно в соответствии с наклеенным ярлыком, не считаясь с действительными изменяющимися обстоятельствами, в каких, меняясь сами под их воздействием, действуют как партии, так и личности,— что это, если не политическая метафизика?

В тех отрывках, цитаты из которых я приводил выше, Энгельс упоминает несколько примеров, более сложных и интересных, чем те простые и легкие, с которых мы начали.

Л. Витгенштейн. Логико-философский трактат, М., 1958. стр 31, 33.

«При более точном исследовании мы находим также, что оба полюса какой-нибудь противоположности — например, положительное и отрицательное — столь же неотделимы один от другого, как и противоположны, и что они, несмотря на всю противоположность между ними, взаимно проникают друг друга. Мы видим далее, что причина и следствие суть представления, которые имеют значение, как таковые, только в применении к данному отдельному случаю; но как только мы будем рассматривать этот отдельный случай в его общей связи со всем мировым целым, эти представления сходятся и переплетаются в представлении универсального взаимодействия, в котором причины и следствия постоянно меняются местами; то, что здесь или теперь является причиной, становится там или тогда следствием и наоборот»¹.

Кроме того, «то, что ныне признается истиной, имеет свою ошибочную сторону, которая теперь скрыта, но со временем выступит наружу; и совершенно так же то, что признано теперь заблуждением, имеет истинную сторону, в силу которой оно прежде могло считаться истиной; то, что утверждается как необходимое, слагается из чистых случайностей, а то, что считается случайным, представляет собой форму, за которой скрывается необходимость, и т. д.»².

Чтобы постичь суть диалектики, достаточно только принять во внимание, к какому множеству путаных и сбивающих с толку споров привели такие абстрактные противоположности, как «истинный» и «ложный», «причина» и «следствие» или «необходимость» и «случайность». Плодотворное обсуждение никогда не закрывает глаза ни на «скрытую ошибочную сторону» утверждений, выдвигаемых в качестве истинных, ни на элемент истины в утверждениях, осужденных как ошибочные. Кроме того, можно вспомнить путаницу, к которой приводит обсуждение вопросов развития общества, когда представление, что политические действия являются следствиями экономических причин, отрывается от очевидного факта, что экономические следствия вызываются политическими действиями. Интересно так же проанализи-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 20. стр. 22.

² Там же, т. 21, стр. 303

зировать парадоксы и противоречия, порождаемые выражением «все происходит по необходимости», когда предполагается, что «необходимость» исключает «случайность». Последнее высказывание — типичный пример утверждения, которое многие философы, помимо марксистов, признают «метафизическим». Ошибка в нем — следствие противопоставления понятий «необходимость» и «случайность» без анализа их взаимосвязи или, как выразили бы это некоторые современные философы, без учета того, каким образом такие слова, как «необходимость» и «случайность», правильно употребляются вместе при описании того, что действительно происходит.

2. МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА

Изложение диалектики Энгельсом делает совершенно ясным, что для марксизма диалектический подход означает рассмотрение вещей в их реальных взаимосвязях, а не отдельно друг от друга, и, следовательно, в их изменениях («возникновении и исчезновении»), а не в абстрагировании от таковых.

Попытки д-ра Поппера доказать, что под «диалектикой» подразумевается чепуха относительно «тезиса, антитезиса и синтеза», тем менее извинительны, что фактическое употребление этого термина у Энгельса и у всех компетентных марксистов в действительности соответствует обычному употреблению его другими философами на протяжении многих лет (даже не столетий, а тысячелетий).

Так, например, Платон неоднократно подчеркивал необходимость «диалектического» подхода и понимания «диалектики» как раз для того, чтобы избежать заблуждений и противоречий, вытекающих из чисто абстрактного размышления о вещах. И действительно, именно этим объясняется прогрессивность мышления Платона, несмотря на его идеализм и политическую реакционность. Его подход был как раз противоположным подходу метафизического догматизма; он всегда исследовал предмет, так что его «Диалоги» остаются живыми диалогами спустя более двух тысяч лет и будут живыми

пока люди будут мыслить. В одном месте Платон пояснил, что такое «диалектика», спрашивая, длинен или короток один из его пальцев, и отвечая, что он короток по отношению к более длинным предметам и длинен по отношению к более коротким. В других местах он говорил, что «диалектика» заключается в правильном установлении отношений сходства и различия между предметами некоторого класса. Кто смотрит на диалектику сквозь пальцы, тот приходит к нелепостям и противоречиям, указывал он, формулируя то, что Энгельс впоследствии назвал «неопосредствованными противоположностями». Так, человек, говорящий, что его палец не короток, а длинен, приходит к противоречию, когда бывает вынужден согласиться, что палец его все-таки короток, а человек, говорящий, как различны некоторые предметы,—когда поневоле соглашается, что они очень сходны.

Диалектика Гегеля ведет свое происхождение от диалектики Платона, и, таким образом, его идеализм был того же «объективного» типа, что и идеализм Платона,—сходство, верно подмеченное д-ром Поппером в его работе «Открытое общество и его враги», хотя Гегеля он искажает до такой степени, что в сравнении с этим искажение им Маркса выглядит чуть ли не как почти научно точное изображение.

Цель диалектики, писал Гегель, заключается в исследовании предметов в их собственном бытии и движении. А чтобы осуществить это, указывал он, нам надо исследовать *связи противоположностей* — не считать их независимыми друг от друга, но связывать их друг с другом. «Так, например, говорят: «человек смертен» и рассматривают смерть как нечто, имеющее свою причину лишь во внешних обстоятельствах; согласно этому способу рассмотрения существуют два самостоятельных свойства человека: свойство быть живым и, *кроме того*, свойство быть смертным. Но истинное понимание состоит в том, что жизнь, как таковая, носит в себе зародыш смерти и что вообще конечное противоречит себе внутри самого себя и, вследствие этого, снимает себя»¹.

Затруднения у Гегеля (как и у Платона, но гораздо более значительные) вытекают из его *идеализма*. Он

---

¹ Гегель, Соч., т. 1, М.—Л., 1929, стр. 136.

предполагал, что понятия, или идеи, предшествуют вещам и что формы отношений и развития, наблюдаемые в мире, представляют собой лишь реализацию понятий, так что способы связи вещей можно выводить из способов связи понятий. Любое понятие находится в определенном соотношении с противоположным ему и не может быть от него отделено (как «бытие» и «небытие», «количество» и «качество», «непрерывность» и «дискретность», «жизнь» и «смерть» и т. д.). Отсюда (заключал Гегель) в материальном мире, где понятия реализуются, противоположности неразделимы. Поэтому количественные изменения переходят в качественные, твердое мягко, короткое длинно, непрерывное дискретно, в расцвете жизни мы умираем, и так далее. Своей искусственностью и ошибочностью диалектика Гегеля обязана методу, каким он старался выводить конкретные связи вещей из абстрактных связей понятий. Так, в известном вступительном разделе своей «Логики» он утверждал возможность выведения временного характера и изменчивости вещей («становления») из соотношения абстрактных понятий «бытие» и «ничто», потому что из него следует, говорил он, что все, что имеет бытие, необходимо должно переходить в ничто.

В хорошо известном отрывке (в послесловии ко второму немецкому изданию I тома «Капитала») Маркс писал, что «у Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно»¹. Вместо того чтобы пытаться выводить взаимосвязи реального мира из развития понятий, следовало бы попробовать развивать понятия таким образом, чтобы отразить в них взаимосвязи реального мира. И это делает *материалистическая диалектика*.

Гегель (и в меньшей степени Платон) дает наглядный пример того, как правильный диалектический подход, противоположный недиалектическому, или метафизическому, может превратиться в нелепость, если сочетать его с идеализмом. Подобно этому материалистическое мышление до Маркса служит наглядным примером того, как превращается в нелепость верный материалистический подход, противоположный идеалистическому, ес-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 22.

ли он сочетается с метафизикой, то есть остается *не-*диалектическим.

Диалектический материализм критикует не только идеализм, но также и метафизический материализм. Маркс и Энгельс относили к последнему направлению как древних материалистов, таких, как Демокрит и Эпикур, так и новейших, как-то французских энциклопедистов, называя последних также «механистическими материалистами» ввиду того, что они считали, будто законы механики являются основными законами для всех материальных систем. Все эти мыслители-материалисты упорно придерживались позиции «неизменных противоположностей» и «резких, непреходимых разграничительных линий».

Так, древний материализм сформулировал противоположность пространства, как чего-то вроде пустого вместилища, и материи, как того, что должно находиться в этом вместилище. Демокрит выдвинул хорошо известное метафизическое утверждение: все, что существует,— это «атомы в пустоте». Эту идею посчитали попросту не нуждающейся в доказательстве основатели современной физической науки (Ньютон и остальные), и, чтобы покончить с вытекающими из нее теоретическими затруднениями, в дальнейшем потребовалась разработка учеными теории относительности и теории поля (которые *связывают воедино* пространство, время и материю).

С другой стороны, особенно материалистами нового времени, материя была отделена от движения. Предполагалось, что материя находится либо в состоянии покоя, либо в движении, и, чтобы привести ее в движение, необходимо сообщить ей некоторый импульс. Такие представления вели к идее, что материю сотворил бог и, одарив ее законами движения, дал ей затем начальный толчок, после чего материальные предметы стали двигаться.

Кроме того, механистический материализм заимствовал у древнего материализма метафизическое отделение механического движения, как перемещения частиц материи в пространстве, от всех тех форм движения (таких, как химические превращения или процессы жизнедеятельности, как-то: ощущение, восприятие и мышление), которые поддаются только качественному описанию. При этом говорили, что только первое является

реальным движением, тогда как остальные — лишь связанные с ним формы видимости. Метафизическое разграничение между механическим перемещением и другими формами движения было, таким образом, в то же самое время метафизическим противопоставлением видимости и действительности. Все, *действительно* происходящее в мире, есть-де лишь перемещение и взаимодействие частиц материи в соответствии с законами механики. Отсюда выводится знаменитый принцип детерминизма Лапласа, утверждающий, что, зная положение и механический момент каждой частицы в данное мгновение, можно рассчитать все, что произойдет когда угодно в будущем.

Подобное метафизическое представление о материи и движении вызвало столь же метафизическое представление об отношении материи к разуму. Ощущение, восприятие и мышление рассматривались всего лишь как субъективное сопровождение определенных механических воздействий. Так, например, воздействие света на сетчатку глаза вызывает смещение вещества в зрительном нерве, а это сопровождается «ощущением» света.

Такие представления материалистов-метафизиков были, конечно, находкой для идеалистов. Джордж Беркли доказывал весьма убедительно в своем «Трактате о началах человеческого знания», что понятие «материя», предложенное «самыми точными философами» его времени (под которыми он подразумевал материалистов-метафизиков), «отвлеченно и непонятно». Нетрудно дискредитировать метафизический материализм, а затем заявить, что материализм опровергнут вообще.

Объясняя, что такое «материалистическая диалектика», Энгельс показал, как метафизические абстракции — противопоставление одного предмета или аспекта другому вместо установления связей между ними — логически приводят к абсурдным вопросам, на которые невозможно ответить. Так, в пятой и шестой главах «Анти-Дюринга» он показал, какие нелепости порождает метафизическое отделение пространства, времени, материи и движения друг от друга.

Как могли бы существовать пространство и время без материальных событий, происходящих в пространстве и времени? И что за «материя» осталась бы в мире, если бы не было таких событий? Толковать о про-

странстве и времени вне связей с материальными объектами так же бессмысленно, как говорить о чем-либо, существующем вне пространственно-временных отношений, или (можно добавить) о пространственных отношениях, не зависящих от времени, или о временных отношениях, не зависящих от пространства. «...Основные формы всякого бытия суть пространство и время...»¹, — подвел кратко итог Энгельс.

Столь же бессмысленно отделять материю от движения. Поступать подобным образом значит рассуждать так, как если бы «материя» была каким-нибудь видом исходного материала или вещества, из которого сделаны все вещи и который сам по себе инертен, хотя вещи, из него сделанные, будут двигаться, если их толкнуть. Как бы отвергая подобную нелепость, Энгельс сформулировал следующий принцип: «*Движение есть способ существования материи*»².

Затем он подчеркнул различие и связь разных форм движения материи. Механическое перемещение — не единственная форма реального движения, все другие формы движения — не простые проявления перемещения; исследование реального движения вещей приводит к установлению связей между различными формами движения и изучению способов перехода одной формы в другую. «Материя в движении», таким образом, не являет собой какой-то простой картины механических взаимодействий. Простое описание механических взаимодействий, отнюдь не создавая полной картины всего, что происходит в действительности, абстрагирует одну-единственную сторону ее и затем представляет эту абстракцию в качестве всей конкретной действительности.

«Движение в мировом пространстве, механическое движение менее значительных масс на отдельных небесных телах, колебание молекул в качестве теплоты или в качестве электрического или магнитного тока, химическое разложение и соединение, органическая жизнь — вот те формы движения, в которых — в одной или в нескольких сразу — находится каждый отдельный атом вещества в мире в каждый данный момент»³, — писал Энгельс. В определенных условиях одна форма движе-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 51.

² Там же, стр. 59.

³ Там же.

ния переходит в другую и эта другая не вытесняет в таком случае первую, но совокупное движение материальных структур, в которых все происходит, содержит в себе в дальнейшем обе эти формы. Так, механическое движение переходит в теплоту, физические движения — в химические, химические соединения превращаются в живые организмы и т. д. Но механическое движение продолжается и тогда, когда выделилась теплота, химические системы продолжают подчиняться законам физики, а живые организмы служат примерами действия законов механики. Так, человек, действующий сознательно и целеустремленно, не перестает вследствие этого зависеть от законов механики, так же как его тело не перестает быть физической структурой, а процессы в его тканях — химическими процессами. В то же время неверно утверждать, что человеческая жизнь в действительности — всего лишь ряд механических, физических или химических взаимодействий.

Отсутствие движения, или «покой», продолжал Энгельс, имеет «смысл только по отношению к той или иной определенной форме движения»¹. Абсолютный покой, или неподвижность, представляет собой бессмыслицу. Поэтому нелепо предполагать, что материя может пребывать в покое либо в движении и движется только в ответ на «начальный толчок». Отделение материи от движения так же невозможно, как отделение ее от пространства и времени. Какое-нибудь тело может оказаться лишенным движения в том или ином отношении, но, по-видимому, не может быть лишено движения во всех отношениях. Так, тело, находящееся в покое по отношению к Земле, движется относительно Солнца, внутри него продолжается скрытое тепловое движение и т. д.

В первой главе «Анти-Дюринга» Энгельс объяснил просто и понятно, каким образом в процессе развития естественных наук возникает ошибка метафизического абстрагирования и почему принципы материалистической диалектики являются необходимыми принципами научного способа мышления. И он повторил все это в четвертой главе «Людвига Фейербаха...». Право, жаль, что дребезжание чайных чашек помешало д-ру Попперу расслышать эти объяснения.

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 59.

Чтобы постичь связи вещей, надо прежде разобраться в различиях. Нет ничего предосудительного в «изучении отдельных предметов», наоборот, именно так и надо поступать. Метафизика становится ошибкой, когда останавливается на соответствующих представлениях различия и противоположности, не умея продвинуться дальше, к изучению связей.

Чтобы получить адекватное представление о предметах, писал Энгельс в «Анти-Дюринге», надо изучить их во всех частностях. А «чтобы познавать эти частности, мы вынуждены вырывать их из их естественной или исторической связи и исследовать каждую в отдельности...»¹. Так что, писал он в «Людвиге Фейербахе...», «надо было исследовать предметы, прежде чем можно было приступить к исследованию процессов. Надо сначала знать, что такое данный предмет, чтобы можно было заняться теми изменениями, которые с ним происходят»². Наука вынуждена начинать с анализа, описания и классификации. Но «когда... изучение отдельных предметов подвинулось... далеко... можно было сделать решительный шаг вперед, то есть перейти к систематическому исследованию тех изменений, которые происходят с этими предметами», и, таким образом, наука в своем последующем развитии сделалась «наукой о процессах, о происхождении и развитии этих предметов и о связи, соединяющей эти процессы природы в одно великое целое»³. Материалистическая диалектика, таким образом, представляет собой не что иное, как обобщение принципов, воплощенных во всем научном мышлении, как только оно выходит за пределы более примитивной стадии анализа.

Раз это основное положение доказано, то, право, вполне очевидно, что никакое конкретное или полное описание того, что есть, или того, что происходит, не может ограничиться ни рассмотрением каждого предмета или аспекта предмета «самого по себе», ни метафизической абстракцией. Оно вынуждено принимать во внимание «взаимные связи». А когда это делается, тот вид «коренных противоположений» и взаимное исклю-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 20.

² Там же, т. 21, стр. 303.

³ Там же.

чение «противоположностей», которые порождаются недиалектическим мышлением, исчезают вместе с вытекающими из них загадками и нелепостями. Диалектический материализм доказывает это вполне очевидное и вполне доступное здравому смыслу положение.

3. КОНКРЕТНЫЙ АНАЛИЗ КОНКРЕТНЫХ УСЛОВИЙ

«...Мир состоит не из готовых, законченных *предметов*, а представляет собой совокупность *процессов*»,— писал Энгельс в четвертой главе «Людвига Фейербаха...».

«Эту великую основную мысль»,— продолжал он,— «едва ли кто-нибудь станет оспаривать... в ее общем виде. Но одно дело признавать ее на словах, другое дело — применять ее в каждом отдельном случае и в каждой данной области исследования»¹. Общие принципы диалектики — те «законы», которые так часто подвергались сомнению, высмеивались и отклонялись с тех пор, как Гегель впервые заговорил о них,—представляют собой всего-навсего обобщение руководящих принципов такого применения.

И далее Энгельс пишет следующее: «Если... мы при исследовании постоянно исходим из этой точки зрения, то для нас раз навсегда утрачивает всякий смысл требование окончательных решений и вечных истин; мы никогда не забываем, что все приобретаемые нами знания по необходимости ограничены и обусловлены теми обстоятельствами, при которых мы их приобретаем»². Таким образом, точка зрения материалистической диалектики — это точка зрения непрерывного исследования, противоположная всякому догматизму, хотя бы, по мнению д-ра Поппера, правила, или диалектические законы, такого исследования и закладывали основы «усиленного догматизма».

Описывать мир как «совокупность процессов» вовсе не значит, конечно, отрицать существование «предметов». Энгельс дал этому исчерпывающее разъяснение, когда писал, что в процессах, из которых состоит мир,

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 302.

² Там же.

«предметы, кажущиеся неизменными, равно как и делаемые головой мысленные их снимки, понятия, находятся в непрерывном изменении, то возникают, то уничтожаются»¹. Суть дела в том, что «предметы» не являются «готовыми» и «законченными», но образуются, видоизменяются и распадаются в тех или иных процессах, а их свойства и отношения не являются их неизменными атрибутами, но проявляются и исчезают в процессах, в которых участвуют предметы. Если, например, у камня есть свойство быть твердым, а отношение его к куче песка — быть тверже нее, то это объясняется тем, что камни образовались в ходе определенных процессов,— и если это учесть, то станет очевидным, что невероятно, чтобы какой-нибудь камень вечно оставался твердым,— он будет крошиться и со временем рассыплется весь без остатка. Камни тверже песка, но песок может образоваться из раскрошившихся камней, а также может сам превратиться в песчаник.

Не всегда будет ошибкой рассуждать с точки зрения «совокупности предметов». Наоборот, для многих целей такой способ рассуждения вполне уместен. Важно то, что это не единственный правильный способ рассуждения, а всего-навсего один из нескольких возможных. Как я указывал выше, все, что бы мы ни думали и ни говорили, всегда бывает основано на *абстракции*. Размышления и рассуждения о «совокупности предметов» служат примерами одного конкретного *способа абстрагирования*. Этот способ абстрагирования вполне подходит для некоторых определенных практических целей. Для других целей он не подходит. И он, несомненно, не подойдет для цели разработки возможно более полного и конкретного описания того, что на самом деле происходит в мире.

Позвольте мне привести весьма «ароматный» пример, местом действия которого является розарий. Допустим, кто-то приходит купить десяток роз. Удовлетворяя этому желанию, садовник придерживается исключительно точки зрения «совокупности предметов»: он рассматривает свой розарий всего-навсего как вместилище стольких-то роз, одни из которых такого-то цвета, а другие — иного. Подводя вечером итог своей деятельности

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 302.

за день, он продолжает думать так же: продано столько-то роз по такой-то цене за штуку, столько-то рабочих проработало столько-то часов за такую-то почасовую оплату — и т. д. Тем не менее, заботясь обо всем, о чем в его деле следует заботиться, он не может всегда рассуждать так абстрактно. Ему надо выращивать розы, и, занимаясь этим, он думает о них вовсе не как о «готовых, законченных предметах». Свой розарий он рассматривает уже не как «совокупность предметов», но как «совокупность *процессов*, в которой предметы, кажущиеся неизменными... находятся в непрерывном изменении, то возникают, то уничтожаются». Пока розы интересовали его только как товар, который покупается и продается, абстрагирование с точки зрения «совокупности предметов» обеспечивало надлежащий способ мышления о них; как только его интересы, расширяясь, охватили и конкретные условия действительного произрастания роз, первоначальную абстракцию пришлось дополнить другими видами понятий.

Если от скромного садовода мы обратимся к философу, лорду Расселу, то увидим, что приведенное мной в качестве типичного примера «метафизического» утверждения высказывание его о том, что «полный каталог всех предметов» с «упоминанием всех их свойств и отношений» представлял бы собой «полное описание мира», служит также примером того, насколько глубоко пропиталось духом торгашества мышление даже британской аристократии. В самом деле, вся эта разновидность метафизики вряд ли появилась бы на свет, если бы не развитие товарного производства и не отделение умственного труда от физического.

Когда от взгляда на мир, как на «совокупность предметов», мы переходим к взгляду на него преимущественно как на «совокупность процессов», в которых предметы возникают и уничтожаются при непрерывном изменении их взаимных связей, это явление можно описать как переход от более абстрактного взгляда на вещи к менее абстрактному или от более *абстрактного* способа мышления к более *конкретному*. Я не могу здесь углубляться в точное определение «абстрактного» и «конкретного», как специальных терминов логики. Достаточно будет указать, что утверждение *B* более конкретно и менее абстрактно, чем утверждение *A*, если

все, что выражает *A*, включено в то, что выражает *B*, но не все, что выражает *B*, включено в то, что выражает *A*.

Взгляд на мир, как на «совокупность процессов», очевидно, *конкретнее* по сравнению с более *абстрактным* взглядом на мир как на «совокупность предметов», потому что включает в себя все, что включено в последний, и многое сверх того. То, что мы думаем о процессах, не является альтернативой тому, что мы думаем о предметах, но мыслить о процессах — значит *мыслить о предметах гораздо менее абстрактно*, более адекватно представляя себе данные конкретные условия существования предметов и их реальные взаимосвязи. Таким образом, все, что получило отражение при взгляде на мир как на «совокупность предметов», по-прежнему отражается во взгляде на него как на «совокупность процессов». Когда наш садовод думает о розарии с точки зрения происходящих в нем в данный момент процессов, он не теряет из виду ни отдельных роз, ни их индивидуальной окраски. Скорее он видит их теперь, как выражался Гегель, «в их собственном бытии и движении», а не думает о них абстрактно, в относительном отрыве от данных условий их существования.

Как я отметил выше, Ленин писал, что диалектика занимается конкретным анализом конкретных условий. *Диалектика проникает в мышление, и принципы диалектики применяются всякий раз, когда нам нужно сделать наше мышление более конкретным.* Диалектика мышления заключается не в каких-то искусственно надуманных трюках перехода от «тезиса и антитезиса» к «синтезу» (и кто бы, кроме шарлатанов или педантов, стал ими заниматься?), но в переходе от более абстрактных представлений к более конкретным. Точно так же *диалектика, обнаруживаемая в объективном мире, состоит в тех формах взаимных связей внутри реальных процессов, которые раскрывает конкретный анализ конкретных условий и которые игнорируются более абстрактным метафизическим способом мышления.*

Конкретный анализ конкретных условий требует изучения форм взаимосвязей внутри происходящих в мире процессов и рассматривает предметы как взаимозависимые, изменяющиеся, возникающие и исчезающие и, сверх того, превращающиеся в свою собственную

противоположность, обнаруживающие противоречивые стороны в различных отношениях и вступающие в противоречивые отношения, в которых они подвергаются напряжениям и деформациям, столкновениям и превращениям.

Так, Маркс в послесловии ко второму немецкому изданию «Капитала» в связи с проведенным им анализом конкретных условий капиталистического общества писал, что «в своем рациональном виде диалектика внушает буржуазии и ее доктринарам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна»¹.

Разумеется, д-ру Попперу это не по вкусу. В отместку он изображает диалектику как доктринерский вздор. Этого он добивается, доказывая, что диалектика противоречит формальной логике. Но она противоречит не логике, а метафизике.

Законы логики суть законы *последовательности*. Отстаивать пренебрежение к ним или нарушение их — значит отстаивать непоследовательность. Поэтому, конечно, если бы диалектика проповедовала именно это, она была бы вздором, каким ее объявляет д-р Поппер. Но, как мы видели раньше, материалистическая диалектика не проповедует ничего подобного. *Она занимается последовательным описанием реальных связей предметов.* Надо быть попросту тупицей, чтобы допустить, что конкретный анализ конкретных условий может быть точным только тогда, когда он непоследователен. Когда Маркс требовал считаться не только с «существующим положением», но также и с «его отрицанием», он не отстаивал попрание законов логики. Напротив, из конкретного анализа существующего положения логически следует его отрицание. В действительности Маркс сам был очень логичен. Злостью, которую он внушал буржуазии, он был обязан тому, что сделал логические выводы из конкретного анализа.

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 22.

Законы формальной логики имеют *абсолютное* значение, и *любая* форма суждения, отвергающая их, становится вследствие этого непоследовательной и противоречивой. Поэтому диалектический подход, конечно, не содержит в себе никаких намеков на допустимость безнаказанного нарушения законов логики ради конкретного анализа, трактующего о реальных формах взаимосвязи предметов — как будто то или иное утверждение о том, каким образом предметы связаны между собой, может как-то уклониться от подчинения нормам формальной логики. Разумеется, если вы игнорируете способы связи предметов — если вы игнорируете, скажем, те связи предметов, которые приводят к порождению существующим положением дел собственного «отрицания», — вы придете к ошибочным выводам. Этим неудачным результатом вы будете в таком случае обязаны не уважению к формальной логике, а неуважению к реальным связям. Если же вам недостает уважения к формальной логике, вы вообще не сможете прийти ни к какому выводу.

В действительности диалектический подход подсказывает — более того, требует, — нечто совсем иное. Практическое мышление (то есть мышление, информирующее нашу практику) всегда должно быть логически последовательным, но законы логической последовательности сами по себе не могут обеспечить ему достаточных руководящих принципов. Формальной последовательности мало; хотя она и необходима, ее недостаточно. Другими словами, недостаточно просто сказать (как говорит д-р Поппер), что задача научного мышления — формулировать обобщения, согласующиеся с наблюдением, а затем пытаться опровергнуть их и, если они опровергаются, попытаться сформулировать их таким образом, чтобы они согласовывались также и с новыми наблюдениями. Это, конечно, должно быть сделано, но не только это.

Обобщения по тому или иному вопросу могут быть в высшей степени последовательными — согласующимися с наблюдениями и допускающими опровержение наблюдениями, — так что со стороны формальных критериев с ними все будет в порядке; но даже если мышление, использующее только подобные критерии, подчиняется законам логической последовательности со скрупулез-

ным вниманием к ним и заслуживает высокую оценку д-ра Поппера, как научное, за свою опровергаемость, оно все еще безнадежно неадекватно для всех целей информации практики, за исключением самых ограниченных, поскольку оно все еще очень «односторонне, ограничено и абстрактно». Для того чтобы лучше информировать практику, надо сформулировать обобщения, не только согласующиеся с наблюдением и допускающие опровержение, но и вносящие определенный вклад в конкретный анализ наблюдаемых условий.

Можно найти множество примеров односторонних абстрактных обобщений, иллюстрирующих одновременно их очевидную ограниченность. Особенно богаты такими обобщениями в наше время общественные науки. Возьмем в качестве примера обобщения буржуазной политической экономии, относящиеся к эксплуатации трудящихся и предназначенные для использования не только в качестве описания положения вещей, но также и в качестве практического руководства по управлению хозяйственной деятельностью или по использованию экономической обстановки в целях извлечения прибыли. Буржуазная политическая экономия, которую прежде называли «мрачной наукой», формулирует подобные обобщения, коррелируя самым «научно запутанным» образом всевозможные наблюдаемые переменные, которые выведены из статистических исследований, и корректируя свои обобщения всякий раз, когда они опровергаются (что часто случается). Эти обобщения удовлетворяют формальным критериям, поскольку основаны на систематических наблюдениях, согласуются с наблюдениями и допускают опровержение другими наблюдениями. Они говорят нам, что, когда заработная плата растет быстрее производительности труда, проявляется тенденция к таким-то и таким-то явлениям и т. д. и т. п. Сегодня подобная информация выгодна в Великобритании лицам, пытающимся, в интересах Совета по Ценам и Доходам, наложить вето на требования повышения заработной платы, или в США — для установления общегосударственной генеральной линии в отношении заработной платы. Но они не адекватны целям познания организации человеческого общества, обеспечивающего удовлетворение потребностей людей, так как представляют само собой разумеющимися существующие эконо-

мические отношения и описывают их действие, не раскрывая, как они возникли, развились и как могут быть изменены.

В послесловии ко второму немецкому изданию «Капитала» Маркс цитирует (названную им удачной и благосклонной) оценку его метода исследования экономических процессов рецензентом петербургского «Вестника Европы». Маркс исследовал экономические явления, писал этот рецензент, не только поскольку «они имеют известную форму и... находятся в том взаимоотношении, которое наблюдается в данное время. Для него, сверх того, еще важен закон их изменяемости, их развития, т. е. перехода от одной формы к другой, от одного порядка взаимоотношений к другому. Раз он открыл этот закон, он рассматривает подробнее последствия, в которых закон проявляется в общественной жизни...». «Автор... тем самым описал,— заметил Маркс,— не что иное, как диалектический метод»¹. Этот метод предписывает конкретно анализировать конкретные условия и изучать предметы в их реальных взаимосвязях, в процессе их возникновения и изменения, а не ограничиваться простой регистрацией определенных явлений, абстрагируясь от процессов, в которых они действительно возникают.

Конкретный анализ конкретных условий должен быть не только формально последовательным, выводимым из наблюдений и допускающим опровержение наблюдениями, но и согласующимся с принципами диалектики. Исследователь должен исходить из того, что мир это не совокупность «готовых, законченных предметов», а «совокупность процессов», он не должен, рассматривая «отдельные вещи», терять из виду «их взаимные связи» или, созерцая «их бытие», забывать об «их возникновении и исчезновении». Ему не должны «внушать почтение... непреодолимые для старой... метафизики противоположности», и он должен обращать внимание не просто на «два полюса какой-нибудь противоположности», но также и на их неразрывную связь. Отмечая качественные изменения, он должен не упускать из виду их количественную основу, а измеряя изменения количественные, не игнорировать их качественные последствия. Он не должен, рассматривая одну сторону отношения, отрицать проти-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 20—21.

воречащую ей. Короче, он должен всегда «изучать предметы в их собственном бытии и движении».

Как я указывал, односторонний абстрактный тип обобщения вполне приемлем для определенных ограниченных целей. Например, если вы лавочник, которого некоторые предметы интересуют исключительно как товары, для ваших целей допустимо не интересоваться процессами, в которых эти предметы возникают и исчезают. Но для других целей этот подход не годится.

Замечательной особенностью современного уровня развития наук является то, что естественные науки, призванные служить производству, вынуждены отказать от ограниченного вида обобщений и исследовать диалектику природы. Так, биологические науки начали с того, что просто устанавливали различные особенности живых видов и отмечали, в каком соотношении между собой они обычно находятся — например, как рога и копыта всегда сопутствуют растительной пище,—а также частоту, с которой особенности родителей воспроизводятся в их потомстве, и т. д. Но от этого типа исследований они перешли к исследованию эволюции видов во взаимодействии со средой, клеточного строения живых организмов, жизни последних, как непрерывного распада и обновления клеток, действия процессов наследственности и т. д. При этом, как указал Энгельс в предисловии к «Анти-Дюрингу», «дело могло идти не о том, чтобы внести диалектические законы в природу извне, а о том, чтобы отыскать их в ней и вывести их из нее»¹; и в первой главе: «Природа является пробным камнем для диалектики, и надо сказать, что современное естествознание доставило для такой пробы чрезвычайно богатый, с каждым днем увеличивающийся материал и этим материалом доказало, что в природе все совершается в конечном счете диалектически, а не метафизически»².

Революция, совершенная Марксом в общественных науках,— та же, что имела место в науках естественных,— это переход от абстрактного ограниченного обобщения к диалектике, к конкретному анализу конкрет-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 12.

² Там же, стр. 22.

ных условий. Но марксизм не признается официально буржуазными научными институтами. И поэтому в официально признанных общественных науках по-прежнему господствует более ограниченный тип обобщения. О практических причинах такого контраста нетрудно догадаться. Марксистский анализ показывает капиталистическую систему в таком свете, в каком преуспевающая буржуазия не желает ее видеть, тогда как более ограниченные и абстрактные обобщения относительно стоимости, цены, заработной платы, производительности труда, капиталовложений и т. д. обеспечивают ей такую информацию о ее делах, которая достаточна для ее собственных целей — для получения прибыли.

Таким образом, *та методология, которая полностью оправдала себя в естественных науках, официально считается совершенно недопустимой в общественных науках.* Теории вроде теорий д-ра Поппера, формулирующие «критерии» научности только и единственно с точки зрения последовательности и опровергаемости, доказывают, что ограниченные и абстрактные обобщения вполне научны. После этого требуется только немного изобретательности (или, может быть, мне следует сказать — софистики?), чтобы распространяться об «усиленном догматизме» и доказывать, что все не столь ограниченное и абстрактное ненаучно. Подобные ограниченные критерии выполняют внеаучную функцию — они должным образом защищают предрассудки существующего строя.

В своей работе об Адаме Смите, в «Теориях прибавочной стоимости», Маркс отмечал, что Смит придерживался двух различных направлений исследования, которые им никогда не объединялись. «С одной стороны, он прослеживает внутреннюю связь экономических категорий, или скрытую структуру буржуазной экономической системы». С другой стороны, он «только описывает... то, что внешне проявляется в жизненном процессе». Но этого второго направления исследования было достаточно, чтобы удовлетворить человека, «который практически захвачен процессом буржуазного производства и практически заинтересован в нем»¹.

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 26, ч. II, стр. 177.

Позднейшие «вульгарные» буржуазные экономисты развивали только второе направление исследования. Сам Маркс, вслед за Рикардо, развивал первое. И вместе с тем он еще связывал «скрытую структуру» с «внешними проявлениями жизненного процесса». В письме к Энгельсу (30 апреля 1868 г.) он сообщил, что в результате произведенного им анализа «наконец, мы пришли к *формам проявления*, которые для вульгарного экономиста служат *исходным пунктом*... С нашей же точки зрения дело представляется теперь иначе. Кажущийся процесс находит свое объяснение»¹

Такого же рода развитие — по двум направлениям — можно наблюдать в политической теории. Такие политические философы, как Гоббс, а позднее Гегель, разработали «теории государства». Другие (одним из источников их вдохновения являются политические очерки Давида Юма) считали подобные теории чисто спекулятивными и довольствовались одним «описанием внешних проявлений», что, надо отдать им должное, они делали добросовестно и точно. Они анализировали, классифицировали и описывали во всех деталях различные формы государственных институтов и различные виды функций государства. Но марксистская теория государства и здесь избрала первое направление исследования, теоретически исследуя «внутренние связи». Короче говоря, она *связывает* развитие государства, его институтов и функций с развитием разделения общества на классы и классовой борьбы.

Согласно Гегелю, государство — это «осуществление нравственной идеи на Земле». Это — идеалистическая теория, пользующаяся ложной абстракцией, которая не поддается ни эмпирическому подтверждению, ни опровержению. Поэтому она была вполне обоснованно отвергнута теми, кто счел за лучшее только описывать, как государство выглядит в действительности. Марксистская теория государства, напротив, — теория научная и материалистическая, и можно проверить, соответствует или не соответствует она историческим фактам, потому что она исследует и проверяет «внутреннюю связь» таким образом, что «кажущийся процесс находит свое объяснение».

Сегодня в Великобритании и в США многие работы

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 32, стр. 64.

немарксистских специалистов по государственному праву, например, довольствуются всего-навсего описанием английских и американских государственных институтов и их деятельности — сочетая панегирики в их честь с некоторыми предложениями по их улучшению. Марксистский анализ учитывает все факты и показывает их в должном свете, но, кроме того, объясняет, почему государственные институты являются средством поддержания господства монополистического капитала в обществе. А это — тоже факт. Но когда эта «внутренняя связь» прослежена, то, как сказал Маркс, «дело представляется иначе». Панегирики начинают звучать несколько фальшиво, а предложения в целях улучшения положения дел становятся, пожалуй, более радикальными.

В общем, если вы считаете существующие экономические отношения и существующую структуру политической власти неизменными, то абстрактные и ограниченные обобщения экономических явлений и государственных институтов — это все, что вам практически требуется, и вы, не нуждаясь в диалектике, не оцените ее достоинств. Если же вы практически заинтересованы в изменении экономических отношений и структуры политической власти, то вы вынуждены заменить подобные абстрактные обобщения более конкретным анализом конкретных условий, в которых живете, — и вы обращаетесь к диалектике.

4. ДИАЛЕКТИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

Переход от более абстрактных представлений к менее абстрактным или к конкретному анализу конкретных условий (в котором и заключается материалистическая диалектика и направляющие принципы которого суть принципы, или законы, диалектики) представляет собой с точки зрения развития человеческого познания переход от познания только «форм проявления» к раскрытию «внутренней связи» и «скрытой структуры». Он представляет собой также переход от знания, полезного только с ограниченной точки зрения овладения предметами, как таковыми, к умению их изменять.

И поэтому Ленин в своей предназначенной для энциклопедии статье о Карле Марксе заметил, что «диалектика, в понимании Маркса... включает в себя то, что ныне зовут теорией познания... которая должна рассматривать свой предмет... изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от незнания к познанию»¹.

Рассматривая вопросы познания, как оно приобретается и развивается, особенно важно уяснить, что «знать» — не то же самое, что «быть абсолютно уверенным». Это можно пояснить для начала на довольно очевидном примере обычного употребления этих слов. Если бы «знание» было синонимом «абсолютной уверенности», то отсюда следовало бы, что мы вообще почти ничего не «знаем». Я «знал» бы тогда, что дважды два четыре и что сам я существую, но почти ничего сверх этого. Однако это не то, что мы в большинстве случаев понимаем под «знанием». Потому что, как правило, под «знанием» мы понимаем нечто способное *развиваться*, тогда как «абсолютная уверенность» развиваться не способна. Можно обладать абсолютной уверенностью либо не обладать ею. Развития от «менее абсолютной уверенности» к «более абсолютной уверенности» не существует. Поэтому то, что мы, вообще говоря, подразумеваем под «знанием» и что интересно и важно исследовать,—это (как говорил Ленин) *процесс* познания, «переход от незнания к познанию» — от полного незнания к поверхностному знанию, а затем к знанию более глубокому. То, что в этом процессе считается «знанием», несомненно, не тождественно «абсолютной уверенности» и лишь исключительно редко приводит к ней.

То, что мы называем «знанием», надо также отличать от «верного мнения». Если, к примеру, на Марсе существует жизнь, то мнение о существовании жизни на Марсе — верное мнение. Но в то же время мы пока что ничего определенного об этом *не знаем*. Верное мнение становится знанием только тогда, когда подкрепляется каким-нибудь исследованием и доказательством. Одни из наших мнений могут быть верными, другие — ложными, но какие из них истинны, а какие — ложны, мы начинаем *познавать*, только когда предпримем какие-либо систематические исследования.

---

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 54—55.

Исследуя и собирая доказательства, мы придумываем *проверку* истинности или ложности мнений или представлений, или степени их истинности. Ибо никакое представление не может рассматриваться как «знание», пока оно должным образом не *проверено*. Поэтому существенной стороной дела познания является изобретение соответствующих методов исследования и проверки.

Таким образом, то, что дает процесс познания, лучше определить таким выражением, как «приобретение знания», чем безоговорочное «познание», ибо последнее очень редко — чтобы не сказать никогда — бывает окончательным и если и дает гарантии от ошибок, то весьма недостаточные. Те виды испытаний, которые мы можем придумать, не являются *окончательными*. Сказать, что мы приобрели знания о чем-то, не значит утверждать, что наши представления об этом окончательно установлены как истинные или как исчерпывающие, поскольку методы исследования и проверки, вообще говоря, не допускают подобной категоричности.

Однако очень многие философы предполагали, что мы вообще не могли бы приобрести знаний о чем бы то ни было, если бы не начинали с чего-то, в чем были уверены. Они не в состоянии были понять, каким образом можно *познавать*, никогда не будучи *уверенным*. Наоборот, они предполагали, что все, что мы знаем, должно так или иначе исходить или выводиться из чего-то такого, в чем мы уверены. *Начинать* надо с нахождения чего-то такого, в чем можно быть уверенным, — только так может развиваться познание.

В результате появились две разновидности теории познания, обе неверные. С одной стороны, философы постулировали «основные начала» или бесспорные «данные», которые они провозглашали надежными, а затем выводили из них всевозможные сомнительные следствия, заявляя: «Вот что мы действительно знаем — мир должен, несомненно, выглядеть только так!» С другой стороны, философы подчеркивали человеческую склонность к ошибкам и, поскольку они встречали мало такого, в чем могли быть уверены, то заключали, что мы вообще едва ли что-нибудь «действительно знаем».

Главным источником ошибок в теории познания было, таким образом, завуалированное убеждение, что по-

знание всегда должно начинаться с чего-то такого, в чем мы уверены, а поэтому, чтобы обнаружить, знаем мы или не знаем нечто, о чем думаем, будто знаем, необходимо убедиться, основано ли наше убеждение на той или иной форме уверенности. Но ведь, напротив, как сказал Ленин (излагая мысли Маркса о материалистической диалектике), познание или приобретение знания есть процесс, в котором происходит «переход от незнания к познанию». Процесс познания заключается в переходе не от уверенности в одном предмете к составлению заключения о другом, но от незнания или полного невежества к приобретению некоторого знания.

Познание и незнание противоположны друг другу. Существуют некоторые вещи, о которых мы кое-что знаем, и другие, о которых мы ничего не знаем. И процесс получения знаний — это переход от незнания к знанию, а не просто от познания чего-то одного к познанию чего-то другого. Он, следовательно, иллюстрирует общий принцип диалектики — закон «единства противоположностей». Но в теории познания почти никто из философов не сумел оценить диалектику, все произвольно усвоили метафизическую методичку формулирования «неизменных противоположностей» и «резких, непреходимых разграничительных линий». Они противопоставляли «незнание» «знанию» и полагали, что знание не может происходить от незнания, но что, наоборот, все, что мы узнаем, должно выводиться так или иначе из чего-то, что мы знали с самого начала.

Путь от незнания к знанию *лежит через человеческую практику*. И если философы оказались не в состоянии найти этот путь, то это потому, что они не сумели определить роль практики в процессе познания. «В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления»¹, — писал Маркс в «Тезисах о Фейербахе...». Содержание познания составляют понятия, формирующиеся при осознании практики, а потом углубляемые исследованиями и проверяемые общественной практикой. Люди переходят от незнания к познанию в своей практической деятельности, развивая связи между собой и с внешним миром, исследуя факты и возможности и проверяя свои

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 1.

умозаключения. И при этом они не только расширяют сферу своего познания, но и переходят от одного его уровня к другому — от знания отдельных свойств отдельных предметов и относительно абстрактных обобщений их к конкретному анализу конкретных условий.

Д-р Поппер, конечно, совершенно прав, подчеркивая как необходимость *испытаний* в развитии научного познания, так и то, что все эти испытания никогда не бывают окончательными и что научные теории поэтому всегда носят условный характер. Но, заключая отсюда, что научные теории, все как одна, представляют собой «предположения», ожидающие «опровержения», он либо делает вывод, не вытекающий из посылок, либо пользуется словами, употребляя их в таком смысле, который несколько отличается от общепринятого, и вводит читателя в заблуждение. Знать — не значит ни «предполагать», ни «быть уверенным». Научное знание не в большей степени предположение, чем окончательная и полная уверенность. Процесс исследования мира и проверки теорий (которые д-р Поппер рассматривает в качестве одинаковых «предположений») — это процесс приобретения знаний, перехода от незнания к знанию и от неглубокого знания к знанию более глубокому.

Теперь мы можем попытаться дать краткое изложение диалектико-материалистической теории познания в пяти основных пунктах, противопоставляя ее как упрощениям д-ра Поппера, так и обычному подходу к теории познания, против которого возражает и сам д-р Поппер.

Во-первых, познание берет начало из опыта, из практического взаимодействия человеческих индивидов с окружающей их средой, в котором люди вырабатывают свои суждения о предметах и о самих себе, проверяют и переформулируют эти суждения в ходе своей практики. Именно таким образом, устанавливая в ходе своей человеческой практики связи с предметами и друг с другом, мы переходим от незнания к знанию, от знания к более глубокому знанию, от несовершенного знания к знанию более совершенному. Степень нашего познания всегда соизмерима с разнообразием и сложностью наших реальных связей.

Чем больше мы делаем, тем больше можем узнать, а чем больше мы знаем, тем больше можем сделать. Например, о том, как то или иное соединение и перегруп-

пировка атомов в молекулах приводят к изменениям химических свойств, мы узнали при помощи искусно выполненных экспериментов, внимательного наблюдения, многочисленных вычислений и измерений и научившись вызывать управляемые изменения химических свойств по своему усмотрению.

Во-вторых, хотя познают индивиды, познание возможно только в обществе, благодаря общению и сотрудничеству индивидов. Одинокое человекообразное животное, лишённое общения с людьми и не владеющее языком, могло бы воспринимать, чувствовать и обучаться на опыте, подобно другим животным, но ему было бы недоступно человеческое познание. Знания, приобретаемые человеком в его общественной деятельности, приобретаются индивидами, и, однако, сумма их превышает то, чем владеет любой индивид, и ни один индивид не мог бы приобрести знания, будучи лишен всех социальных связей с другими индивидами. Поэтому традиционный эмпирический подход к теории познания, ставящий вопрос, к каким умозаключениям мог бы прийти абстрактный индивид на основании своего собственного личного опыта, неправильно ставит вопрос, так как абстрактный индивид не только не существует, но и не мог бы прийти ни к каким умозаключениям, даже если бы существовал.

Таким образом, даже элементарнейшее человеческое познание качественно отличается от обучения на опыте, на которое способны животные. Оно отличается тем, что человеческие индивиды *передают друг другу* то, что заметили и чему научились, *при помощи языка*. Чтобы приобрести даже самый элементарный запас человеческих знаний, надо сначала научиться говорить, и никакого познания не могло бы быть, если бы человеческие индивиды не общались. Мы узнаем что-нибудь и проверяем наши умозаключения совместно, в общении друг с другом, а не каждый сам по себе.

В-третьих, познание движется от утверждения к отрицанию и снова к утверждению, от частного к общему и снова к частному и от абстрактного к конкретному и снова к абстрактному.

Так, утверждая, что нечто обладает определенным свойством, мы приходим к заключению, что оно не имеет какого-то другого свойства. Это делает утверждение

более определенным. Но, проверяя затем ту же вещь в отношении отрицательного умозаключения, мы оказываемся в состоянии как исправить, так и расширить первоначальную теорию. В этом состоит научный метод «опровержения», который д-р Поппер справедливо считает таким существенным для развития познания.

Например, если какое-то вещество является газом, то из этого следует, что оно не жидкость. Но если утверждение, что оно не жидкость, тщательно проверить, то обнаружится, что в определенных условиях оно становится жидкостью. На этом основании первоначальное утверждение, что оно газ, исправляется и заменяется расширенным утверждением, что оно газ в определенных, обычных, условиях температуры и давления.

Далее, узнавая что-нибудь о каждом отдельном предмете или явлении некоторой совокупности, мы переходим к обобщенным умозаключениям относительно предметов или явлений подобного рода, проверяем эти умозаключения, а затем применяем их снова к частным случаям, так что наше познание последних становится более обобщенным и мы способны сказать о них больше, чем могли обнаружить первоначально, рассматривая каждый отдельно.

Например, было обнаружено, что всякий раз, когда имеет место горение, происходит окисление. Отсюда было выведено обобщенное умозаключение, что горение есть химический процесс, при котором поглощается кислород. В результате сообщение о том, что что-то горит, превращается в нечто большее, чем простое сообщение о том, что достигается определенный, легко устанавливаемый эффект,— оно утверждает, что имеет место процесс определенного вида, который не может протекать ни в какой среде, за исключением среды, содержащей кислород.

Кроме того, мы начинаем с абстракций. Чтобы узнать что-то о каких-то предметах, нам надо сначала исследовать их каждый в отдельности и рассмотреть некоторые из их свойств и отношений, абстрагируясь или отвлекаясь от совокупности взаимосвязей предметов в процессах, действительно происходящих в мире. От относительно абстрактных умозаключений, установленных таким образом, мы переходим к исследованию взаимосвязей, к попыткам конкретного анализа конкретных усло-

вий. В этих целях мы создаем теории о процессах, в которых возникают конкретные предметы. Мы задаемся вопросом, почему предметы проявляют данные свойства и вступают в данные отношения и почему они меняют свои свойства и отношения и исчезают, уступая место другим предметам. Мы предпринимаем новые исследования, чтобы прийти к таким теориям, и проверяем их другими исследованиями. Наконец, мы исправляем формулировки наших умозаключений относительно отдельных предметов и отношений в свете более конкретного анализа условий их существования. И при этом мы одновременно вносим исправления в абстрактные представления, с которых начали, и снова проверяем и, если необходимо, перерабатываем наши теории.

Например, чтобы узнать, как управляется Великобритания, нам надо сначала исследовать фактически существующие институты — как они устроены и чем занимаются лица, ими управляющие. Нам надо установить такие факты, как существование монарха, и раскрыть, что в действительности делает королева. От этого мы можем перейти к более конкретному анализу и сформулировать (как было сказано выше) теорию о том, что существующие институты управления приспособлены к выполнению функций обеспечения господства монополистического капитала. После этого нам будет что сказать о королеве сверх того, что содержат первоначальные наблюдения за ее поведением, — нам будет что сказать, помимо того, что она посещает скачки, раздает награды, имеет гарантированный доход и подписывает законопроекты.

В-четвертых, так как познание состоит в переходе от незнания к знанию, то познание всегда ограничено, неполно, относительно и не исключает внесения в него поправок.

Оно ограничено пределами связей, из которых оно возникает. То, что известно, неполно даже по отношению к своему непосредственному объекту. Знание ограничено условиями, при которых оно было установлено, и подлежит не только расширению, но и исправлению, когда становится известным что-нибудь новое.

Таким образом, всегда следует говорить не безоговорочно: «Это руководство подводит итог знаниям по данному вопросу», но осторожней: «Оно подводит итог

знаниям, которые были получены при помощи определенных методов и в определенных условиях». Следовательно, большую часть научных трудов надо периодически пересматривать и заменять новыми не потому, что их авторы допустили ошибки, но потому, что изменяется само знание.

В то же время познание безгранично в том смысле, что, каковы бы ни были его границы, определяемые конкретными условиями нашего перехода от незнания к знанию, открытие новых методов и установление новых связей могут преодолеть их. Границы всегда существуют, но известно, что никакой предел в конечном счете не является окончательным. Познанное ограничено непознанным, но не непознаваемым.

Наконец, мы способны продвигаться от все большего и большего познания процессов, происходящих в мире, включая нашу собственную индивидуальную и общественную жизнь, к формулированию общих принципов или законов, приложимых ко всем наукам, ко всей истинной информации, которая служит примером их проявления.

Это переход от раскрытия *реальной действительности*, все утверждения о которой допускают опровержение, к *выявлению необходимого*, верное утверждение о котором, в силу его необходимости, не может опровергаться. Таковы законы логики, определяющие последовательность утверждений, теории математики, используемые для вычислений и измерений, и принципы материализма и диалектики, отмечающие иллюзии и направляющие конкретный анализ конкретных условий по верному пути.

Все известные нам процессы — процессы материального мира, они подчиняются логике, в них выявляются число и мера, и они дают примеры тех видов взаимных связей, которые мы кратко называем «диалектикой». Что это именно так и *есть*, мы узнаем, познавая процессы. Что это так и *должно быть*, может быть доказано проверками, осуществляемыми в ходе развития теорий логики, математики и диалектического материализма. Развивая такие теории, мы одновременно создаем правила и критерии использования практической информации и проверяем правильность и адекватность формулировок этих правил и критериев.

5. УСИЛЕНИЕ УСИЛЕННОГО ДОГМАТИЗМА

Д-р Поппер, как мы уже видели, рассматривает диалектический материализм, или материалистическую диалектику, как источник «усиленного догматизма», в котором он считает повинным марксизм.

«Гегелевская диалектика, или ее материалистический вариант, не может быть принята в качестве прочной основы научного предвидения,—пишет он.—Так, если делаются предсказания, основанные на диалектике, некоторые из них сбудутся, а некоторые — нет. В последнем случае, очевидно, возникнет непредвиденная ситуация. Но диалектика достаточно туманна и гибка, чтобы истолковать и объяснить эту непредвиденную ситуацию так же ловко, как она объясняла и истолковывала ситуацию, ею предсказанную, но несбывшуюся. Любой вариант развития соответствует диалектической схеме; диалектику никогда не приходится бояться опровержения будущим опытом»¹.

По-видимому, в замечания д-ра Поппера вкралась некоторая путаница — то ли он имеет в виду, что принципы материалистической диалектики не имеют ценности, потому что они *сами* не поддаются опровержению, то ли их недостаток в том, что их *применение* приводит к не допускающим опровержения псевдотеориям, теориям настолько «туманным и гибким», что им «соответствует любой вариант развития».

Мы уже видели, что второе обвинение явно несправедливо. Несомненно, как говорит д-р Поппер, некоторые из предсказаний, которые сделал Маркс, применяя материалистическую диалектику к исследованию развития общества, не сбылись, однако теория общества Маркса оказалась «достаточно туманной и гибкой, чтобы истолковать и объяснить» неудачу предсказания во всех тех случаях, когда такая неудача имела место. Но в этом отношении теория Маркса абсолютно сходна с любой другой фундаментальной научной теорией. Тот вид «диалектической схемы» (или, точнее, научного анализа), который Маркс разработал в «Капитале», допускает и проверку, и опровержение и подлежит исправлению

К. Поппер, *Conjectures and Refutations*, p. 333.

и дальнейшей разработке, точно так же как любая другая научная теория.

Быть может, д-р Поппер просто имеет в виду, что *общие принципы* материалистической диалектики, как принципы подхода или метода, были сформулированы так, чтобы не допустить их опровержения? Но если он имеет в виду именно это, то он ошибается, предполагая, будто эти общие принципы сами заключают в себе «предсказания». Если, как он говорит, им соответствует «любой вариант развития», то, очевидно, они не содержат никаких предсказаний. На самом деле эти общие принципы вообще ничего не предсказывают, и поэтому-то их не опровергает никакое опровержение предсказания.

Разумеется, такой принцип, как принцип материализма, утверждающий, что «материальный мир следует объяснять из него самого», неопровержим, и ему соответствует «любой вариант развития». Какое-нибудь конкретное материалистическое объяснение того или иного явления может быть опровергнуто, но это не опровергнет материалистического утверждения о том, что правильное объяснение надо искать, придерживаясь материалистической линии. Подобные принципы вообще ничего не предсказывают относительно конкретных событий. Они не участвуют в соревновании предсказаний наравне с теориями конкретных наук, и поэтому, естественно, что виды проверок, применимые к теориям, предсказывающим что-то, неприменимы к такому чисто методологическому обобщению.

Так же обстоит дело и с принципами диалектики. Они ничего не предсказывают. Например, утверждение, что вещи возникают и исчезают в процессах, ничего не предсказывает относительно того, когда или как возникнет или исчезнет какая-то конкретная вещь. Всякий, кто принимает этот принцип диалектики, может сделать целый ряд абсолютно ложных предсказаний, но это не опровергнет самого принципа. Так же обстоит дело с таким принципом диалектики, как утверждение, что качественные изменения основаны на изменениях количественных и что в определенный момент количественные изменения приводят к качественным. Этот принцип ничего не предсказывает относительно какого-нибудь конкретного изменения. Окажись все такие предсказания ложными, это не опровергло бы общего принципа.

Материализм действительно представляет собой «прочную основу научного предвидения», потому что теории, не основывающиеся на материализме, оперируют ложными абстракциями. И материалистическая *диалектика* представляет собой «прочную основу» потому, что теории, не применяющие ее, остаются абстрактными и односторонними. Но принципы материализма и материалистической диалектики отнюдь не являются «основой» для предсказаний *в том смысле*, в каком такой основой являются законы конкретных наук. Например, закон тяготения является основой для предсказаний того, что произойдет с движущимися небесными телами. В то же время сам он служит примером материалистического принципа объяснения всего происходящего в материальном мире из самого материального мира, и в этом смысле его предсказания «основаны» на применении общего принципа материалистического объяснения мира. Но сам по себе материализм как всеобщий принцип ничего не предсказывает. Современная формулировка закона тяготения может оказаться ошибочной, но это не докажет ошибочности материализма. Подобным образом и законы химии служат основой предсказания химических изменений, а сами являются примерами действия диалектического принципа связи качественных изменений с количественными. Они предсказывают, «основываясь» на применении этого принципа. Но сам по себе принцип диалектики ничего не предсказывает. Конкретные теории химии могут оказаться ошибочными, но это не докажет ошибочности материалистической диалектики.

В целях посрамления материалистической диалектики д-р Поппер затеял большую игру со словами «основа» и «основанный на...». Но основой употребления таких слов должно бы быть более осторожное пользование ими, чем это свойственно, по-видимому, д-ру Попперу. Утверждение, что общие принципы материализма и диалектики должны быть «приняты в качестве прочной основы научного предвидения», не значит, что эти принципы сами по себе что-то предсказывают, так что их можно проверять, как проверяют законы науки, по тому, как сбываются или не сбываются их предсказания. Смысл данного утверждения в том, что для того, чтобы заниматься научными предсказаниями, необходимо на-

учиться понимать факты «в их собственных, а не в фантастических связях» и исследовать взаимосвязи, изменения, процессы. Если это не сделано, предсказания могут тем не менее высказываться и одни из них могут сбыться, а другие нет — как случается и с предсказаниями пророков и астрологов, — но им будет недоставать того, что д-р Поппер верно называет «прочной основой».

«Прочная основа» предвидения заключается в диалектико-материалистическом подходе к исследованию фактов. А это значит, что конкретные предсказания основываются на научных теориях и законах науки, выведенных путем исследования фактов и проверенных опытом. Подобные предсказания основываются, таким образом, на исследовании и только на нем. Это относится ко всем предсказаниям Маркса, как к тем, которые оказались верными, так и к тем, которые оказались ошибочными.

Но как Алиса, участвуя в безумном чаепитии, так и мы, имея дело с критиками Маркса, нашли, что образцы изложения мыслей, излюбленные Мартовским Зайцем и Безумным Шляпочником, только затемняют ясный смысл речи, обыгрывая самые очевидные примеры двусмысленности общеупотребительных слов. Из того, что говорили и делали Маркс и марксисты, с очевидностью следует, что диалектический материализм как методология вовсе не усиленный догматизм и не источник усиленного догматизма. Верно, что «любой вариант развития соответствует диалектической схеме», потому что «диалектическая схема» — это всего-навсего схема исследования вещей в их связях и развитии. Но неверно, будто по этой причине «диалектику никогда не придется бояться опровержения будущим опытом». «Диалектик» не тот, кто изрекает, сидя в кресле: «Исследуйте связи!», но тот, кто исследует эти связи. Результаты его исследований остаются в силе или обесцениваются в зависимости от их соответствия будущему опыту, и если действительное развитие не соответствует предсказанному теориями, он вынужден взяться за пересмотр теорий с тем, чтобы они соответствовали развитию; фактически он вынужден поступать точно так же, как любой другой принципиальный ученый-исследователь.

Всегда готовый усилить свои опровержения, д-р Поппер немедленно вслед за отрывком, процитированным

выше, переходит к признанию (как он делает это и в других местах своего произведения), что учение Маркса *враждебно* «догматизму» и отстаивает подлинно научное исследование. Ну и что из этого? Марксизм по-прежнему остается системой «усиленного догматизма»!

«Надо обсудить антидогматическую позицию Маркса,— пишет д-р Поппер,— Маркс и Энгельс энергично настаивали на том, что науку не следует рассматривать как совокупность окончательных и прочно установленных знаний... Ученый не тот, кто много знает, а скорее тот, кто полон решимости не отказываться от поисков истины»¹.

В этом замечании д-р Поппер выдает некоторые из собственных путаных измышлений за то, на чем «энергично настаивали Маркс и Энгельс», потому что, настаивая, что никакое научное знание не может быть «окончательным», они, разумеется, не утверждали, что оно не может быть «прочно установленным», и, рассматривая науку как «поиск», они не отрицали того, что тот, кто ищет, может время от времени что-нибудь находить. Но не будем говорить об этом. Что здесь интересно, так это аргументация, с помощью которой д-р Поппер доказывает, что «антидогматическая позиция Маркса» превратилась в «усиленный догматизм». Вот она:

«Прогрессивный и антидогматический взгляд Маркса на науку никогда не проводился ортодоксальными марксистами в сфере их собственной деятельности. Прогрессивная, антидогматическая наука критична, критика — самая ее суть. Но марксисты никогда не терпели критики марксизма, диалектического материализма... Антидогматическая позиция Маркса существует только в теории, но не в практике ортодоксального марксизма, а диалектика используется марксистами, по примеру Энгельса в его «Анти-Дюринге», преимущественно в целях апологетики — для защиты марксистской системы от критики... Благодаря диалектике антидогматическая позиция исчезла и марксизм определился в качестве догматизма, достаточно гибкого, в силу использования им своего диалектического метода, чтобы уклониться от любого нового нападения. Так он стал тем, что я назвал усиленным догматизмом»².

¹ К. Поппер, *op. cit.*, p. 334.

² *Ibid.*

Здесь д-р Поппер развивает свое обвинение в ряде весьма огульных утверждений, о которых можно сказать без преувеличения, что ни одно из них не страдает пороком неопровержимости, поскольку все они ложны.

Он начинает с сообщения о прискорбных методах «ортодоксальных марксистов». Но если и существуют «ортодоксальные марксисты», которые «никогда не проводят прогрессивный и антидогматический взгляд Маркса на науку», то это доказывает не то, что материалистическая диалектика, которую Маркс рассматривал как принцип научного исследования, ведет к догматизму, а только отказ от материалистической диалектики Маркса тех, кто превратился в догматиков.

Действительно, были и до сих пор бывают подобные «марксисты». Именно имея в виду некоторых из них, Маркс сделал свое хорошо известное и часто не к месту упоминаемое высказывание: «Я знаю только одно, что я не марксист!»¹ Д-р Поппер может называть подобных догматиков «ортодоксальными марксистами», если это ему угодно,— они действительно иногда называют себя так. Это не может отменить того факта, что «прогрессивный и антидогматический взгляд на науку», который отстаивает марксизм, не допускает никакой косной приверженности к неизменяемым формулировкам догм. И в развитии теории и практики марксизма подобная «ортодоксальность» регулярно и неотступно разоблачалась марксистами.

«Антидогматическая позиция Маркса» признается только в теории, но никогда не применяется на практике, заявляет д-р Поппер. Марксисты так часто экспериментировали на практике, отбрасывали старые схемы ради новых и принимали теории по частным вопросам, чтобы затем их снова пересматривать, что обычно их критикуют за то, что вся их практика состоит будто бы из ряда идеологических и политических салто-мортале. Но д-р Поппер рассматривает это лишь как дополнительное подтверждение усиленного догматизма марксистов. Вы можете внести исправления в ранее проведенный вами анализ, переменить мнение, изменить политику — и все-таки останетесь «ортодоксальным марксистом». «Благодаря диалектике» марксизм «достаточно

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 37, стр. 383

гибок», чтобы избежать опровержения. Марксисты отка- зываются применять свою «антидогматическую позицию» к самому марксизму. Что бы там ни было, они упорно хотят оставаться марксистами.

Где тут истинная правда?

Марксизм, как его правильно охарактеризовали, «не догма, а руководство к действию». Когда д-р Поппер распространяется о «марксистах», он, очевидно, имеет в виду не просто людей, принимающих в теории некото- рые из утверждений, сформулированных Марксом, но тех, кто помогает всемирному движению, признающему Маркса своим первым учителем, и участвует в нем. Именно эти люди отказываются якобы проводить «прог- рессивный и антидогматический взгляд Маркса на нау- ку... в сфере их собственной деятельности».

Марксизм как движение характеризует и объединя- ет, несмотря на все расхождения и разногласия, его цель — построение в классовой борьбе социалистиче- ского общества и преобразование его в общество комму- нистическое, которое, применяя передовую технику, обеспечит «каждого по его потребностям». Эта цель, движения и средства ее достижения указаны, разработа- ны и разъяснены Марксом в его оригинальных исследо- ваниях человеческого общества и законов его развития. А в основе этих исследований в свою очередь лежат диалектико-материалистические научные принципы по- стижения фактов в их собственных, а не воображаемых связях, в их движении и изменении, взаимосвязи и развитии.

Очевидно, что всякий, кто считает, что принципы, примененные Марксом, и выводы, к которым он пришел, были в корне ошибочными, не марксист, а антимарксист. И, как само собой разумеется, если бы значительное число марксистов удалось склонить к «критике» марк- сизма и превращению в антимарксистов, то марксизм перестал бы существовать как сила, с которой прихо- дится считаться, и все движение к коммунистическому обществу через классовую борьбу и построение социа- листического строя закончилось бы неудачей. Д-р Поп- пер явно считает такой исход желательным. Так же смотрят на дело многие другие — все они пытаются до- биться этого, сочетая критику марксизма с репрессив- ными мерами против марксистов. Марксисты с этим не

согласны, а потому не уступают ни критике, ни репрессиям.

Репрессии иногда бывали весьма эффективны (хотя никогда надолго). Но о критике этого сказать нельзя. Марксисты не терпят критики марксизма, жалуется д-р Поппер. И точно, они всегда отвечают критикам. Я сам сейчас отвечаю некоторым из них. Эта ужасная нетерпимость к критике, которую д-р Поппер клеймит, как совершенно противоположную антидогматической позиции самого Маркса, состоит всего-навсего в том, что, выслушав критиков, им отвечают. Критики, однако, считают, что нам полагается только слушать; никуда не годится, если мы им просто возражаем, но еще хуже, когда мы разбиваем их вдребезги, как Энгельс поступил с Дюрингом. Возражать критикам, да еще одновременно развивать свою собственную точку зрения — ведь это же верх догматизма!

Возражение д-ра Поппера против марксизма сводится к тому, что марксистское движение до сих пор еще не нашло повода пересмотреть свои основные принципы. Особенно догматическим в марксистском движении является, де, то, что оно продолжает расти и все еще не самораспустилось. Оно не хочет ни отказаться от своих целей, ни отречься от идеи, что средством достижения их является классовая борьба.

Было, конечно, в самом движении немало людей, предлагавших так поступить, но движение пошло дальше без них. Так называемые «ревизионисты» присоединились к позиции Эдуарда Бернштейна, заявившего, что «движение — все, а цель — ничто», рассматривая цель — коммунизм — как утопическую, основанную на догмах, а классовую борьбу как помеху движению, которое более уверенно могло бы прийти к власти путем примирения классов. Этот вид «ревизионизма» был справедливо охарактеризован марксистами как антимарксистский. Но есть причины для сопротивления «ревизионизму» более убедительные, чем просто та, что он «ревизует». Почему *нельзя* «ревизовать» марксизм подобным образом или, другими словами, почему недопустима самоликвидация марксистского движения? Да потому, что ревизионисты не сумели показать, как они похвалялись, что марксистская теория основана на ошибочных принципах или что факты опровергают ее, и потому, с дру-

гой стороны, что богатый опыт показывает, что предложения ревизионистов не ведут на самом деле к практическим результатам, на которые они рассчитывали.

Веские аргументы, которыми располагают марксисты для защиты теории и практики марксизма, сходны с аргументами, на которые ссылались бы, скажем, директора фирмы «Империал кемикл индастри» или фирмы «Дюпон», защищая теорию и практику своей промышленности, если бы некоторые акционеры стали настаивать, что благоразумное использование алхимии было бы и дешевле, и проще. Благодаря тщательно выполненным исследованиям и большому практическому опыту фирмы «ИКИ» и «Дюпон» узнали кое-что о том, что можно делать с химикалиями и какие для этого необходимы условия. Точно так же и марксисты узнали кое-что о том, что можно сделать с обществом в целях удовлетворения человеческих потребностей, и какие для этого необходимы условия, хотя трудности и сопротивление, с которыми приходится встречаться при осуществлении социальных преобразований, совсем другого порядка, чем те, которые связаны с осуществлением химических реакций.

Цели марксистского движения — социализма и коммунизма — можно достичь путем классовой борьбы. Марксисты пока еще не обнаружили никаких оснований для отказа от этой цели — ни в результате собственного опыта, ни под влиянием возражений, выдвигаемых критиками. Если бы они нашли такие основания или решили бы, что нашли, то марксистскому движению был бы положен конец и коммунизм остался бы там, где, по словам критиков, его настоящее место, — в царстве утопий.

В то же время, чтобы двигаться к своей цели, марксисты должны часто и тщательно изучать условия, в которых действует их движение. Они должны принимать во внимание, насколько это возможно, все социальные изменения и факторы изменений во всех их сложных взаимосвязях. И на этом анализе они должны основывать как политический курс, проводимый в разное время и в разных местах, так и оценки конкретной ситуации. Марксистская диалектика, таким образом, используется не «в целях апологетики — для защиты марксистской системы от критики», но для того, чтобы осуществить

конкретный анализ конкретных условий, без которого движение не в состоянии определить свою линию.

Этот анализ окажется безуспешным, если не будет «критическим». Он окажется безуспешным, если не будет контролироваться, проверяться пункт за пунктом и тщательно пересматриваться всякий раз, когда изменяются обстоятельства или опыт указывает на ошибку.

И конечно, он довольно часто действительно не удается. Людям ведь свойственно ошибаться, и марксисты часто совершают ошибки — по причине ли неопытности, некомпетентности, догматизма или попросту из-за отсутствия времени или средств для проведения всех необходимых исследований. В таких случаях их «усиленный догматизм» (к счастью, для движения) выражается в том, что они не отказываются от борьбы и не превращаются в антимарксистов всякий раз, когда что-нибудь не ладится. Благодаря такому «усиленному догматизму» или, лучше сказать, благодаря своему ясному уму и высокой морали, а также тому факту, что корни их движения настолько глубоко вросли в социальную действительность, что всякий раз, когда одни сбиваются с правильного пути, другие выходят вперед, чтобы поправить их, марксисты исправляют свои ошибки и, когда обстоятельства изменяются, принимают новую политическую линию, соответствующую новым обстоятельствам.

Именно по этой причине Ленин усилил свой «догматизм» призывом к постоянной «критике и самокритике». Он, однако, позволил себе заметить, когда ему досадили критики, высмеивавшие ошибки коммунистов из своих безопасных, обитых войлоком палат капиталистического убежища для умалишенных, что *наши* ошибки похожи на вычисление «два и два — пять», а *их* ошибки — на «два и два — сальная свеча». Если мы, складывая два и два, получаем пять, то мы вскоре обнаружим свою ошибку и, найдя правильный способ сложения, получим в сумме четыре.

С развитием международного марксистского движения каждое новое поколение сталкивается с условиями и задачами, значительно отличающимися от условий и задач старого Обстоятельства меняются, и достижения предыдущего поколения наряду с его ошибками ставят новые задачи перед следующим поколением. Эти обстоятельства и задачи различны также для каждого эконо-

мического района и даже для каждой страны. Таким образом, «марксизм» одного времени не в точности такой же, как «марксизм» другого времени, а «марксизм» одних мест не в точности такой, как «марксизм» других мест. Помимо ошибок, специфических для каждого времени и места, иными становятся и правильный анализ, и правильное определение задач.

Глава 4

НЕОБХОДИМОСТЬ ДИАЛЕКТИКИ

1. НАУКА О ВЗАИМНЫХ СВЯЗЯХ

К утверждению, что диалектический материализм представляет собой усиленный догматизм, д-ра Поппера приводит его неспособность понять, что термины «диалектика» и «материализм», взятые вместе или порознь, означают не конкретные догматические теории, а способ мышления или подход, необходимый для разработки недогматических научных теорий. Этот подход одинаково применим, независимо от того, являются ли объекты исследования процессами естественными или общественными, так как их не разделяет пропасть. Люди — материальные организмы, а их индивидуальная и общественная деятельность — такая же часть материального мира, как и любой другой, отличимый от прочих тип материальных взаимодействий. Д-р Поппер прав, конечно, заявляя, что Маркс занимал «антидогматическую позицию». Он совершенно неправ, утверждая, что сохранение такой позиции требует «критики диалектического материализма». Напротив, диалектический материализм представляет собой первопричину такой позиции и последовательная защита ее требует последовательной защиты диалектического материализма.

Но, возразят нам, разве сам диалектический материализм не является теорией, общей философской теорией марксизма? И не является ли поэтому безоговорочная его защита догматической?

Это возражение построено всецело на смешении понятий. Слово «теория» неоднозначно и здесь употреб-

лено в двух значениях. Существуют теории, информирующие практику или претендующие на то, что они ее информируют, и теории, излагающие принципы, которых надлежит придерживаться, информируя практику. Научные, религиозные, а также многие традиционные философские теории относятся к теориям первого рода. Но теория диалектического материализма — это теория второго рода.

Если читатель найдет это объяснение путаным, я могу только сказать, что эта двусмысленность свойственна установившемуся словоупотреблению и что, раз на нее указано, путаница устраняется. Если желательно, однако, воспользоваться специальным термином, чтобы указать на различие, то можно позаимствовать греческий префикс «мета» и говорить о «теории» и «метатеории» (подобно тем, кто ныне различает «математику» и «метаматематику»). Диалектический материализм следовало бы тогда назвать метатеорией марксизма — теоретическим изложением пропагандируемых марксизмом принципов разработки всех теорий, информирующих человеческую практику. Но те, кто тем не менее предпочитает родной язык древнегреческому, пусть говорят просто (как это принято), что диалектический материализм есть общая философская теория марксизма.

Как я попытался объяснить, материализм противоположен идеализму, а диалектика — метафизике. Если теория идеалистическая, то она занимается ложными абстракциями и ее претензии информировать нас — обман. Если теория метафизическая, она не обязательно должна быть неинформирующим обманом (хотя вполне может им быть, если она к тому же идеалистическая), но обязательно абстрактна и ограничена в том смысле, что рассматривает объекты и процессы и определяет свойства и отношения вещей, отвлекаясь от конкретных условий их возникновения и исчезновения.

Поэтому принципы материализма — это те общие принципы, которые делают теорию информирующей, а принципы материалистической диалектики — это принципы, ведущие информирующую теорию к конкретному анализу конкретных условий. Общая же философская теория диалектического материализма — это изложение принципов или правил материализма и диалектики. Она (подобно физике или математике) не есть нечто такое.

что можно окончательно и полностью сформулировать раз и навсегда. Ее надо разрабатывать и развивать.

Материализм выражает то, что необходимо, чтобы удержать теорию на земле и прекратить ее витания в эмпириях на крыльях ложной абстракции. Следует также убедиться в том, что правильно установлены взаимные отношения и связи всех сторон, всех аспектов конкретных условий, подлежащих исследованию. Это — дело диалектики. Диалектика выражает то, что требуется теории, чтобы правильно связать данные, надлежащим образом объединить отдельные элементы информации или обработать ее, с тем чтобы сделать анализ конкретным и избежать односторонности. Таким образом, сформулировать общие принципы или законы диалектики — значит сформулировать те самые общие законы *взаимосвязи*, примерами проявления которых служат и должны служить процессы. Эти законы не устанавливают, что произойдет или не произойдет в конкретных случаях, но сообщают о *формах* взаимосвязи в реальном мире, примером проявления которых служит *любое* событие и проследить которые — задача всякого конкретного анализа.

Способны ли мы открыть такие законы? Маркс и Энгельс придерживались мнения и ясно сказали об этом, что исследование достижений науки приводит к выводу о существовании таких всеобщих законов. Они считали, что такие общие понятия, как «единство противоположностей» и «превращение количества в качество», выражают, пусть неточно в первоначальной формулировке, всеобщие законы, примеры проявления которых всегда можно найти во всех процессах, как естественных, так и социальных. Это значит, что, какой бы процесс мы ни рассматривали, конкретный анализ происходящего всегда обнаруживает неразрывную связь противоположных сторон или аспектов, столкновение или борьбу противоречивых элементов, возникновение качественных изменений в результате изменений количественных и т. д. Конечно, если понятия неточны, а применяемая терминология не выдержана или многозначна, то это недостатки изложения, которые, вероятно, будут исправлены в дальнейшей работе.

В своих трудах Маркс и Энгельс многократно показали, как они представляли себе правильное применение подобных общих понятий диалектики, а также дали

разъяснения (которые я цитировал) того, что они, в общем, понимали под «материализмом» и «диалектикой». Но они нигде не предпринимали никакой систематической разработки «законов диалектики» во всем их объеме. Они — и особенно Энгельс в главах о законах диалектики в «Анти-Дюринге» и «Диалектике природы» — лишь привели *примеры* явлений, соответствующих этим законам.

Энгельс четко разъяснил цель приведения подобных примеров. Он выступал против Дюринга и ему подобных, заявлявших, что «диалектика» всего-навсего хитросплетение пустых фраз. Он приводил примеры, чтобы доказать, что это не так, что виды движения и взаимосвязей, описанные как «диалектические», действительно существуют. Он доказывал, что такие понятия, как «переход количества в качество и обратно» и «отрицание отрицания», действительно, как он и говорил, «абстрагируются» из «истории природы и человеческого общества», потому что в самом деле можно найти множество конкретных примеров подобных форм взаимосвязи в «истории природы и человеческого общества»¹.

Такие примеры действительно доказывали то, что Энгельс намеревался доказать. Но конечно, простое приведение примеров не доказало и не могло доказать всеобщности и *необходимости* законов диалектики. Примеры могут быть полезны для разъяснения значения понятий и для опровержения критики, основанной на неправильном понимании их значения или на мнении, что они бессмысленны. Но никакого перечня примеров, каким бы длинным он ни был, недостаточно для установления всеобщей значимости понятий. Примеры не могут также доказать, что «законы», которые они иллюстрируют, единственные, что не существует никаких других «законов».

Это элементарные положения логики, и всякому, кто берется критиковать диалектику, следовало бы их знать, хотя кое-кто их явно не знает. К числу последних нет никаких оснований относить Энгельса. Напротив, из того, что он писал, ясно, что он очень хорошо знал подобные положения логики и соответственно утверждал (я уже приводил это его высказывание, но теперь

---

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 384.

добавляю мой собственный курсив), что необходимо «развить общий характер диалектики как науки о связях...»¹.

Наука упоминается, надо полагать, чтобы указать на нечто гораздо большее, чем простой перечень примеров. Энгельс сказал также, что не собирался «писать руководство по диалектике» и что, приводя примеры проявления законов диалектики, не входил «в детальное рассмотрение вопроса о внутренней связи этих законов между собой»². «Наука о связях» должна бы, однако, не только сформулировать ряд законов, но и показать, как они связаны между собой, и все это должно быть разработано и доказано с применением соответствующих методов изложения и проверки.

Что тут предстоит поработать, подчеркнул также Ленин. В своих заметках «К вопросу о диалектике» он критиковал Г. В. Плеханова за то, что в изложении последнего законы диалектики рассматриваются всего лишь «как сумма примеров». «Тоже у Энгельса,— продолжал Ленин.— Но это „для популярности“...». Затем он указал, что главный закон диалектики, закон «тождества противоположностей», следовало бы излагать и доказывать «как закон познания (и закон объективного мира)»³.

Во всяком случае, пока диалектика не будет изложена таким образом и пока не будут найдены способы проверки такого ее изложения в каждом звене и на каждом шагу, она вряд ли может претендовать на статус «науки о связях».

Материалистическая диалектика рассматривает «единство противоположностей» и существование «противоречий» во всех явлениях природы и общества как всеобщие истины. Примеры, как я только что сказал, могут помочь проиллюстрировать, что имеется в виду, и показать, что эти понятия не пустые. Но одних примеров недостаточно для доказательства всеобщности этих понятий или для объяснения, почему так должно быть. Необходимо, как очень ясно говорил Энгельс и вслед за ним Ленин, еще много поработать над подлинным выво-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 384.

² См. там же, стр. 385.

³ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 316.

дом и обоснованием этих понятий, чтобы показать, *почему* конкретный анализ *всегда* должен демонстрировать, скажем, единство противоположностей и раскрытие диалектических противоречий.

Если д-ру Попперу хочется покритиковать марксистов, то он мог бы с полным основанием сказать, что мы слишком медленно выполняем очень ясные теоретические указания Энгельса и Ленина о систематическом исследовании материалистической диалектики, которое превратило бы ее в нечто большее, чем «сумма примеров», и раскрыло бы ее как настоящую «науку о связях». Но, желая доказать, что Энгельса интересовала только «апологетика», а диалектика в любом случае — сплошной вздор, он не счел уместным помочь нам сколько-нибудь похожей на это конструктивной критикой.

2. ЕДИНСТВО ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

Фундаментальное понятие диалектики — это понятие единства или нераздельной связи противоположностей. Это утверждали почти все, кто на протяжении всей истории философии рассматривал с различных сторон «диалектику». В начале настоящей работы, говоря об отличии «диалектики» как способа мышления от «метафизики», мы выяснили, что «диалектика заключается в прослеживании *связей противоположностей*» (гл. 3, стр. 92).

Основывающаяся на всеобщем опыте идея, что все происходящее в мире является результатом взаимодействия и взаимопроникновения противоположностей и содержит их в себе, очень стара. Так, например, древнейшая китайская философия утверждала, что мир и все в нем существующее — результат действия и столкновения вечно противоборствующих сил или принципов, проявляющихся во всех конкретных противоположностях, какие можно найти во вселенной. Всякое единство непременно распадается на две противоположные составные части, в нем содержащиеся, и развитие его — следствие взаимодействия этих неотделимых друг от друга противоположностей, на которые оно распадается. Недифференцированное единство было бы неподвижным: движение возникает и продолжается в результате «деления единого» на сталкивающиеся противоположности.

Для такого способа мышления существование противоположностей и их неразрывная связь — основной факт вселенной. Это — изначальная тайна, для которой нет объяснения. Просто это так *есть*.

Верно, конечно, что коренные противоположности всегда можно отыскать в любом процессе или аспекте процесса, который мы имеем возможность рассматривать. Например, мы видим свет и тьму, белое и черное; ощущаем горячее и холодное, шершавое и гладкое, твердое и мягкое; различаем противоположные полюсы у магнита; в любом движении — направления вперед и назад, вверх и вниз, направо и налево и т. д. Однако при рассмотрении таких примеров противоположностей нелишним будет совет избегать ошибки *ложной абстракции*, в которую, по-видимому, впадали как первые философы древности, так и некоторые из их позднейших последователей. Так, например, противоположные термины «светлый» и «темный» не означают вечных и изначальных сил Света и Тьмы, борьба которых создает явление игры света и тени. Наоборот, противоположность «светлого» и «темного» представляет собой всего-навсего логическое противопоставление абстрактных терминов, применяемых при описании зрительных впечатлений, хорошо знакомых нам по сменам света и тени и по переходам от света к темноте.

Вообще, в любой терминологии, приспособленной к констатированию и описанию *изменений* (или, другими словами, в любом языке или в любой системе рабочих понятий), наверняка обнаружится при логическом анализе некоторая структура из противоположных терминов. Это логическая необходимость. Почему это так? Потому что для точного определения изменения надо указать направление изменения, то есть от чего к чему происходит изменение. Вся совокупность наблюдаемых изменений включает много различных аспектов изменения, каждый из которых может рассматриваться в отрыве от других. Существуют, например, изменения цвета, формы, относительного движения и т. д. Чтобы точно указать, *какое* изменение имеет место в каждом конкретном случае в данном аспекте изменения, надо уметь точно определить *направление* изменения, имея в виду, что движение может происходить *либо* в одном направлении, *либо* в противоположном ему. Отсюда следует, что.

определяя изменения, имеющие место в любом аспекте возможных изменений, мы всегда сталкиваемся с противоположностями, с двумя *противоположными направлениями изменения*, в которых может происходить вся совокупность возможных изменений.

Предположим, далее, что вместо определения изменений мы занялись сравнением предметов. Отношения, в которых предметы могут сравниваться, те же самые, в которых они могут изменяться. А сравнения равнозначны оценкам изменений, которые повлекли бы за собой превращение одного из сравниваемых предметов в другой. Поэтому, разумеется, противоположность направлений изменения проявляется и здесь в виде сравниваемых противоположностей. Отсюда, сравнивая, например, оттенки, мы встречаемся с «противоположностью» темного и светлого, черного и белого. Они проявляются не как противоположные направления изменения, а как противоположные качества.

Самыми элементарными примерами проявления принципа «единства противоположностей» являются примеры, доставляемые логическим принципом, гласящим, что для точного определения изменений надо определять их в противоположных направлениях, присущих каждому аспекту изменения. Все эти элементарные примеры неразделимых противоположностей, вроде черного и белого, горячего и холодного, мокрого и сухого, верха и низа, севера и юга и т. д., приводимые, чтобы проиллюстрировать принцип единства противоположностей, являются примерами проявления принципа, утверждающего, что любые возможные изменения происходят в противоположных направлениях. Таким образом, если диалектика представляет собой (как сказал Ленин) конкретный анализ конкретных условий, а принципы или законы диалектики суть принципы или законы, которые должны применяться при переходе от более абстрактного описания вещей к более конкретному, то самые элементарные принципы диалектики — те, которые имеют отношение к использованию понятий противоположных направлений изменения при точном определении последних или при их сравнении.

Эти принципы очень просты и на первый взгляд тривиальны. И поэтому не может не показаться некоторым снижением уровня изложения выведение их в результа-

ге исключения ложных абстракций из впечатляющего, но туманного и мистического представления о вечном законе разделения единого на неотделимые друг от друга и противоречивые противоположности, вездесущее столкновение которых — первопричина всех явлений нашего мира.

Однако, чтобы никто не говорил, будто мы сводим диалектику к общим местам, нам следует пойти дальше и отметить, что тщательная разработка принципа единства противоположностей предполагает нечто гораздо большее. При этом может возникнуть порядочная путаница не только из-за ложной абстракции (вроде излюбленной большинством древних и некоторыми из современных толкователей), но и из-за смешения различных типов примеров. Так, если к примерам «противоположностей», выражающим противоположные направления изменения, которые я приводил выше, прибавляются еще примеры таких «противоположностей», как «мужской и женский», или «капиталисты и рабочие», или «общественное производство и частное присвоение», то вся концепция противоположностей и их связи дискредитируется путаницей и огульным смешением *различных типов* противоположностей и единства противоположностей. Это показывает, что принцип «единства противоположностей» отражает не один-единственный всеобщий закон, который может быть выражен одной-единственной формулой, но *целое направление философского исследования*, нуждающееся в тщательной разработке.

Поскольку принцип единства противоположностей имеет отношение к противоположным направлениям изменения, он выражает лишь логически необходимое в понятийном представлении изменений. Дальнейшая разработка этого принципа может продолжаться на той же основе.

Я уже неоднократно говорил о процедуре *абстрагирования*, характерной для всего мышления. Все мышление осуществляется путем *абстрагирования* от конкретных процессов, среди которых мы живем, и последующего представления их, исходя из этих абстракций и сочетания абстракций. Я отмечал, что «всякое утверждение абстрагирует», и привел в качестве примера утверждение «эта роза красная», которое «абстрагиру-

ет конкретную розу от всего ее окружения, а ее цвет — от совокупности всех других ее свойств». Затем я указал, что существуют различные «способы абстрагирования», которые «вполне соответствуют различным практическим целям». Например, чтобы говорить, скажем, о цвете, нужен, очевидно, один способ абстрагирования, о форме или размерах — другой, об относительном движении — третий.

Принципы диалектики оказываются полезными, когда мы переходим от более абстрактного утверждения к более конкретному. Они оказываются полезными как *принципы правильного сочетания или группирования различных способов абстрагирования* при конкретном анализе конкретных условий. Самое элементарное проявление абстрагирования, характерного для нашего мышления, — абстрагирование различных аспектов наблюдаемого изменения и противоположных направлений изменения этих различных аспектов. Исходя из таких абстракций, мы описываем изменения, которым предметы подвергаются и могут подвергнуться, делаем сравнения, с помощью которых описываем свойства предметов, и соотносим предметы друг с другом, сравнивая их свойства. Следовательно, самое элементарное проявление диалектики — это правильное сочетание при конкретном анализе конкретных условий абстрактных представлений об аспектах изменений и о противоположных направлениях изменения.

Но это не конец, а лишь начало повествования о приключениях диалектического мышления.

«...Мир состоит не из готовых, законченных *предметов*, а представляет собой совокупность *процессов*». Вспомните, что Энгельс назвал это утверждение (настолько, по его словам, очевидное, что против него редко возражают) «великой основной мыслью». Из него следует (как я указал в предыдущей главе), что говорить о «предметах» и о «совокупностях предметов» — значит всего-навсего применять один из способов абстрагирования, адекватный для некоторых практических целей, но далеко не адекватный для других. Совершенно очевидно, что говорить о совокупности происходящих процессов и о том, как из нее возникают различные совокупности предметов, которые мы наблюдаем и которые возникают, изменяются и исчезают в раз-

личных процессах,— значит говорить конкретнее, чем просто сказать, «существуют такие-то и такие-то предметы», что тоже довольно верно, но гораздо более абстрактно. Поэтому конкретный анализ конкретных условий всегда требует *сочетания* способов абстрагирования, относящихся к «предметам», с такими способами абстрагирования, которые относятся к «процессам». Это затрагивает несколько более глубокие вопросы, чем те, которые мы до сих пор рассматривали.

Как выразился древний философ Гераклит, «все течет». Или, как сказал Гегель, ничто не «есть»: всякое «бытие» есть «становление», непрерывное возникновение и уничтожение. Характерной особенностью понятийного сознания, вытекающей из пользования языком, является, однако, кажущаяся приостановка течения времени при отражении процессов в суждениях. Если вы делаете какое-нибудь замечание, вроде, например, «он входил в дверь», то конкретное событие, конкретное положение дел, берется, так сказать, вне времени и фиксируется в сочетании символов. Однако, чтобы отразить (хотя бы неадекватно) действительное течение времени и действительные пространственно-временные взаимосвязи в этом течении, от которого абстрагируются фиксируемые в повторимых изображениях моментальные положения вещей, отношения предметов и т. д., необходимо сказать, как *в различных процессах* возникают и исчезают отдельные предметы и совокупности предметов, фактов и событий.

По этой причине при отражении конкретной действительности в мысли всегда применяются *два* основных и неотделимых друг от друга *способа абстрагирования* — тот, который, по словам Энгельса, дает только абстрактную картину «мира как совокупности готовых, законченных предметов», и тот, который способствует созданию более конкретной картины мира как «совокупности процессов».

Как мы видели выше, более конкретная картина мира как «совокупности процессов» *включает* в себя то, что было представлено в абстрактной картине мира как «совокупности предметов». Очевидно, поэтому, что картина мира как «совокупности процессов» создается *сочетанием* результатов того вида абстракции, который дает только «совокупность предметов». с результатами

другого, дополняющего первый, вида абстракции, дающего «процессы». Следовательно, чтобы отразить конкретную действительность, развивающуюся во времени, надо *сочетать* обе абстракции в картине предметов, возникающих и исчезающих в вечно изменяющемся их взаимоотношении в различных процессах.

Отсюда следует, что для адекватного отражения конкретной реальности всегда требуется, как строго логическое или логически необходимое условие, сочетание понятий, которые можно в общем назвать понятиями «совокупности предметов», с понятиями «совокупности процессов», логически соединяя их, таким образом, попарно. Таково, по-моему, рациональное объяснение замечания Гегеля, с которого он начал так называемое «Учение о сущности» в разделе «Логика» своей «Энциклопедии философских наук», замечания настолько туманного, что оно вполне могло заставить тяжело вздохнуть д-ра Поппера (и не только его): «Сущность, как бытие, опосредствующее себя собою через свою же отрицательность, есть соотношение с самим собою, лишь будучи соотношением с другим...»¹ Истина заключается в том — и это один из глубоких принципов диалектического мышления, — что при конкретном анализе конкретных условий мы всегда должны *связывать* «противоположные», но дополняющие друг друга и неотделимые друг от друга аспекты или черты, которые являет нам конкретная действительность, — течение с остановкой течения, подвижность процесса с фиксированностью ментального состояния, неповторимость перехода с повторимостью схемы. Так мы получаем логически необходимую попарную корреляцию таких категорий, как «свойство и отношение», «форма и содержание» или «качество и количество». Первый термин каждой пары представляет собой категорию «совокупности предметов», второй, коррелирует или противоположность первого, — категорию «процессов», то есть второй — категорию течения, первый — остановки течения.

Так, например, предметы воспринимаются как имеющие *свойства*, которые им «принадлежат». И в то же время, если рассматривать их в движении, они вступают во всевозможные сложные *отношения* с другими предметами. «Метафизический» способ абстрактного мышления

¹ Гегель, Соч., т. 1. стр. 191

просто регистрирует свойства и отношения, так сказать, подряд: существуют некоторые свойства и (также) некоторые отношения. С другой стороны, конкретный анализ конкретных условий (в котором выявляются принципы диалектики) стремится проследить, как предметы проявляют различные свойства в результате вечного изменения их взаимных связей, происходящего в многообразных процессах. Таким образом, свойства предметов изменяются с изменением отношений: то, что верно по отношению к предмету в одной связи, неверно в другой, что верно в одной совокупности обстоятельств, неверно в другой.

Рассмотрим пару «противоположностей» — «форму и сущность» или «форму и содержание». Это предполагает рассмотрение способа, каким проявление процессов, о которых можно в общем сказать, что они составляют «сущность» или «содержание» предметов, всегда порождает, не выходя за их рамки, шаблонные схемы или «формы». (К сожалению, термины, почерпнутые из обычной речи, далеки от точности и неизменно многозначны, так что, если мы не хотим пускаться в длинные рассуждения, требующие целого ряда специальных уточнений и дефиниций, на эти проблемы диалектики можно только мельком намекнуть — и это максимум того, что позволяет нам здесь сделать недостаток времени и места.) Мы обнаруживаем, что содержание определяет форму, а форма ограничивает развитие содержания. Однако недialeктическое мышление рассматривает формы абстрактно и независимо от процессов, которым они служат. Например, политические теории анализируют формы государства (такие, как конституционная монархия, республика, демократия, деспотия), абстрагируясь от процессов классового господства, развивающихся в этих формах. С другой стороны, столь же метафизическим является рассмотрение процессов в отрыве от форм, которые они принимают, — как если бы кто-нибудь стал распространяться, скажем, о ходе классовой борьбы вообще, не понимая, что ее характер и исход существенно зависят от того, ведется ли она в форме какого-либо демократического движения или как борьба против фашистской диктатуры.

Кроме того, здесь вступает в силу известный диалектический принцип, касающийся «качества» и «количест-

ва». В предметах и совокупностях предметов мы обнаруживаем различные *качества*, которые бывают разных «видов», а способы их воздействия на нас и на другие предметы служат примерами проявления различных «законов». В то же время в тех же процессах, в которых проявляются качественные различия, имеют место измеримые *количественные* изменения усиления и ослабления качеств, в ходе которых нарушается пропорция или равновесие между различными факторами. Например, если в котле возрастает давление, тогда как его способность выдерживать давление остается постоянной, то равновесие сил нарушается и происходит взрыв. Или если к какой-нибудь молекуле прибавляются дополнительные атомы, то происходит изменение ее химических свойств, потому что равновесие в ней нарушено и она по-новому взаимодействует с другими молекулами. Таким образом, качественные характеристики зависят от количественных отношений, а количественные изменения неуклонно ведут к изменениям качественным. Напротив, рассматривать качество и количество как не зависящие друг от друга и не связанные между собой — рассматривать качества в отрыве от количественных отношений или рассматривать количественные отношения в отрыве от качеств, из них вытекающих, — значит попросту заниматься метафизическими абстракциями.

Такого рода рассуждения приводят к чрезвычайно интересному результату. Ибо, стараясь при анализе конкретных случаев *связать противоположные* аспекты, как того требует рассмотрение процессов изменения и развития, мы сталкиваемся с так называемым «диалектическим *противоречием*» или «*борьбой* противоположностей». Как отметил Ленин в «Философских тетрадах» (правда, в порядке постановки вопроса следует помнить, что это всего лишь заметки, сделанные им для будущей работы, к которой ему так и не пришлось приступить): «Условие познания всех процессов мира... есть познание их как единства противоположностей. Развитие есть „борьба“ противоположностей»¹.

Когда мы рассматриваем, например, каким образом свойства, проявляемые предметами, обуславливаются обстоятельствами их существования или отношениями,

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 317.

имеющими место в процессах, каким образом форма определяется содержанием, а содержание — формой; каким образом качество зависит от количества и т. д., то мы непременно и всегда обнаруживаем в процессах изменения и развития сферу действия «борьбы» или «противоречия». Ибо изменение отношений уничтожает существующие свойства, которые тем не менее упорно проявляются еще очень долго, количественные изменения приводят к исчезновению старых качеств и порождают новые, а процессы освобождаются от старых форм, которые все-таки, пока они еще продолжают существовать, ограничивают развитие этих самых процессов.

Именно в этих направлениях, как я полагаю, мы можем надеяться показать, *почему* «конкретный анализ» должен (как говорит марксизм) всегда и непременно давать примеры раскрытия «противоречий». Но прежде чем идти дальше, нам следует, пожалуй, в этом месте снова послушать д-ра Поппера, который, как обычно, желает предложить нашему вниманию свою «сокрушительную критику».

Великодушно пытаюсь объяснить, если не извинить, заблуждения марксистской мысли, д-р Поппер объясняет диалектическую концепцию единства противоположностей и противоречия следующим образом: «Если мы приглядимся немного поближе к этим так называемым противоречивым фактам, то обнаружим, что все примеры, предложенные диалектиками, подтверждают всего-навсего то, что в мире, в котором мы живем, проявляется иногда некоторая структура, которую можно, пожалуй, описать с помощью слова «полярность». Пример такой структуры — существование положительного и отрицательного электричества»¹.

Таким образом, согласно д-ру Попперу, все, что сделали диалектики, сводится к тому, что они обратили внимание на встречающуюся «иногда» полярность, привели примеры ее и затем превратили это явление во всеобщий «необходимый закон» диалектического «противоречия» или «единства противоположностей». Сначала, как мы видели выше, д-р Поппер отождествил «диалектическое противоречие» с «логическим противоречием». Теперь, невзирая на возникающую при этом непоследова-

---

¹ К. Поппер, *op. cit.*, p. 329.

тельность (ибо непоследовательность, по-видимому, так же мало беспокоит д-ра Поппера, как, по его словам, она мало беспокоит марксистов), он утверждает, что «диалектическое противоречие» означает «полярность».

Но во-первых, было «предложено» много примеров «противоречий», имеющих мало общего с полярной противоположностью положительного и отрицательного электричества, такие, как противоречие между общественным производством и частным присвоением, которое рассматривается в качестве основного противоречия капитализма. Во-вторых, такие полярные противоположности, как противоположность между положительным и отрицательным электричеством, служат не просто примерами типов «структур», которые «иногда» встречаются в «мире, в котором мы живем», и могут, пожалуй, вовсе не встречаться в каком-нибудь другом мире, но примерами таких типов «структур», которые *необходимо* должны встречаться, если тела движутся в пространстве.

Остановимся коротко на некоторых явлениях, которые «можно, пожалуй, описать с помощью слова „полярность“». Всякий вращающийся шар должен иметь северный и южный полюсы, так как один полюс не может существовать без другого, и оба противоположных полюса должны одновременно находиться по одному на каждом конце оси вращения шара. Подобным образом там, где проходит электрический ток, должны существовать положительные и отрицательные заряды. Везде, где имеет место движение, любое описание его волей-неволей должно включать описание проявлений полярности, хотя бы только потому, что представление о движении в одном направлении неразрывно связано с представлением о движении в противоположном направлении. В своей критике диалектики д-р Поппер допустил двойную ошибку. Во-первых, он не заметил, что понятие «единство противоположностей» охватывает совершенно различные типы отношений, и обвиняет марксистов в том, что они основывают свои представления на смешении этих типов отношений, в чем повинен он сам. Во-вторых, он путает *логическую необходимость* с простой «действительностью», если полагает, что «структуры», описываемые «с помощью слова „полярность“», всего только

«иногда» встречаются в реальной действительности, а не представляют собой те структуры, которые *необходимо* должны в ней встречаться.

Важно уяснить себе, что существуют *необходимости*, примерами которых служат типы связей, открываемые нами при конкретном анализе конкретных условий, и что разработка общих принципов диалектики означает исследование этих *необходимостей*. Рассуждения по поводу типа «полярности», примером которого служат «положительное и отрицательное электричество», относятся к самому элементарному случаю, поскольку касаются лишь того, что необходимо включается в описание и анализ физических движений. *Необходимости*, рассматриваемые под именем «диалектические противоречия», приводят к дальнейшим рассуждениям о структуре *всех* процессов, идущим далее учета одних лишь «физических» аспектов. Кроме того, установлено, что не имеет ни малейшего значения, какого рода процессы рассматриваются — процессы природы или общества, — конкретный анализ, научный анализ и истолкование процессов всегда принимают форму выявления специфических противоречий, «борьбы противоположностей». В общем, полное описание или конкретный анализ процессов всегда надо проводить с точки зрения «единства и борьбы противоположностей». Это действительно логическая структура истолкования или конкретного анализа.

Что касается, например, развития общества, для которого характерны сознательные устремления и столкновения людей, то основное противоречие, которое следует принимать во внимание при описании или объяснении этого развития, — это противоречие между способом объединения людей для удовлетворения их потребностей во взаимодействии с природой и формами их собственной социальной организации. Именно на основе этого противоречия развиваются различные конфликты и борьба между людьми, являющаяся сознательной борьбой, в отличие от того, что имеет место в природе, поскольку между ней и человеческим обществом проводится различие.

Именно всеобщностью противоречия, всеобщностью той истины, что в связи различных сторон или аспектов всякого процесса проявляется единство противоположностей и что всякое развитие есть развитие вытекающих

из этого противоречий, присущих предметам и процессам, объясняется размах тех внезапных изменений, радикальных превращений и прерывов непрерывности, которые составляют столь заметную особенность нашего мира, насколько мы знаем. Как поворил Гегель, противоречия в наличном состоянии приводят в конце концов к тому, что оно дает начало «собственному отрицанию».

Не к чему говорить, что слово «отрицание» употребляется здесь, как обычно у Гегеля, в специфическом смысле, который, хотя его не следует смешивать со смыслом, определяемым формальной логикой, не становится по этой причине особенно трудным для понимания или туманным. В формальной логике отрицание какого-нибудь выражения достигается формальнологической операцией, так что можно записать отрицание согласно правилам формальной логики, вовсе не исследуя то, что происходит в действительности. Смысл слова «отрицание», в котором употребляет его Гегель, говоря, что наличное состояние заключает в себе «свое собственное отрицание», совсем другой, так как здесь отрицание не выводится логически, но раскрывается в результате исследования действительных процессов и выяснения того, куда они ведут. В этом смысле любая данная структура или любое данное состояние содержат в себе «свое собственное отрицание», с одной стороны, противоположное им и несовместимое с ними, а с другой стороны, настолько тесно с ними связанное, что они не могут существовать друг без друга. Первое приводит ко второму как к «своему отрицанию», а второе возникает только в качестве подобного отрицания. Как заметил Гегель, связь жизни и смерти, например, как раз этого типа. Жизненные процессы дают начало смерти, а смерть оказывается только завершением и отрицанием жизни. Для того чтобы понять жизнь, как и для того, чтобы понять смерть, мы должны при конкретном анализе действительных процессов дойти до понимания этой связи. В общем, там, где *B* является в этом смысле «отрицанием» *A*, мы неверно поймем или истолкуем то, что на самом деле происходит в процессах, в которых участвует *A* или *B*, если будем рассматривать *A* и *B* только как противоположные и несовместимые друг с другом, не улавливая их «диалектической связи». Именно в этом смыс-

ле Маркс рассматривал социализм в качестве «отрицания» капитализма.

Как сказал далее Гегель, в определенных условиях «отрицание» в свою очередь «отрицается», с тем чтобы вызвать к жизни новый вариант первоначальной структуры или состояния. Гегелевская терминология, как всегда, загадочна вследствие двусмысленности слова «отрицание», которое употребляется в разных значениях в контексте диалектики и в более привычном контексте формальной логики. Но сам факт остается несомненным: о многих необратимых, но в то же время циклических процессах можно сказать (как говорил Маркс, показывая, каким образом трудящийся, лишенный экспропрированными его капиталистами средств производства, вернет себе средства производства, когда будут экспропрированы капиталисты): «Это — отрицание отрицания». В подобных случаях первоначальные условия не просто восстанавливаются, они воссоздаются в новой, обогащенной форме, «на высшем уровне», как, например, когда индивидуальных владельцев немногочисленных и незамысловатых орудий со временем заменяют совладельцы гигантских производительных сил. В таких случаях мы не вполне поймем характер новых структур, если не осмыслим их как результат подобных процессов, *в их связях с условиями их возникновения*, как «отрицание отрицания».

3. ПРОВЕРКА ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Попытаюсь теперь подытожить те весьма весомые доводы, которые марксисты в состоянии найти для защиты истинности, притом необходимой истинности, диалектического материализма и для поддержания уверенного стремления к его развитию.

Как я старался показать, назначение принципов материализма и материалистической диалектики состоит в том, чтобы служить нам в качестве наиболее общих руководящих принципов для понимания жизненных проблем — постижения фактов в их собственной, а не в какой-то фантастической связи и осуществления конкретного анализа конкретных условий именно так, как необходимо, чтобы найти решение жизненных проблем.

При выводе обоснованного умозаключения мы полагаемся на принципы логики, при измерениях и вычислениях — на принципы математики, при исследовании явлений — на принципы научного метода. Наше доверие к этим принципам не превращает нас в «сверхдогматиков». Точно так же не превращает нас в сверхдогматиков и доверие, в общем, к принципам материализма и материалистической диалектики. Не превращает потому, что у нас во всех этих случаях есть весьма серьезные основания для нашего доверия, а принципы, на которые мы полагаемся, представляют собой великие открытия человечества, проверенные и до сих пор проверяемые, в самых суровых испытаниях.

Разумеется, при формулировании принципов всегда возможны и иногда допускаются ошибки. То, что принципы логики, например, представляют собой необходимые нерушимые истины, не означает, что логики, пытающиеся разрабатывать эти принципы, не могут понимать их неправильно. Напротив, Аристотель, первый, кто пытался систематически разрабатывать принципы логики, не установил все принципы, а некоторые из тех, которые он считал установленными, оказались неправильно сформулированными и вообще не были в его формулировке обоснованными принципами логики. Дело в том, что, когда допускаются ошибки, их можно обнаружить и исправить. Методы *проверки* применимы и к формулированию и разработке принципов. Это так же справедливо в отношении принципов материализма и диалектики, как и в отношении любых других.

Д-р Поппер, таким образом, несомненно прав в части необходимости обеспечивать *проверку* всего, что мы собираемся отстаивать. Проверка всегда обязательна. А если мы отстаиваем какие-то утверждения, не будучи в состоянии сказать, как их проверить, и не подвергая их проверке, то в лучшем случае мы — явные догматики или люди крайне легковверные, а в худшем — жертвы предрассудков, произносящие бессмысленные формулы в качестве заклинаний. Рационализм, с подразумевающимся им преодолением догм, невежества и предрассудков, требует обсуждения, исследования и решения вопросов на основе проверки предложенных ответов.

Совершенно верно (как я уже говорил), что марксистское движение достаточно натерпелось от догмати-

ков с их разделением труда между теми, кто громогласно провозглашает догмы, и теми, кто послушно их повторяет. Однако догмы дискредитируют себя, и марксизм враждебен догматизму. Чтобы быть марксистом, не нужно ни соглашаться с чем-нибудь без всяких на то оснований, ни признавать какую-нибудь формулировку настолько авторитетной, что ее нельзя изменить или вообще полностью отвергнуть в результате обсуждения. А учитывая размах проводившейся и все еще продолжающейся дискуссии по поводу формулировок даже самых основных принципов марксизма (в которую автор настоящей работы пытается внести свой скромный вклад), нет, несомненно, никаких причин утверждать, что марксизм навязывает догматическое, некритическое отношение хотя бы к собственным своим исходным принципам.

Итак, теперь мы должны спросить: в чем заключается проверка и каковы аргументы в пользу принципов материализма и материалистической диалектики? Д-р Поппер утверждает, что таких аргументов и проверки не существует. Я намерен показать, что они существуют.

Чтобы знать, как проверять понятия и принципы диалектического материализма, прежде всего необходимо выяснить, к какому *типу* понятий и принципов они относятся, так как различные типы утверждений требуют различных типов проверки. Как пронизательно отметили многие современные философы, возникает путаница, если принимать утверждения одного типа за утверждения другого типа. Если же проверке, предназначенной только для одного типа утверждений, подвергать другой тип, то, как говорится, воцарится хаос.

Не все утверждения поддаются «экспериментальной» проверке так же, как утверждения эмпирических науки вообще фактуальные или, как я их назвал, «информативные» утверждения. Д-р Поппер сам подчеркивает это. Он настаивает (вполне справедливо) на том, что утверждения, которые не могут быть проверены экспериментом и являются в этом смысле «неопровержимыми», должны быть исключены из основного содержания эмпирических наук. Но он не делает отсюда вывода, что никогда не следует применять никаких эмпирически неопровержимых утверждений. Наоборот, теоремы, напри-

мер, формальной логики и математики эмпирически неопровержимы, но это не значит, что ими не следует пользоваться. Это значит всего-навсего, что формальная логика и математика не *эмпирические* науки.

Так, физик, выразив в уравнении некоторую зависимость между наблюдаемыми переменными, приступает к выполнению вычислений и на основании их результата приходит к какому-то заключению, которое подвергает экспериментальной проверке. Существует, очевидно, различие между экспериментальной процедурой, избираемой им для проверки своих гипотез о связях физических величин, и математической процедурой, принятой им для выведения одной формулы из другой. Гипотезы он проверяет эмпирически, тогда как правильность расчетов — убеждаясь, что каждый их шаг подтверждается действующими правилами вычисления. А правильность законов вычисления не устанавливается эмпирически, подобно правильности законов физики.

Допустим, то, что, по его расчетам, должно произойти, не происходит: это опровергает его физические гипотезы, но не законы математики, которые он использовал при разработке этих гипотез, так как законы математики эмпирически неопровержимы. Вот крайне упрощенный пример, иллюстрирующий эту мысль. Предположим, опустив в ящик два яблока, а затем еще два, я пользуюсь математическим правилом: $2+2=4$, чтобы вычислить, что в дальнейшем я найду в ящике четыре яблока. Положим, в действительности я нахожу там только три — это опровергает не арифметическую теорему, утверждающую что $2+2=4$, но только мою гипотезу о том, что четыре яблока, опущенные мною в ящик, остались там. Следует сделать вывод, что, должно быть, кто-то незаметно для меня взял одно яблоко.

Можно добавить, что эмпирическая неопровержимость математических теорем не означает (как предполагали некоторые философы), что математические понятия постигаются или могут постигаться и определяться независимо от опыта. Наоборот, наши представления о числах выводятся из практического опыта счета, и, если бы мы не замечали числа предметов и не считали их, мы никогда не сумели бы постичь определения числовых рядов и формулировать и доказывать теоремы математики. Но то, что математика, таким образом, пред-

ставляет собой результат опыта и практики и используется для практических целей, не значит, что теоремы математики устанавливаются экспериментально или могут быть опровергнуты экспериментом.

Дело в том, что некоторые эмпирически непроверяемые утверждения могут тем не менее допускать очень строгую проверку. Неверные теоремы логики или математики могут быть исправлены, а верные могут быть *доказаны*. Существует тщательно разработанная методика исправления и доказательства эмпирически непроверяемых утверждений, так же как и тщательно разработанная методика эмпирической проверки эмпирически опровержимых утверждений. Теоремы логики и математики относятся к такому типу утверждений, которые допускают доказательство, но не эмпирическую проверку, подобно тому как утверждения эмпирических наук относятся к такому типу утверждений, которые допускают эмпирическую проверку, но не доказательство.

Против чего возражают и д-р Поппер и также марксисты, так это против утверждений, вовсе не допускающих никакой настоящей проверки. К последним относятся утверждения, содержащие то, что я назвал «ложной абстракцией». Эти утверждения нельзя опровергнуть эмпирически, и не существует способов неэмпирического их подтверждения или опровержения. Верно, что по поводу подобных утверждений ведется много споров и дискуссий, вроде, например, полемики теологов. Но трудность споров такого рода состоит в том, что в них всегда в конечном счете прибегают к такому аргументу, как догматически навязанный авторитет. В этих спорах применяется особая проверка, заключающаяся в том, что утверждения сверяют с некоторым набором руководящих утверждений. Но как проверяются эти руководящие утверждения? Только выяснением того, какие из них поддерживаются самыми крикливыми голосами или угрозой самых страшных кар, либо — в кругах более либеральных, — какие из них считаются нравственно наиболее возвышенными или наиболее утешительными. Д-р Поппер, по-видимому, считает, а марксисты, следующие за Марксом, определенно придерживаются того мнения, что проверкой приемлемости утверждений для практического руководства служит существование способов подлинной их проверки.

Согласно д-ру Попперу, *философские* теории эмпирически неопровержимы. Нельзя не согласиться с ним в этом пункте, так как эмпирически опровержимые теории подлежат проверке, принятой в эмпирических науках, и поэтому они относятся скорее к «теориям эмпирических наук», чем к «философским теориям». Исторически сначала не было четкого разграничения эмпирических наук и философии, были только общие рассуждения о «природе вещей». Однако по мере развития эмпирических наук они отделялись от философии и, таким образом, установилась граница между эмпирическими науками, утверждения которых проверяются эмпирически, и философией, утверждения которой, если только они вообще проверяются по-настоящему, проверяются другими средствами. В самом деле, отделение философии от эмпирических наук было в значительной мере результатом систематического развития научного метода, систематического применения методики эмпирической проверки. Темы некоторых дискуссий, не поддающиеся такой проверке, отпочковались от науки, образовав самостоятельную область философии.

Признавая это деление, д-р Поппер говорит, что, несмотря на это, можно «критически исследовать» эмпирически неопровержимые философские теории¹. Разумеется, «критическое исследование» предполагает существование критериев отвержения. Поэтому д-р Поппер переходит к установлению критериев для решения вопроса, отвергать или нет определенные философские теории. Это приводит к отклонению всех (согласно марксистской терминологии) идеалистических и метафизических теорий. С этим мы согласны: я тоже уже пытался указать основания для отклонения этих теорий.

Однако следует поставить вопрос, существуют ли веские основания для *принятия* какой-нибудь философской теории. Все усилия д-ра Поппера направлены на поиски достаточных оснований для *отклонения* философских теорий. Однако если критерии, применяемые при «критическом исследовании», составлены так, что *любая* теория в конце концов *отклоняется*, то от существования подобных критериев, очевидно, не больше пользы, чем если бы вовсе не было таких критериев. Нам надо знать

---

¹ См.: К. Поппер *op. cit.*, p. 198

не только то, что делает философскую теорию неприемлемой, но также и то, что делает ее приемлемой.

Диалектический материализм (как утверждают марксисты) представляет собой философскую теорию такого рода, что можно найти достаточные основания для ее принятия. Это не значит, что мы против «критического ее исследования». Это значит, что мы против допущения, будто «критическое исследование» всегда равносильно отклонению.

Общие принципы материализма эмпирически неопровержимы. Таковы же и общие принципы материалистической диалектики. Как же приступить к их опровержению? Они не навязывают никаких предсказаний насчет того, что произойдет при тех или иных конкретных обстоятельствах, а потому, что бы ни происходило, ничто и никогда их не опровергнет. Но эти утверждения не пустые (несмотря на их тяготение к выразительным словосочетаниям с эмоциональным оттенком, напоминающим такие утверждения, как «все есть Единое» или «бог есть любовь», которые также никогда не будут эмпирически опровергнуты). Что придает им практическое содержание, так это их функция изложения руководящих принципов формулирования, сбора и конкретизации информации. И именно в связи с этой функцией они и проверяются.

Логический тип утверждения устанавливается функцией, которую оно выполняет в человеческой практике. А принципы материализма и диалектики отличаются от утверждений эмпирических наук и от теорем логики и математики именно своим логическим типом и практической функцией. В них открыта надлежащая форма философских утверждений, отличная от формы утверждений эмпирических, формальнологических и математических. И в этой форме философия, всеобщие принципы материализма и материалистической диалектики могут и должны быть развиты как наука и так разработаны, чтобы эту науку можно было проверить шаг за шагом, а полученные ею выводы подтвердить.

Теперь я попытаюсь определить логический тип философских утверждений диалектического материализма так, чтобы охарактеризовать их как особый тип утверждений и при этом указать, как их можно проверять. Цель этих упражнений — научиться отличать философские утверждения

верждения, с одной стороны, от утверждений эмпирических наук, логики и математики, которым присущи свои собственные, специфические типы проверок; а с другой стороны — от тех утверждений других философских школ, которые следует отвергнуть вследствие того, что они сформулированы таким образом, чтобы избежать всякой позитивной проверки. Должен, однако, предупредить, что здесь я смогу сделать это только в самых общих чертах. Чтобы рассмотреть эти вопросы со всей тщательностью и детальностью, подобающими научному труду по логике, потребовалось бы гораздо больше места и времени, чем я имею в своем распоряжении здесь в настоящее время.

Чтобы отличать тип философских утверждений диалектического материализма и то, как их можно проверять, следует ввести один новый специальный термин — *категория*. Этот термин определяется через «способы абстрагирования».

В утверждениях, вытекающих из различных способов абстрагирования, используются различные категории. И напротив, различные категории, используемые нами при формулировании утверждений или для изложения информации, представляют собой результат различных способов абстрагирования. Различать способы абстрагирования — значит различать категории, в которых выражаются результаты этих способов абстрагирования, а различать категории — значит различать их как результаты тех или иных способов абстрагирования.

Так, например, разговор о «предметах» предполагает, как я сказал, один определенный способ абстрагирования, и этот способ абстрагирования дает нам категорию «предмет». Разговор о «процессах» предполагает другой способ абстрагирования, который дает нам категорию «процесс». Подобно этому «причинность» является категорией, поскольку, когда мы различаем и соотносим причины и следствия, мы имеем дело с особым видом абстракции. Таким образом, рассматривать причинность с философской точки зрения — значит рассматривать, как следует правильно применять категорию причинности, что решительно отличается от эмпирического исследования причин и следствий. И снова способы абстрагирования, результатом которых является различение нами «свойств» и «качеств», дают нам категории

«свойство» и «качество», а способы абстрагирования, в результате применения которых мы различаем «отношения» и «количества», дают нам категории «отношение» и «количество».

Очевидно, что существует и должна существовать связь между всеми законными способами абстрагирования, так как все они абстрагируют (выражаясь не совсем точно) различные взаимосвязанные аспекты одной и той же конкретной действительности. Эти связи в их всеобщности могут быть выражены как связи категорий. Таким образом, категории связаны теми способами, какими они дополняют и пополняют друг друга, отражая конкретную действительность, и (как отмечено в предыдущей главе) одним из результатов этого является диалектическое попарное объединение категорий и образование пар «противоположностей».

Описывая категории подобным образом, я употребляю слово «категория» в узком смысле. Я пользуюсь им как специальным термином в целях обсуждения некоторых философских вопросов. В обыденной речи, однако, слово «категория» часто употребляется в гораздо более широком и менее точном смысле, которого я здесь не касаюсь. Так, мы часто говорим, например, о механиках, шахтерах и металлургах, как о различных «категориях» рабочих, то есть употребляем слово «категория» применительно к различным профессиям, связанным с разделением труда в современной промышленности. Таким образом, я определил только то, как я сам собираюсь употреблять слово «категория» в настоящей работе, тогда как и я и другие часто вполне законно употребляем это слово совершенно в ином смысле в других контекстах. Однако то, как я употребляю здесь слово «категория», не является, как я уверен, просто особенностью моего стиля: оно довольно точно соответствует традиционному употреблению этого слова многими философами.

То, о чем я говорю сейчас, употребляя слово «категория», почти совпадает с тем, о чем на заре научной философии говорил Аристотель в своем труде «Категории», и с тем, о чем говорил Кант, называя «сущность» и «причинность» «категориями». Но хотя я говорю о том же, о чем говорил Кант, то, что я говорю об этом предмете, совершенно не похоже на то, что сказал Кант. Потому что я стараюсь выразить точку зрения диалек-

тического материализма, противоположную кантианской или любой другой идеалистической точке зрения.

Кант говорил, что категории могут быть «выведены *априорно*». Он утверждал, что они каким-то образом присущи разуму от рождения и что, отнюдь не выводя их из объективно существующего материального мира, мы проецируем их на мир из нашего собственного разума, заставляя, таким образом, мир выглядеть для нас в качестве «явления» совсем не таким, каков он «в себе». Гегель «подправил» Канта только в том, что он отрицал, что разум «ограниченного индивида» создает для себя свои собственные категории. Он говорил, что категории вечно присутствуют в мышлении абсолютного духа, откуда они все и берут начало,— поправка, которая лишь делает еще более загадочным то, что и без того загадочно.

Утверждая, что категории представляют собой результат различных способов абстрагирования, я говорю нечто совершенно противоположное тому, что говорили и Кант и Гегель. Я придерживаюсь материалистического подхода к вопросу о категориях, противоположного подходу идеалистическому. Категории, которыми мы пользуемся, излагая информацию о мире, отражают мир, о котором мы информируем самих себя. Взаимосвязь категорий в информативном утверждении, когда мы приступаем к объединению относительно абстрактных элементов информации в конкретный анализ конкретных условий, отражает формы взаимосвязи различных черт и аспектов материального мира. Как выразил это Маркс в послесловии к второму немецкому изданию «Капитала»: «...Идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»¹

Утверждения, сформулированные с такой высокой степенью обобщенности, что касаются исключительно связей категорий, а не излагают факты, соответствующие этим категориям, можно бы назвать *категориальными утверждениями*. Так, утверждение «качества зависят от количественных отношений» категориальное в отличие от утверждения о факте, например «химические

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 21.

свойства молекул зависят от числа атомов, объединенных в них», служащего примером связи категорий, которую устанавливает категориальное утверждение. Категориальное утверждение эмпирически непроверяемо, тогда как фактуальное, служащее его примером, эмпирически проверяемого типа. Мы увидим также, что категориальные утверждения выводятся методом абстрагирования из утверждений о фактах: категории абстрагируются из фактов. Категории, следовательно, ни в каком смысле не «выводятся» и не «познаются *априорно*». Они не присутствуют в уме и не познаются независимо от опыта или до опыта, но выводятся или абстрагируются из опыта. Они не накладываются разумом на познанный им мир, но абстрагируются из материального мира, такого, каким мы его знаем на основании опыта.

Общие философские принципы материализма и материалистической диалектики могут служить типичными примерами категориальных утверждений. Таков их логический тип, отличающийся от других типов утверждений. Именно как категориальные утверждения они полезны нам, и именно как категориальные утверждения они могут быть выведены, сформулированы и проверены согласно требованиям науки.

При формулировке этих принципов было принято отличать «материализм» от «диалектики». Основание для такого отличия — условия нашей сознательной деятельности, которые создают (как я пытался показать в главе «Материализм против идеализма») отличие «материального» от «идеального» и их противоположность. Принципы материализма — это принципы реальной связи материального и идеального. Принципы материалистической диалектики включают в себя все те дополнительные принципы взаимосвязи, которые выявляются при конкретном анализе конкретных условий. Что же касается логического типа этих принципов, то между ними нет никакой разницы: материализм и материалистическая диалектика представляют собой одно целое. Поэтому предположение, будто диалектический материализм представляет собой что-то вроде искусственного сочетания двух логически самостоятельных элементов, является грубой ошибкой (ошибкой, которая тем не менее допускается иногда при изложении диалектического мате-

риализма как философии). Исторически философский материализм и диалектика развивались отдельно, материализм как метафизический материализм, а диалектика — в идеалистической ее мистификации. Соединив их вместе, Маркс покончил с двойной ошибкой метафизики и идеализма и заложил основы единства, единообразия в развитии философских принципов.

Как же в конце концов эти принципы устанавливаются и проверяются?

Прежде всего я должен повторить, что, как подчеркнул Ленин, они *не* устанавливаются просто на основании «примеров». Некоторые марксисты, по-видимому, предполагали, что материализм и материалистическую диалектику в достаточной мере обосновывает ссылка на многочисленные подтверждающие примеры при полном отсутствии примеров, им противоречащих. Но это равносильно логически несостоятельному допущению, будто самые общие утверждения, охватывающие связи категорий, опираются на доказательства того же вида, что и утверждения эмпирических наук. А в таком случае поднаторевшим в логике критикам легко поставить марксистов в затруднительное положение. Во-первых, нас могут спросить, действительно ли мы рассмотрели все относящиеся к делу случаи, чего мы, разумеется, не сделали. Во-вторых, наша претензия подтвердить тезисы ссылкой на положительные примеры оказывается дубой. Ибо, что произошло бы, если бы мы *в самом деле* встретились с явно отрицательным примером? Если станет известным что-то, не имеющее материалистического объяснения (например, какое-нибудь из тех явлений, к которым приводят так называемые парапсихические исследования), то можно будет сослаться как на единственную причину отсутствия должного объяснения на недостаточность наших современных знаний; если же создастся положение, при котором, скажем, количественные изменения не приведут к качественным, то можно будет сказать, что это только потому, что количественные изменения не зашли достаточно далеко. Таким образом, обобщения, претендующие на обоснование всеобщим опытом, оказываются построенными так (в точности, как сказал д-р Поппер), что любой опыт, их не подтверждающий, может быть отвергнут как не относящийся к делу. Принципы материализма и материалисти-

ческой диалектики эмпирически непроверяемы. Поэтому нелепо рассчитывать на такое подтверждение их, как если бы они были обычными эмпирическими обобщениями.

Чтобы сформулировать и установить действительные принципы философии, надо осуществить такой тип абстрагирования и обобщения, который приводит к категориальным утверждениям. А чтобы установить, что эти утверждения истинны, надо показать, что они *необходимы* для формулирования и получения истинной информации. Конечно, именно потому, что они необходимы, истинные категориальные утверждения непроверяемы опытом. С другой стороны, многие не опровержимые опытом утверждения вовсе не выражают истинных и необходимых принципов, существуют пустые утверждения, утверждения ложной идеалистической абстракции и т. д.

В научной философии нам нужно, во-первых, абстрагировать категории, используемые нами для получения информации о мире. Именно так мы приходим к содержанию наших философских утверждений.

Во-вторых, нам нужно установить, как в ходе конкретного анализа мы переходим от одного ряда категорий к другому и как мы связываем их друг с другом. Именно так мы добиваемся научной систематизированности и связности изложения, а не простого нагромождения отдельных «принципов».

В-третьих, нам нужно убедиться, что каждый вывод действительно абстрагирован из подлинных методов и достижений научного познания и представляет собой необходимый принцип этих методов в том смысле, что они не могут проводиться в жизнь по крайней мере без подразумеваемого принятия его. Именно так мы проверяем наши заключения.

В этой связи рассмотрим бегло проверку диалектико-материалистического принципа, касающегося качества и количества. Научные методики в самом деле исходят из того, что основой наблюдаемых качеств считаются количественные отношения, — этот принцип действительно общепринят в научной работе. Но это не такой принцип, который просто случайно оказывается иногда принятым, это — необходимый принцип. Потому что для исследования (успешного или нет) количествен-

ной основы качеств существует единственный и необходимый путь — раскрыть, чем определяются и регулируются качественные изменения. Думать иначе значило бы считать, что материальные процессы в структурах, проявляющих качества, не влияют на эти качества. А если бы это было так, мы не могли бы узнать, чем определяются качества. Поэтому, если мы хотим попытаться узнать об этом, то единственный возможный путь к такому познанию — исследование количественных отношений.

Философские принципы суть принципы «взаимосвязи». Правильный метод разработки и проверки их должен быть, коротко говоря, таким, чтобы гарантировать, во-первых, что они действительно относятся к актуальной информации, которой мы располагаем и которой пользуемся, а не состряпаны всего-навсего из метафизических или идеалистических абстракций; а во-вторых, что они действительно выражают *необходимые принципы*, определяющие формулирование и получение этой информации.

Возможно ли в таком случае придать раз и навсегда окончательный вид полной системе принципов материалистической диалектики? Я этого не думаю.

Аристотель, Кант и Гегель считали возможным составить полный перечень категорий. Профессор Гилберт Райл, редактор философского журнала «Mind», охарактеризовал эту идею как «схоластическую»: составлять «катехизис категорий» — значит, по его мнению, пытаться каким-то догматически-схоластическим путем ограничить круг наших представлений. Я думаю, что профессор Райл прав. Мне не представляется возможным, чтобы кто-то мог заявить: «Существует точно столько-то возможных способов абстрагирования, и вот они все». Никто не может также сказать: «Совокупность форм взаимосвязи материального мира включает именно такие-то связи и никакие другие». Ленин был, очевидно, того же мнения, когда писал в своей статье «Карл Маркс»: «...неразрывная связь *всех* сторон каждого явления (причем история открывает все новые и новые стороны) ...»¹

Поэтому ошибкой было бы утверждать, будто суще-

---

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 55.

ствует точно три, четыре или любое другое число «законов», к которым могут быть сведены принципы материалистической диалектики. Конечно, «для популярности» и в качестве примера полезно и законно приводить определенные «законы» (как это делал Энгельс). Но это не значит, что такие частные «законы» обеспечивают формулы, под которые надо подводить все, что когда-либо случается или нас интересует. Что касается «единства противоположностей», то это не столько один из нескольких законов, сколько общее указание относительно формы, которую принимают все взаимосвязи. Но если перейти к рассмотрению в обычном порядке примеров «единства противоположностей», то обнаруживается, что им нет конца и каждому примеру соответствует «его собственная диалектика», требующая специального исследования.

Следовательно, материалистическая диалектика не является таким предметом, который можно одолеть, записав и заучив наизусть несколько (или даже значительное число) формул из учебника. И в этом отношении она очень похожа на любую другую научную дисциплину, безразлично, из числа ли наук эмпирических или точных, как логика и математика. Не следует рассчитывать, что когда-либо будет разработана исчерпывающая система категориальных утверждений, достаточная для всех целей.

4. ФИЛОСОФИЯ ТОЖДЕСТВА

Значение философии заключается не в том, что она рассказывает нам все о «природе действительности» и подводит итог всему ею сказанному в нескольких формулах, но в том, что она осуществляет непрерывную научную деятельность, разрабатывая принципы, указывающие, как мыслить, чтобы познавать, а познавая, выносить рациональные суждения о наших человеческих целях и средствах их достижения. Она делает это и тем самым вооружает нас против идеалистических иллюзий и против метафизических абстракций. Таково, во всяком случае, значение диалектико-материалистической философии.

Можно подумать, однако, что в характеристике Энгельсом, в частности, идей и целей диалектического материализма обнаруживается некоторая непоследовательность.

Указывая на отличие философии от эмпирических наук, Энгельс писал в первой главе «Анти-Дюринга», что «из всей прежней философии самостоятельное существование сохраняет еще учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика»¹. Таким образом, он явно объединял диалектику с формальной логикой в «учение о мышлении и его законах», подразумевая, что законы диалектики суть законы мышления. Но в предисловии к той же работе Энгельс писал: «Для меня дело могло идти не о том, чтобы внести диалектические законы в природу извне, а о том, чтобы отыскать их в ней и вывести их из нее»². «Природа является пробным камнем для диалектики»³. Тут подразумевается, что законы диалектики суть законы объективного мира. Но могут ли одни и те же законы быть законами мышления и законами объективного мира?

Энгельс, очевидно, полагал, что могут, потому что в «Людвиге Фейербахе...» писал, что диалектика сводится «к науке об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления»⁴, а в «Диалектике природы» — «...История природы и человеческого общества — вот откуда абстрагируются законы диалектики. Они как раз не что иное, как наиболее общие законы обеих этих фаз исторического развития, а также самого мышления»⁵.

В том же духе Ленин утверждал, что диалектику надо излагать «как закон познания (и закон объективного мира)»⁶.

На это всё могут возразить, во-первых, что существует, по-видимому, некоторая изначальная неопределенность в отношении того, формулирует ли материалистическая диалектика «законы мышления» или «законы объективного мира», а во-вторых, что утверждать, будто

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 25.

² Там же, стр. 12.

³ Там же, стр. 22.

⁴ Там же, т. 21, стр. 302.

⁵ Там же, т. 20, стр. 384.

⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 316.

она формулирует и те и другие, равносильно догматическому допущению, что эти «законы» тождественны.

Подобные возражения (как мы и могли ожидать) довольно энергично выдвигаются д-ром Поппером.

Отождествление законов мышления с законами объективного мира д-р Поппер именует «философией тождества», объявляя ее ядовитым источником Гегеля. «Гегелевская диалектика основана на его философии тождества. Если разум и реальность тождественны и разум развивается диалектически... то реальность также должна развиваться диалектически. Мир должен управляться в соответствии с законами диалектической логики»¹. У Гегеля, допускает д-р Поппер, такое представление могло выглядеть «правдоподобным и понятным» потому, что если, как утверждал Гегель, «реальность» является творением «разума», то следует ожидать, что законы объективного мира будут тождественны законам мышления. Но тем не менее вся «философия тождества» представляет собой, как уверяет нас д-р Поппер, «совершенную нелепость». И она становится «еще хуже», когда «диалектический идеализм» заменяется диалектическим материализмом. «Ее сторонники в этом случае доказывают, что природа реальности фактически материальная или физическая... и, заявляя, что она тождественна рассудку или разуму... подразумевают, что разум — также явление материальное или физическое, или, когда они менее радикальны, что если разум и отличается несколько от реальности, то отличие это не может иметь большого значения»².

Подобно тому, как царь Мидас превращал все, к чему прикасался, в золото, д-р Поппер превращает все, что берется обсуждать, в нелепость. Диалектический материализм представляется ему таким нелепым только из-за полной нелепости его собственного толкования «философии тождества».

Беспристрастное рассмотрение логической природы категориальных утверждений (из которых состоит философия диалектического материализма) покажет, каким образом и почему они в одно и то же время являются «законами мышления» (разумеется, не в смысле законов

---

¹ К. Поппер, *op. cit.*, p. 329.

² *Ibid.*, p. 331.

психологии, а в смысле «нормативных» законов) и верны по отношению к объективному миру. Это не имеет ничего общего ни с гегелевским понятием тождества «рационального и реального», ни с представлением д-ра Поппера (ибо оно, несомненно, не марксистское и не материалистическое), будто «разум — также явление физическое» или будто различие между психическими и физическими явлениями «не может иметь большого значения».

Рассмотрим еще раз избитый пример закона диалектики или категориального утверждения о качестве и количестве. Это — «закон мышления» не в том, конечно, смысле, что он излагает закон психологии, в силу которого всякий, кто подумает о качественном изменении, невольно подумает и об изменении количественном, — как в голову миссис Шенди всякий раз, когда она думала о том, как заводятся часы, «неизбежно лезли мысли о каких-то других предметах», — но в том смысле, что он формулирует общий принцип, связывающий качественный и количественный аспекты реальности. Он также является «законом объективного мира», ибо независимо от того, думаем мы о них или нет, качественные и количественные изменения происходят и связаны между собой так, как гласит этот закон. Фактически этот закон может быть выражен с равным успехом и так, и наоборот: можно сказать, что качественные и количественные изменения взаимосвязаны, а поэтому мы должны думать о них как о связанных между собой, или же что мы обнаруживаем необходимую связь между категориями качества и количества, а следовательно, качественные и количественные изменения взаимосвязаны. Это относится ко всем вообще категориальным утверждениям.

Эти виды констатируемых связей обнаруживаются в объективном мире, и они, несомненно, были бы фантастическими, а не реальными, если бы не были там обнаружены. Они «абстрагируются», как сказал Энгельс, и, будучи абстрагированы подобным образом, формулируются как «законы мышления» и проверяются не как эмпирические законы, но как категориальные утверждения, что также подразумевал Энгельс, когда писал об «учении о мышлении и его законах». Материалистическая диалектика, как говорил Энгельс, представляет собой

именно «науку о связях», или (употребляя в несколько необычном значении слово «движение») «науку об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления». Точно как сказал Ленин, диалектика — это «закон познания и закон объективного мира».

Часто считалось загадочным, что благодаря процессу мышления, группирования и перегруппирования понятий мы оказываемся в состоянии приходить к практически надежным заключениям, что, обдумывая предстоящие события, мы получаем выводы, в должное время подтверждающиеся тем, что действительно происходит. Например, если на орбиту запущен искусственный спутник, мы просто-напросто путем вычислений можем узнать, где его искать в данный момент времени. Разве не удивительно, что вещи действительно и постоянно ведут себя в соответствии с нашими о них представлениями?

Согласно гегелевской «философии тождества», единственное возможное объяснение подобного факта заключается в том, что материальный мир создан божественным разумом. Материальные вещи соответствуют представлениям о них потому, что они созданы в соответствии с этими представлениями. Такова исходная точка зрения «объективного идеализма». Она представляет собой утонченный вариант старого «телеологического аргумента», которым теологи пытались доказать существование бога. Как удивительно, что трава питает корову, а пищеварительные процессы коровы превращают траву в молоко, чтобы питать нас! Это могло случиться только потому, что бог наперед задумал, чтобы все происходило именно так! Но существует и другое объяснение. В процессе естественного отбора корова развивалась в среде, где произрастала трава, а когда люди поселились в тех же местах, они нашли в корове такое животное, которое сумели приручить, используя ее в качестве источника питания. Точно так же, если наши представления соответствуют окружающим вещам, то этому есть другое объяснение, кроме того, будто вещи специально созданы такими, чтобы соответствовать нашим представлениям о них. А именно: мы научились путем проб и ошибок приводить наши представления в соответствие с вещами, потому что в противном случае наши представления оказались бы бесполезными для нас и даже хуже того.

Суть материалистической «философии тождества» была очень ясно и просто изложена Энгельсом в третьей главе «Анти-Дюринга». Недоразумения возникают, сказал он, оттого, что ««сознание», «мышление» берется вполне натуралистически, просто как нечто данное, заранее противопоставляемое бытию, природе. В таком случае должно показаться чрезвычайно удивительным то обстоятельство, что сознание и природа, мышление и бытие, законы мышления и законы природы до такой степени согласуются между собой. Но если, далее, поставить вопрос, что же такое мышление и сознание, откуда они берутся, то мы увидим, что они — продукты человеческого мозга и что сам человек — продукт природы, развившийся в определенной среде и вместе с ней. Само собой разумеется в силу этого, что продукты человеческого мозга, являющиеся в конечном счете тоже продуктами природы, не противоречат остальной связи природы, а соответствуют ей»¹.

В диалектико-материалистической «философии тождества» нет никакой непоследовательности и никакого другого вида «нелепости». Так называемая «философия тождества», безусловно, выглядела довольно странно в сочинениях Гегеля, когда он утверждал, что категории существовали вечно в царстве абсолютной идеи и материализовались в процессах, происходящих в пространстве и во времени. В теории, сформулированной Марксом, вовсе нет ничего странного. Как он объяснил, «идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней». Таким образом, поскольку категории мышления абстрагируются из материального мира и отражают его, нет ничего удивительного в том, что всеобщая истина, касающаяся материального мира, правильно излагается в форме категориальных утверждений. Рационально доказывая «законы мышления», мы показываем законы объективного процесса, отраженные в мышлении.

Д-р Поппер представляет «философию тождества» и диалектический материализм нелепым мировоззрением, изворачивающимся в качестве «усиленного догматизма», чтобы защитить себя от всякой рациональной критики. Более глубокое исследование показывает, однако, что

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 34—35.

она является рациональным развитием принципов практического мышления, усиленным только требованием постоянной критической проверки.

Отнюдь не случайно, что именно марксизм, идеология современного рабочего движения и коммунизма, первым предпринял последовательную критику всякого идеализма и метафизики, обосновал «учение о мышлении и его законах» и потребовал, чтобы всякое утверждение и всякий принцип, используемые для руководства человеческой практикой, обязательно подвергались критической проверке и никогда не принимались бы на веру. Правда, были и до сих пор появляются на горизонте чрезвычайно «ортодоксальные» марксисты, склонные ссылаться в качестве доказательства на различные цитаты и считающие, что марксизму будет причинен ущерб, если эти цитаты когда-либо подвергнутся проверке (так как проверять — значит сомневаться), и еще больший ущерб, если будет происходить какое-либо развитие идей Маркса. Но цель освобождения человечества от эксплуатации и движения к коммунизму требует, чтобы все проверялось и чтобы идеи постоянно развивались, потому что для ее успеха надо воспринимать все таким, каким оно есть на деле, а не по чьим-нибудь словам. Подлинный боец всегда критичен. Он не позволит навязать себе никакой догмы, ни «правой», ни «левой», потому что все они — шоры, мешающие критически оценивать окружающий мир.

А теперь мы можем перейти к рассмотрению того, как применяются принципы диалектического материализма к пониманию общества, человеческой жизни, человеческих потребностей и средств их удовлетворения. Какого рода догматизм и какие сопутствующие ему ошибки в руководстве делами человеческими якобы порождаются диалектическим материализмом?

ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ ПОЛИТИКИ

Глава I

ИСТОРИЦИЗМ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРЕДВИДЕНИЕ

1. ДОГМАТИЗМ ИСТОРИЦИЗМА

Исторический материализм, марксистская теория человека и общества, является применением общей теории диалектического материализма к социальным проблемам. И поскольку диалектический материализм требует рассматривать вещи в их реальных изменениях и взаимосвязях, то выводы исторического материализма, касающиеся социальных отношений, законов социального развития, а также того, что можно сделать в настоящее время для решения насущных проблем современного общества, являются результатом именно его применения.

Заклеймив общую философию марксизма как «усиленный догматизм», д-р Поппер переходит к разъяснению того, каким образом этот общий догматический подход порождает особую форму догматизма, характерную, по его мнению, для социальных теорий Маркса, а именно догматизм «историцизма». Он довольно резонно полагает, что догма порождает догму, а следовательно, с появлением абсурдно-догматической философии возникает абсурдно-догматическая теория о человеке и обществе. Подобно тому как диалектический материализм якобы подменяет научное исследование разных сторон реальных процессов догмой о том, что данный процесс в целом должен последовательно пройти диалектическую схему «тезис — антитезис — синтез», историцизм Маркса подменяет научное исследование социальных явлений догмой о том, что общество непре-

менно должно пройти заранее predetermined диалектическое развитие от первобытного коммунизма через классовое общество к завершающей коммунистической эре. Но подобно тому как интерпретация д-ром Поппером диалектического материализма как «усиленного догматизма», а «диалектики» как схемы «тезис — анти-тезис — синтез» представляет собой абсурдное искажение, его трактовка исторического материализма как воплощение того, что он называет догмой «историцизма», не менее абсурдна.

Д-р Поппер определяет историцизм как такой «подход к социальным наукам, который предполагает, что историческое предвидение составляет их главную цель и... что эта цель может быть достигнута путем раскрытия «ритмов» или «моделей», «законов» или «тенденций», лежащих в основе эволюции истории». Маркс, уверяет он, был «известным историцистом»¹.

А почему бы и не стремиться к «историческому предвидению»? Оказывается, дело в том, что исторические предвидения, которыми обычно занимаются историцисты, совсем не похожи на более скромные предвидения, допускаемые обычно наукой. Ибо «обыкновенные предвидения в науке обусловлены. Они утверждают, что некоторые изменения (скажем, температура воды в чайнике) будут сопровождаться другими изменениями (например, кипением воды)». Историцистские предвидения же являются «необусловленными историческими пророчествами»².

Таким образом, историцизм считает, что «задача социальных наук состоит в том, чтобы дать долгосрочные исторические пророчества»³. Историцизм перестает быть наукой и становится «нелепой философской схемой... взглядом, что история человечества имеет план, и, если нам удастся разгадать этот план, мы получим ключ к грядущему»⁴. «Историцизм не способен найти путь, по которому предназначено идти человечеству»⁵.

---

¹ К. Поппер, *The Poverty of Historicism*, London, 1961, p. 3, 8.

² К. Поппер, *Conjectures and Refutations*, p. 339.

³ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 1, London, 1962, p. 3.

⁴ К. Поппер, *Conjectures and Refutations*, p. 338.

⁵ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 2, p. 269.

У историцизма есть свой собственный метод «разгадывания плана» и открытия предназначенного «пути». Это исторический метод. «Способ получения знаний о социальных институтах... состоит в изучении их (sic) истории»¹. «Мы можем получать знания о социальных сущностях... только... путем исследования социальных изменений»². Чтобы знать, чему суждено случиться в обществе, следует изучать истоки и развитие общества и таким образом раскрыть действующие «ритмы, модели, законы и тенденции», которые неизбежно определяют будущее.

Свое практическое применение историцизм находит также в политике. Историцист пытается «понять законы исторического развития. Если ему это удастся, он, разумеется, сможет предвидеть будущее развитие. Он сможет тогда подвести под политику прочную основу и дать практический совет, указав нам, какие политические действия будут, вероятно, успешными или безуспешными»³. «Социологическое исследование должно помочь раскрыть политическое будущее и... таким образом стать самым главным инструментом практического осуществления политики дальнего прицела»⁴.

Таким образом, Маркс, как «известный историцист», изучал социальные изменения с целью сделать «безусловные предсказания». Не считаясь с тем фактом, что настоящая наука может делать только «обусловленные предвидения», Маркс полагал, что его «философская схема» может «подвести под политику прочную основу». Он думал, что ему известно то, чему предопределено случиться, и он может основывать политику на подготовке к этому.

Обвинив, таким образом, Маркса и марксистов в ошибках историцизма, д-р Поппер инкриминирует им еще три преступления теоретического порядка, которые он определяет как ошибки, сопутствующие догме историцизма. Этими ошибками являются «эссенциализм», «холизм» и «утопизм».

---

¹ Ibid., p. 37.

² Ibid., p. 7.

³ Ibid., vol. 1, p. 8.

⁴ К. Поппер, *The Poverty of Historicism*, p. 42.

«Историцизм» связан с «эссенциализмом», ибо вера в «безусловные исторические предсказания», несовместимые с подлинной наукой, основана на убеждении, что «сущности» вещей раскрываются в неизбежном историческом развитии, следовательно, достаточно лишь раскрыть «сущность», чтобы можно было безошибочно знать, что должно произойти в будущем. «Считается что задачей социальной науки является понимание и объяснение таких социологических реальностей, как государство, экономическая деятельность, социальная группа и т. д., и это можно сделать только путем проникновения в их сущности»¹.

«Я воспользуюсь термином «методологический эссенциализм», — высокопарно и многословно пишет д-р Поппер, — для характеристики взгляда... что раскрыть и описать истинную природу вещей, то есть их скрытую реальность или сущность, и есть задача чистого познания или «науки»². Согласно эссенциализму, «самые лучшие, подлинно научные теории описывают «сущности» или «сущностную природу вещей — реальности, лежащие за явлениями»³.

Сущность (так д-р Поппер излагает доктрину эссенциализма и его связи с историцизмом) раскрывает себя в определенной форме развития. Ибо «для того, чтобы стать реальной или действительной, сущность должна раскрыть себя в изменении»⁴. Таким образом, «применяя этот принцип к социологии, мы приходим к выводу, что сущность или реальный характер социальной группы может раскрыть себя и быть познанным только через свою историю»⁵. Поэтому, изучая историческую форму развития общества, можно проникнуть в сущность общества и, постигнув эту сущность, понять необходимость этой особой формы развития и безошибочно предсказать ее дальнейшее развитие. «Изменение путем раскрытия того, что скрыто в неразвитой сущности, может лишь сделать явными сущность, потенциальные возможности и зародыши, изначально присущие

---

¹ К. Поппер, *The Poverty of Historicism*, p. 30.

² К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 1, p. 31.

³ К. Поппер, *Conjectures and Refutations*, p. 104.

⁴ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 2, p. 8.

⁵ К. Поппер, *The Poverty of Historicism*, p. 33.

изменяющемуся объекту. Эта доктрина ведет к историчистской идее исторического рока, или неизбежного сущностного предназначения»¹.

Таким образом, будучи виновными в историчизме, Маркс и марксисты не могли не быть виновными также в эссенциализме. С точки зрения марксизма, неизбежное предназначение человека в обществе предопределено социальной сущностью человека. Изучая историю человечества, можно увидеть, что представляет собой эта сущность, и таким образом приобрести способность делать безусловные предсказания.

Ошибка, подобно преступлению, имеет свою странную логику; и д-р Поппер, идя далее, объясняет, что виновный в историчизме и эссенциализме марксизм не может не выродиться в дальнейшем в «холизм» и «утопизм». Можно даже подумать, что д-р Поппер воображает, будто бы он докопался до самых глубин сущности марксизма, тогда как он выкопал массу вздора; не удивительно, что все это он сам и похоронил.

«Самым сильным элементом в альянсе историчизма и утопизма, несомненно, является холистический подход, общий для них обоих»², — пишет д-р Поппер. «Историчизм интересуется развитием не аспектов социальной жизни, а «общества как целого»».

Мы должны изучать «общество как целое», заявляет эссенциалист-историчист, и исследовать частные «аспекты социальной жизни» лишь постольку, поскольку их развитие определяется развитием этого целого. Сложность этого предписания, говорит д-р Поппер, состоит в том, что, «если мы хотим изучать вещь, мы должны выбрать определенные ее аспекты. Мы не можем наблюдать или описывать весь мир или всю природу; фактически описать в целом невозможно даже самую малую часть, поскольку всякое описание неизбежно является выборочным»³. Не развитие целого определяет развитие отдельных аспектов, но развитие отдельных аспектов и их сложное взаимодействие определяют развитие целого.

---

¹ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 2. p. 7.

² К. Поппер, *The Poverty of Historicism*, p. 74.

³ *Ibid.*, p. 77.

Историцизм и эссенциализм, требующие «холистического подхода», впадают вследствие этого в «утопизм», ибо «холисты» не только намереваются изучать все общество невозможным методом, но они еще собираются управлять и преобразовывать наше общество «как единое целое»¹. А это и есть утопизм. Таким образом, «безоговорочные исторические пророчества» Маркса относительно развития «общества как целого» стали «утопическим проектом». «Он предсказывал, что развитие увенчается идеальной утопией, и активно способствовал этому»². «Маркс видел истинную задачу научного социализма в провозглашении неизбежности социалистической эры»³. Но к несчастью, утопизм, основанный на «невозможном методе», никогда не сможет привести к осуществлению утопии. «Даже при самых лучших намерениях создать рай на Земле удастся создать лишь ад — тот ад, который только человек готовит своим собратьям»⁴. Теоретическое преступление Маркса поощрило коммунистов, разъясняет д-р Поппер впоследствии, в их гнусной деятельности подавления индивидуальности, подстрекательства к насилию и тирании, увековечивания «закрытого общества».

Теперь нам следует вспомнить, что с помощью д-ра Поппера мы все еще находимся в Стране чудес, где все необычно и слова обретают извращенный смысл. Как только обвинение было зачитано, Король Червей сказал, обращаясь к присяжным: «Обдумайте ваше решение». Но это было уже слишком даже для Белого Кролика. «Не сейчас, не сейчас! — поспешно прервал его Кролик. — Перед тем еще будет много дела!»

В самом деле, еще многое надо сказать на темы, изложенные в обвинении д-ра Поппера. Но, чтобы поговорить об этом, мы должны покинуть Страну чудес и взглянуть на вещи реально, то есть прекратить обсуждение общих философских принципов и побольше применять их в конкретном анализе конкретных условий.

¹ Ibid., p. 79.

² Ibid., p. 74.

³ K. Popper, *The Open Society and its Enemies*, vol. 2, p. 86.

⁴ Ibid., vol. 1, p. 168.

2. ЛЮДИ САМИ ДЕЛАЮТ СВОЮ ИСТОРИЮ

Согласно Марксу, «люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого»¹.

Другими словами, люди делают свою историю благодаря своей деятельности, и никакая «судьба» не создает ее для них. Но в своей деятельности люди реагируют на различные обстоятельства, при которых они живут. Они сталкиваются с обстоятельствами, которые имеются налицо, даны им и перешли от прошлого, то есть созданы для них прошлыми поколениями; они изменяют эти обстоятельства своими действиями, затем снова реагируют на эти измененные обстоятельства и т. д. в течение всей жизни человечества.

Это можно именовать «усиленным догматизмом», но, пожалуй, это больше звучит как усиленный здравый смысл.

Каковы некоторые из последствий этого в отношении человеческой деятельности и ее возможностей?

Прежде всего это значит, что в то время, как люди сами делают свою историю, то, что они могут и не могут совершить в любом месте и в любое время, зависит не только от их желаний и решений, но от определенных обстоятельств, в которые они поставлены. Именно в этом смысле они делают свою историю «не так, как им вздумается». Совершенно очевидно, как сказал Маркс, люди не могут выбирать для себя обстоятельств, человек не выбирает, родиться ему или нет, как не выбирает при рождении тех или других обстоятельств. Выбор относится к тому, что делать человеку, в каких бы обстоятельствах он ни оказался; эти обстоятельства ограничивают выбор действия. Но вследствие этого обстоятельства не только ограничивают то, что люди *могут* делать, но и обуславливают то, что практически они *хотят* делать; человеческие желания, цели и идеалы обусловлены обстоятельствами, в которые люди поставлены. То, что человек действительно хочет сделать или хотел бы видеть сделанным, берет свое начало от обсто-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 119.

ятельств, в которых это желание возникает. Это значит, что способы мышления людей — круг их идей, способы, которыми они постигают самих себя и окружающий их мир, — также обусловлены обстоятельствами. И наконец, вполне очевидно, что, если люди могут выбирать и решать, что им делать в данных обстоятельствах, они не могут выбирать или определять *результаты*, к которым приведут их действия. Люди могут действовать с намерением достичь определенных результатов, но будут ли в действительности достигнуты эти результаты или произойдет что-то совсем иное, зависит не от намерения этого действия, а от самого действия и тех обстоятельств, в которых оно совершалось.

Исходя из столь же глубоких или «туманных» философских предпосылок, Маркс и Энгельс рассматривали, как в действительности «люди сами делают свою историю».

Вначале своего первого зрелого труда по этому вопросу — «Немецкой идеологии» — они отмечали, что «первая предпосылка всякой человеческой истории — это, конечно, существование живых человеческих индивидов. Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатированию, — телесная организация этих индивидов и обусловленное ею отношение их к остальной природе»¹. Установив этот факт, они исследовали далее, каким образом бесчисленные действия бесчисленных человеческих индивидов смогли привести к созданию человеческой истории.

Разумеется, «телесная организация» человеческих индивидов является результатом естественной эволюции видов, а «отношение их к остальной природе» представляет собой дальнейший результат. Специфические физические особенности человеческого вида, а именно прямая походка, развитые руки и мозг — определяют особое отношение человека к остальной природе, а именно использование природы для удовлетворения своих потребностей посредством общественного производства. Человеческая психология является, стало быть, дальнейшим результатом, то есть продуктом индивидов с такой физической организацией, живущих в обществе.

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 19.

Таким образом, для того чтобы осуществлять свою связь с остальной природой, другими словами, для того чтобы жить, ибо организмы живут, лишь удовлетворяя свои потребности с помощью природы, люди создают орудия производства, приобретают навыки их использования и вступают в общественные производственные отношения. Они развивают свой общественный способ производства, который состоит в применении определенных производительных сил и в установлении определенных производственных отношений для того, чтобы развивать общественные производительные силы и распределять полученный продукт.

Вот так предшествующие поколения создают обстоятельства, при которых предстоит действовать последующим поколениям. Своей общественной деятельностью в физической окружающей среде они прежде всего обеспечивают своим преемникам определенные производительные силы и создают для них окружающую физическую среду, измененную и обновленную в результате применения этих производительных сил в прошлом. Во-вторых, они вовлекают людей в определенные производственные отношения, в рамках которых развиваются производительные силы. Наконец, они передают им, подобно эстафете, свое наследие институтов, обычаев и образа жизни, а также знания, идеи, культуру, представляя им возможность продолжать целый ряд незавершенных дел и решать нерешенные противоречия и споры.

При изучении истории потомки оглядываются назад, чтобы узнать, каким образом их предшественникам удалось заставлять события происходить так, как они происходили, вот как по крайней мере следует рассматривать историю, если изучение ее должно доказать какое-либо практическое преимущество, и вот как, очевидно, ее рассматривали Маркс и Энгельс. «Всю историю надо изучать заново, надо исследовать в деталях условия существования различных общественных формаций», — писал Ф. Энгельс К. Шмидту 5 августа 1890 г. и сообщил своему корреспонденту: «...наше понимание истории есть прежде всего руководство к изучению...»¹. Материалистическое понимание истории явля-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 37, стр. 371.

ется руководством к изучению точно так же, как любая другая научная концепция. Например, наше понимание физиологии человека служит руководством к изучению, так как оно указывает нам, что́ следует искать, чтобы объяснить причины данного явления, скажем, в случае эпилепсии, искать мозговое поражение, которое более повинно в этом явлении, нежели некий злой дух.

Точно так же обстоит дело с материалистическим пониманием истории. Маркс и Энгельс указывали, что все, что люди делают в обществе, они могут делать только совместно участвуя в способе производства, ибо без него они ничего не могли бы сделать и не могли бы жить. Поскольку люди изменяют свои производительные силы, а следовательно, ставят перед собой задачи, решение которых требует изменения производственных отношений, они разными способами изменяют характер всей остальной деятельности.

Это объясняется тем, что люди живут благодаря общественному производству, что история человеческих обществ отличается от истории, скажем, сообществ муравьев. Муравьи, разумеется, в любом случае не могут изучать свою историю, так как они физически не приспособлены для проведения исследований. Однако люди, наблюдающие со стороны, вполне успешно могли бы изучать историю данного сообщества муравьев и обнаружить не только обычный цикл кладки яиц и т. д., но и такие «исторические» события, как затопления и другие катастрофы, а также войны с соседними муравейниками и великие переселения муравьев. Недостаток некоторых историков состоит в том, что они изучают историю людей точно так же, как если бы люди были всего лишь говорящими муравьями. Но людей отличает не только способность к речи, индивидуальное сознание и целенаправленная деятельность. Человеческая история отличается от истории муравьев тем, что в ней происходит определенное историческое развитие, свойственное только человеку, а это есть результат общественного производства, благодаря которому живут люди. Способ производства меняется. Муравьи же всегда поддерживают свое существование одним и тем же способом, однако не так, как человеческие существа. Люди овладевают новыми производительными силами и изменяют свои производственные отношения. А это

уже совершенно новый фактор в человеческой истории. Человеческая история — это история того, как люди овладевали и использовали производительные силы и приспособляли свои производственные отношения к требованиям развития производительных сил; это история того, как люди это осуществляли, какие действия предпринимали и какие при этом испытывали трудности, терпели поражения и одерживали победы, а также в каких решающих мероприятиях и войнах они участвовали.

Д-р Поппер разъясняет, что историцист «видит в индивиде пешку, какое-то незначительное орудие в общем развитии человечества»¹. Но материалистическое понимание истории как способ изучения и понимания человеческой истории не означает, как это предельно ясно показали Маркс и Энгельс, что история создается не деятельностью человеческих индивидов, а несколько иным способом. Оно не предполагает, что индивиды думают и строят свои расчеты впустую, что все они всего-навсего «пешки» и что единственное, что имеет значение, — это неуклонное развитие «различных общественных формаций». Ибо говорить об «общественной формации» — это значит говорить просто о том, каким образом индивиды, овладев определенными производительными силами, сами вступали в определенные производственные отношения. Это означает, что для того, чтобы понять, каким образом обстоятельства, в которых живет новое поколение, были переданы ему прошлым поколением, нам следует уяснить, как развивались производительные силы и как они определяли производственные отношения. Для того чтобы понять, что способно или не способно совершить новое поколение в этих обстоятельствах и как, следовательно, возникают его практические представления, мы должны понять, что можно и чего нельзя сделать путем сохранения или изменения производственных отношений и развивающихся в их рамках производительных сил.

Марксистское материалистическое понимание истории является, стало быть, научным пониманием того, каким образом прошлое поколение создает те обстоя-

---

¹ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 1, p. 7—8.

тельства, в которых рождается новое поколение, и как последнее должно овладеть этими обстоятельствами. Подобно другим научным концепциям в иных областях, эта концепция имеет огромное практическое значение. Во-первых, она помогает нам дать точную оценку того, что представляют собой наши обстоятельства, и рассеять в отношении них всякие иллюзии. Во-вторых, в результате исторического изучения того, как создаются общественные обстоятельства, мы можем прийти к выводу о том, что можно и что невозможно сделать для того, чтобы овладеть ими.

3. ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРЕДВИДЕНИЕ

Теперь мы можем задать вопрос, насколько далеко изучение истории позволяет нам предвидеть будущее? И какого рода предвидения оно позволяет нам делать?

Марксизм предполагает делать «безусловные долгосрочные исторические предсказания», говорит нам д-р Поппер, и «главная цель» марксистов при изучении истории — это делать именно такие предсказания. «Люди сами делают свою историю», — сказал Маркс. Мы изучаем историю для того, чтобы попытаться понять, каким образом мы ее делаем, и как, следовательно, продолжать ее делать без иллюзии о том, что ее якобы можно делать каким-то иным способом, чем тот, каким она фактически делается.

Разумеется, в той мере, в какой это касается прошлого, история не является предсказанием, она имеет описательный и объяснительный характер. Мы не изучаем события, скажем, тысячетней давности с тем, чтобы предсказывать события, скажем, девятисотлетней давности, ибо, когда мы изучаем более ранние события, нам уже известно, каковы были последующие события. Мы изучаем последовательность событий в прошлом, чтобы попытаться установить обобщения, объясняющие, каким образом более поздние события вытекают из более ранних. Открытие Маркса состоит в том, что для того, чтобы объяснить историческую последовательность, мы должны прежде всего изучить способ производства и то, как он развивается, а затем уже исследовать, как действовали люди в обществе, чтобы приспособ-

собрать свои производственные отношения, институты и представления к данным производительным силам.

Этот описательно-объяснительный подход к изучению истории не представляет историю как автоматический результат действия неумолимых «законов», подобно, например, замкнутой механической системе, в которой в результате действия законов механики более позднее состояние неизбежно вытекает из более раннего. Часто говорят, что, согласно материалистическому пониманию истории, все происходит «в соответствии с законами». Если это значит, что материалистическое понимание истории формулирует объяснительные обобщения относительно того, каким образом всегда развивается человеческое общество, тогда это верно. Ибо это есть именно то, что свойственно материалистическому пониманию истории. Но предполагать, что существуют «законы», управляющие человеческими действиями так, что некоторые данные обстоятельства и все вытекающие из них события определяются единственно только этими законами,—явно никчемное дело. Что представляют собой эти законы? Где они сформулированы? Где следует искать их верификацию? Вы можете перечитать все исторические работы Маркса, а также всех компетентных историков-марксистов (и даже всех уважаемых историков независимо от того, марксисты они или нет) и не встретите никаких формулировок подобных законов. Такая теория «законов» является в действительности наследием тех времен, когда полагали, что весь материальный мир представляет собой замкнутую механическую систему, и нет необходимости говорить, что она имеет очень мало общего с научными идеями диалектического и исторического материализма. Нужно отказаться от такого представления, ибо никто не может раскрыть таких законов и идея о том, что такие законы должны быть, является беспочвенной догмой.

Исторические работы самого Маркса и историков-марксистов (читая их, в этом нетрудно убедиться) не преследуют цели показать, как в соответствии с неумолимыми законами более поздние события неизбежно следуют из более ранних, но показывают, как люди в процессе развития общественного производства вступают в определенные противоречия и сталкиваются с определенными проблемами и как они действуют с тем,

чтобы разрешить эти проблемы и противоречия. И в основе этого всегда лежит зависимость производственных отношений от характера производительных сил.

Именно благодаря этой руководящей идее материалистическое понимание истории позволяет не только описывать и объяснять прошлое, но и воздействовать на настоящее. Оно служит руководством для изучения настоящего в его возникновении из прошлого, чтобы сделать вывод о том, каковы исторические проблемы сегодняшнего дня и как лучше всего развивать общественные отношения, чтобы планировать общественное производство в интересах удовлетворения человеческих потребностей. Именно это и является предметом коммунистической теории и практики.

Всякой социальной ситуации присущи определенные исторические проблемы или исторические задачи. И они могут быть определены историком объективно, независимо от того, как конкретно представляли их себе люди того времени, исходя из своих идеологических установок.

«Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о... эпохе... по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями»¹, — писал Маркс в предисловии к «Критике политической экономии».

Как известно, цель историка состоит не в том, чтобы исследовать и описывать каждое отдельное событие прошлого. Его прежде всего интересуют «исторические» события, хотя как раз то, что делает событие историческим, и является вопросом, который ни один историк еще не разъяснил. Для историков-марксистов ключом к пониманию любой эпохи является раскрытие главных исторических проблем этой эпохи, а они вытекают из развития производительных сил и их соответствия производственным отношениям, социальным институтам и идеям и связаны с ними. Таким образом, для марксиста вопрос о том, должен ли наградить король Валорозо орденом Огурца своего зятя принца Бульбо, едва ли

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 7.

представлял бы собой историческую проблему, даже если придворная газета и историки, пишущие свои истории на основании материалов придворных газет, считали это событие вопросом огромной важности. Исторические события, то есть события, которые составляют, так сказать, основу истории,— это те социальные события, которые являются ответом на исторические проблемы и влияют на их решение. Но разумеется, в известном смысле *любое* событие представляет интерес для историков, так как даже самые обычные события раскрывают характер людей, живших в то время, их нравы и благодаря этому становятся полезными для понимания исторических событий; часто случайное сцепление мелких событий может иметь такой результат, который радикально изменит способ решения насущных проблем.

Рассматривая все развитие человеческого общества начиная с самых древних времен, марксизм видит в нем прогрессивное возникновение и разрешение ряда проблем, порожденных развитием производительных сил и приспособлением к этому развитию производственных отношений. Во многих случаях, как это разъяснил Маркс, это приспособление оказывалось безуспешным и приводило скорее к тупику, нежели к дальнейшему прогрессивному развитию. Нить человеческого прогресса можно протянуть через те сообщества, которые успешно приспособили свои производственные отношения к требованиям развития производительных сил. Вся история человеческого общества есть, следовательно, процесс, управляемый законом, в том смысле, что она служит примером этого общего закона развития. Она не является и не может быть процессом, управляемым законом в том строго детерминистском смысле, что существуют predetermined законы, которые не позволят случиться ничему, кроме того, что действительно случилось.

Что касается человеческих действий, как и других вещей, то понимание того, как они совершаются, позволяет нам делать предвидения о будущих событиях. Но *проверка* соответствия или несоответствия понимания реальному ходу событий состоит не только (как, видимо, предполагает д-р Поппер) в ожидании того, подтвердятся предвидения или нет. Мы проверяем понимание хода событий также путем изучения докумен-

тов о том, как они происходили, и найти «опровержение» можно так же легко в прошлом, как и ожидать его в будущем. Поэтому мы всегда можем утверждать, что научные концепции достаточно хорошо подтверждены тем, что уже случилось, не соглашаясь с точкой зрения д-ра Поппера, считающего все научные концепции простыми «предположениями» относительно будущего, которые в любой момент могут оказаться ложными. Это относится как к нашему пониманию того, каким образом, скажем, протекают физические и химические процессы, так и к нашему пониманию социальных процессов. Подтвержденное доказательство (пользуюсь удачным выражением, придуманным и ошибочно использованным прагматистами) нашего понимания хода событий зависит от нашей скрупулезности в исследовании этого процесса.

В дальнейшем наше понимание проверяется и, если необходимо, изменяется путем верификации или же опровержения предвидений, которые оно позволяет нам делать. Однако цель предвидений состоит не в том, чтобы просто проверять наше понимание. Она заключается в том, чтобы руководить нашими действиями. Ибо, если бы мы не делали предвидений, мы никогда не смогли бы руководить нашими действиями. Например, мы не в состоянии были бы сказать, как заваривается чай, если бы мы не смогли предвидеть, что вода кипит при нагревании и что кипятком, налитый на сушеные листья чая, дает нам напиток — чай. Поэтому, направляя наши действия, важно иметь концепции, верность которых уже настолько хорошо доказана, что вполне можно полагаться на вытекающие из них предвидения, а не считать их только «предположениями». Дать такую концепцию человеческой деятельности — это цель и требование материалистического понимания истории.

Мы всегда можем быть действительно уверены в том, что способны составить целый ряд предвидений для того, чтобы руководить человеческими действиями. Мы с уверенностью можем утверждать, что «если произойдет *A*, то случится *B*» или «поскольку произошло *A*, то произойдет *B*, если не помешает *C*», и т. д. Другими словами, мы полагаемся на то, что д-р Поппер называет «условными предвидениями». Они часто могут быть успешно выражены, по его словам, в форме запреше-

ний: «*AB* не может произойти, значит, поскольку произошло *A*, не произойдет *B*». Опыт и исследование служат нам подтверждением при разработке многих подобных предвидений относительно физических, химических и биологических процессов, и (с чем, по существу, каждый, включая д-ра Поппера, согласен) опыт и исследование служат нам подтверждением при разработке многих подобных предвидений также в области человеческой деятельности.

Но разве материалистическое понимание истории требует подтверждения для другого рода предвидений, то есть для долгосрочных «безусловных» предвидений, как называет их д-р Поппер? Разве марксизм требует подтверждения утверждений типа: «независимо ни от чего случится то-то и то-то»? Подобные утверждения, как справедливо заметил д-р Поппер, чужды естественным наукам. Разве марксизм ненаучно предлагает ввести их в общественные науки?

Открытие Марксом общего «закона исторического развития» действительно привело к «долгосрочному» предвидению. И д-р Поппер резонно отмечает, что это долгосрочное предвидение, по мнению марксистов, имеет огромное теоретическое и практическое значение. Логика этого долгосрочного предвидения очень проста. Для того чтобы дальше развивать производительные силы, люди должны постоянно приводить в соответствие с ними свои производственные отношения. Значит, если производительные силы в наше время продолжают развиваться, производственные отношения должны им соответствовать. Существующие капиталистические отношения сковывают производство. Если производство должно продолжать свое развитие, эти оковы должны быть устранены и установлены социалистические, а позднее коммунистические производственные отношения.

Очевидно, что это долгосрочное предвидение зависит не только от «общего закона», но также от гипотезы, что капиталистические отношения сковывают производство и что устранение оков частного присвоения означает общественное присвоение. Позднее менее общая гипотеза верифицируется на основе современной истории, так же как более общая гипотеза верифицируется на основе всеобщей истории. Следовательно

но, в чем же «ненаучность» последовательного долгосрочного предвидения? Было бы нелепо утверждать, что только «краткосрочные» предвидения научны. Ведь научная мысль решается делать в других областях долгосрочные предвидения в форме научной гипотезы, так почему же этого нельзя сделать в сфере человеческой деятельности? Конечно, если гипотезы окажутся ошибочными, логически вытекающие из них предвидения независимо от того, краткосрочные они или долгосрочные, должны быть изменены. Но, поскольку доверие к этим гипотезам оправдывается, существует доверие и к предвидениям долгосрочным и краткосрочным. Это относится к гипотезам Маркса в такой же степени, как и к гипотезам любого другого ученого. Конечно, тем, кто кровно заинтересован в сохранении капиталистической системы, долгосрочные предвидения Маркса о ее уничтожении не нравятся. Но это лишь осложняет научную проблему, дополняя ее вне-научными спорами. С точки зрения науки логика долгосрочного предвидения Маркса является безупречной.

Разумеется, д-р Поппер не отрицает, что долгосрочные предвидения иногда допустимы в науках, но он утверждает, что в социальных науках условий для такого предвидения не существует. «Долгосрочные предсказания,— пишет он,— могут быть выведены из научных условных предвидений только в том случае, если применять их к системам, которые можно считать хорошо изолированными, устойчивыми и повторяющимися. Такие системы в природе встречаются очень редко, и современное общество, несомненно, не принадлежит к их числу... Общество меняется, развивается. Это развитие в основном неповторимо»¹.

Конечно, общество развивается, и это развитие неповторимо. Это не означает, что невозможно открыть закон развития. Напротив, Маркс открыл этот закон — закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил. И, само собой разумеется, что если этот закон описывает способ развития общества, следовательно, развитие это является неповторимым. Неповторимое развитие не означает, что не существует закона или что этот закон невозможно сформулиро-

---

¹ К. Поппер, *Conjectures and Refutations*, p. 339—340.

вать таким образом, чтобы, исходя из анализа существующей в настоящее время стадии развития, нельзя было предсказать последующую его стадию. Очевидно, поэтому д-р Поппер ошибается, высказывая свое догматическое и беспочвенное утверждение, что долгосрочное предвидение применимо лишь к «хорошо изолированным, устойчивым и повторяющимся системам».

Его аргументация основана на простом недоразумении: он смешивает долгосрочное предвидение с тем, что он называет «безусловным» пророчеством. Совершенно верно, что только в «хорошо изолированной, устойчивой и повторяющейся системе» («очень редко встречающейся в природе», как справедливо замечает д-р Поппер) можно было бы гарантировать, что никакой посторонний или неповторяющийся фактор никогда не нарушит действия законов, обычно управляющих данной системой. Общество не является подобной системой, и долгосрочные предсказания Маркса в отношении общества предсказывают лишь то, что непрерывное развитие производства приведет к социализму, ибо условием его в течение этого длительного периода является уничтожение оков частного присвоения. До сих пор людям всегда удавалось преодолевать препятствия, мешающие непрерывному развитию их производительных сил; и если так будет продолжаться, наступит социализм, а если только наступит социализм, они будут в состоянии продолжать это делать. Таково это предвидение. Оно условное, но не безусловное. В нем не говорится о том, что наступлению социализма никогда ничто не может помешать. Напротив, если бы люди уничтожили свои производительные силы вместе с большинством человечества в атомной войне, тогда многие страны не могли бы никогда достичь социализма. Кроме того, вторжение враждебных сил из космоса могло бы помешать нам достичь социализма. Мы можем считать маловероятной перспективу второй катастрофы и верим в нашу способность предотвратить атомную катастрофу или даже справиться с ее последствиями в случае, если она произойдет. Мы можем жить, таким образом, сохраняя уверенность, что долгосрочное предсказание социализма осуществится, ибо анализ существующего ныне положения дел показывает, что условия для реализации этого имеются. Та-

кова практическая позиция коммунистов. Но она не превращает долгосрочное научно обоснованное предвидение в безусловное пророчество.

4. ПРЕДВИДЕНИЕ, ВЕРОЯТНОСТЬ И НАМЕРЕНИЕ

Долгосрочное предвидение социализма — это предвидение относительно человеческой деятельности и ее результатов. В этом отношении оно явно отличается от предвидений, касающихся действия природных сил. Как, указывая на общеизвестный факт, отметил Энгельс: «В природе... действуют одна на другую лишь слепые, бессознательные силы... в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели»¹. Следовательно, долгосрочное историческое предвидение является предвидением того, что совершат люди, «поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям», и к каким результатам приведет их деятельность.

Иногда предполагают, что именно потому, что люди действуют «обдуманно или под влиянием страсти», о них невозможно делать никаких предвидений. Каждый человек сам решает, что ему делать, или действует под влиянием своих собственных страстей, так что никаких всеобщих предвидений делать нельзя. Это абсурд. Мы все постоянно делаем предвидения такого рода: «В таких-то и таких-то обстоятельствах, такие-то и такие-то люди будут действовать таким-то и таким-то образом и это приведет к таким-то и таким-то результатам», и, если бы мы не могли полагаться ни на одно такое предвидение, мы не смогли бы управлять нашей социальной жизнью.

Предвидение человеческих действий не предполагает, что человеческие существа действуют и воздействуют друг на друга так же, как это делают нечеловеческие или «естественные» силы. Люди действуют об-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 305—306.

думанно или под влиянием страстей, у них возникают намерения, и они ставят перед собой цели, а это как раз и есть те виды действий и результаты тех действий, которые мы предвидим.

Например, когда достаточное число людей собирается вместе в качестве наемных рабочих, они начинают обсуждать, как улучшить свои условия жизни, создают организации и формулируют общие требования. Они это делают всегда, и мы можем предвидеть, что они будут поступать так и в будущем. Такое предвидение не предполагает, что отдельные рабочие являются «пешками», намерения и страсти которых ничего не значат. Напротив, это предвидение является предвидением их намерений и страстей. При таких обстоятельствах достаточное число рабочих почувствует страстное желание быть сытыми и добровольно объединиться с целью создать эффективную организацию, которая может оказать давление на тех, кто не испытывает недовольства и не организуется добровольно, или по крайней мере ослабить их противодействие.

Такие предвидения (как показал вышеприведенный пример) основаны на оценке вероятности того, что произойдет в результате взаимодействия большого числа взаимозависимых переменных. То же самое можно сказать в отношении предвидения поведения отдельных индивидов. Когда мы предвидим, как поступит такая-то личность, мы определяем вероятный результат всех тех разнообразных побуждений и контрпобуждений, которые эта личность испытывает.

Почти все предвидения, независимо от того, относятся ли они к человеческим существам или нет, в равной мере основываются на оценке вероятности. Таким образом, например, предвидение того, что вода в чайнике, поставленном на огонь, закипит (как доказала современная наука), основано на оценке, что большее количество тепла перейдет из огня в чайник, чем из чайника в огонь, и, когда перейдет достаточное количество этого тепла, колебание молекул воды в чайнике вызовет явление кипения. Предвидения относительно организации рабочего класса и других человеческих достижений зависят от такого же рода оценки вероятности.

В таких оценках нет ничего неопределенного или «предположительного». Напротив, именно такими

оценками и руководствуемся мы в нашей жизни, и, если при подходе к ним соблюдается необходимая осторожность, они бывают исключительно достоверными. Такие достоверные оценки можно получить как о наших собственных действиях, так и о том, что происходит в окружающем нас физическом мире.

При истолковании прошлого именно такие оценки вероятности объясняют весь поступательный ход человеческой истории. Не все общества развивали свои производительные силы, а лишь некоторые, и поэтому всеобщее прогрессивное развитие происходило, когда новые производственные отношения приводились в соответствие с новыми производительными силами, и так дело шло вплоть до нынешнего затруднительного положения человечества.

Когда в общественном производстве занято такое большое число людей в течение столь долгого времени, то крайне вероятно, так что становится, в сущности, неизбежным, что по крайней мере некоторые из них могли случайно оказаться в благоприятных обстоятельствах и совершенствовать существующие производительные силы. Так происходило и, видимо, будет происходить прогрессивное развитие. Таково научное объяснение человеческого прогресса — что, вероятно, должно было случиться, то и случилось.

Чтобы объяснить, почему, где именно, когда и каким образом происходило какое-то развитие — скажем, создавалась «классическая» рабовладельческая империя или современный капитализм, — нужно, разумеется, установить множество случайно совпадающих фактов: если что-то произошло еще раньше (что вполне возможно), это развитие могло произойти где-то еще и другим путем. Но повсюду это развитие было столь вероятным, что, то, что где-то должна была возникнуть великая рабовладельческая империя и позднее должен был возникнуть капитализм, становилось, в сущности, неизбежным.

Более того, когда происходит такое развитие, ему свойственно быть единственным в своем роде; потому что либо тот, кто достигает этого развития, препятствует другим повторить его, либо, если другие действительно последуют его примеру, сам факт уже свершившегося изменяет обстоятельства и вынуждает их

осуществлять это другим путем. Таким образом, например, достижение капитализма в одних странах препятствовало такому развитию в районах, которые эти страны превратили в свои колонии. Главенствующее положение, достигнутое Великобританией в развитии капитализма, повлияло на условия, в которых должны были действовать ее конкуренты. Построение социализма в СССР оказывает влияние на характер движения к социализму в остальных странах мира.

Теми же обстоятельствами, между прочим, объясняются роль и исключительность «великих людей». Когда однажды появляется личность, взявшая на себя выполнение функции «великого человека», то этот человек лишает других возможности делать то же самое. Например, Наполеон оказался уникальным человеком не только благодаря своей исключительной личности, что помогло ему после французской революции возвыситься, но и потому, что во Франции в любом случае мог быть только один император.

Поэтому при анализе общественного развития и предвидении его продолжения для материалистического понимания истории как научного понимания нет необходимости взывать к какой-то неумолимой «судьбе» или «року», размышляя над человеческими действиями и направляя их. Мы руководим нашими делами и без этого. И тем не менее наше поведение, как и другие вещи, можно объяснить и предвидеть.

Те же принципы, которые объясняют, как действовали люди в прошлом, объясняют, как они действуют сейчас, и позволяют предвидеть, как будут действовать люди в будущем. Предвидения человеческих действий, однако, значительно отличаются от предвидений в отношении естественных процессов, а также от объяснений прошлых действий тем, что люди, делающие предвидения, сами становятся участниками тех процессов, с помощью которых эти предвидения будут осуществляться. Предвидеть то, что вы сами собираетесь делать или, по крайней мере, если не вы лично, то люди, с которыми вы связаны и чьи интересы вы отождествляете со своими собственными, равнозначно *установлению намерения*. Например, предвидеть, что «пойдет дождь», значит только констатировать то, что вы ожидаете, но предвидеть: «Я надену плащ» —

это установление намерения. Вы не предвидели бы, что наденете плащ, если бы не имели намерения это сделать.

Делая такие предвидения, как «я надену плащ» или «мы построим социализм», мы полагаемся на анализ объективных обстоятельств, ответом на которые должно явиться предвидимое действие.

Если этот анализ окажется ошибочным, предвиденное действие либо не произойдет, либо если и произойдет, то не будет иметь ожидаемых результатов. Если, например, мой анализ погоды окажется ошибочным, я не надену плащ, а если я его надену, он будет лишь оттягивать мне плечи, но не предохранять от дождя. Кроме того, анализ обстоятельств может быть ошибочным и в том смысле, что выраженное намерение при данных обстоятельствах становится практически неосуществимым. Например, если я потерял свой плащ, то предвидение того, что я надену его, не осуществилось бы. Делая такое предвидение, я должен был просто забыть, что потерял этот плащ.

Следовательно, констатируя намерение, человек обычно полагает, что имеет причины (основанные на анализе обстоятельств) считать это намерение полезным и думать, что выполнение его принесет определенные преимущества или устранил определенные невзгоды. Если человек узнает, что его намерение было нереальным или что оно не принесет ожидаемого преимущества или не устранил угрожающей неприятности, тогда он должен отказаться от этого намерения и такое предвидение не нашло бы реального осуществления.

Следовательно, ясно, что тот факт, что предвидения будущих человеческих действий также могут быть установлением намерения, не означает, что такие предвидения не основаны на объективном анализе обстоятельств; так же, как то, что такое предвидение основано на анализе обстоятельств, не означает, что выполнение предвиденного действия осуществляется под влиянием судьбы, а не сознательно с целью осуществить констатированное намерение. Очевидно, что такие предвидения могут быть хорошо обоснованы, но, как бы хорошо они ни были обоснованы, они могут быть выполнены только при условии, если люди, чьи наме-

рения выражены в предвидении, будут продолжать упорно стремиться выполнить свои намерения.

Марксистское предвидение социализма обнаруживает все вышеупомянутые свойства предвидения, которое является также констатацией намерения. Этим оно, конечно, отличается от предвидения, скажем астрономом затмения. Оно также отличается от некоторых других предвидений человеческих поступков, ибо, разумеется, не все такие предвидения содержат в себе этот элемент существования, констатации намерения. Например, когда во Франции Людовик XV сделал свое известное предвидение: «После меня хоть потоп» (хорошо обоснованное предвидение, действительно оправдавшееся), он только констатировал то, что ждал от других людей; и «фаталистический» характер его предвидения объяснялся его (верным) мнением о том, что он и его сторонники не смогут воспрепятствовать людям совершить это. С другой стороны, предвидение Маркса относительно социализма также было констатацией намерения и должно было быть принято в качестве этой констатации; одним же из условий его осуществления являлось то, что это намерение должно быть принято широкими массами и стать их намерением, ибо в противном случае социализм, разумеется, наступить не может. Он мог бы наступить только в том случае, если бы люди целенаправленно за него боролись. На основании того же анализа обстоятельств, который заставил Маркса сформулировать цель социализма, он пришел к выводу, что социализм будет принят достаточно большим числом людей.

Разумеется, это предвидение Маркса включает в себя особенности, которых нельзя найти в таком простом предвидении, как «я надену плащ», хотя у него есть общая с последним особенность, выражающая намерение, основанное на объективном анализе обстоятельств. Ибо предвидение Маркса предсказывало то, что намеревались делать другие люди. Это предвидение «мы», а не предвидение «я», и, конечно, всякое предвидение «мы» является также предвидением «они».

В этом отношении его можно сравнить, скажем, с предвидением, сделанным участниками первой экспедиции на Эверест: «Эверест будет в конце концов покорен». Такое предвидение выражает намерение осу-

шествить восхождение на Эверест, связанное с выводом об осуществимости со временем восхождения на вершину и с желанием его совершить. Оно опирается также на предвидение, основанное на оценке вероятности человеческих действий, на предвидение того, что всегда окажется достаточно желающих взойти на вершину Эверест и позаботиться о подготовке соответствующей техники с тем, чтобы в конечном счете обеспечить это восхождение.

Можно также отметить, что подобное предвидение способны сделать и наблюдатели, которые сами не имели намерения совершить восхождение на Эверест. Эти наблюдатели отметили бы, что намерение сформулировано, что оно осуществимо и что оно нашло поддержку у довольно большого числа людей, желающих обеспечить этому восхождению успех. Но от того, что такое предвидение обоснованно могут сделать простые наблюдатели, оно не становится фаталистическим, ибо оно никогда не осуществилось бы, если бы люди не намеревались взойти на Эверест и не приняли его как констатацию намерения. Наблюдатели не могли бы иметь твердых оснований для предвидения восхождения на Эверест, если бы альпинисты не намеревались взойти на него и сами не предсказывали, в качестве констатации своего намерения, что это восхождение произойдет и будет продолжаться до тех пор, пока они не достигнут его вершины. Правда, в этом примере наблюдатели, знающие привычки альпинистов, могли отважиться предсказать, что восхождение на Эверест будет в конечном счете осуществлено, еще до того, как альпинисты сами сформулировали свое намерение подняться на Эверест и организовали экспедицию. Все равно осуществление предвидения зависело бы от альпинистов, высказавших намерение попытаться совершить это восхождение и организовать его.

Можно также отметить, что во всех этих примерах объективный анализ обстоятельств, на которых основаны такие предвидения, содержит в себе, если предвидения хорошо обоснованы, причинное объяснение, почему это намерение, выполнение которого предсказано, возникло раньше, чем оно было сформулировано и будет оставаться в силе и в дальнейшем. Так в примере с плащом объяснение намерения состоит в том,

что, когда человек выходит из дома в дождливую погоду, ему обычно холодно. В примере с восхождением на Эверест объяснение намерения состоит в том, что альпинисты считают для себя недопустимым, чтобы, находясь в горах, не взобраться на них. И в примере социализма объяснение намерения состоит в том, что в условиях капитализма великое множество людей считает нетерпимыми оковы капиталистических отношений, которые препятствуют удовлетворению человеческих потребностей.

Эти соображения показывают, что «долгосрочное» предвидение социализма, сделанное Марксом, можно считать столь же хорошо обоснованным объективным анализом обстоятельств, как и более простые краткосрочные предвидения. Этот анализ по самой своей природе неизбежно бывает сложным и трудным. Его необходимо постоянно развивать и проверять на практике. И разумеется, если какая-то часть его окажется совершенно ошибочной, тогда оснований для предвидения будет меньше или даже вовсе не будет. Но анализ, проведенный вначале Марксом и продолженный его последователями, обеспечивает очень твердые и надежные основания для предвидения социализма.

Во-первых, это предвидение основано на знании общего закона общественного развития — соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Во-вторых, оно основано на исследовании капиталистических производственных отношений и того, какими оковами они являются для развития производительных сил. В-третьих, оно основано на доказательстве того, что обобществленное производство, развитое в современной промышленности, требует общественного присвоения, и поэтому единственный путь для развития современного обобществленного производства с целью удовлетворения общественных потребностей — это установление социалистических производственных отношений. В-четвертых, оно основано на анализе классовой борьбы, являющейся следствием капиталистических производственных отношений, при которых намерение достичь социализма соответствует классовым интересам большинства трудящихся людей, и это дает полное основание ожидать, что в конце концов силы, активизируемые этим намерением, возрастут в сравнении

с противостоящими им силами. В-пятых, оно основано на вполне практической разработке принципов стратегии и тактики классовой борьбы за социализм.

Итак, поскольку Маркс всегда говорил о необходимости научного изучения общества и его истории, а также того, как люди делают свою историю, то это дает основание для долгосрочного предвидения социализма. Однако такое предвидение не аналогично предвидению астрономов, способных предвидеть события, которые произойдут независимо от намерений и стремлений людей. Предвидение конечного результата борьбы, в которой принимают участие сами авторы этого предвидения, неизбежно приобретает свойства политической пропаганды и политики. Сам Маркс приводил весьма веские доводы, чтобы считать эту политику обоснованной и придерживаться ее. И эти весьма веские доводы (если только они правильно сформулированы) служат очень хорошей пропагандой такой политики.

В дальнейшем из всего этого станет ясно, что осуществление предвидения социализма зависит от создания организации, вооруженной политикой научного социализма и обладающей достаточной централизацией, единством и дисциплиной, чтобы действовать сознательно контролируемым образом, — короче говоря, от политической партии рабочего класса. Сам Маркс разъяснил это. Эту мысль подчеркивал и Ленин, особенно в своей книге «Что делать?», где он отмечал, что одно «стихийное» движение людей, требующих некоторого улучшения условий своей жизни, никогда не приведет к социализму; для этого необходима политическая организация, вооруженная научной теорией социализма.

В самом деле, мы не можем делать *хорошо обоснованных* долгосрочных предвидений относительно социальных событий, если при этом *не* можем создать эффективной организации, которая проводила бы в жизнь эти предвидения. Без научной теории люди, делающие предвидения, уподобились бы архитекторам, предвещающим сооружение какого-нибудь здания, не принимая никаких мер к тому, чтобы мобилизовать рабочую силу и снабдить ее строительной техникой. Действительно, именно по этой причине в прошлом (а также по вине многих наших сограждан в настоящем) люди не в со-

стоянии были делать хорошо обоснованные долгосрочные социальные предвидения. Это объясняется тем, что не было такой организации, которая необходима для осуществления этих предвидений. Время от времени люди осмеливались делать долгосрочные предвидения, но эти предвидения были недостаточно обоснованными. Так, например, нельзя с большим доверием относиться к тем долгосрочным предвидениям, которыми в настоящее время занимаются различные организации экономического планирования капиталистических стран, хотя бы только потому, что в существующих капиталистических условиях нет аппарата эффективного контроля за осуществлением этих предвидений и он не может быть создан.

Вполне обоснованное научное долгосрочное предвидение социализма, сделанное Марксом, явилось, таким образом, новым словом в области человеческой деятельности. Это новое слово было сказано им (как и следовало ожидать) только тогда, когда для этого возникли социальные условия. Образование современного рабочего класса впервые в истории создало основу для массовой организации, которая была действительно способна приводить производственные отношения в соответствие с общественными производительными силами путем контроля, руководствуясь научным изучением структуры и способа развития человеческого общества. Поэтому, естественно, что научная теория общества, на которую опирается современное революционное социалистическое движение, была разработана только тогда, когда начала создаваться такая организация, причем не независимо от работы по созданию и руководству этой организацией, но как ее составная часть. Это значит, что впервые в истории люди начали сами строить свое будущее в том смысле, что смогли создать организацию, способную настолько правильно понимать конечные результаты происходящего, чтобы предвидеть, куда оно идет и пойдет дальше.

Следовательно, при таком логическом характере долгосрочных предвидений, научно разработанных в марксистской социальной теории, мы можем также сделать некоторые выводы относительно необходимых *границ* предвидения.

Я уже говорил, что хорошо обоснованные социаль-

ные предвидения являются не «безусловными», а условными, что они основаны на оценках вероятностей и их осуществление зависит от наличия эффективной организации, способной создать условия для их осуществления и осуществить их.

Поэтому, во-первых, мы не можем предвидеть ничего сверх того, что может осуществить организация. Предвидения Маркса касались деятельности коммунистических организаций по строительству сначала социализма, а затем перехода от социализма к коммунизму. Разумеется, когда конечная цель будет достигнута, коммунистическая организация полностью выполнит свою функцию. И как будут люди действовать после этого, будет зависеть от них. Мы можем, конечно, предвидеть, что главные причины современных социальных болезней будут к тому времени уже окончательно устранены, и установив общественное присвоение, чтобы достичь соответствия с общественным производством, люди уже не вернутся вновь к частному присвоению. На этом основании мы можем выразить уверенность в том, что, когда наступит коммунизм, люди будут управлять обществом значительно лучше, чем они это делали в прошлом и делают в настоящем. Но мы не можем точно предвидеть, как они будут управлять, или что именно они решат делать, или какие трудности встанут на их пути и как они будут их преодолевать.

Во-вторых, ввиду того, что этот способ социальной жизни зависит от развития и роста производительных сил, предвидение ограничено тем, что может быть сделано с производительными силами при нынешнем уровне их развития. Правда, на основе существующей техники можно, разумеется, сделать предвидение относительно возможного технического прогресса в будущем. Иными словами, можно ожидать некоторых новых открытий; и это, разумеется, служит основанием для ведения планомерных исследований. Например, сделанные в свое время некоторые фундаментальные открытия в области ядерной физики дали возможность предвидеть технологию ядерной энергии, и поэтому исследования были посвящены ее развитию. Так и в наши дни мы можем предвидеть очень широкое развитие технологии ядерной энергии, автоматизации и электронных счетно-вычислительных машин, а также межпланетных

сообщений и предсказать различные способы применения этой технологии. Однако такой род предсказаний в области техники имеет определенные границы. Мы не можем предсказать суть совершенно новых открытий, ибо, если бы мы могли их предсказать, мы, очевидно, уже сделали бы их. Следовательно, мы не можем предвидеть, какую новую технику изобретут после того, как будет полностью развита современная. И поэтому мы не можем предсказать, как будет выглядеть человеческая жизнь в случае (а в долгосрочном предвидении это вероятно) новых фундаментальных открытий. Люди каменного века не могли предвидеть открытия железа. И мы остаемся в таком же положении.

5. НЕОБХОДИМОСТЬ И НЕИЗБЕЖНОСТЬ

В своей работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Ленин писал, что Маркс «впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс»¹.

Положение о том, что развитие общественно-экономических формаций, подобно естественноисторическому процессу, означает, что предшествующий ход социального развития можно объяснить так же, как процесс развития естественной истории. Точно так же, как эволюция видов объясняется необходимостью для организмов приспособляться к окружающей их среде, так и развитие общественных формаций объясняется необходимостью приспособления производственных отношений к производительным силам. По-видимому, в социальном развитии это приспособление будет продолжаться точно так же, как виды будут продолжать приспособляться к окружающей их среде.

Мы полагаем, что предвидя будущее, можно объяснять его, исходя из тех же установок, что и прошлое. Однако это не значит, что предвидение бу-

---

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 139.

душих социальных событий аналогично предвидению природных явлений. Ибо наша собственная роль в процессе осуществления этих событий иная. Разумеется, что такое же различие следует сделать в отношении предвидений природных явлений, в которые вмешивается человек.

В науке, которую создают люди, всегда следует принимать во внимание отношение людей, создающих науку, к процессам, о которых идет речь в этой науке. Люди сами делают свою историю. Следовательно, отношение людей, стремящихся научно понять социальные процессы, к процессу, который они пытаются понять, отличается от отношения тех же людей к естественным процессам. И поэтому при научном подходе к социальным перспективам это различие должно быть принято во внимание.

Верно, что некоторые люди (которых д-р Поппер называет «историцистами») пытаются занять в делах людских позицию, так сказать «божьего ока», и предвидеть будущее этих маленьких созданий, ползающих по лицу земного шара, словно сами они и их современники не принимают участия в создании этого будущего. Однако точка зрения «божьего ока» не является научной. Они, будто в магическом кристалле, видят утопические картины, другие — катастрофу или нескончаемые циклы упадка и подъема. Но ни одно из их пророчеств не является и не может быть вполне обоснованным, потому что эти люди не принимают во внимание то, как люди в действительности делают историю, и не подкрепляют свои предвидения практическими предложениями по организации их осуществления. Вместо этого они воображают, что смотрят на общество с высоты — находясь за пределами общества. Их позиция так же абсурдна, как если бы физик воображал, что он рассматривает физический мир с помощью прибора, который сам по себе не является физическим.

В своей критике «историцизма» д-р Поппер справедливо ставит вопрос о предположениях этих созерцателей магического кристалла. Разумеется, его критика не имеет отношения к научному изучению общества, а также к предложениям и предвидениям будущей социальной деятельности, сделанным Марксом. Маркс не гадал посредством магического кристалла. Он не во-

ображал, будто смотрит на общество с высоты, подобно человеку, который разглядывает сверху разворачивающийся ковер и предсказывает рисунок последующего кусочка, исходя из того, что он видел до сих пор. В результате изучения истории Маркс пришел к выводу, что люди делают свою историю, приспособив свои производственные отношения к данным производительным силам. Он показал, как мы можем это делать сейчас, дал практические предложения по организации этой работы и предвидел, что это будет сделано. По словам Ленина, он «поставил социологию на научную почву».

Разумеется, всегда можно составить довольно достоверные краткосрочные предвидения общественных явлений с точки зрения простого наблюдателя, учитывая, что делают или что намерены сделать одни люди и что могут сделать другие, чтобы помешать им. Если, например, похоже на то, что никто не может или не хочет им мешать, тогда можно сделать довольно достоверное предвидение о том, что то, что делают эти люди, будет осуществлено. Предвидение Маркса пошло значительно дальше этого, поскольку речь шла о будущей общественно-экономической формации. Такое предвидение может быть научно обосновано только тогда, когда оно базируется, во-первых, на точном представлении об общих условиях, управляющих развитием экономических формаций, и, во-вторых, на предложениях относительно того, какая организация нужна для создания этой новой формации и каким образом эта организация должна быть осуществлена. Именно так было обосновано предвидение Маркса.

Маркс не выступал в качестве пророка или предсказателя, который вещает людям: «Этому суждено случиться, а потому будьте готовы к этому!» Он выступал как организатор-практик, имеющий достаточно оснований для того, чтобы заявить: «Совершите это, и победа будет за вами».

Где же, следовательно, у Маркса тот «историцизм», который так неистово осуждает д-р Поппер? Где хвастливое раскрытие «схемы», о которой не дрогнула написать его рука, где тот «путь», по которому люди волей-неволей должны идти, где «судьба», преследующая нас? И где «безусловное пророчество»? Все это суще-

ствует лишь в богатом воображении д-ра Поппера. Маркс, этот известный «историцист», вовсе не был «историцистом». Он, как сказал Ленин, «впервые поставил социологию на научную почву».

Историцизм по определению д-ра Поппера — это идеалистическое понятие. Понятия «схема», которая раскрывается в истории, и «путь», проложенный для нас, — это понятия о изначальной идее, которая в свое время осуществляется в материальном мире. Вот уж поистине теологическое понимание творения: «Вначале было Слово». Те, кто полагает, что могут предсказать будущее, потому что знают «схему» и «путь», — просто обманщики, претендующие на способности пророчества, которые не даны другим, так как воображают, будто сами находятся *en rapport*¹ с вечностью. Несмотря на свой рационализм и эмпирический метод, идеалист Гегель был, разумеется, «историцистом» в попперовском смысле. Выступая против гегелевского идеализма, Маркс противопоставил «историцизму» Гегеля научную материалистическую теорию о том, как люди делают и будут делать историю.

Несомненно, Маркс использовал «исторический метод». Как совершенно справедливо отмечает д-р Поппер, Маркс считал, что «мы можем получить знание о социальных сущностях только путем изучения социальных изменений». И нам непонятно, как же иначе можно «получить знание о социальных сущностях». Однако д-р Поппер продолжает называть исторический метод Маркса «историцистским» и говорит, что Маркс изучал социальные изменения, чтобы раскрыть в них «ритмы, модели, законы и тенденции» и таким образом предвидеть будущее. Он пытается доказать, что Маркс как бы проследил орнамент на разворачивающемся ковре с тем, чтобы предвидеть, на что будет похож следующий кусок орнамента. Такое предвидение, разумеется, было бы совершенно беспочвенным, если только не иметь основания полагать, что ковер этот был сделан человеком, который нанес этот орнамент на ковер. Человеческая история вовсе не похожа на разворачивающийся ковер.

---

¹ В связи (франц.).

Маркс не рассматривал историю, чтобы обнаружить нанесенный на ней орнамент. Он изучал социальные изменения с целью узнать, как люди совершают эти изменения, с тем чтобы установить, как мы можем теперь вызывать изменения и каким условиям они должны отвечать, чтобы удовлетворить наши потребности. Подобно любому другому ученому, он хотел узнать, что представляют собой условия нашей жизни и что мы можем сделать в этом отношении. Таковы были исторический метод Маркса и цель его применения.

Сокрушительная сила всей этой аргументации, относящейся к марксовой концепции «классовой борьбы». «необходимость» и «неизбежность» которой он отстаивал, связана с этим методом и его результатами. Объясняя корреспонденту (И. Вейдемейеру в письме от 5 марта 1852 г.), что он научно обосновал своим историческим методом, Маркс писал:

«Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что *существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства*, 2) что классовая борьба необходимо ведет к *диктатуре пролетариата*, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к *уничтожению всяких классов и к обществу без классов*»¹.

Ну вот, может сказать д-р Поппер, что я говорил вам — Маркс был историцистом! Может быть, в самом деле верно, что история есть «история борьбы классов». И «буржуазные историки», которые скромно пытались всего лишь описать то, что происходило, и не стремились, подобно историцистам, быть пророками, возможно, хорошо сделали, что описали эту борьбу классов. Но Маркс идет дальше. Он утверждает, что борьба классов «связана с развитием производства», и устанавливает такую необходимую модель истории, продолжение которой «необходимо» или «неизбежно» ведет к

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 28, стр. 426—427.

«диктатуре пролетариата», а затем к «обществу без классов». Что же это, если не безусловное историческое пророчество, основанное на претензии открыть модель, ритм, схему и план истории?

Рассмотрим по существу значение и смысл изложения Марксом своей позиции.

Прежде всего Маркс в своей теории классовой борьбы обращает внимание на неизбежные обстоятельства, в которых люди вынуждены были действовать прежде и действуют до сих пор, и на неизбежные проблемы, которые им приходилось и все еще приходится решать. И изменить это нельзя, ибо эти обстоятельства и проблемы существуют как объективные факты человеческой жизни, которых невозможно избежать. Поскольку разделение на классы порождает классовые антагонизмы, связанные с способом добывания средств к жизни, классовая борьба становится необходимой, или неизбежной, в смысле неминуемой. Маркс смог объяснить причину этого. Это происходит потому, что производственные отношения, в которые вступили люди, как только уровень их производительных сил превысил уровень производительных сил каменного века, включают в себя классовые противоречия.

Да, сказал Маркс, «люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого». Люди должны вступать в производственные отношения, чтобы использовать свои производительные силы, с той же необходимостью, с какой они должны пользоваться своими руками для того, чтобы создавать орудия производства. Это для нас необходимо, неизбежно, неминуемо. Чтобы знать, каковы действительные обстоятельства, какие существуют проблемы и что мы можем или не можем сделать в этом отношении, наука должна отличать в наших обстоятельствах случайное от необходимого и то, что можно избежать, от неизбежного. Не сделать этого означало бы отказаться от научного анализа и склониться перед лицом фактов.

Во-вторых, показав необходимость, или неизбежность, классовой борьбы, Маркс сделал вывод, что классовая борьба является движущей силой, посредством которой решаются исторические проблемы. Данные про-

изводственные отношения предполагают классовые различия, и деятельность, направленная на изменение производственных отношений, есть деятельность, направленная на изменение классовых отношений, то есть классовая борьба.

И наконец, анализ капиталистических производственных отношений и классовой борьбы при капитализме ведет к выводу о том, что эти отношения и соответствующая им классовая борьба будут продолжаться до тех пор, пока рабочий класс не завоюет политическую власть и установит общественную собственность и общественное присвоение, а это означает экспроприацию капиталистического класса. Это и есть то, что Маркс называет «диктатурой пролетариата». Этот единственный способ решения проблемы приспособления производственных отношений к современным производительным силам, и, когда она будет решена, наступит «бесклассовое общество».

То, что «классовая борьба *необходимо* ведет к диктатуре пролетариата», лишь означает, что это единственный способ завершить эту борьбу. А до тех пор, пока не будет достигнут этот результат, классовая борьба будет продолжаться. Сами обстоятельства существования рабочего класса вынуждают его продолжать борьбу против эксплуатации, и единственный способ избавиться от нее — это завоевание политической власти и использование ее для перестройки общественных отношений. Итак, если не произойдет того, что в «Коммунистическом манифесте» называют «общей гибелью борющихся классов» (которое в наши дни могло бы наступить в атомной войне), или вмешательство извне (как, например, вторжение из космоса или космическая катастрофа), диктатура пролетариата и переход к бесклассовому обществу являются неминуемым, то есть необходимым и неизбежным следствием.

Ясно, что эта теория о необходимости классовой борьбы и диктатуры пролетариата представляет собой не «безусловное пророчество», а просто научный анализ. Это научный анализ, который вооружает рабочий класс программой и служит руководством к действию, чтобы его борьба основывалась на трезвом научном понимании всей общественной ситуации. Утверждать,

что эта теория ошибочна, — значит утверждать, что общая идея соответствия производственных отношений производительным силам также ошибочна и что анализ капиталистических производственных отношений тоже ошибочен. Но д-р Поппер с его критикой «историцизма» уклоняется от этого предмета спора, утверждая, что сами понятия, используемые в этой теории, являются скорее «историцистскими», чем научными. Он может убедить в этом только в том случае, если докажет, что эта теория имеет в виду нечто другое, чем то, что она утверждает.

Чтобы разобраться в значении слов, когда они употребляются в утверждениях, следует всегда брать слова и утверждения в их контексте с точным значением. Секрет безумного чаепития, носящего характер спора, состоит в отказе от этого. Некоторые философы пытались определить смысл слов «необходимость» и «неизбежность», которые дают нам *абсолютную* или «неумолимую» необходимость в природе, а в делах человеческих — *абсолютную* неизбежность. Примером этого служит хорошо известная теорема Спинозы о том, что «следствие вытекает из причины с той же необходимостью, с какой три угла треугольника составляют два прямых угла». Однако ясно, что слово «необходимость» имеет разный смысл, когда мы говорим о каком-то «непременно случающемся» событии или когда мы говорим о «трех углах треугольника, непременно составляющих два прямых угла». Ясно, во-первых, потому, что сложить два прямых угла несложно, и, во-вторых, потому, что сказать «то-то и то-то неизбежно случится» не совместимо с тем, чтобы к этому добавить: «При других предполагаемых обстоятельствах могло бы случиться нечто другое».

Для обсуждения того, что происходит, уместными категориями являются категории *возможности* и *невозможности*, и эти категории применяются в науках, в том числе в науке об обществе. Научная мысль пришла к выводу о том, что возможно и что невозможно *по отношению к данной совокупности обстоятельств*. С другой стороны, «неизбежная необходимость», «абсолютная неизбежность», «судьба», «рок» и т. д. являются абсолютами; предположим, что должно случиться то, что неизбежно, необходимо, и «предначертанный

путь» принят неизбежно, независимо от обстоятельств. Такие абсолюты чужды науке и применяются лишь в фантастическом мире ложной абстракции.

Относительно «необходимости» можно заметить, что противоположностью «невозможности» является «возможность», а не «необходимость». В контексте возможности, согласно научному определению, слово «необходимость» имеет смысл «невозможно без» или «невозможно, если не». Таким образом, классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, ибо это единственный способ завершить ее и потому, что нельзя достичь цели освобождения этого класса от эксплуатации без установления прежде всего системы политической власти, которая уничтожила бы эту эксплуатацию.

Следовательно, успешная политика требует *«оценки необходимости»*, то есть необходимых условий, без которых нельзя достичь возможного, но при удовлетворении которых цель будет достигнута. И эту оценку позволяет сделать общественно-политическая наука. Сущность учения марксизма для политики рабочего класса состоит в том, что освобождение от эксплуатации и классовой борьбы может быть достигнуто только путем диктатуры пролетариата. Маркс говорил о неизбежных условиях человеческой деятельности, о единственных способах, которыми могут быть в конечном счете разрешены неизбежные проблемы.

В свете этих соображений о необходимости и неизбежности, а также предшествующего анализа логического характера научного социального предвидения мы, я полагаю, можем теперь выявить то ошибочное понимание, какое д-р Поппер обнаруживает в дальнейшем, сделав вывод, что историцизм Маркса находится в противоречии с тем, что он называет «активизмом» Маркса. Д-р Поппер утверждает, что говорить о том, к чему «неизбежно» ведет классовая борьба, и делать долгосрочное предвидение несовместимо с «активистской» точкой зрения, которая способствует организации деятельности для осуществления этого предвидения, и предполагает, что без этой организации предвидение не осуществится. Ибо если чему-нибудь суждено случиться или произойти с неизбежной необходимостью, то почему защитнику этой точки зрения надо беспоко-

иться о том, чтобы способствовать тому, чтобы это действительно произошло?

«Историцистский метод,— пишет д-р Поппер,— предполагает, что общество будет неизбежно меняться... проходя стадии, predeterminedные неумолимой необходимостью». Следовательно, «это говорит о бесполезности всякой попытки отменить надвигающиеся перемены, то есть об особой разновидности фатализма... Допустим, что «активистское» убеждение, что «философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его», может найти большое сочувствие у историцистов... Но оно противоречит наиболее значительным доктринам историцизма. Ибо, насколько мы теперь понимаем, мы можем сказать: «Историцист может лишь объяснить общественное развитие и различными способами помогать ему; однако суть дела состоит в том, что никто не может изменить его»¹.

Д-р Поппер начинает просто с того, что считает этот вопрос бесспорным, хотя, как мы уже поняли, метод Маркса не был «историцистским» и его выводы не предполагали, что историческая необходимость является «неумолимой». Но заканчивает д-р Поппер явной нелепостью. Когда Маркс говорил: «Дело заключается в том, чтобы изменить его», он, несомненно, имел в виду, что дело состоит в том, чтобы, осознав, как происходят изменения, вызвать желаемые изменения. Он не имел в виду изменить то, как изменяются вещи. Совершенно верно, что никто не может изменить основных способов человеческой деятельности — мы не можем «изменить социального развития» силой воли или волшебством, ибо до сих пор мы делали это своими руками; мы также не можем изменить его, если не можем привести производственные отношения в соответствие с производительными силами; мы не можем его изменить, когда современные производительные силы скованы капитализмом, но мы можем изменить это положение на такое, когда капиталистические отношения перестанут действовать как оковы. Однако это не означает, что мы не можем «изменить мир» путем уста-

---

¹ K. Popper, *The Poverty of Historicism*, p. 51—52.

новления контроля, если достигнем объективного анализа обстоятельств, а также осознаем возможности и границы наших действий. Это не значит, что мы не можем с помощью научного анализа эффективно «делать историю»; хотя, разумеется, это значит, что люди по-прежнему не могут делать ее так, «как им вздумается». И лишь глупец способен думать, что люди индивидуально или коллективно в состоянии делать историю так, «как им вздумается».

Что касается «особой разновидности фатализма», то суждение о том, предполагает ли научный анализ социальных обстоятельств «фатализм» и «бесполезность всякой попытки отменить надвигающиеся перемены», зависит всецело от точки зрения человека и от того, какие изменения этот человек пожелает внести или предотвратить. С точки зрения того, кто предлагает подняться на крыльях голубя, ньютоновская теория тяготения, несомненно, представляет собой «особую разновидность фатализма». Она говорит вам, что это сделать как раз невозможно. С точки зрения класса капиталистов, теория Маркса является, конечно, «фаталистической». Она утверждает: нельзя создать управляемый капитализм, нельзя уничтожить классовую борьбу, невозможно сохранить систему, идущую по пути стихийного развития. Она не простирается настолько далеко, чтобы утверждать: «Вы ничего не можете сделать, чтобы остановить успехи социализма»; но она говорит: «Вы никогда не сможете остановить его раз и навсегда, но вам придется задерживать его до тех пор, пока наконец он сам не остановит вас». В качестве дальнейшего наступления на капитализм социалистам предлагается практический совет, каким образом смести капиталистические преграды. С точки зрения рабочего класса, теория Маркса вовсе не «фаталистична». Она объясняет ситуацию, говорит, что нужно делать, и предвидит, что будет сделано.

Критика д-ра Поппера — это всего лишь голос естественного недовольства капиталистических апологетов перед лицом объективного анализа капитализма и возможностей его развития. *Всякий* научный анализ, с точки зрения тех, кто заинтересован в том, чтобы сделать то, что сделать невозможно, непременно должен быть «фаталистическим».

После того, что было сказано об историцизме, быть может, нет нужды еще что-нибудь прибавлять по поводу голословных утверждений д-ра Поппера относительно «эссенциализма», «холизма» и «утопизма».

Согласно д-ру Попперу, марксизм претендует на раскрытие и описание «скрытой реальности или сущности», которая «должна сама проявляться в изменении». Да, марксистская наука действительно претендует на раскрытие и описание процессов, происходящих в обществе между людьми, их отношений с природой и друг с другом, которых они не могут избежать и которые неизбежно, независимо от того, сознают это люди или нет, определяют характер социальных изменений, создаваемых людьми, и обуславливают их сознательные действия. В этом отношении, однако, открытия марксистской науки о человеке не отличаются по своему характеру от открытий любой эмпирической науки в какой-либо другой области.

Химики, например, наблюдая химические явления и желая объяснить их, стремятся раскрыть процессы и связи, которыми определяются и обуславливаются эти явления. Они стремятся раскрыть то, «что действительно происходит», когда эти явления имеют место. В этом смысле химия (подобно всем другим отраслям естественной науки) претендует, разумеется, на раскрытие «скрытой реальности», или, как определяет д-р Поппер, «реальностей, которые выступают за явлениями». Однако никто не обвиняет химиков в «эссенциализме».

Маркс говорил, что люди всегда вступали в производственные отношения, чтобы развивать свои производительные силы, что приводило их к классовой борьбе, а «история есть история борьбы классов». Вот таким образом люди ведут себя. Действительно, именно так люди неизбежно, или необходимо, или «по существу» действуют в силу (как говорили Маркс и Энгельс) своей «телесной организации и обусловленного ею отношения их к остальной природе». Этот факт был «скрыт», и для того, чтобы его раскрыть, потребовалось специальное исследование. Оно-то и явилось научным открытием, подобно другим научным открытиям.

Это в такой же степени результат «методологического эссенциализма», как всякое другое научное открытие. Это так же раскрывает «скрытую сущность», как раскрывает «сущность» любое открытие в области физики, химии или биологии. Маркс занимался не «сущностями», а реальными отношениями людей, которые, как писали он и Энгельс в «Немецкой идеологии», «можно установить чисто эмпирическим путем».

Наконец, перейдем к «холизму» и «утопизму». Согласно д-ру Попперу, «холизм интересуется развитием не аспектов социальной жизни, но «общества в целом», и он считает, что правильно понять определенные «аспекты» можно, лишь учитывая, как они определяются «целым». «Утопизм» же тесно связан с «холизмом», потому что «утопист» стремится не к изменению отдельных «аспектов», а к изменению «целого».

Маркса, разумеется, «интересовало развитие общества в целом». Он интересовался «развитием общества в целом» так же, как биолог, например, интересуется развитием организма в целом. Но от этого ни марксист, ни биолог не становятся «холистами». Ни тот, ни другой не интересуется «целым» без «аспектов», ибо каждый прекрасно знает, что «целое» есть продукт сложного взаимодействия отдельных частей.

Биолог рассматривает организм как комплекс взаимосвязанных живых клеток, точно так же марксист рассматривает общество как комплекс взаимосвязанных живых индивидов. Эти живые элементы существуют во взаимосвязи. Разумеется, способ их взаимосвязи полностью определяет характер и поведение всего организма или всего общества. В то же время то, как взаимосвязаны, взаимодействуют и функционируют эти части как части целого, определяет особый характер и свойства каждой части. Так, клетка какого-нибудь организма, например клетка кости, нерва или мышцы, не аналогична клетке, которая живет совершенно самостоятельно; точно так же отдельная личность приобретает свою индивидуальность благодаря тому, что родилась, воспитывалась и действовала в общественной среде и вне общества этой индивидуальности не имела бы. Организм не создается объединением друг с другом отдельных вполне сформированных клеток, каждая из которых совершенно независима от него. Точно так же и

общество не создается из вполне сформированных индивидов, каждый из которых представляет собой законченную человеческую личность независимо от общественной жизни и которые, объединяясь, образуют общество. Далее, точно так же, как растет и изменяется организм благодаря процессу функционирования и взаимодействия всех клеток, чтобы получать из окружающей среды средства к существованию, так и общество растет и изменяется благодаря процессу функционирования и взаимосвязи всех индивидов с целью получения средств к существованию.

Изучение общества привело, однако, Маркса к выводу, что общество во многих отношениях отличается от биологического организма. Индивиды, составляющие общество, являются человеческими организмами, и поэтому естественно, что отношения, в которые они вступают как человеческие организмы, добывающие средства к существованию посредством общественного производства, совершенно отличны по характеру от отношений, в которые вступают клетки живого организма как клетки этого организма.

К этим взглядам на общество Маркс пришел, изучая отношения, в которые вступают индивиды, образуя общество, а не вывел их из какого-то абстрактного сравнения человеческих обществ с организмами.

Анализ социального процесса, то есть отношений, в которые вступают индивиды с целью получения средств к существованию, и последствий их вступления в эти взаимоотношения, привел Маркса к выводу, что для того, чтобы «изменить общество», надо прежде всего привести производственные отношения в соответствие с производительными силами. Он установил, что при этом «с изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке». И этот вывод — следствие анализа — подтверждается фактами истории; мы имеем верификацию, которая подтверждает таким образом анализ, вытекающий из всей совокупности данных.

Почему же этот вывод, сделанный из обычного научного анализа, является «холистическим» или «утопическим»? Маркс не утверждал, что сначала нужно изменить «целое» и только таким путем можно изменить отдельные «аспекты». Разумеется, нелепо и утопично

стремиться изменить «целое», не изучив «аспекты» и ничего не сделав с ними; это значит стремиться «понять развитие целого», не изучив аспектов в их сложной взаимосвязи. Маркс же фактически сделал и утверждал именно то, чего требует от нас обычный научный метод. Он изучал различные аспекты общества, чтобы проследить, как создается это целое и как оно развивается; и в результате этого изучения он раскрыл основные отношения, определяющие все развитие, и установил, что для того, чтобы изменить общество, следует сосредоточить все усилия на выяснении того, как изменить эти основные отношения.

Нетрудно понять, что противоположность, которую устанавливает д-р Поппер между мнимым «холизмом» Маркса, с одной стороны, и «антихолизмом» науки, с другой, является нелепостью. Общим у обществ с живыми организмами в действительности является то, что в тех и в других происходят определенного рода «жизненные процессы» (например, кровообращение у животных и процессы экономического обмена в товарных обществах), нарушение которых вызывает смерть или распад целого. Во всяком научном объяснении вышеописанных процессов важно, чтобы данный процесс изучался «как целое», то есть важно установить, каким образом происходит взаимодействие частей для создания целого процесса и почему, если это целое распадается, части его, не будучи более частями целого, не могут существовать как прежде. Это напоминает, в частности, исследование механизмов «обратной связи», посредством которых происходящее в одной части вызывает результаты, которые оказывают обратное воздействие на другие части, и благодаря этому целое сохраняется. Ясно, что такие процессы обратной связи свойственны организму и обществу «как целому» и могут быть исследованы только в связи с изучением того, как «это целое» сохраняется и развивается. Когда Маркс изучал капиталистическое общество, анализируя, с одной стороны, процессы обращения капитала, а с другой — процессы классовой борьбы, он изучал, каким образом протекает «жизненный процесс» общества при капитализме, и показал разрушения, которым он подвергается, и соответственно разработал предложения о том, что должно быть сделано и какие изменения необ-

ходимо осуществить, чтобы общественное производство и потребление могли происходить без подобного рода разрушений.

Таким образом, когда мы анализируем методы, идеи и выводы Маркса, мы обнаруживаем, что все крикливые голословные утверждения д-ра Поппера относительно «историцизма», «эссенциализма», «холизма» и «утопизма» — столь сильно поразившие такое множество людей, которые в силу своих предрассудков хотят, чтобы их поражали, — совершенно искажают истинное положение. Сообщая нам о том, что имеет в виду марксизм, д-р Поппер создает лишь весьма неумную пародию на марксизм. Это, уверяет он, равносильно «уничтожающей критике», которая раз и навсегда сводит на нет научные претензии марксизма.

Разумеется, Маркс, каким изображает его д-р Поппер, чтобы преследовать за идеологические ошибки в стране Чудес, обнаруживает очень слабое понимание научных концепций и методов. Но, как мы видим и еще неоднократно сможем убедиться в дальнейшем, Маркс превосходно владел научными методами и знанием научных истин, которые провозглашает д-р Поппер с намерением исказить его; и настоящий Маркс сделал научные выводы, от которых д-р Поппер ради показной демонстрации своего научного взгляда только уклоняется, искажая их. Именно на примере этих искажений и отклонений, с помощью которых д-р Поппер опровергает марксизм, и следует выявить его ложное понимание характера научного метода и научных выводов. Что касается Маркса, то его подход к исследованию социальных явлений и его предложение насчет проведения социальных мероприятий имеют вполне научный характер.

Глава 2

НАУКА В ПРИМЕНЕНИИ К ПОЛИТИКЕ

1. ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Маркс применил обычные методы научного исследования к изучению человеческого общества и сформулировал главные гипотезы, лежащие в основе всех общественных наук. Он проявил себя как любой другой основоположник в других науках. Все его утверждения могут быть проверены, и вовсе не претендуя на создание теоретической системы, которая ответила бы на все вопросы и была бы окончательной и завершенной, он просто начал исследование, которое другие должны продолжить.

Но то, что Маркс применил научный метод, уже хорошо разработанный при изучении природы, к исследованию общества, не означает, что, приступая к этой работе, он не видел различия, существующего между изучением природных и социальных процессов. Различного рода процессам должны соответствовать различные методики исследования, разного рода гипотезы и соответствующие методы их проверки. Социальные процессы в отличие от механических, физических, химических или биологических процессов являются результатом деятельности людей, одаренных сознанием, «поступающих обдуманно или под влиянием страсти». Один может изучать, как у индивидов возникают эти страсти и как происходит это обдумывание, другой может изучать, каким образом, скажем, вызываются химические реакции. Но то, как на основе действий человеческих существ создается общественный процесс, не допускает

систематического исследования последнего путем искусственно поставленных экспериментов, как это делается, например, в области химии. Как писал Маркс в предисловии к «Капиталу»: «При анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции»¹.

Кроме того, эти явления, исследуемые таким образом, различаются не только тем, как они осуществляются, но еще и тем, что исследование общественной деятельности само является общественной деятельностью и вводит новый фактор в изучаемое явление. Физики должны учитывать тот факт, что для исследования электронов применяется пучок электронов с тем, чтобы возникло явление интерференции. Тем не менее использование электронов в целях их исследования не меняет поведения электронов, создавая для них возможность вызывать то, чего иначе они не могли бы вызвать. Так и у людей, когда они познают свои собственные общественные отношения и способ их развития, эти приобретенные ими знания создают новую возможность изменения и развития их общественных отношений.

Тот факт, что Маркс достиг успеха там, где другие терпели неудачу, открыв, в чем состоит научное изучение общества, объясняется, помимо других причин, признанием того, что изучение общественных процессов вовсе не аналогично изучению природных процессов.

В своих высказываниях о научном методе д-р Поппер вполне справедливо и правильно отметил, что старая идея философов-эмпириков о том, что наука развивается путем простого накопления «наблюдений», а затем построения на основе этих наблюдений «индукции», не соответствует логике научного исследования. Наука так не развивается и не может развиваться. «Наука начинается с проблем, а не с наблюдений», — пишет он. «Осознанная задача, стоящая перед ученым, — это всегда решение проблемы путем построения теории, разрешающей эту проблему... Каждая теория ценна до тех пор, пока новая теория не поставит новые проблемы... Самое большое содействие, какое только способна оказать теория развитию научного знания, — это поста-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 6.

новка новых проблем. Так мы возвращаемся к научной позиции и развитию знаний, которые всегда начинаются и всегда заканчиваются проблемами — проблемами, приобретающими все большую глубину и все возрастающую плодотворность в смысле выдвижения новых проблем»¹.

Как я уже говорил в начале этой книги, Маркс заложил основы общественной науки правильной постановкой проблем, требующих решения. Чтобы выдвинуть научные проблемы, необходимо также определить предмет науки. Сформулировав проблемы, марксизм в то же время позволяет нам определить предмет исследования. Таким образом создается подлинная научная дисциплина.

Человеческое общество представляет собой не что иное, как взаимосвязь человеческих индивидов. Поэтому естественно, что общественная наука — это изучение человеческой деятельности и того, как люди удовлетворяют свои потребности, вступая в общественные отношения. Но эти проблемы и предмет общественной науки отличны от проблем и предмета физиологии и психологии человеческих индивидов, их индивидуальной деятельности и их реакций. Индивиды создают и сохраняют общество, вступая в общественные отношения друг с другом, а это и есть *общественные отношения*, которые являются предметом общественной науки и определяют ее проблемы.

Д-р Поппер критиковал взгляд, именуемый «психологизмом», согласно которому основная задача общественной науки состоит в том, чтобы понять психологию человеческих индивидов, причем общественные явления — это прямые результаты психологических причин. Наиболее простыми примерами психологизма служат теории о том, что люди испытывают потребность в личности, олицетворяющей для них отца, и этим объясняется появление монархий; они агрессивны, и этим объясняется возникновение войн. В действительности такие общественные явления, как монархии и войны, являются последствиями общественных отношений, в которые вступают люди. В самом деле, индивиды обретают свою человеческую индивидуальность только в общественных

---

¹ К. Поппер, *The Conjectures and Refutations*, p. 222.

отношениях и в разных общественных отношениях ведут себя по-разному. Однако, как говорили Маркс и Энгельс, чтобы объяснить общественные отношения и то, что делают люди, вступая в них, мы должны, естественно, учитывать «телесную организацию этих индивидов и обусловленное ею отношение их к остальной природе».

«Возможно, наиболее существенная критика психологизма заключается в том, что он не в состоянии понять главной задачи объяснительных общественных наук»¹, — пишет д-р Поппер. «Этой задачей является... раскрытие и объяснение наименее явных зависимостей в рамках общественной сферы». Он справедливо хвалит Маркса за его возражения против психологизма. Но он не отметил, что в противоположность психологизму марксизм правильно определил «главную задачу объяснительных общественных наук», приводящую к «раскрытию и объяснению наименее явных зависимостей».

Главная задача объяснительных общественных наук — это описание и объяснение общественных отношений при абстрагировании от индивидов, вступающих в эти отношения. Раскрытые и объясненные зависимости являются зависимостями общественных отношений. Разумеется, говорить об общественных отношениях — это значит говорить относительно неопределенного ряда индивидов, которые вступают в общение. Общественные отношения — это отношения индивидов. Но чтобы описать общественные отношения, не требуется точного определения индивидов, вступающих в них, и общественные отношения продолжают существовать, в то время как индивиды приходят и уходят.

Это показывает, между прочим, почему Маркс говорил о «силе абстракции», заменяющей в общественной науке микроскопы и химические реактивы. Отношение нельзя положить под микроскоп или изолировать и ввести в действие, как химический реактив. Чтобы исследовать общественные отношения независимо от индивидов, вступающих в эти отношения, необходима «сила абстракции». Сам д-р Поппер признает это. «В общественных науках... мы не можем видеть и наблюдать наши объекты, пока мы не думали о них, — говорит он. — Ибо подавляющее большинство объектов социаль-

---

¹ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 2, p. 94.

ной науки, если не все, являются абстрактными объектами...»¹. Маркс излагает это значительно яснее, но суть та же.

Как мы видели, к основным положениям социальных наук Маркс пришел, задав вопрос, какие условия необходимы, чтобы люди вступали в общественные отношения. Люди должны производить в обществе материальные средства жизни и вступать в производственные отношения, соответствующие их общественным производительным силам. Придя к такому выводу, он продолжил изучение того, как люди изменяют свои производственные отношения, и это повлекло за собой изучение взаимозависимостей общественных отношений в процессе социального преобразования. Он показал, что основными проблемами социальной науки являются не проблемы действий и побуждений индивидов, но формирование и взаимозависимость социальных отношений. Социальные отношения изменяются и развиваются. Вопрос о том, как они изменяются и развиваются, а также о законах, которые управляют ими, главный вопрос научного понимания общества и его истории,— это вопрос анализа и классификации взаимозависимости общественных отношений. Законы, управляющие обществом и его развитием, выражены в виде обобщающих положений этой взаимозависимости.

Социальная наука абстрагируется, таким образом, от индивидов и занимается общественными отношениями. Она рассматривает не индивида, а все человечество, изучает последствия взаимодействий большого числа людей, а не индивидуальные особенности той или иной личности. Поэтому законы, которые эта наука формулирует, сводятся к тому, что одни общественные отношения зависят от других; они определяют всякое изменение в общественных отношениях и являются законами, применяемыми к совокупностям индивидов, но не к индивидам, составляющим эти совокупности. И, как я уже говорил, предвидения, которые они позволяют нам делать, есть предвидения о всеобъемлющих последствиях взаимодействий большого числа индивидов.

Все это представляется в основном не только совершенно ясным, но и вполне согласующимся с собствен-

¹ К. Р о р р е r. The Poverty of Historicism, p. 135.

ными замечаниями д-ра Поппера относительно научного метода. Однако д-р Поппер по-прежнему продолжает критиковать якобы историцистские взгляды Маркса на законы, управляющие социальными процессами.

Согласно историцизму, говорит он, «социальные законы, или законы социальной жизни бывают разными в различных местах и в различные периоды»¹. Поэтому, «единственными действительно универсальными законами общества должны быть законы, которые связывают следующие друг за другом периоды. Они должны быть законами исторического развития, определяющими переход от одного периода к другому»². Историцисты, в том числе известный историцист Маркс, полагают, что они открыли один великий закон, определяющий общественное развитие,— закон «эволюции», согласно которому общественное развитие идет в определенной последовательности периодов и перехода от одного периода к другому.

Такое утверждение, говорит д-р Поппер, очень нетрудно опровергнуть. «Может ли быть закон эволюции? — спрашивает он.— Я полагаю, что ответом на этот вопрос должно быть «нет» и искать закон «неизменного порядка» эволюции в рамках научного метода нельзя ни в биологии, ни в социологии. Мои доводы очень просты. Эволюция жизни на Земле, или эволюция человеческого общества, представляет собой уникальный исторический процесс. Мы можем допустить, что такой процесс протекает в соответствии с разного рода каузальными законами, например законами механики, химическими законами, законами наследственности, законом естественного отбора и т. д. Однако описание этого процесса не есть закон, а лишь своеобразное историческое утверждение. Всеобщие законы формулируют положения относительно какого-то неизменного порядка... то есть относительно всех процессов определенного рода... Но мы не можем рассчитывать ни на проверку всеобщей гипотезы, ни на то, чтобы найти естественный закон, приемлемый для науки, если вечно будем ограничиваться наблюдением одного уникального процесса. Наблюдение одного уникального

---

¹ K. Popper, *The Poverty of Historicism*. p. 5.

² *Ibid.*, p. 41.

процесса не поможет нам также предвидеть его будущее развитие»¹.

Но эти замечания в равной мере относятся к «социологическим законам», или законам «социальной эволюции», открытым Марксом, как и к законам органической эволюции, открытым Дарвином.

Объяснительная теория органической эволюции Дарвина состоит не в открытии «закона», что органическая эволюция «неизменно» и «всегда» идет от морских беспозвоночных, через рыб, рептилий и млекопитающих к человеку. Разумеется, органическая эволюция на земле является единственным в своем роде процессом, так что в данном случае не может быть «всеобщего закона», который «всегда» действует в одном «неизменном порядке». Объяснительная теория Дарвина — это теория естественного отбора, которая объясняет, каким образом происходила эта единственная в своем роде эволюция. Точно так же объяснительная теория Маркса о социальной эволюции состоит не в открытии «закона», что общество *всегда* развивается от первобытного коммунизма, через рабство (не говоря уже об азиатских, славянских, германских и других особых способах производства) к феодализму и капитализму. Общество не *всегда* так развивалось, это произошло только однажды. Объяснительная теория Маркса является теорией о взаимозависимости общественных отношений, в основе которой лежит зависимость производственных отношений от производительных сил и других отношений от производственных отношений, что объясняет не только каким образом происходила эта единственная в своем роде эволюция, но и как она будет продолжаться в направлении удовлетворения человеческих потребностей. Теория Маркса достаточно убедительно показала, почему общественная организация должна была начаться со стадии первобытного коммунизма, как развивалась частная собственность и к каким результатам это привело, почему надо было достичь определенных условий, прежде чем могут наступить другие стадии (например, почему феодализм должен был предшествовать капитализму), и, наконец, почему только мы можем разрешить противоречия капитализма, идя вперед к социализму. Но, как

---

¹ К. Поппер, *The Poverty of Historicism*, p. 107—108

обычно, д-р Поппер опровергает Маркса, заставляя его произносить «историцистские» глупости.

Однако при этом д-р Поппер сам продолжает говорить глупости. Так как социальная эволюция является единственным в своем роде процессом, он делает вывод, что «истории свойственно придавать большее значение действительным исключительным или особым событиям, нежели законам или обобщениям» и что это отличает «исторические» науки от «теоретических» или «объяснительных» наук¹. Историк, интересующийся единственной в своем роде последовательностью, не может рассчитывать на то, чтобы найти какой-либо «всеобщий закон», управляющий этой последовательностью. Но почему это невозможно никогда? Историческая последовательность, в сущности, управляется тем законом, согласно которому люди всегда приводят свои производственные отношения в соответствие с характером производительных сил. Почему бы историкам не интересоваться таким законом? Он является универсально верным, и без него люди не могут объяснить последовательность, а лишь описывают ее.

Наконец, если принять во внимание законы, которые Маркс действительно открыл (столь не похожие на те, которые изобретает д-р Поппер с целью их опровергнуть), становится ясно, что идея о том, что «общественные законы бывают разными в различных местах и в различные периоды» и «единственными действительно всеобщими законами общества должны быть те законы, которые связывают последовательные периоды», является бессмыслицей, как и все остальные неудачные, вымученные идеи д-ра Поппера. Основной закон, сформулированный Марксом, всегда имеет силу как в развитии единственного «периода», так и при переходе от одного периода к другому. Разумеется, когда возникает особая совокупность общественных отношений, наблюдается взаимозависимость между общественными отношениями, которая не действует при других обстоятельствах, когда этих отношений не было (так, при капитализме существуют законы, например, стоимости и прибыли, которые начинают действовать только тогда, когда стали формироваться капиталистические отношения). Это

---

¹ К. Поппер, *The Poverty of Historicism*, p. 143

означает, что «законы, которые связывают последовательные периоды», вовсе не являются «единственными действительно всеобщими законами», они действуют только в определенных особых условиях (например, специфические законы, действующие при переходе от феодализма к капитализму, свойственны исключительно этому особому переходному периоду).

Путь, который прошел единственный в своем роде неповторимый необратимый процесс развития в соответствии с всеобщими законами, в действительности очень прост. Это не значит, что «известный историк» Маркс, каким его представляет д-р Поппер, подразумевал, что данный процесс «всегда» следует определенному порядку. Это явная бессмыслица, поскольку, если это случилось однажды, то это не значит, что так будет происходить «всегда». *Порядок* этого процесса, порядок, в котором одна стадия следует за другой, и необходимость одной стадии предшествовать другой или следовать за другой, являются следствием действия этих законов — это законы объясняют, но это само по себе «законом» не является. Законы формулируют, что одни определенные отношения всегда зависят от других определенных отношений. Какие бы отношения ни создавались, эти законы действуют всегда. Согласно теории «социологических законов» Маркса, производственные отношения зависят от производительных сил; в процессе развития своего плодотворного общения с природой люди изменяют свои производительные силы и таким образом изменяют свои производственные отношения. Так происходит единственное в своем роде необратимое последовательное стадийное развитие социально-экономических формаций. Это вполне научно осмысленно и может быть верифицировано эмпирически на основе человеческой деятельности.

В такой же степени, в какой действие социологических законов означает, что всякое социальное событие и социальное изменение предрешены или «предопределены» судьбой, это означает, что люди копошатся, как «муравьи», в тисках исторической необходимости. Напротив, как сказал Энгельс и как, во всяком случае, нам известно из опыта, «ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели», и люди, стоящие перед выбором, действуют по своей собственной воле

Но люди на основе определенных производительных сил, благодаря которым они существуют, вступали в определенные производственные отношения, и то, что люди делают, могут делать, намерены делать и какие результаты в действительности дает их деятельность, обусловлено отношениями, в которые вступают люди с природой и друг с другом с целью получить средства для своего существования, и взаимозависимостью этих отношений. Таковы объективные условия жизни, от которых мы не можем избавиться, как не можем избавиться от ограничений своего бренного тела. Но чем лучше мы понимаем эти объективные условия, тем меньше они становятся ограничениями. Чем лучше мы понимаем, что невозможно, тем лучше мы понимаем, что можно сделать и каким образом это надо сделать.

Говоря о сознательном волевом характере человеческих действий, Энгельс утверждал, что тем не менее «желаемое совершается лишь в редких случаях; по большей же части цели, поставленные людьми перед собой, приходят во взаимные столкновения и противоречия или оказываются недостижимыми частью по самому своему существу, частью по недостатку средств для их осуществления». Следовательно, «многочисленные отдельные стремления в большинстве случаев вызывают не те последствия, которые были желательны, а совсем другие, часто прямо противоположные тому, что имелось в виду, так что и эти побуждения, следовательно, имеют по отношению к конечному результату лишь подчиненное значение»¹

Чтобы объяснить то, что происходит в истории, недостаточно сказать, что люди действуют под влиянием мотивов. Разумеется, их действия мотивированы, и объяснение того, что происходит, включает также описание этих мотивов. Но побуждения «приходят во взаимные столкновения и противоречия», и когда они реально осуществляются, то чаще всего происходит то, чего никто не ожидал. Для того чтобы объяснить человеческие побуждения и результаты, как преднамеренные, так и непреднамеренные, их мотивированных поступков, необходимо также принимать во внимание взаимозависимость общественных отношений, которые

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 306—307

выявляют законы, совершенно независимые от того, что люди могут подумать или намереваются совершить.

Говоря о том, что задача социальных наук — «раскрытие и объяснение наименее явных зависимостей в рамках социальной сферы», д-р Поппер делает вывод, что «главная задача социальных наук... это задача проанализировать непреднамеренные социальные последствия преднамеренных человеческих действий»¹; должно быть, он считает это определение окончательным, ибо повторяет его и выделяет курсивом в работе «Предположения и опровержения»².

Этот вывод лишний раз обнаруживает жалкое стремление д-ра Поппера говорить бессмыслицу. Почему задачу социальных наук надо ограничивать прослеживанием *непреднамеренных* социальных последствий преднамеренных действий? Ведь чем лучше мы можем раскрыть и объяснить «наименее явные зависимости в рамках социальной сферы» (зависимости общественных отношений), тем лучше мы сможем судить о том, что возможно и что невозможно осуществить, и тем менее непреднамеренными будут социальные последствия наших преднамеренных действий. Сопоставим два определения д-ром Поппером задачи социальных наук, и мы получим бессмыслицу. Ибо успех решения первой задачи исключает вторую.

Изучая законы развития общества (или «зависимости в рамках социальной сферы») и установив, что их действие объясняет результаты человеческих поступков, независимо от намерений людей, Маркс и Энгельс показали, что, как только эти законы поняты, становится возможным на основе объективного анализа обстоятельств планировать действия, результаты которых благодаря контролю будут все больше и больше совпадать с намерениями. Точно так же, как в других науках, успехи в развитии общественных наук увеличивают нашу способность приводить свои намерения в соответствие со своими возможностями и таким образом осуществлять их. Всякое знание — сила. Следовательно, знание нашей общественной деятельности делает возможным коренное изменение ее. Когда мы располагаем

---

¹ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 2, p. 95.

² К. Поппер, *Conjectures and Refutations*, p. 342.

достаточными знаниями и для применения их создали организацию, мы можем осуществлять наши намерения на основе знаний данных обстоятельств и потребностей.

2. СОЦИАЛЬНАЯ НАУКА И ПОЛИТИКА

Политика, как хорошо сказано, — это искусство возможного. Такое определение политики дает ясное представление о том, как социальная наука применяется в политике. Наука нам говорит, что возможно, а что невозможно и каким образом это возможное становится реальным. В социальной науке, изучая общественные отношения, мы познаем условия и возможности человеческой деятельности в управлении социальной жизнью. Мы узнаем, каким образом данные общественные отношения ограничивают наши возможности. Мы узнаем, какие условия необходимы для изменения общественных отношений и какие возможности открывают эти изменения. Мы узнаем, каким образом общественные отношения порождают классовые различия и различные или антагонистические классовые интересы и какие возможности существуют для удовлетворения этих интересов.

Политика — это социальная деятельность, или, как ее любят называть, искусство или наука, которую люди проводят в определенных социальных условиях во имя определенных интересов. Она связана с деятельностью правительства, с управлением людьми средствами контроля и руководства институтами.

В политике преследуются различные интересы. Это борьба между политическими противниками, каждый из которых проводит свой собственный курс или свою собственную политику. В основе всех других политических различий всегда лежат различия классовых интересов. Политика в значительной мере представляет собой сложную игру ходов и контрходов, в которой каждая партия стремится приобрести какие-то непосредственные преимущества или избежать какой-то непосредственной опасности; и хотя все партии претендуют на свою дальновидность в отношении того, что они достигнут в будущем, на практике они просто руководствуются соображениями выгоды. Политическая борьба ведется во

Имя всякого рода принципов, идеалов и всеобщих целей. Но в сущности каждая партия преследует свои определенные групповые интересы. Как саркастически отметил Маркс в своей работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»: «И подобно тому как в обыденной жизни проводят различие между тем, что человек думает и говорит о себе, и тем, что он есть и что он делает на самом деле, так тем более... следует проводить различие между фразами и иллюзиями партий и их действительной природой, их действительными интересами, между их представлением о себе и их реальной сущностью... Так, английские тори долго воображали, что они страстно привязаны к королевской власти, к церкви и к престолу старинной английской конституции, пока в час опасности у них не вырвалось признание, что они страстно привязаны к одной только *земельной ренте*»¹.

Политические партии в форме более или менее постоянных организаций с их членством, должностными лицами, программой и правилами являются продуктом современной демократии. Комбинации карьеристов так же стары, как само правительство. Но при демократических институтах для того, чтобы управлять, правителям и кандидатам в правители недостаточно только объединиться. Во многих случаях они испытывали и (судя по телевизионным передачам) некоторые из них еще и сейчас испытывают такое же презрение к контингенту избирателей, какое испытывал шекспировский Кориолан, когда он вынужден был «стоять здесь и просить у Дика с Хобом голосов», желая этим плебеям «умыться и чистить зубы». Но, будучи более проницательными, чем Кориолан, они сумели создать партийные организации с тем, чтобы выставлять кандидатов в правители, организовывать кампанию для их поддержки и заставить Хоба и Дика с их женами стать своими единомышленниками, навязав им свои мысли.

Партии не обязательно создаются с открытым намерением отстаивать интересы какого-либо одного класса. Но они не могут быть устойчивыми и долговечными, если не станут политическими организациями какого-нибудь класса. У партий, не выражающих определенных интересов, меньше шансов на успех в политике в

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 145—146

сравнении с партиями, выражающими определенные интересы. Ибо только тогда, когда идеи партии и проводимая ею политика в достаточной степени совпадают с классовыми интересами, появляется поддержка и стремление сохранить эту партийную организацию. Партия держится на классовых интересах и обосновывает практические выводы своей политики, учитывая, что эти интересы взаимодействуют с другими. Таким образом, сложные взаимоотношения между политическими деятелями, стоящими у власти, и гражданами, использующими то, что дает государственная власть, приводит в результате к тому, что классы создают свои собственные политические партии, а политические партии действуют в качестве политических представителей своего класса. С помощью политики класс отстаивает свои экономические интересы и посредством контроля политической власти устанавливает и усиливает свою экономическую мощь.

Исходя из этого Маркс и Энгельс еще в 1850 году в своем «Обращении Центрального Комитета к Союзу коммунистов» говорили о необходимости «создать самостоятельную... организацию рабочей партии и превратить каждую свою общину в центр и ядро рабочих союзов, в которых позиция и интересы пролетариата могли бы обсуждаться независимо от буржуазных влияний»¹

Целью политических партий является власть — занятие постов в правительственных институтах для проведения своей политики. Без политической партии класс не может завоевать власть. Различные организации, которые отстаивают экономические интересы класса, или в связи с тем или иным вопросом государственной политики стремятся оказывать давление на власть имущих, или ведут идеологическую и культурную работу, имеют первостепенное значение в жизни класса. Однако деятельность этих организаций расплывлена и без политической партии не способствует борьбе за власть. Поэтому класс, который должен прийти к власти и способен преобразовать общество соответственно своему образу и своим интересам, должен организоваться политически. Поэтому в статье 7а Устава Первого Интер-

---

К Маркс и Ф Энгельс, Соч., 7, стр. 262

национала, проект которого был написан Марксом и принят на Конгрессе в Гааге в 1872 году, было сказано: «В своей борьбе против объединенной власти имущих классов рабочий класс может действовать как класс, только организовавшись в особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям, созданным имущими классами»¹.

Политику часто называют грызней: введение науки в эту грызню было следствием возникновения рабочего движения и социалистической политики. Рабочее движение внесло в политику нечто новое, ибо это означало, что впервые массы рабочих смогли создать постоянную организованную политическую силу и противопоставить ее своим правителям, а это в свою очередь предполагало новые формы демократической организации и новые представления о демократическом правлении. Вначале организации рабочего класса стремились лишь удовлетворить непосредственные требования улучшения условий жизни и работы и оказывать поддержку той или иной из традиционных правящих партий, преследующих эти цели. Но с организацией рабочего класса, которая сама явилась естественным продуктом развития современных производительных сил, целью фактически стало окончательное уничтожение всякой эксплуатации человека человеком и плановое общественное производство в интересах удовлетворения потребностей всего народа.

Так развивалась наука о социализме, обнаруживая реальность этой цели и средств ее достижения. Рабочее движение не могло бы успешно бороться за свои долгосрочные интересы, если бы не основывало своей политики на науке.

Необходимо было разработать теорию научного социализма и сформулировать ее основные положения. Затем ее надо было изучить, применить, проверить на практике и развивать дальше. Можно сказать, что разработка этой теории была поручена только что возникшему рабочему движению, ибо это движение нуждалось в теории, и группы рабочих стали обсуждать вопросы революционной политики и организации. Но синтез многочисленных данных, почерпнутых из опыта и

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 162.

перенесенных в научную теорию, не мог возникнуть спонтанно из самого движения масс, ибо это требовало продолжительной и напряженной работы научного исследования. Такую работу могли проделать только ученые-интеллигенты. Люди, которые первоначально занялись созданием этой теории, сами не работали на заводах или фабриках. Но они могли проделать эту работу потому, что знали, что происходило на фабриках и в шахтах, и всецело посвятили свою деятельность делу рабочего движения, с которым они солидаризировались. Они были способны создать эту теорию научного социализма, во-первых, потому, что их с самого начала волновали несправедливости и противоречия общества, в котором они жили, и они твердо решили найти из них выход; во-вторых, они смогли использовать наследие прогрессивной науки и философии и в то же время поняли недостаточность идей прошлого для решения проблем настоящего; в-третьих, они сумели увидеть в рабочем движении движение будущего. Основатели научного социализма не отделяли себя от движения рабочего класса и включились в него не как менторы, дающие указания, но как его участники и лидеры. Они разработали эту теорию для рабочего движения, внесли ее в это движение и боролись за то, чтобы она была принята и понята.

Научный социализм, подобно любой научной теории, можно развивать лишь в ходе его применения. Развитие его возможно лишь в движении рабочего класса, а это движение только тогда смогло стать единым и способным достичь политической власти, когда признало теорию научного социализма своей теорией. Политическая партия является единственной организацией, способной, таким образом, внести науку в рабочее движение. И только этим путем политическая партия может обеспечить политическое руководство массовому движению за завоевание власти и построение социализма.

Партия рабочего класса должна сознательно ставить своей целью служение интересам своего класса. Как ясно показали Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии», это не означает, что партия, способная вести класс к завоеванию власти, должна основывать свою политику только на непосредственных

и частных требованиях, но значит, что коммунисты «выделяют и отстаивают общие... интересы» и «в движении сегодняшнего дня они отстаивают и будущность движения»¹

Точка зрения партии — это классовая точка зрения. Вынося свои решения, партия не претендует на роль божьего ока, но отстаивает точку зрения рабочего класса. Однако это не значит, что партия принимает любые идеи рабочих. Напротив, многие идеи внесены в рабочие головы правителями или просто являются незрелой реакцией на ухудшающиеся условия жизни и лишь помогают увековечить их. Поэтому партия рабочих должна стремиться к тому, чтобы рабочие отказались от этих идей. Для марксизма классовая точка зрения, выраженная в идеях, — это не простой отголосок идей, которые случается поддерживать большинству представителей класса в определенное время и определенном месте. Классовая точка зрения в идеях означает развитие идей в соответствии с объективными требованиями класса, направленными на развитие его образа жизни и средств к жизни.

В работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркс объяснил, что «отношение между *политическими... представителями* класса и тем классом, который они представляют», состоит в том, что первые теоретически приходят к тем же «задачам и решениям, к которым... приводит практически... материальный интерес и общественное положение» последних. Говоря о политических представителях класса мелких буржуа, Маркс сделал вывод, что «их мысль не в состоянии преступить тех границ, которых не преступает жизнь мелких буржуа»² В вопросе об идеях рабочего класса не так важно не преступить границ, как их достигнуть. Независимо от того, известно это большинству рабочих или нет, «задачи и решения, к которым... приводит практически» рабочий класс «его материальный интерес и общественное положение», — это задачи избавления от эксплуатации и решение поставить общественное производство на службу общественному благосостоянию. Именно эти проблемы и решения политические

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 437, 458.

² Там же, т. 8, стр. 148.

представители класса должны разработать в виде идей. В то время как другие классы побуждают придерживаться *рамок* существующих условий жизни, а их политические представители носят шоры, дабы ничего не видеть за ними, рабочий класс побуждают избавиться от ограничений, в которых он живет, и задача его политических представителей состоит в том, чтобы до конца продумать соответствующие проблемы, решение которых требует строго научной методологии.

Маркс утверждал далее, что передовая политическая партия рабочего класса сама должна стать носителем научной теории социализма и обязана сохранять, разрабатывать и вносить ее, практически руководствуясь ею, в рабочее движение. Таким образом, политическая партия должна стать проводником в достижении той цели, которую указывал Маркс и которая имела первостепенное значение для победы социализма,— *соединение научного социализма с массовым рабочим движением.*

Научное исследование всегда открывает *возможности* для человеческой деятельности. Тем, кто в этом заинтересован, оно показывает, как осуществить то, чего люди не знали прежде как достичь. Научное исследование делает практически возможными такие достижения, о которых едва ли можно было мечтать, потому что оно раскрывает действительные условия для их осуществления и указывает способы их осуществления.

Марксистская наука учит рабочий класс, как можно добиться освобождения. Эта наука была неизвестна до тех пор, пока не были научно изучены общественные отношения и открыты законы развития общества. Марксистская наука показывает необходимые условия для освобождения, и одно из таких условий состоит в том, что рабочее движение должно основывать свою практику на научной теории и что «социализм должен стать наукой».

Марксизм показывает далее, что освободительное движение современного рабочего класса является конечной фазой ряда классовых битв, которые начались, когда частная собственность впервые расколола общество на антагонистические классы. Суммируя выводы «Манифеста Коммунистической партии» в своем предисловии к английскому изданию 1888 года, Энгельс пи-

сая: «...история... классово́й борьбы в настоящее время достигла в своем развитии той ступени, когда эксплуатируемый и угнетаемый класс — пролетариат — не может уже освободить себя от ига эксплуатирующего и господствующего класса — буржуазии, — не освобождая вместе с тем раз и навсегда всего общества от всякой эксплуатации, угнетения, классового деления и классовой борьбы»¹. Освобождение имеет свои необходимые условия, и его практическая возможность может стать действительностью лишь в том случае, если люди в своей деятельности, основанной на научной оценке необходимости, будут соблюдать эти условия. Одним из таких условий является классовая борьба. Другим — продолжение классовой борьбы до того момента, пока не будет покончено со «всякой эксплуатацией, угнетением, классовым делением и классовой борьбой».

Следовательно, марксистская наука применяется в политике потому, что она показывает, *как завоевать свободу рабочего класса и тем самым освободить все общество.*

Научное доказательство — это, разумеется, доказательство. Если оно действительно, то оно действительно не только для некоторых людей, но для всех, так же как, если какое-то утверждение истинно, то оно истинно независимо от того, хотят в это верить или нет. Тем не менее только рабочему классу марксистская наука показывает, как достичь освобождения, ибо люди этого класса нуждаются в этом освобождении и заинтересованы в нем. Но это не значит, что марксистская наука истинна только для одного класса и ошибочна для других. Она истинна для всех, однако не все заинтересованы в ее истинности. Эта наука указывает возможность тем, кто заинтересован в ней и чья деятельность необходима для ее осуществления. То, что утверждает марксизм, так же верно для правящих классов, как и для трудящихся, ибо правящие классы имеют возможность узнать себе цену. Но поскольку марксизм показывает рабочему классу, как покончить с эксплуатацией, он далек от того, чтобы показать правящим классам, как навсегда сохранить эксплуатацию, и доказы-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 367

вает, что это сделать невозможно,— эта истина для правящих классов неприемлема и приемлемой быть не может. Естественно поэтому, что *социальная наука с ее возможностью применения в политике становится «классовой» наукой*. Этой очень важной особенностью, как это прекрасно понимал Маркс, методы и применение социальной науки отличаются от естественных наук.

3. РУКОВОДСТВО И ЦЕЛИ МАРКСИСТСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Согласно д-ру Попперу, марксизм применяется (или претендует на применение) в политике, показывая не то, что можно осуществить, но то, что неизбежно должно произойти. С его точки зрения, марксисты основывают политику на пророчестве. Они представляют собой нечто вроде политических астрономов. Ибо точно так же как астрономы могут сказать: «Сейчас начнется солнечное затмение, поэтому включайте свет», попперовские марксисты говорят: «Наступает революция, поэтому сомкните ряды».

Но в политике надо прежде всего и больше всего считаться с фактами, с реальными обстоятельствами и их практическим значением. Цель политики — изменить обстоятельства. И марксизм действительно основывает свою политику на научном анализе обстоятельств, существующих в современном обществе. Маркс научно исследовал характер капиталистической эксплуатации и ее последствий, раскрыв, таким образом, причины классовой борьбы в современном обществе, а также реальные и практические возможности и альтернативы изменения обстоятельств, которые она устанавливает. Будет ли продолжать свое существование капитализм со всеми своими последствиями — вечной нищетой, противоречиями, угнетением и войнами — или рабочий класс будет вести классовую борьбу до победы над капитализмом и до построения социализма? Марксизм научно раскрывает необходимые условия для построения социализма. Освобождение от всякой эксплуатации и классовой борьбы может быть достигнуто только посредством диктатуры пролетариата. И поэтому марк-

сизм далее разрабатывает практическую стратегию и тактику борьбы за власть рабочего класса и становится руководящей теорией революционных политических партий.

Д-р Поппер считает совершенно ненаучным марксистский подход к пониманию политики с точки зрения классовой борьбы. Не принимая во внимание существования классов, он сводит политику к «власти» и контролю над нею. Одни люди приобретают власть над другими с целью играть роль правителей; и политика — это вопрос приобретения этой власти, ее применения и контроля над ней. Люди почти всегда злоупотребляют властью, если ее применение не контролируется. Таким образом, самым важным вопросом политики является вопрос контроля над применением власти, чтобы управляемые нашли способ контролировать правителей, дабы прекратить злоупотребление властью. Демократическая политика, говорит д-р Поппер, есть политика контроля правителей со стороны управляемых.

С этой позиции он подвергает критике политические последствия «марксистской ошибки» обоснования политики на пророчестве. Марксисты убеждены, что в силу неизбежного хода событий им предначертано прийти к власти. Поэтому они отменяют все вопросы, связанные с демократическим контролем власти, и защищают диктатуру. Если увенчаются успехом их отчаянные усилия достигнуть того, что, по их мнению, является законом неизбежного хода событий, тогда у власти окажется какая-то группа людей или, возможно, одна-единственная «сильная личность» и весь контроль над властью сойдет на нет. Но как предостерегал лорд Актон: «Всякая власть разлагается, абсолютная же власть разлагается абсолютно». И то, что мы неизбежно получаем, есть насильственная диктатура или тирания. Отсюда следует «правление сильной личности»¹, которая начинает насильственно «контролировать и нивелировать интересы и убеждения»², устанавливает «инквизицию, тайную полицию»³, и «цивилизация исчезает»⁴.

¹ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 2, p. 151.

² К. Поппер, *The Poverty of Historicism*, p. 90.

³ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 1, p. 200.

К. Поппер, *Conjectures and Refutations*, p. 344

В последующих главах я несколько подробнее остановлюсь на вопросах демократии и диктатуры, а также демократических принципах управления общественных организаций и их контроля над государственной властью в интересах диктатуры пролетариата, которые имеет в виду марксизм вопреки утверждениям д-ра Поппера. Здесь же достаточно сказать, что д-р Поппер говорит о «власти» и «контроле над властью», *абстрагируясь* от действительных условий классовых интересов и классовой борьбы, при которых устанавливается, осуществляется и контролируется власть. С другой стороны, марксизм при обсуждении политических, как и всех других, вопросов проводит конкретный анализ конкретных условий. Д-р Поппер принимает весьма абстрактную концепцию политической власти, как власти одних индивидов (правителей) над другими индивидами (управляемыми) и противопоставляет ее как «науку» марксову политическому анализу классовой борьбы, который он называет «пророчеством». Такое сравнение лишь демонстрирует собственное непонимание д-ром Поппером научного метода, когда он подходит к обсуждению вопросов политики.

Согласно Марксу, политика в обществе, разделенном на классы, есть классовая борьба. Политические партии представляют интересы классов, и контроль и завоевание власти политическими партиями служат классовым интересам. Партия рабочего класса должна стремиться к завоеванию политической власти и к организации контроля над властью, а также к использованию власти для преобразования общества на социалистической основе. Политические партии рабочего класса могут и должны вести народные массы к построению нового мира в борьбе против старого. Их политика состоит в осуществлении политического руководства борьбой за уничтожение эксплуатации человека человеком.

В основном именно это делали и делают в настоящее время политические партии, которые основывают свою политику на марксизме. Марксисты выработали на практике стратегические линии руководства действующими партиями рабочего класса. Партия должна не только воспитывать народ в духе социалистических идей, но и вести кампанию за социалистическую поли-

гику, повсеместно проводя агитацию против всякой несправедливости, осуществляя практическое руководство организациями масс. Когда власть завоевана, партия сама становится ведущей массовой организацией, посредством которой осуществляется и контролируется власть. Партия должна подготавливать руководящие кадры и отдельных руководителей, которым можно доверить руководство движением в борьбе против эксплуататорских классов и поручить правительственные посты, когда власть эксплуататорских классов будет сломлена.

Д-р Поппер резко выступает против деятельности марксистских политических партий, хотя, как правило, ни одно из его возражений не ново. С точки зрения д-ра Поппера, всякая политическая партия, которая на основе марксизма строит свою политику, находится за пределами цивилизованного общества. Терпимость, в принципе проявляемая демократами к выражению собственного мнения, никогда не должна распространяться на подрывную деятельность коммунистов. Ибо «в демократии всесторонняя защита меньшинства не должна распространяться на тех, кто нарушает законность, и особенно на тех, кто подстрекает других на насильственное свержение демократии»¹. Коммунисты, полагая, что их диктатура предначертана судьбой и будет представлять собой завершение исторического неизбежного хода развития человечества, и не считаясь вовсе с законами, продолжают стремиться к незаконному и насильственному выполнению того, что они считают своей исторической миссией. Еще хуже если такие партии приходят к власти, они вырабатывают «стереотип интересов и убеждений» и вводят «инквизицию, тайную полицию». Они должны быть решительно отвергнуты.

Мы, конечно, признаем себя виновными в том, что оказываем сопротивление законам, защищающим эксплуататорские классы. Но что касается беззакония и насилия, то построение социализма влечет за собой не замену законности беззаконным насилием, а преобразование законов. В ходе построения социалистического общества «интересы» будут, разумеется, «стереотипны»,

---

¹ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 2. p. 161.

пока не исчезнет различие интересов между капиталистами и наемными рабочими, а также между конкурирующими капиталистами и не возникнет большая общность интересов. С помощью образования и пропаганды руководящие органы должны, конечно, стремиться пропагандировать взгляды, соответствующие социалистическим интересам, и давать отпор враждебным им взглядам. И вооруженные силы должны быть, разумеется, достаточно сильными, чтобы защищать социалистический строй от попыток его подрыва или свержения. Борьба же, однако, должна быть направлена против эксплуатации, против законов, защищающих эксплуатацию, а также против сохранившихся взглядов старого мира, приспособленных к всесторонней защите прежнего строя, в целях охраны и защиты нового.

Но, повторяя, подобно эху, все обычные проклятия антикоммунистической пропаганды, д-р Поппер в то же время ухитряется сохранить видимость научной объективности. Он не говорит, что коммунисты — злонамеренные люди, которые, добившись власти, стремятся нанести вред своим собратьям. Напротив, он неоднократно подчеркивает, что многие коммунисты искренно желают добра и что их цель — счастье для всех. Корень зла в том, что действительные результаты деятельности, основанной на коммунистических принципах, резко отличаются от намерений коммунистов. Они хотели создать «рай на земле», но «преуспели лишь в сотворении ада». Критика марксизма — это пример «анализа непреднамеренных последствий преднамеренных человеческих действий». Совершенно неизбежно (или, во всяком случае, в силу объективного ряда причин и следствий) результат построения политики на основе марксистской теории выражается в том, что предпринятые действия приводят к отрицательным последствиям.

Д-р Поппер полагает, что вывод Маркса о неизбежности исторического хода событий заставляет коммунистов считать себя непогрешимыми, избранными самой судьбой, чтобы выполнить определенную миссию и уничтожить любого противника. Поэтому коммунисты не прислушиваются к критике, не испытывают жалости к страданиям и не скупятся на насилие для достиже-

ния своих целей. Они презирают все демократические методы, связанные с обсуждением, спорами, и не прислушиваются к тому, что говорят им другие, а всему этому они предпочитают открытую террористическую диктатуру «сильной личности» — коммуниста или группы рвущихся к власти вождей и сами же становятся ее жертвами.

Он, видимо, считает, что то, что произошло в Советском Союзе, служит грозным предостережением всему человечеству. Там верховную власть имела «сильная личность». Слово Сталина было законом, и всякое критическое отношение к его политике и даже малейшее сомнение в ней рассматривалось как враждебный акт. Его тайная полиция занималась произвольными арестами, заключением в тюрьмы без суда или по решению печестных судов, применяла жестокость, пытки и казни. То, что не все было хорошо в Советском Союзе, и то, что зло это совершалось коммунистами, причиняя большие и ненужные страдания тысячам людей, — установленный факт. Д-р Поппер хотел бы убедить нас в том, что такие несчастья *неизбежны*. На самом деле именно он сам, со своими «непредвиденными последствиями» пытается запутать нас доктриной о неизбежности — неизбежности разочарования в надеждах на социалистическую революцию, которые, если они не сокрушены поражением, будут совершенно подавлены тиранией, неизбежно наступающей, мол, после победы революции. Но разумеется, д-р Поппер не «историцист». Он всего лишь высказывает «условное предвидение»: если вы поставите чайник на огонь, он закипит, а если вы позволите марксистам войти в правительство, они превратят его в кровожадную тиранию.

Однако благодаря знанию марксистской теории общественных отношений и того, как осуществляются социальные изменения, марксисты получили *практическую цель* для политической деятельности, а стратегию и тактику политической борьбы они выработали на основе изучения условий, необходимых для осуществления этой цели. Марксизм представляет социализм в качестве политической программы. И марксизм — это научный социализм, ибо он разрабатывает политическую программу социализма на основе объективного изучения фактов, а не строит ее на каком-то мифе о неиз-

бежной судьбе человечества, и поэтому выдвинутые им предложения направлены на удовлетворение истинных интересов, а не на осуществление утопического идеала.

Маркс и Энгельс говорили, что история есть история борьбы классов. Это утверждение, верное в отношении истории с тех пор, как в человеческом обществе появилось деление на классы, *несовместимо* с любой «историцистской» доктриной о событиях, развивающихся с неумолимой необходимостью в соответствии с заранее установленным образцом. Ибо классовая борьба ведется людьми, находящимися в условиях уже сложившихся общественных отношений. По признанию Маркса и Энгельса, всякий раз, когда они принимались за описание классовой борьбы, они убеждались, что действительные события, происходившие в результате деятельности людей, вовлеченных в эти события и действующих под влиянием человеческих страстей, обуславливались данными обстоятельствами того времени и совершались в их рамках. Что касается роли партий рабочего класса в событиях, то их деятельность находится в зависимости от условий, в которых эти партии действуют, а также уровня их политического развития, включая их иллюзии, ошибки, колебания, опасения и фанатизм, но не в зависимости от законов неизбежного хода событий, в знании которых они якобы непогрешимы. Насколько преуспели они в достижении своих целей, какие совершали ошибки и какие трудности им приходилось преодолевать на пути к этим целям — все это определяется множеством свойственных людям причин, которые историки смогут проследить, когда будут заниматься ими.

Чтобы добиться освобождения, люди должны *организоваться* и учиться на опыте. Этим элементом политической необходимости определяется жизненно важная роль политических партий рабочего класса. Во-первых, партия должна обеспечить *хорошо организованное руководство* всем движением. Она должна осуществлять свое руководство не постоянными обсуждениями права на существование других партий и не установлением политической монополии (ибо, как сказано в «Манифесте Коммунистической партии»: «Коммунисты не являются особой партией, противостоящей другим рабочим партиям»), но на основе понимания «условий, хода

и общих результатов пролетарского движения»¹. Во-вторых, партия должна извлекать уроки из *опыта* этого движения, чтобы *все движение училось на опыте* и его ошибках. Лишь в политической партии движение находит такого руководителя, который систематически учится.

Марксисты всегда прилагали большие усилия в целях анализа и классификации разного рода ошибок, которым могут быть подвержены политические партии рабочего класса. Партия может предать интересы рабочих, идя на соглашение с эксплуататорскими классами, вплоть до перехода на их сторону, принося в жертву интересы рабочих; с другой стороны, она может быть настолько «бескомпромиссной», что, провозглашая обычные революционные фразы, отказываясь считаться с обстоятельствами, пренебрегая созданием прочной организации и привлечением к себе союзников, может в конце концов привести рабочих к поражению. Партия может отказаться от теории марксизма или «ревизовать» ее в вопросах классовой борьбы и диктатуры пролетариата; с другой стороны, она может превратить ее в простую догму, в простой набор формулировок, рассчитанных на одинаковое применение их во все времена и при любых обстоятельствах. Партия может также привести рабочих одной нации к столкновению с рабочими другой, отдавая преимущество национальным интересам в ущерб общим интересам всех трудящихся; с другой стороны, не признавая или даже презирая национальные интересы и чаяния своего народа, партия может оттолкнуть от себя народ. Примеров ошибок такого рода достаточно. Они возникают вследствие трудностей и дилемм действительных условий практической борьбы.

Вполне естественно (и даже, можно сказать, неизбежно), что, когда марксистские партии допускают ошибки и попадают в трудные положения, их враги тут же заявляют, что во всех этих бедах повинен марксизм, и после это продолжают годами повторять свои обвинения. Более того, когда марксистские партии исправляют свои ошибки, их враги пользуются случаем, чтобы заметить это и воскликнуть: «Ага, вы, следовательно,

---

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 437.

допускаете, что ваш марксизм ничего хорошего вам не принес, а лишь привел вас к ошибкам!»

Так было, когда в Советском Союзе в период сталинского руководства имело место злоупотребление властью, сопровождавшееся некоторыми ошибками в экономической политике. Ни коммунисты, ни марксисты не намерены оправдывать происходившие тогда злоупотребления. Извращение марксистской теории, ошибки в управлении экономикой, бюрократические нарушения, деспотизм и преступления в методах правления — все это мешало, а не помогало строительству социализма. Это могло произойти лишь в результате злоупотребления властью отдельными личностями, нарушения правовых норм и демократии в руководстве революционными организациями, в том числе ведущей коммунистической партией. Д-р Поппер осуждает их не более сурово, чем это было сделано на XX съезде Коммунистической партии Советского Союза. Но в отличие от марксистов он не пытается проанализировать, в чем именно состояли эти злоупотребления, каким образом они возникли и каким путем их можно ликвидировать. Он совершенно оставляет без внимания рассмотрение вопроса о том, какого рода насилие было спровоцировано в массовом масштабе фашизмом и империализмом, а вместо этого осуждает насилие как неизбежное следствие марксистского учения о «диктатуре». В заключение он делает вывод о том, что единственным универсальным средством предотвращения этого является «демократия», построенная по образцу порой насильственной и диктаторской практики так называемого «свободного мира».

Быть может, д-р Поппер и вправе рассчитывать на доверие, осуждая порочную практику, за которую несут ответственность марксисты, в то время когда они оказались не в состоянии ни осудить, ни исправить ее. Пусть так! Марксисты вправе рассчитывать на доверие, потому что в жестокой борьбе как против внутренних, так и внешних врагов в Советском Союзе построен социализм, и на таком прочном фундаменте, что это совершенно опрокидывает все прогнозы антимарксистов. Марксисты за пределами Советского Союза также заслуживают доверия, ибо мы оказали этой социалистической стране безграничную поддержку, выступив про-

тив ее врагов, отказавшись от союза с ними, и боролись против несправедливостей, угнетения и насилия капитализма, несмотря на то что у себя в стране нас за это обвиняли в несправедливости, угнетении и насилии. Наконец, марксисты вправе рассчитывать на доверие, ибо они приступили к ликвидации злоупотреблений, возникших при социализме, но они осуществляли это не тем способом, который многие рекомендовали как средство против «тирании», то есть свержением социалистического правительства, а методами социалистического управления в соответствии с учением марксизма. В Советском Союзе этот процесс перестройки продолжается и поныне, хотя протекает он негладко, не без конфликтов, препятствий, ошибок и недостатков.

По всей вероятности, когда д-р Поппер писал «Открытое общество и его враги» и «Нищету историцизма», он рассматривал противозаконные действия, происходившие в Советском Союзе, как верификацию своего утверждения о том, что марксизм означает тиранию. Осуждение этих противозаконных действий на XX съезде Коммунистической партии Советского Союза могло, следовательно, рассматриваться как окончательная верификация доказательств, представленных самими же марксистами. Но д-р Поппер настойчиво убеждал, что важна не верификация, а «фальсификация» (или опровержение). А то, что произошло в действительности, окончательно *опровергло* его голословные утверждения. Он мог сослаться на различные факты, «подтверждающие» его заявление о том, что коммунистическое правительство является тираническим. Действительное развитие социализма и борьба за него опровергают это. И подлинное учение Маркса точно так же опровергает его голословные утверждения о том, что марксизм — это доктрина об исторической неизбежности, оправдывающая насилие и тиранию.

Правильную оценку марксистской политики можно дать только в том случае, если, помимо других явлений, принять во внимание историю марксистских партий, то, что они делали и продолжают делать. Настаивая на несостоятельности «исторического метода», д-р Поппер предпочитает, видимо, основывать свое суждение скорее на огульной оценке того, что он принимает

за сущность марксистских учений. В сущности, марксизм, говорит он, это догматическое и антидемократическое учение. Как обычно, сам давая объяснения в отношении суждений о «сущностях», он к тому же ухитряется строить свою аргументацию таким образом, чтобы избежать опровержения. Если марксистская партия виновна в ошибочных действиях, то говорят, что это характерно для ее деятельности; если же ее действия правильны, то заявляют, что это просто ей несвойственно.

Однако то, как марксистские партии действуют и развиваются, на самом деле доказывает лживость того, что говорит д-р Поппер о марксистской политике. Для подтверждения своих взглядов, он фактически очень редко ссылается на то, что в действительности сделано марксистскими партиями. Однако нельзя обойти вниманием главный пример, на который он ссылается. Касаясь несколько подробнее политики марксистских партий в отношении фашизма в Германии в период прихода Гитлера к власти, д-р Поппер заявляет нам, что «коммунисты не вели борьбы, когда фашисты захватили власть», так как считали, что фашистская диктатура «могла лишь приблизить наступление революции... Кроме того, поскольку революция должна была вот-вот свершиться, фашизм мог послужить лишь одним из средств ее осуществления»¹.

Предположим, что в целях полемики некоторая «фальсификация истории» допускалась при случае и самими марксистами (хотя такого рода полемика не способствовала делу марксизма). Но как бы плохо это ни было, это не идет ни в какое сравнение с фальсификацией истории, допускаемой антимарксистами, свидетельством которой служат вышеприведенные примеры. Марксистский метод изучения событий заключается в представлении документов, когда происходящее искажается антикоммунистической пропагандой.

История международного рабочего движения показывает, что успех марксистских партий ни в коей мере не является триумфальным успехом непогрешимой «партийной линии», которую можно вывести из доктри-

---

¹ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 2, p. 164—165.

ны об исторической неизбежности и которую д-р Шоппер пытается навязать нам. В реальной жизни может встретиться много ошибок и много препятствий. И в то же время марксистский взгляд на то, что «история на нашей стороне» и что марксистские партии несокрушимы и уверены в конечной победе, подтверждается существующими условиями классовой борьбы в современном мире. Ибо вообще то, *чему необходимо свершиться, в конечном счете свершается*. И в условиях капитализма развитие революционных партий и постоянная их деятельность вплоть до окончательного уничтожения эксплуатации человека человеком является *необходимостью*. Противостоять эксплуатации, угнетению, войне, угрозе ядерной войны сегодня и вести экономическую и политическую борьбу до тех пор, пока общество не будет устроено так, чтобы иметь возможность использовать человеческие ресурсы для человеческого благосостояния, является необходимостью. В этих целях мы *должны организоваться*. Если допущены ошибки, они должны быть исправлены. Если поражения длительны, борьбу все же нужно продолжать.

Так, в рабочем движении Европы существует необходимость оказывать сопротивление господству реформистской политики путем укрепления истинно революционных партий — коммунистических партий. Победа русской революции явилась решающим фактором роста и консолидации международного коммунистического движения и развития великого движения за освобождение от империализма всего колониального мира. Однако условия со временем меняются. И теперь они уже совсем не те, какими были до второй мировой войны. Мы, следовательно, должны выработать новую политику. В этой связи в вопросах политики появляются глубокие расхождения, вплоть до расхождений, в данный момент, внутри мирового коммунистического движения, направленного в значительной мере на решение проблем мира и сосуществования социализма и капитализма, путей перехода к социализму и разработку стратегии антиимпериалистического национально-освободительного движения.

Никогда не было и сейчас нет ни готовой «доктрины», которой можно было бы придерживаться, ни руководства, предназначенного судьбой, чтобы вести нас

по прямому пути и избавить от ошибок. Поэтому теперь, как и всегда, следует полагаться на развитие ясного научного мышления в вопросах политики, учитывая обстоятельства и их изменения. Исходя из этого, мы должны создать единство в деятельности левых сил. От построения компетентных революционных партий на демократической основе коллективного принятия решений и организованности зависит в основном судьба человечества — уничтожение эксплуатации человека человеком, эти, по определению Маркса, продолжительные и тяжелые «родовые схватки» нового мира.

Дело в том, что капиталистический способ производства с капиталистической экономической и политической властью не может не порождать борьбу со стороны эксплуатируемых классов: эта борьба должна найти свое руководство; марксизм содержит в себе научные принципы руководства; но необходимо строить марксистские партии и на основе тяжелого, а подчас и горького опыта развивать марксизм в теории и на практике.

Глава 3

КРИТИКА КАПИТАЛИЗМА

1. ИСЧЕЗ ЛИ КАПИТАЛИЗМ?

В практике рабочего движения марксизм применяется как целесообразная политика, направленная на уничтожение оков капитализма, сковывающих общественное производство, и развитие производства до полного удовлетворения человеческих потребностей. Однако научное предвидение и целесообразную политику д-р Поппер не только называет утопией, но и добавляет, что никакого вопроса относительно необходимости уничтожения капитализма уже больше не существует, ибо он так или иначе прекратил свое существование. Таким образом, его критика разрушительна по всем пунктам. Маркс объявлен исключительно неудачным пророком, так как зло, уничтожение которого он предсказывал, с тех пор уже давно спокойно устранено средствами, вовсе непохожими на адские муки. «Мы должны быть настороже,— пишет д-р Поппер,— против марксистского предрассудка о том, что социализм или коммунизм является единственной альтернативой и единственно возможным преемником капитализма. Ни Маркс, ни кто-либо другой никогда не доказал, что социализм... является единственно возможной альтернативой жестокой эксплуатации той экономической системы, о которой сто лет назад впервые писал Маркс и которой он дал название «капитализм». И в самом деле, если бы кто-нибудь попытался доказать, что социализм является единственно возможным преемником марксова неограниченного капитализма, то мы могли бы легко его опровергнуть, указав на исторические

факты. Ибо *laissez faire*¹ исчез с лица земли, но на сме- ну ему не пришли ни социалистическая, ни коммунисти- ческая системы, как это считал Маркс»². «Неограничен- ный капитализм», который осуждал Маркс, говорит д-р Поппер, «открыл путь... к нашему собственному перио- ду политического интервенционизма, экономического вмешательства государства». Ибо «во всем мире орга- низованная политическая власть начала осуществлять далеко идущие экономические функции».

Марксисты долгое время утверждали, что при нор- мальном ходе экономического развития капитализм пе- реходит от начальной стадии свободной конкуренции к стадии монополии или государственного монополистиче- ского капитализма, в которую вступили в начале этого века наиболее старые капиталистические хозяйства. Эта оценка нормального экономического развития капита- лизма основана на марксовой оценке процессов централиза- ции и концентрации капитала и развития финансовой и кредитной систем в условиях свободной конкуренции, в результате чего свободная конкуренция приводит к воз- никновению монополии. Отличительной чертой монопо- листического капитализма, по Марксу, является «эконо- мическое вмешательство государства», которое, как со- общает нам д-р Поппер, вытесняет в настоящее время то, что Маркс ранее описал и осудил как капитализм.

Очевидно, д-р Поппер полагает, что единственное до- стижение Маркса в «Капитале», — это его абсолютно до- стоверное описание «неограниченного капитализма» прошлого века. Маркс действительно дал именно такое описание. Он обрисовал положение мужчин и женщин, работавших на фабриках по двенадцать — четырнадцать часов в день в тяжелых для здоровья условиях, в то вре- мя как собственники вступают друг с другом в смертель- ную конкурентную схватку. В настоящее время картина изменилась. Во многих отраслях промышленности суще- ствует сорокачасовая рабочая неделя (при больших пре- миальных заработках и сверхурочных с оплатой в полу- торном или двойном размере), соблюдаются инструкции по охране здоровья и профбезопасности и отныне уже не существует конкуренции индивидуальных частных вла-

---

Имеется в виду капитализм эпохи свободной конкуренции.

² К. Поппер. *The Open Society and its Enemies*, vol. 2, p. 140

дельцев, ибо ограслями промышленности владеют несколько крупных корпораций. Капиталисты уже больше не звенят своими деньгами в грязных бухгалтерских конторах, где на эту жалкую сцену смотрят с портретов со строгим одобрением дед Натаниэль и прадед Эбензер, а члены правящей элиты занимаются игрой во власть в просторных апартаментах, украшенных произведениями абстрактного искусства. Следовательно, говорит д-р Поппер, то, о чем писал Маркс, больше не существует и все его исследование представляет лишь исторический интерес. Маркс займет свое место рядом с Чарльзом Диккенсом, как одним из великих викторианцев, который в свое время будоражил общественную совесть, разоблачая социальное зло, а теперь радуется филистеров чувством удовлетворения тем, что наше сегодняшнее положение не похоже на прежнее.

Однако то, чего достиг Маркс в «Капитале», было не просто описанием промышленных условий, которые вскоре стали устаревшими, ибо условия изменились. Маркс раскрыл действительные *общественные отношения*, которые развиваются при капитализме, капиталистические *производственные отношения*, и способ эксплуатации наемного труда, от которого зависит вся экономическая структура. Он выделил *эти* отношения из всей массы социальных действий, которыми связаны люди между собой, и выделил их не с помощью химических реактивов или рассматривая под микроскопом, но «силой абстракции», показав, что они собой представляют и к чему приводят.

Маркс самым тщательным образом исследовал производственные отношения, которые развиваются тогда, когда вещи производятся в качестве товаров. Как указывал В. И. Ленин в своей работе «Что такое «друзья народа»...?», «этот анализ ограничен одними производственными отношениями между членами общества: не прибегая ни разу для объяснения дела к каким-нибудь моментам, стоящим вне этих производственных отношений, Маркс дает возможность видеть, как развивается товарная организация общественного хозяйства, как превращается она в капиталистическую...». И мы можем добавить, как капиталистические производственные отношения продолжают упорно сохраняться, когда *laissez faire* уступает место «интервенционизму». «...*Объясняя строе-*

ние и развитие данной общественной формации *исключительно* производственными отношениями», Маркс,— продолжал Ленин,— «прослеживал соответствующие этим производственным отношениям надстройки... Потому-то «Капитал» и имел такой гигантский успех, что эта книга... показала читателю всю капиталистическую общественную формацию как живую...»¹.

Правда, д-ру Попперу он этого не показал, ибо д-р Поппер предпочитает свое собственное толкование того, о чем писал Маркс. Но анализ капиталистических производственных отношений, осуществленный Марксом, показывает, как развивались экономические и политические условия сто лет назад, а также как они превратились в экономические и политические условия современного капитализма. Он показывает, что капитализм еще существует. То, что в капиталистических хозяйствах *laissez faire* в значительной мере заменен «интервенционизмом», в то время как социалистическая или коммунистическая система, как понимал ее Маркс, еще не везде пришла на смену капитализму, факт хорошо известный. И нечто подобное Маркс предсказывал в «Капитале», но это предвидение д-р Поппер предпочел не заметить. В зрелые годы Маркс совершенно ясно сознавал, что его юношеские надежды на то, что безжалостная эксплуатация экономической системы, которую он впервые описал, должна быть вскоре уничтожена, были основаны на недооценке сил, поддерживающих существование эксплуататоров, хотя все равно он, по всей вероятности, был бы сильно удручен, узнав, что эксплуататоры продержатся еще столько времени, сколько они продержались. «Интервенционизм», о котором пишет д-р Поппер,— это экономическое вмешательство государства, при котором крупные капиталисты удерживают довольно устойчивый контроль,— является одним из главных средств, благодаря которому капиталисты продолжают свою деятельность, ибо без него они едва ли смогли бы обойтись.

Но то, что в развитии капитализма *laissez faire* заменяется «экономическим вмешательством государства», не означает, что капитализм исчез и что социализм не является «единственно возможным преемником» капитализма. Напротив, по наблюдениям многих марксистов,

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., 1, стр. 138—139

гот факт, что рост обобществления производительных сил вынуждает самих капиталистов принимать формы общественного контроля, свидетельствует лишь о том, насколько необходимо передать средства производства в общественную собственность и в конечном счете облегчить этот процесс. В «Капитале» Маркс писал, что капитал «получает здесь непосредственно форму общественного капитала... в противоположность частному капиталу, а его предприятия выступают как общественные предприятия в противоположность частным предприятиям. Это — упразднение капитала как частной собственности в рамках самого капиталистического способа производства»¹. При этом, как он сказал, функции управления отделяются от собственности, что в свою очередь представляет собой «необходимый переходный пункт» к превращению капитала «в собственность ассоциированных производителей, в непосредственную общественную собственность»²

К чему приводит это изменение? В своей работе «Анти-Дюринг» Энгельс предвидел и описал это с исключительной точностью.

«Это противодействие мощно возрастающих производительных сил их капиталистическому характеру... — пишет он, — принуждает класс самих капиталистов все чаще и чаще обращаться с ними, насколько это вообще возможно при капиталистических отношениях, как с общественными производительными силами». Это приводит «к такой форме обобществления больших масс средств производства, какую мы встречаем в различного рода акционерных обществах... На известной ступени развития становится недостаточной и эта форма: государство как официальный представитель капиталистического общества вынуждено... взять на себя руководство указанными средствами производства и сообщения». И во все большей мере «общественные функции капиталиста выполняются теперь наемными служащими»³

Но далее Энгельс говорит, что такое исчезновение *laissez faire* не означает исчезновения капитализма. «Но ни переход в руки акционерных обществ, ни превращение в государственную собственность не уничтожают ка-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, часть 1, стр. 479.

² Там же, стр. 480.

³ Там же, т. 20, стр. 288—289.

питалистического характера производительных сил. Относительно акционерных обществ это совершенно очевидно. А современное государство опять-таки есть лишь организация, которую создает себе буржуазное общество для охраны общих внешних условий капиталистического способа производства от посягательств как рабочих, так и отдельных капиталистов. Современное государство, какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина... Чем больше производительных сил возьмет оно в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплуатировать. Рабочие останутся наемными рабочими... Капиталистические отношения не уничтожаются...»¹.

Дело в том, что при капиталистическом способе производства вложения частнособственнического капитала в предприятия с наемным трудом приносят капиталистам прибыль, отчего образуются все возрастающие накопления частнособственнического капитала. В целях сохранения условий, при которых капиталистический способ производства может продолжать действовать, необходимо, чтобы не только наемные рабочие, но также и капиталисты подчинялись различного рода указаниям и ограничениям. Именно это и обеспечивается «экономическим вмешательством государства». Но тот факт, что «организованная политическая власть начала выполнять далеко идущие экономические функции», не означает еще, что капитализм исчез, но, напротив, означает, что он сохраняется. И сохраняется до тех пор, пока «интервенционистское» государство остается «по своей сути капиталистической машиной».

Итак, ясно, что заявление д-ра Поппера о том, что появление «политического интервенционизма» опровергает «марксистское предвидение о том, что социализм или коммунизм является единственной альтернативой и единственным возможным преемником капитализма», представляет собой очередной пример «опровержения» д-ром Поппером марксизма путем искажения того, что он утверждает. Маркс и Энгельс никогда не говорили, что «единственной альтернативой» для *laissez faire*, или «неограниченного капитализма», является «социализм или

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 289—299.

коммунизм». В действительности они вполне ясно говорили, что капитализм должен быть заменен, поскольку он развивается благодаря «политическому интервенционизму» или «экономическому вмешательству государства». Точно так это и произошло; и то, что произошло, подтвердило, а не опровергло предвидения Маркса относительно развития капитализма.

2. ТРУДОВАЯ ТЕОРИЯ СТОИМОСТИ

По определению Маркса, капиталистические производственные отношения — это отношения, в которые вступают люди друг с другом в процессе производства и обмена *товарами* и при которых в товарном обществе некоторые люди вынуждены в качестве наемных рабочих продавать свою рабочую силу как товар. Это отношение определено, исходя из так называемой «трудовой теории стоимости», которая служит основой марксова исследования характера и развития капиталистических производственных отношений.

Д-р Поппер не понял, что Маркс в «Капитале» начал с абстрактного анализа, «ограниченного одними производственными отношениями между членами общества», и вследствие этого упустил из виду всю суть анализа Маркса, не увидев в нем существа трудовой теории стоимости. «Теория стоимости Маркса, которую обычно марксисты, а также и антимарксисты считают краеугольным камнем марксистского кредо, на мой взгляд, является одним из менее существенных вопросов»¹, — пишет он. Как всегда, д-р Поппер представляет марксистскую теорию таким образом, что выхолащивает все ее действительное содержание; поэтому неудивительно, что он находит ее «менее существенной». Однако высказывания других «антимарксистов» по этому вопросу правильны. Трудовая теория стоимости действительно является «краеугольным камнем» марксовой теоретической системы капиталистических производственных отношений (именуемой д-ром Поппером «марксистским кредо»).

Согласно д-ру Попперу, трудовая теория стоимости была «введена с целью объяснить фактические цены, по

¹ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 2, p. 170.

которым производится обмен всех товаров». Таким образом, «вы должны платить за работу или любой другой товар, который вы покупаете, прямо пропорционально количеству затраченного на него труда, то есть соответственно количеству рабочих часов, необходимых для его изготовления». Разумеется, «фактические цены неустойчивы. Но за этими ценами всегда стоит нечто более устойчивое, а именно своего рода средняя цена, относительно которой колеблются фактические цены, названные меновой стоимостью или просто «стоимостью» вещи. Используя это общее понятие, Маркс определил стоимость товара как среднее число рабочих часов, необходимых для его изготовления»¹.

Таким образом, Маркс представлен в виде озабоченного покупателя, который хочет узнать, почему один предмет должен стоить дороже другого, и найти какой-то стандарт, по которому всегда можно установить настоящую цену. В представлении д-ра Поппера Маркс выглядит простачком, почти глупцом. Ибо далее д-р Поппер заявляет, что для того, чтобы понять, почему происходит колебание цен, необходима «более конкретная теория», теория, раскрывающая в каждом отдельном случае, как законы предложения и спроса вызывают такой результат, который нуждается в объяснении»².

Поэтому он делает следующий вывод: «Но если эти законы достаточны для того, чтобы объяснить полученные результаты, тогда нам вовсе не нужна трудовая теория стоимости». Следовательно, вся трудовая теория стоимости «несущественна» и «излишняя». В самом деле, именно по этой причине все софисты (Маркс их довольно неучтиво называл «вульгарными»), изучающие законы экономики и занятые составлением уравнений, выражающих, как одна экономическая переменная является функцией другой, считают, что эти уравнения совершенно неприменимы в трудовой теории стоимости и поэтому исключили эту теорию из своей экономической науки как явно неуместную.

Однако Маркс изучал не колебание цен, а прежде всего возникновение, развитие и изменение производствен-

---

¹ K. Popper, *The Open Society and its Enemies*, vol. 2, p. 171.

² *Ibid.*, p. 175.

ных отношений. Он рассматривал капитализм как исторически сложившуюся систему производственных отношений, которые находились в соответствии с определенным уровнем развития производительных сил и которые затем становятся препятствием для их дальнейшего развития и удовлетворения человеческих потребностей. Именно для характеристики этих производственных отношений и объяснения их образования и их влияний Маркс применил трудовую теорию стоимости.

Что касается «реальных цен» и их колебаний, то тут д-р Поппер прав, говоря, «что Маркс понимал», что «конкретная теория» должна включать в себя объяснение того, «как законы спроса и предложения приводят к результату, который нуждается в объяснении». Но это не значит, что «законы спроса и предложения» полностью объясняют весь процесс товарообмена и что от этого трудовая теория стоимости становится несущественной и излишней. Эта теория объясняет образование и развитие производственных отношений и, таким образом, имеет отношение к вопросам, в которых д-р Поппер и эти экономисты, как он полагает, вытеснили Маркса, даже не обращаясь к нему. Для своего собственного удовлетворения они могут объяснять колебание стоимостей и цен [даже несмотря на то, что не в состоянии найти способ их контроля]. Но они не могут объяснить — и не ставят перед собой таких вопросов — образования и характера производственных отношений, порождающих то явление, которое они стремятся объяснить. Они просто игнорируют и упускают из виду характер системы наемного труда и его эксплуатацию, которые составляют сущность капитализма.

Маркс начал свое исследование капиталистических производственных отношений с того, что установил, что «богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как «огромное скопление товаров»»¹. Таким образом, он начал с определения капитализма как формы товарного производства. Затем он проанализировал, что вообще представляет собой товарное производство. Таким образом он подошел к определению специфического характера капиталистических производственных отношений.

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 43.

В товарном производстве отдельные производители или группы производителей изготавливают предметы не для своего потребления, а для обмена на другие необходимые им продукты производства. Товары — это продукты труда, которые, во-первых, имеют применение (необходимы людям для той или иной цели), и, во-вторых, могут быть обменены на другие продукты. Следовательно, они обладают как потребительной, так и меновой стоимостью. Труд же, который создает их, имеет двойственный характер, он производит предметы для потребления, но не непосредственно для потребления, а сначала для обмена.

Что представляет собой деятельность людей, производящих обмен товарами? В какие общественные отношения они вступают друг с другом? Ответив на эти вопросы, мы приходим к определению производственных отношений. И как обычно, ставя коренные вопросы, можно получить ясный ответ. *Они обмениваются продуктами, воплощающими в себе определенное количество труда.* В условиях, когда люди вносят свою лепту в развитие производительных сил, естественно, устанавливается количество общественно необходимого рабочего времени для производства каждого товара. Поэтому *в товарном производстве люди вступают друг с другом в отношения, при которых они обменивают и приобретают друг у друга продукты, причем каждый продукт содержит в себе определенное количество общественно необходимого труда.* Трудовая теория стоимости состоит только в констатации этого факта — это абстрагирование и констатация основного производственного отношения, остающегося постоянным при всех меняющихся отношениях, в которые вступают люди друг с другом и с внешней природой в процессе производства товаров.

Помимо своей потребительной стоимости, каждый товар обладает меновой стоимостью независимо от частного его применения. Точно так же всякий труд независимо от его применения, то есть независимо от материалов и орудий труда, а также от того, как люди используют его продукты и как они хотят их использовать, имеет общее свойство производить товары и услуги для обмена, и сходство всех процессов общественного труда — в том, что каждый из них является затратой определенного количества общественно необходимого количества труда

для производства товаров и услуг для обмена, а сходство продуктов труда состоит в том, что все они воплощают в себе определенное количество общественно необходимого труда, затраченного на их производство.

Другими словами, *общее свойство продуктов состоит в том, что все они воплощают в себе какое-то количество общественно необходимого труда. Поэтому все продукты можно сравнивать с точки зрения того, какое количество общественно необходимого труда на них затрачено.* Это общее свойство товаров, количественно определяемое и измеряемое в единицах рабочего времени, применяется в трудовой теории стоимости для определения «стоимости».

Поэтому трудовая теория стоимости выступает в форме *дефиниции*, определения «стоимости». Но это определение не является чисто «словесным». Оно не просто словесное или условное, как определения основных понятий, применяемых в любой другой науке, например в механике. Оно *служит для того, чтобы абстрагировать и определить общую черту, свойственную всем товарам, на основе которой их можно сравнивать.* Очевидно; не может быть никакого сомнения в том, что любые товары *действительно* обладают стоимостью в этом определенном смысле. Если некоторые экономисты предпочитают пользоваться словом «стоимость» в другом смысле, то это не влияет на основную истину относительно производственных отношений, выраженную в трудовой теории стоимости. Это лишь означает, что эти экономисты предпочитают игнорировать эту основную истину.

Из выведенного определения ясно, что «стоимость» товара не есть свойство предмета (подобно, например, весу), которым этот предмет обладает независимо от того, что делают люди, но она принадлежит товарам, потому что люди производят их своим трудом, и зависит от того, сколько труда они затратили на их изготовление. *И стоимостное отношение между товарами (то есть то, что два или несколько товаров имеют одинаковую или неодинаковую стоимость) устанавливается между ними в результате общественных производственных отношений людей,* то есть благодаря тому, что люди, работая, производят товары и должны затратить различное количество общественно необходимого рабочего времени на производство различных предметов потребления.

В своем предположении о том, что трудовая теория

стоимости «введена с целью объяснить фактические цены, по которым обмениваются товары», д-р Поппер до абсурдности ошибочно понимает *проблему* определения «стоимости», которая была использована для решения. Эта проблема не просто объясняет фактические цены товаров, но объясняет и общественные отношения в товарных обществах. Это объяснение дается в трудовой теории стоимости. Труд создает вещи, в которых люди испытывают необходимость или потребность; благодаря разделению труда люди вынуждены обмениваться продуктами труда; следовательно, продукты производятся в качестве товаров; совершая продажу и покупку их, люди обмениваются вещами, воплощающими в себе определенное количество общественно необходимого рабочего времени.

Определив стоимостное отношение товаров, исходя из общественно необходимого труда, затраченного на их производство, или, другими словами, исходя из социальных отношений в обществе, производящем товары, Маркс смог показать совершенно ясно, каким образом стоимость товара входит в определение его цены. Устанавливая цены на товары, люди не только прикрепляют к ним ярлычки цен, но и осуществляют обмен продуктами труда. Количество труда, затраченное на производство каждого товара, когда люди обмениваются продуктами труда, является постоянным определяющим фактором каждого акта обмена. Если вещи равноценны, это значит, что продукты, воплощающие в себе определенное количество труда, должны обмениваться на продукты, воплощающие такое же количество труда. Однако в действительности товары фактически вообще *не* обмениваются по своей стоимости, ибо на реальные цены, по которым они обмениваются, оказывают влияние такие факторы, как «спрос и предложение». Поэтому в «Капитале» Маркс исследовал «реальные цены», вначале предполагая, что обмен товаров осуществляется якобы именно по их стоимости, и затем путем детального изучения действительных конкретных условий производства и обмена показал факторы, вынуждающие производить их обмен не по их стоимостям, а также вытекающие из этого экономические последствия.

Д-р Поппер говорит, что «идея о том, что за ценами всегда стоит объективная, или реальная, или истинная стоимость, лишь формой проявления которой являются

цены, достаточно ясно свидетельствует о влиянии идеализма Платона»¹. Ни о чем подобном она не свидетельствует: она показывает только, что во внимание принимаются основные эмпирически верифицируемые общественные производственные отношения. И, учитывая эти производственные отношения, абстрагируя, определяя и верифицируя их, Маркс смог показать, каким образом в товарных обществах устанавливаются реальные цены. Отнюдь не будучи «излишним» или возникшим под «влиянием идеализма Платона» понятие «стоимость», по определению Маркса, прежде всего относится к эмпирически верифицируемым отношениям, в которые вступают люди в процессе производства товаров, а затем используется для формулировки законов того, как люди осуществляют обмен товарами, а также различий цен, по которым обмениваются товары, причем эти законы также эмпирически верифицируются.

Кроме того, эта трудовая теория стоимости достаточно хорошо раскрывает общественные отношения, существующие в товарных обществах, которые длительное время оставались скрытыми и незамеченными, так как обмен товарами рассматривался как такой процесс, когда одни люди приносят товары на рынок, а другие их покупают по рыночным ценам. Во всяком обществе люди занимаются общественным производством и совокупный общественный продукт делится в процессе распределения его между членами общества. Каждый получает свою долю этого общего продукта общественного труда в зависимости от существующих производственных отношений. В трудовой теории стоимости поднимается вопрос о том, как в товарных обществах осуществляется это деление продукта в процессе производства и обмена. В ней ставится вопрос, каким образом присваиваются стоимости, созданные трудом, какая доля их идет трудящимся, сколько получают другие люди и каким образом эти последние их добывают. Следовательно, достоинство трудовой теории стоимости состоит не только в том, что она «объяснила реальные цены», но и в анализе вопросов общественного труда и присвоения его продуктов, которые не принимались во внимание теми, кто хотел просто изучать колебание цен.

---

¹ К. Поппер. *The Open Society and its Enemies*, vol. 2, p. 177.

Все это означает развитие политической экономии как социальной науки, то есть как *исследования общественных отношений*. С точки зрения марксизма политическая экономия — это исследование отношений, в которые вступают люди в процессе производства и распределения своих средств жизни.

В разделе «Капитала», озаглавленном «Товарный фетишизм», Маркс критиковал такой подход к экономической науке, который рассматривал ее как исследование свойств и отношений продуктов экономической деятельности — словно товары сами обладают свойствами взаимного обмена и, таким образом, продаются по различным ценам, независимо от общественных отношений людей, которые эти товары производят, обменивают и потребляют. Подобно этому и человеческой деятельностью управляют экономические отношения между вещами, которые они производят и обменивают, тогда как в действительности такие отношения между вещами не присущи самим вещам, а определяются общественными отношениями людей, которые их производят и обменивают. Маркс назвал такой подход «фетишизмом» по той причине, что он напоминает поведение дикарей, веривших, что их жизнью управляют свойства, присущие фетишам, которым они поклонялись.

Критикуя товарный фетишизм, исходя из трудовой теории стоимости, Маркс смог сконцентрировать внимание на производственных отношениях, существующих в товарных обществах. Он также смог показать, при каких условиях эти производственные отношения превращаются в капиталистические производственные отношения и что капиталистические производственные отношения представляют собой отношения эксплуатации наемного труда капиталом. Сделав это, он смог показать, каким образом эта форма эксплуатации может и должна быть уничтожена.

3. ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ И ЭКСПЛУАТАЦИЯ НАЕМНОГО ТРУДА

Исходя из трудовой теории стоимости, Маркс смог определить специфически новые черты производственных отношений, которые отличают капитализм от более ранних форм товарного производства.

В процессе производства рабочих, чтобы создать продукт, применяет к предметам труда орудия производства. В товарном производстве этот продукт присваивается теми, кому принадлежат предметы труда и орудия производства, то есть средства производства. Он является собственником продуктов, и именно он имеет право на их продажу. В условиях самой примитивной формы товарного производства товары продаются людьми, которые их же и создают. Иначе обстоит дело при капитализме. Капитализм возникает только тогда, когда трудящийся лишен собственности на средства производства (Маркс очень подробно исследовал, как это происходит исторически). Отличительной чертой капитализма является наемный труд. Капиталист владеет средствами производства, трудящийся должен работать за заработную плату, применяя средства производства, которые принадлежат кому-то другому; продукт же вместе с доходами от его продажи присваивается капиталистом. Именно капиталист продает его с расчетом получить от этой продажи прибыль.

Прогрессивная черта капитализма состоит в том, что в его условиях огромное число рабочих объединяется для работы под руководством единого капиталистического управления, и таким образом индивидуальный труд отдельных производителей товаров заменяется обобществленным трудом, имеющим значительно бóльшую производительность. Однако вопреки новому общественному характеру производства в нем сохраняется от старых форм товарного производства частное присвоение продукта собственником средств производства.

Маркс показал, что при капитализме рабочий, не владеющий средствами производства, не получает продуктов своего труда для обмена на то, в чем он нуждается для того, чтобы поддерживать свое существование, и единственное, что он может продавать, это свою рабочую силу. Рабочие вынуждены продавать свою рабочую силу капиталистам. Капиталисты, владеющие средствами производства, покупают у рабочих на определенное количество часов право пользования их рабочей силой. Рабочие получают заработную плату, на которую они могут покупать необходимые им вещи; капиталисты же получают продукты их труда, которые они могут продавать с прибылью.

Откуда возникает эта прибыль? На этот вопрос Маркс

ответил, показав, что общая стоимость, получаемая рабочими в качестве заработной платы, всегда меньше (и значительно меньше) стоимостей, создаваемых трудом рабочих и присваиваемых капиталистами. Ясно, что стоимость рабочей силы, продаваемой рабочими, эквивалентна количеству труда, необходимого для производства всего того, что рабочие должны потреблять, чтобы воспроизводить эту рабочую силу. Но общее количество работы, выполненной рабочими, значительно больше стоимости их рабочей силы, израсходованной в производстве. Эту разницу Маркс назвал «прибавочной стоимостью». Капиталисты получают прибыль и создают капитал на основе прибавочной стоимости, которую они получают, нанимая рабочих за заработную плату.

Однако капиталист сам не присваивает себе всю прибавочную стоимость, полученную от применения им наемного труда. Капиталист вынужден занимать деньги у других и платить по ним проценты, он должен покупать вещи или платить за прокат их и продавать вещи другим; в результате всех таких сделок владельцы капитала становятся настолько связанными друг с другом, что дело не в том, получает ли каждый из них прибавочную стоимость только от рабочих своего предприятия и оставляет часть ее другим предпринимателям, а в том, что весь капиталистический класс в целом присваивает прибавочную стоимость от рабочей силы в целом и делит эту прибавочную стоимость между различными капиталистами.

Маркс посвятил многие главы «Капитала» изложению разных способов, при помощи которых общая прибавочная стоимость, извлеченная из труда рабочих, делится с целью присвоения ее в различных формах, а именно в форме ренты, процентов с капитала и прибыли. Если рассматривать современный капитализм с его разработанной структурой финансов и кредита, акционерными предприятиями, огромными корпорациями с многочисленными штатами специалистов и администраторов и его «колеблющимся равновесием общественной и частной власти», то основной анализ Маркса применительно к нему продолжает оставаться в силе. Ибо наемный труд по-прежнему дает прибавочную стоимость, которая используется в различных целях. Некоторая часть ее присваивается общественными организациями для общественных целей (с помощью общественных учреждений и

через взимание налога). Особенность современного капитализма состоит в том, что большая часть прибавочной стоимости идет на оплату держателям акций, спекулянтам собственностью и на субсидирование частных собственников концернов. Остальную часть продолжает присваивать частным образом небольшое число лиц, которые остаются действительными капиталистическими собственниками и хозяевами средств общественного производства. Часть прибавочной стоимости расходуется на оплату директоров и заработную плату руководящих работников, часть ее выплачивается в виде процента на капитал, дивидендов и т. д., а какая-то доля идет на воспроизводство.

Накопление капитала создается всегда из прибавочной стоимости. Экономическое развитие этой системы зависит от вложений, которые непрерывно приносят прибыль, и накопления капитала. Если капитал не возрастает и не накапливается таким образом, то он сокращается и стоимости уничтожаются; капитал должен увеличиваться, в противном случае возникает банкротство. Поэтому условием процесса производства при капитализме является извлечение максимальной прибавочной стоимости из применения наемного труда. «...Целью капиталистического процесса производства, — писал Маркс, — является... возможно большее производство прибавочной стоимости, следовательно, возможно большая эксплуатация рабочей силы...»¹.

Характерной особенностью этой системы является то, что во всяком производственном процессе стоимость рабочей силы и стоимость материала при такой-то стоимости износа и амортизации оборудования и других орудий производства используется так, чтобы эта стоимость воспроизводилась в продуктах и, следовательно, извлекалась определенная прибавочная стоимость.

Однако с точки зрения управления (будь то управления отдельными предприятиями или нечто вроде общего управления, которое правительства теперь предполагают создать) доходность предприятия и платежеспособность в целом зависят от того, покрывает или нет продажа продуктов их стоимость, измеренную в деньгах. В стоимости входит заработная плата рабочих и служащих, стоимость

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 342.

материалов, оборудования, амортизации, издержки управления, рента, проценты с заимствованного капитала, а также стоимость общественных работ и социальных служб. Администрация подсчитывает и вычисляет не с точки зрения количества общественно необходимого труда, а в ценах и стоимостях, принимая во внимание индексы производительности, займы и возмещения, поиски рынков сбыта и раздел дохода на личное потребление и воспроизводство и т. д. Все это, естественно, является «конкретными» вещами, а не такими «абстрактными», как стоимость, прибавочная стоимость и норма прибавочной стоимости. В целом (как показал Маркс) общая сумма заработной платы отдельного предприятия не соответствует стоимости рабочей силы, которую оно покупает, доход от продажи не соответствует стоимости проданных товаров, а прибыль не соответствует общей сумме извлеченной прибавочной стоимости. Даже если бы кто-нибудь определил эти стоимости, это не помогло бы администрации в ее практических расчетах издержек и прибылей. Поэтому менеджеры не находят применения для марксова понимания стоимости. И действительно, это понятие было выработано не с целью помочь в управлении капиталистическими предприятиями, а поэтому и кажется несущественным, излишним и неуместным для него и даже пережитком платоновского идеализма.

Большинство профессиональных экономистов, которые просто изучают индексы производства, издержек, цен, заработной платы, капиталовложений, экономии, национального дохода и т. д. с намерением составить уравнения, которые сгладят их расхождения, также не смогли найти применения для трудовой теории стоимости. Но очевидно, в этом вопросе они просто приспособляются к точке зрения и интересам капиталистического управления, которому они стремятся продать свой профессиональный совет. И хотя многие уравнения могут быть точными, а советы практичными и деловыми, тем не менее как социальная наука вся эта деятельность удивительно несовершенна. Ибо издержки производства, заработная плата, цены и все остальное — это только результат того, что люди вступили в определенные производственные отношения, при которых всякий труд производит меновую стоимость и сама рабочая сила и все ее продукты явля-

ются меновыми стоимостями и, таким образом, имеют свои различные издержки производства, цены и т. д.

Когда экономист составил свои уравнения, он может утверждать, что объяснил, каким образом при изменении стоимости в одном отношении цена изменяется в другом отношении, и может посоветовать управляющему и законодателю, что если он сохранит неизменной одну переменную, то сможет тем самым держать под контролем другую. Однако он не дает ни определения, ни объяснения производственным отношениям, в которые вступили люди, хотя то явление, которое он изучает, возникает только как результат этих производственных отношений.

Многие экономисты не хотят говорить о стоимостях, определяемых исходя из общественно необходимого труда, и о прибавочной стоимости на том основании, что это чистая абстракция. Это и *есть* абстракция, но это важная, уместная, а не излишняя абстракция. Абстракция необходима, но важно собрать информацию, полученную с помощью различных методов абстрагирования, чтобы раскрыть реальные связи, описать действительно происходящее и установить закон его развития. Это и есть диалектика, и, будучи диалектиком, Маркс достиг успеха как ученый-социолог.

Как говорил Ленин, Маркс абстрагировал для исследования «производственные отношения между членами общества» и, сделав это, смог показать, что происходит в развитии процесса производства и обмена. С другой стороны, капиталистические предприниматели и их экономисты также абстрагируют — они абстрагируют операции производства и потребления, купли и продажи, управления и «управляемости» от производственных отношений, вступая в которые люди совершают всю эту деятельность. Они хвастаются тем, что имеют дело только с наблюдаемыми и измеряемыми переменными, но именно их описание экономического движения общества есть не что иное, как движение этих переменных, которое поистине является чистой абстракцией. Люди действительно производят, обменивают и потребляют продукты общественного труда. Видеть только движение стоимостей, цен, производительности, национальных доходов и т. д. — значит представлять экономический процесс просто в форме ряда абстракций, а затем говорить: это и есть экономический процесс.

Анализ Маркса на основе трудовой теории стоимости показывает капитализм таким, каков он есть, как определенный, исторически сложившийся способ производства, основанный на эксплуатации наемного труда, и отличает эту форму эксплуатации труда от более ранних форм. Таким образом, он дает ясное определение капитализму, исходя из основных общественных отношений, — такое определение критиковалось твердолобыми менеджерами как абстрактное и ненужное, ибо им не нравилось, что наемным работникам подробно разъясняют, как их используют для получения прибылей предпринимателями. Хотя Маркс доказал, что капиталистическое производство эксплуатирует наемный труд, многие современные экономисты и социологи, рассматривающие производственные отношения как чистую абстракцию, отрицают, что наемный труд эксплуатируется. Иногда они признают, что он в прошлом использовался с целью эксплуатации, но отрицают, что он эксплуатируется сейчас, ибо они просто не придают значения капиталистическим производственным отношениям. Таким образом, д-р Поппер уверяет нас, что эксплуатация труда являлась пороком старой системы *laissez faire*, от которой современный «интервенционизм», мол, почти уже освободился.

Согласно этому взгляду, хорошо управляемая фирма, которая сегодня вступает в коллективные соглашения с руководителями профсоюзов, не эксплуатирует своих рабочих. Коллективное соглашение — это не эксплуатация; эксплуатация имеет место в том случае, когда люди подвергаются запугиванию и принуждению. Только скверный и эгоистичный хозяин увольняет цеховых старост, снижает расценки, эксплуатирует труд, и к нему интервенционистские власти должны проявлять строгость, хотя скорее необходимо проявлять строгость в отношении скверных и эгоистичных рабочих, которые постоянно устраивают забастовки.

Эксплуатация, по определению д-ра Поппера, заключается в «большой продолжительности рабочего дня и низкой реальной заработной плате»¹. Но разве нельзя сократить рабочий день и повысить реальную заработную плату? Разве реальную заработную плату нельзя

---

¹ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 2, p. 169.

было бы повысить больше, лишь бы только рабочие отказались от идеи борьбы с эксплуатацией и вместо этого занялись бы повышением производительности труда, оказывая сопротивление «проискам», мешающим этому. Ясно, однако, что современная хорошо управляемая фирма, по всей вероятности, извлекает более высокую норму прибавочной стоимости, чем менее производительная, снижающая расценки фирма-конкурент. Как вполне убедительно показал Маркс, увеличенная норма прибавочной стоимости может быть получена путем интенсификации труда и рационализации производства при одновременном сокращении рабочего дня и повышении реальной заработной платы.

Капиталистическая эксплуатация состоит в извлечении прибавочной стоимости, и этот фактор продолжает действовать до сих пор. Она не только не уменьшилась, но, напротив, усилилась, ибо за ширмой коллективных сделок и модернизации проводится с еще большей интенсивностью и ожесточением, чем когда-либо. Как показал Маркс, капиталист всегда несет на себе тяжелое бремя — сохранение своей нормы прибыли, и с этой целью он должен планировать способы усиления эксплуатации путем всякого рода рационализации, что он и делает соответствующим образом.

Установив, что капитализм — это система эксплуатации труда, Маркс показал, как она связана со старыми формами эксплуатации и чем от них отличается.

Сущность (если мне позволят употребить это слово в его общепринятом смысле, не обвиняя при этом в «методологическом эссенциализме») эксплуатации состоит в том, что *люди, принадлежащие к классу собственников и управляющих, умудряются присваивать себе продукты производительного труда рабочих, так что эти рабочие фактически работают только частично для поддержания своей жизни, в основном же в пользу эксплуататоров.* Это означает, что *меньшинство эксплуататоров присваивает себе труд работающего большинства.*

Типичными формами эксплуатации прошлых веков были в основном рабство и крепостное право. В условиях рабства человек являлся лишь имуществом: он был собственностью хозяина, который владел как им, так и всеми продуктами его труда. В условиях крепостного права производители работали определенное время на себя. но

остальное время они должны были работать, чтобы удовлетворить требования своих помещиков. Наступление капитализма связано с уничтожением рабства и крепостного права, ибо только при этом условии можно было производить наем свободной рабочей силы на фабрики. Но эксплуатация труда остается и лишь принимает другую (более эффективную) форму. *Определенную часть рабочего дня наемные рабочие выполняют работу, необходимую для получения стоимости, идущей на удовлетворение их собственных жизненных потребностей, в остальную же часть дня они создают прибавочную стоимость для своих предпринимателей.*

4. ВСЕОБЩИЙ ЗАКОН КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ

Полагая, что то, что д-р Поппер называет «интервенционизм», действительно *вытеснило* капитализм в том смысле, как Маркс говорил, что только социализм вытеснит капитализм, д-р Поппер утверждает, что «экономическое вмешательство государства» уже принесло те преимущества, которые, по словам Маркса, должен был дать лишь социализм. Д-р Поппер заходит настолько далеко, что говорит: «Путем общественной кооперации» монополистический капитализм уже прошел долгий путь к уничтожению «величайших бедствий, до сих пор сопутствовавших общественной жизни человека», а именно «нищеты, безработицы и подобных им форм социальной необеспеченности, болезней и страданий, преступности, рабства и других форм закрепощения, религиозной и расовой дискриминации, отсутствия возможностей для получения образования, резких классовых различий, войн»¹. Если бы это было так, то ничего не оставалось бы, как только согласиться с д-ром Поппером в том, что нет никакого смысла следовать Марксу, ибо, если это *status quo* удовлетворительно, зачем же его менять?

Согласно д-ру Попперу, Маркс основывал все свое «пророчество» о неизбежном уничтожении капитализма на представлении о том, что при капитализме условия жизни людей будут неизбежно ухудшаться, пока наконец

---

¹ К. Поппер, *Conjectures and Refutations*, p. 370.

не станут совершенно невыносимыми. По этой версии, Маркс сто лет назад предвидел, что жизненный уровень рабочих в индустриальных капиталистических странах будет не улучшаться, а, напротив, становиться все хуже. В действительности же, как мы знаем, условия улучшились. Следовательно, представления Маркса о капитализме и его развитии оказались совершенно ошибочными. И его идея о том, что капитализм должен быть уничтожен и заменен социализмом, основанная на этих ошибочных предпосылках, столь же ошибочна. Вопреки утверждению Маркса, что положение должно все больше ухудшаться, оно все больше улучшается. Марксистская теория, предсказывающая «абсолютное обнищание», не имеет ничего общего с тем, что произошло в действительности, следовательно, политический курс, основанный на этой теории, обречен на провал. Эти обстоятельства, говорит д-р Поппер, вынуждают марксистов «научиться слепой вере» и «враждебно воспринимать доводы разума». И с убийственным сарказмом он заключает, что «не только капитализму, снедаемому внутренними противоречиями, угрожает гибель»¹.

Так же как его опровержение трудовой теории стоимости, и это дальнейшее опровержение марксизма, столь самоуверенно изложенное д-ром Поппером, напоминает слабое однолетнее растение из старого запущенного сада. В то же время фраза Маркса из «Капитала» сохраняет всю свою свежесть и полную силу: «по мере накопления капитала положение рабочего должно ухудшаться...»² Это положение было названо Марксом «всеобщим законом капиталистического накопления», и столь выразительное название закона безусловно оправданно и придает ему важное значение в марксистской теории. Однако если, как нам предлагают, действительно не «воспринимать враждебно доводы разума», то лучше всего можно понять и интерпретировать отдельные положения в контексте всей теории, к которой они относятся, чем пытаться понять и интерпретировать всю теорию, словно она обобщена в одном утверждении.

Сформулировав в общих чертах «всеобщий закон», Маркс сразу же добавляет: «Подобно всем другим законам, в своем осуществлении он модифицируется многочис-

¹ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 2, p. 192.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. 23, стр. 660.

слёнными обстоятельствами...»¹ Если слова вообще что-нибудь значат, то под этими словами подразумевается, что вопреки толкованию, данному д-ром Поппером и другими, «всеобщий закон» отнюдь *не* предсказывает безусловно, что любое накопление капитала будет сопровождаться ухудшением положения рабочих. Напротив, «многочисленные обстоятельства» будут препятствовать подобному ухудшению.

Не будем говорить о других критиках, пытавшихся ранее опровергнуть Маркса, но, когда д-р Поппер, знаток научного метода, допускает такую грубую ошибку, предположив, что научная формулировка «закона» и безусловное предвидение — одно и то же, то это в высшей степени удивительно. Формулировки законов — это *не* предвидение, а инструмент, используемый при осуществлении последних.

Например, ни один человек, независимо от уровня его научных знаний, не предполагает, что закон тяготения является предвидением того, что все тела всегда будут падать на землю. Некоторые тела поднимаются и летают в воздухе, и использование закона тяготения состоит в том, чтобы помочь нам определить условия, при которых тела могут действовать подобным образом. Маркс прекрасно это понимал, когда писал о «всеобщем законе капиталистического накопления», и д-р Поппер также это понимает, когда он не занят опровержением марксизма.

Значение «всеобщего закона капиталистического накопления» не в том, что он дает нам возможность предсказать, что ни при каких обстоятельствах, пока существует капитализм, положение рабочих не улучшится, а будет постоянно ухудшаться. И нигде в «Капитале» Маркс не делает подобного предвидения. Смысл же закона в том, чтобы установить «всеобщее» условие, существующее до тех пор, пока происходит накопление капитала, при котором жизненный уровень рабочих улучшается или ухудшается, подобно тому, как тяготение есть «всеобщее» условие, при котором тела падают или поднимаются. Если вы полагаете, что тело может взлетать все выше и выше независимо от условий тяготения, вы ошибаетесь. И если вы полагаете, что уровень жизни рабочих может подниматься все выше и выше, не подчиняясь условию

---

¹ Там же, т. 23, стр. 659.

всеобщего закона капиталистического накопления, вы также ошибаетесь. Подобно тому как тело испытывает силу притяжения пропорционально своей массе, так и всякое накопление капитала, осуществляемое за счет извлечения наибольшей прибавочной стоимости из труда рабочих, создает большую производительность и побуждает к извлечению из труда рабочих еще большего капитала, что достигается рационализацией производства, выбрасыванием на улицу лишних рабочих и всевозможными нарушениями нормальных условий труда. Таковы условия, при которых всякая борьба за повышение жизненного уровня рабочих всегда должна закончиться поражением.

Когда мы рассматриваем в свете полного марксова анализа капиталистического производства всю совокупность современных обстоятельств, созданных в результате накопления капитала в развитых капиталистических странах, мы находим, что было бы удивительно, если бы при таких условиях *не* наблюдалось повышения жизненного уровня рабочих; и это объясняется следующими причинами.

Во-первых, как неоднократно и совершенно ясно говорил Маркс, действительный уровень жизни рабочих ограничен не «железным законом заработной платы», который гласит, что она должна быть сведена к простому прожиточному минимуму, а условиями классовой борьбы. Благодаря возрастающей силе своей организации рабочим удается добиться *повышения* своего жизненного уровня.

Во-вторых, огромные достижения в развитии техники, сопутствующие накоплению капитала, приводят к тому, что массам становятся доступны все возможные блага, следовательно, потребление их составляет часть материальных потребностей и нужд рабочего. Иначе говоря, с развитием техники рабочие для сохранения своего существования начинают требовать различных благ и удобств, без которых обходились их предки и без которых до сих пор живут их собратья в менее развитых странах. С точки зрения трудовой теории стоимости обеспечение этими благами и удобствами входит в определение стоимости рабочей силы в развитых странах. Это также совершенно ясно показал Маркс, отметив, что в наиболее развитых районах стоимость рабочей силы зна-

чительно выше, чем в менее развитых, и считая это важнейшей предпосылкой для экспорта капитала в районы с дешевым трудом, где реальная стоимость труда значительно ниже, чем в экспортирующей стране.

В-третьих, то, что д-р Поппер называет выполнением экономических функций организованной политической властью и что предвидели Маркс и Энгельс, дает возможность правительствам капиталистических стран в какой-то мере ослаблять разрушительные действия циклических экономических кризисов и внезапного массового роста безработицы. Задача состоит в том, чтобы до некоторой степени уменьшить последующее за этим наступление на ранее достигнутый жизненный уровень рабочих.

Разумеется, для капиталистов весьма выгодно осуществлять управление, обеспечив себя так называемыми «экономическими рычагами», которые позволяют контролировать экономические условия в интересах прибыльных операций капитала. Но в то же время это ставит перед ними новую проблему. Наряду с «экономическими функциями дальнего прицела», выполняемыми политической властью, они должны принимать соответствующие политические меры, чтобы противостоять требованиям трудящихся о повышении их жизненного уровня.

Таковы обстоятельства, которые позволили в наиболее благоприятных районах добиться и достигнуть некоторых успехов на пути искоренения социального зла при капитализме, столь прославляемом д-ром Поппером. Рассматривая приведенный им выше перечень, можно не сомневаться в том, что многие блага были достигнуты благодаря законам социального обеспечения, системе здравоохранения, реформам в области права, системе образования и борьбе с религиозной и расовой дискриминацией, поскольку капитализм *всегда* отвергал такие формы эксплуатации, как «рабство и крепостничество», и стремился заменить их наемным трудом.

Однако едва ли верно, что перечисленные блага были просто добровольно дарованы благожелательным интервенционистским государством благодарному человечеству. Они были завоеваны в борьбе, в которой рабочее движение играло ведущую роль. И мы имеем полное основание спросить, насколько *еще* можно было бы уменьшить различные формы социального зла, если бы не встречать на каждом шагу упорное сопротивление господствующе-

го класса по отношению к любой предложенной мере, предусматривающей повышение жизненного уровня простых людей. В действительности так же, как развитие капитализма от *laissez faire* до «интервенционизма» подтвердило экономические предвидения Маркса, так и блага, завоеванные в этом процессе, подтвердили его предвидение о том, что *при капитализме трудящиеся никогда не добьются для себя благ без борьбы за них.*

Обратившись к последним двум пунктам перечня д-ра Поппера, можно только недоумевать, на основе каких данных он сделал вывод о том, что «Скандинавия, США, Канада, Австралия и Новая Зеландия в какой-то мере фактически приближаются к бесклассовому обществу»¹. Разве в названных странах действительно нет классовых различий между людьми, живущими на заработную плату, и теми, кто живет на капиталовложения и доходы с капитала? И разве не существует различия между «заправилами» американских корпораций и обращенными в нищету народами Латинской Америки, труд которых служит источником весьма внушительных доходов, поступающих в Соединенные Штаты?

Говоря о войне, д-р Поппер объясняет свое понимание этого вопроса так: «Свободный мир пойдет на войну лишь в том случае, если окажется перед лицом явной агрессии»². Но всякий раз, когда трудящиеся страны, находящиеся под «особым покровительством» хорошо вооруженных властей «свободного мира», хотели избавиться от такого покровительства, это называлось «агрессией». Вот почему события после 1956 года (когда д-р Поппер выступил с лекцией — панегириком современному капитализму) продолжают опровергать утверждение д-ра Поппера о том, что «если говорить о свободном мире, то война уже побеждена».

Всячески стремясь противопоставить «разумные доводы» «слепой вере», д-р Поппер не всегда задается вопросом, подтверждаются ли фактами его собственные утверждения. Доказательством этого служит вступительная фраза его книги «Открытое общество и его враги», где он говорит, что «наша цивилизация», под которой он, очевидно, подразумевает такую цивилизацию, экономической

¹ К. Поппер, *Conjectures and Refutations*, p. 371.

² *Ibid.*, p. 372.

основой которой является монополистический капитализм, «вероятно, может быть определена как цивилизация, стремящаяся к гуманности и разумности, к равенству и свободе». Он правильно сказал, именно «вероятно», ибо до тех пор, пока для осуществления целей будут использоваться по отношению к незащищенным женщинам и детям такие средства, как напалм, это слово «вероятно» следует считать вполне уместным.

Факты совершенно ясно говорят о том, что благодаря завоеванию всех благ населением наиболее развитых капиталистических стран, любая цель политического курса этих стран подчинена условию сохранения отношений капиталистической эксплуатации и неприкосновенности капиталистической прибыли. Более того, факты показывают, что политическая власть, установленная в этих странах, не ограничивается только вмешательством внутри своих стран с целью сохранения и поощрения капиталистической эксплуатации. Эта политическая власть зачастую весьма энергично вмешивается в дела других стран с целью расширения сферы приложения капитала, завоевания новых рынков сбыта и источников сырья и подчинения империалистической эксплуатации труда людей, живущих в экономически слаборазвитых районах. Цель всего этого — не гуманность, не свобода, не равенство; точно так же как не являются примером разумных отношений отношения соперничающих империалистических держав друг с другом и со своими колониями.

Д-р Поппер утверждает, будто доводом Маркса в защиту социалистической революции было его безусловное пророчество (содержащееся, по словам д-ра Поппера, во «всеобщем законе капиталистического накопления») о том, что, пока не произойдет революция, жизненный уровень рабочих будет с каждым днем становиться все ниже и ниже. В таком случае «рост нищеты» «вынудит» пролетариат к «восстанию против его эксплуататоров»¹. Экономические и социальные требования рабочих всегда будут отвергаться, и, следовательно, рабочие смогут убедиться «на собственном горьком опыте, что только революция сможет помочь им избавиться от нищеты»².

---

¹ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 2, p. 137.

² *Ibid.*, p. 191.

Если бы это было так, то результатом явилось бы не усиление организованности, а упадок духа и дезорганизация, что никогда не позволило бы совершить революции. В действительности рабочие организуются, потому что знают по опыту, что таким путем они смогут *улучшить* свое положение, и они вынуждены продолжать экономическую и политическую борьбу с капиталом, ибо только таким путем они смогут сохранить завоеванное и завоевать еще больше. Именно этому, а не доктринерству и пораженческой бессмыслице, которую предлагает д-р Поппер, учит Маркс рабочее движение. Но д-р Поппер делает вывод, что если рабочий класс *может* улучшить свое положение при капитализме, то нет оснований предлагать уничтожение капитализма. Ибо, если вы можете улучшить свое положение, почему бы не улучшать его дальше вместо того, чтобы призывать к уничтожению системы, при которой эти улучшения могут быть достигнуты?

Д-р Поппер прав только в том, что марксов «всеобщий закон капиталистического накопления» дает обоснование необходимости уничтожения капитализма и позволяет предвидеть, что в конечном счёте капитализм будет уничтожен. Маркс действительно утверждал, что все эти оптимисты (подобные д-ру Попперу), которые полагают, что повышение жизненного уровня может продолжаться и при капитализме и, таким образом, дела пойдут все лучше и лучше, а нищета, безработица, классовые различия и войны в конечном счете просто исчезнут, не понимали действия «всеобщего закона». Но этот закон не есть безусловное предвидение роста обнищания. И вообще, как верно заметил д-р Поппер, безусловное предвидение чуждо науке. Истинную сущность этого закона можно свести к трем положениям.

Во-первых, капиталистическое накопление осуществляется за счет прибавочной стоимости. Чтобы получить большую прибавочную стоимость и увеличить за счет этого капитал, необходимо удерживать часть стоимости, созданной трудом рабочих. Следовательно, накопление капитала как необходимое условие существования капиталистической системы вынуждает капиталистов оказывать сопротивление наемным рабочим и давать им отпор во всех случаях, когда они настаивают на увеличении своей доли созданной их трудом стоимости. Поэтому,

какие бы меры ни принимались ради улучшения условий жизни рабочих, они всегда встретят сопротивление, вызванное неуклонной тенденцией снизить жизненный уровень рабочих в целях капиталистического накопления.

Во-вторых, возрастающие темпы капиталистического накопления влекут за собой непрерывную рационализацию производства и замену человеческого труда техникой. До тех пор пока использование техники приносит прибыль, капиталист не нуждается в рабочих, которых эта техника заменила. Но люди, которых эта замена коснулась, временно или навсегда выбрасываются на улицу. Следовательно, как подчеркнул Маркс в главе «Капитала», посвященной «всеобщему закону», капиталистическое накопление постоянно порождает «промышленный резерв» безработных, а это постоянный и очень мощный фактор, препятствующий подъему жизненного уровня.

В-третьих, ввиду того что капиталистическое накопление происходит в условиях максимальной эксплуатации труда, капитал всегда ищет новые сферы вложения, где при большей нищете можно извлечь большую прибыль. Следовательно, такие островки изобилия, которые могут образоваться в отдельных местах, бывают окружены морем нищеты, путем эксплуатации которой создается это изобилие. Как сказал Маркс, по мере роста накопления капитала все сильнее в мировом масштабе выступает контраст между богатством меньшинства и нищетой большинства. Он говорил, что накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты на другом.

«Всеобщий закон», обобщенный в этих трех положениях, остается в силе, где бы ни происходило капиталистическое накопление. Мы изо дня в день наблюдаем его непрерывное действие.

Опыт развитых капиталистических стран до сих пор давал не слишком много оснований предполагать, что положение стабилизировалось и создаются условия для неуклонного и непрерывного повышения жизненного уровня и улучшения условий труда. Как предсказывали Маркс и Энгельс и как верно отметил д-р Поппер, наблюдается некоторый элемент планирования и регулирования экономики. Но кем и для кого проводится это планирование и регулирование? Условием существования всей системы является обеспечение крупных капиталистиче-

ских корпораций прибылями, получаемыми в результате применения наемного труда. Планирование производится не ради повышения благосостояния, а ради получения больших прибылей. Что же касается экономического роста в целях удовлетворения потребностей, то в этом отношении обычно наблюдается неполное использование всех ресурсов, как материальных, так и человеческих. Анархический характер стремления к получению прибылей постоянно дает о себе знать вопреки всякого рода проектам планового развития, и наряду с этим требования трудящихся направить общественное производство на создание благосостояния производителей встречаются со стороны предпринимателей такое сопротивление, которого мы не можем терпеть.

То, что имеет место в Англии, когда пишется эта книга, наглядно подтверждает, что капиталисты знают, как затормозить развитие производства, как намеренно создать безработицу, когда «нехватка рабочей силы» для производства позволяет рабочим, продавая свою рабочую силу, «слишком много» торговаться. В богатой Америке всегда существовала огромная постоянная армия безработных и позорное для Америки накопление нищеты.

Эти факты, помимо всего прочего, подтверждают теоретический вывод Маркса о том, что процесс обращения капитала, которым капиталистические предприниматели пытаются управлять, остается в целом неуправляемым.

Обращение капитала начинается с накопления капитала в денежной форме, деньги затрачиваются на покупку материалов, машин и рабочей силы. Затем рабочая сила используется в производстве предметов потребления и оборудования, предназначенного для нового производства. Далее продукты труда продаются с целью получить новую, более крупную сумму денег, на которую покупается большее количество рабочей силы, материалов и машин. Этот круговорот есть жизненный процесс капитала. Продолжение этого процесса предполагает наличие непрерывного производства, осуществляемого обобществленным трудом, который создает все возрастающее количество (в стоимостном выражении) как средств потребления, так и средств производства и наряду с этим обеспечивает постоянный прибыльный сбыт всех произведенных товаров. Д-р Поппер и другие

голкуют о «коммунистической утопии». Однако возможно, что такова капиталистическая утопия. До сих пор она никогда еще не осуществлялась. И в результате нарушений в обращении капитала производство, находясь в состоянии распада, порождает постоянную нищету и приводит к растрачиванию или уничтожению ресурсов.

При той конкуренции, какую ведут капиталисты ради получения прибыли, невозможно регулировать все обращение капитала в целом, так как никакое управление, и даже самое разумное капиталистическое государство, не может одновременно осуществлять контроль над всеми действующими в нем факторами. То на одной, то на другой стадии этого процесса постоянно возникают отклонения и нарушения: то рабочие требуют слишком высокой оплаты, то они прекращают работу, то вкладчики не делают достаточных вкладов в новое оборудование, то оказывается, что вложения слишком велики. То одно, то другое производится или в слишком большом количестве или недостаточно и т. д. Предприниматели всегда стараются восполнить убытки, но им никогда не удается их предотвратить. Ибо, пока они справляются с одной бедой, приходит другая.

Вместе с тем обращению капитала при капитализме свойственны нарушения, которые вызваны не только трудностью согласования одновременных, независимых действий стремящихся к получению прибыли и конкурирующих групп капиталистов. Ни самое удачное стечение обстоятельств, ни самое разумное рассуждение не способны решить эту проблему. Ибо, как показал Маркс, капиталу для продолжения его накопления за счет прибавочной стоимости необходимо максимально увеличивать свои прибыли, а это значит, с одной стороны, что производительные силы должны непрерывно развиваться, тогда как, с другой стороны, доля продукта, предназначенная его производителям, должна сокращаться. «Конечной причиной всех действительных кризисов, — писал Маркс, — остается всегда бедность и ограниченность потребления масс, противодействующая стремлению капиталистического производства развивать производительные силы таким образом, как если бы границей их развития была лишь абсолютная потребительная способность общества»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, стр. 26.

Прежде нарушения в обращении капитала обычно принимали форму десятилетних «промышленных циклов». Но поскольку чередование процветания и депрессий нарушало развитие производства, продолжать процесс обращения капитала непрерывно стало невозможно. Вера в то, что когда-нибудь оно сможет осуществляться бесперебойно благодаря действию экономических законов рынка, как паивно полагали прежние экономисты, или благодаря блестящим нововведениям в области руководства, как столь же безосновательно склонны надеяться современные экономисты, остается утопией.

А пока, хотя ни д-ру Попперу, ни капиталистическому строю это не по душе, почти треть населения земного шара покончила с капитализмом (как это предсказывал и советовал Маркс) прежде даже, чем капитализм смог доказать на деле, какие блага он дарует. И вместо капиталистической экономики эти народы стремятся построить или уже построили плановую социалистическую экономику. Значительная часть тех народов, которые живут еще при капитализме и влачат нищенское существование, сейчас восстает против империализма, колониализма и неоколониализма. В этих условиях главные капиталистические страны тратят значительную долю своего национального дохода на вооружение, основная цель которого не позволить народам, поверженным в нищету, сбросить с себя оковы иностранного капитала, а также помешать социалистическим странам оказывать помощь этим народам. Вооружения, локальные войны и эскалация войн, в которых некоторые из этих вооружений используются, остаются непосредственной угрозой миру для всей земли, грозят самому существованию цивилизации и являются сокрушительным бременем для народов капиталистических стран. Мы терпим их на свой собственный риск. И если мы способны заставить капиталистические правительства прекратить войны и разоружиться, то едва ли мы сможем сохранять капиталистические интересы, отстаивающие вооружение, существование вооруженных сил и войны.

Кроме того, что бы ни совершали капиталистические страны (вплоть до мировой войны, которая их же уничтожит), социалистические страны будут в ускоренном темпе развивать свои технические возможности. Национально-освободительные движения против империализма

и неокOLONиализма будут непрерывно расти, несмотря ни на какие разногласия и препятствия, которые им приходится преодолевать то в одном, то в другом месте.

Сколько же времени, на наш взгляд, может продолжаться такое положение, вызванное действием «всеобщего закона капиталистического накопления»? Быть может, еще некоторое время, но не вечно. Действие всеобщего закона, как это предвидел Маркс, приведет к общей гибели борющихся классов или же завершится уничтожением капиталистических отношений, вследствие которых этот закон возник.

Существует также другой фактор огромного значения. В настоящее время капиталистические страны вступили в период новой технической революции. Если они замедлят темп технического прогресса, они подорвут основы своего обогащения и будут безнадежно отставать от стран социализма. Следовательно, они будут совершенно лишены возможности сохранить свое превосходство над развивающимися странами, их экономика будет переживать застой, и это вызовет весьма серьезные последствия, то есть безработицу и обнищание. С другой стороны, если эти страны будут широко использовать новые источники энергии, чтобы снабжать ею полностью автоматизированное производство, то каким образом они смогут обеспечить плановое развитие экономики при полной занятости, если они настаивают на необходимости сохранения частной собственности на основные средства производства, а также на том, чтобы вся используемая рабочая сила принадлежала наемным рабочим, чей труд создает прибыли частных предпринимателей? В результате начнется массовая безработица и никакие хлеб и зрелища, заимствованные у древних римлян периода упадка, не в состоянии будут спасти эту обреченную на гибель систему.

Следовательно, если д-р Поппер и другие спрашивают, почему мы должны считаться с указаниями Маркса о том, что капитализм должен быть уничтожен, когда некоторые из нас столь успешно действуют при нем, на это мы коротко ответим, что не можем себе позволить не делать этого. Мы будем жить призрачным счастьем, если останемся слепы к действию «всеобщего закона капиталистического накопления». Это всеобщая истина, что

по мере накопления капитала положение рабочего класса должно ухудшаться.

При социализме накопление «капитала» в смысле накопления ресурсов, на основе которых может развиваться общественное производство, не имеет тенденции вести к ухудшению условий жизни рабочих. Напротив, чем больше будет возрастать общественный доход, тем выше поднимется жизненный уровень. Таким образом, накопление ресурсов — это условие повышения жизненного уровня всех рабочих (*всех*, а не некоторых) до высокого уровня, ибо облегченный труд делает необходимое рабочее время короче и дает большие возможности для приятного досуга. Таково, согласно выводам марксизма, положение дел, которого мы должны добиваться или же погибнуть.

Из сказанного ясно, что Маркс считал основным законом всего общественного развития закон обязательного соответствия производственных отношений развитию производительных сил. Когда производственные отношения (будучи формами развития производства) становятся его оковами, то для изменения общественной системы возникает необходимость в социальной революции. Необходимость избавиться от капитализма и заменить его социализмом — это необходимость освободиться от производственных отношений, которые стали тормозить развитие производительных сил. *«Всеобщий закон капиталистического накопления»* является сжатой формулировкой того, как капиталистические отношения сковывают развитие производства. Вместо того чтобы накапливать производительные ресурсы для поднятия общего уровня жизни производителей, капиталистические накопления производятся за счет общего благосостояния и влекут за собой обеднение материальных ресурсов, снижение человеческих способностей и обнищание производителей при обогащении собственников капитала.

К этому можно добавить, что, как сказал Ленин, Маркс не только исследовал производственные отношения, он «постоянно прослеживал соответствующие этим производственным отношениям надстройки...»¹. Он показал последствия поощрения человеческого эгоизма и

---

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 139.

альности в противоречиях и в захватах, в спекуляциях и взяточничестве, в крушении надежд, в ненужных и бесполезных страданиях, в политическом крючкотворстве и политических репрессиях и войнах. Таким образом его экономический анализ, «ограниченный производственными отношениями между членами общества», успешно объяснил и истолковал ненавистный опыт членов общества, захваченных этой экономической системой. Эта тема, исследованная поэтами, художниками, музыкантами и писателями-романистами буржуазного общества, получила свою научную разработку в марксизме.

Глава 4

СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ

1. СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Коренное изменение производственных отношений будет означать решительное вторжение в права собственности — в настоящее время собственности капиталистической, — и в этом будет состоять социальная революция. Именно это положение так часто считают невыносимым или по крайней мере неуместным в научных трудах, авторам которых может быть предоставлена субсидия на исследовательскую работу. Д-р Поппер, несомненно, говорит от лица всего существующего порядка, утверждая, что революция — это одна из самых плохих вещей, какие только могут с нами случиться.

Революция, по его словам, предполагает «длительное применение насилия», которое «может в конце концов привести к утрате свободы, поскольку оно способно породить не бесстрастную власть разума, а власть сильной личности»¹. Более того, она «разрушает традиционную структуру общества и его институтов... раз они (люди.— *Ред.*) разрушают традицию, цивилизация исчезает вместе с ней... они возвращаются к животному состоянию»². И уже в более спокойном тоне он доказывает, что «неразумно считать, будто полная перестройка нашего социального мира сразу приведет к работоспособ-

---

¹ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 2, p. 151.

² К. Поппер, *Conjectures and Refutations*, p. 343—344.

ной системе. Скорее надо ожидать, что из-за отсутствия опыта будет много ошибок...»¹.

Мало того, что «революционные методы... увеличивают ненужные страдания» и «влекут за собой все возрастающее насилие»², но и сами «гуманные цели», преследуемые революционерами, могут быть достигнуты без всякой революции. Если допустить, как показывает опыт, что социальные блага могут быть завоеваны и при капитализме, то непонятно, «почему рабочим, знающим по опыту, что они могут улучшить свое положение посредством постепенных реформ, не предпочесть этого метода... почему им не пойти на компромисс с буржуазией и не оставить в ее руках средства производства, вместо того чтобы рисковать всем, что они уже имеют, выдвигая требования, чреватые жестокими конфликтами». Постепенные реформы могут непрерывно продолжаться, и «нет никакой логической необходимости в том, чтобы постепенная реформа, достигнутая путем компромисса, вела к полному разрушению капиталистической системы»³. Во всяком случае, убеждает нас д-р Поппер, те, кто полагает, что следует все сломать, вынуждены будут впоследствии предпринять постепенную реконструкцию, так что куда благоразумнее наладить в первую очередь постепенное строительство и позабыть о ломке⁴.

У д-ра Поппера довольно-таки апокалиптический взгляд на революцию. Он думает, что, если вдруг капиталистическая собственность на средства производства будет уничтожена, все рухнет; если частному капиталу помешают получать прибыль от эксплуатации наемного труда, цивилизация придет к концу. И он восклицает: «Они разрушают традицию!», «Цивилизация исчезает!», «Они возвращаются к животному состоянию!» и (уже не так пылко) — «Будет много ошибок!» Он, разумеется, прав в своем последнем опасении, потому что люди всегда ошибаются, что бы они ни делали. Что же касается «традиции» и «цивилизации», то может показаться, что огульные утверждения д-ра Поппера родились под вли-

---

¹ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 1, p. 167.

² К. Поппер, *Conjectures and Refutations*, p. 343.

³ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 2, p. 155.

⁴ *Ibid.*, vol. 1, p. 168

янием некоего эмоционального стресса, ибо они, безусловно, «не разумны».

Означают ли «традиция» и «цивилизация», если их рассматривать как нечто подлежащее сохранению, специфически капиталистическую традицию и капиталистическую цивилизацию? Нет, потому что традиция и цивилизация более постоянны, более длительны, нежели данные производственные отношения; цивилизация и нормы цивилизованной жизни развиваются в течение столетий, так что прогресс, достигнутый в рамках определенных производственных отношений, не утрачивается, а продолжается и при новых производственных отношениях, которые «выше» прежних в том смысле, что они соответствуют более высокому уровню развития производительных сил. Чтобы развивать цивилизацию и цивилизованную жизнь, люди должны продолжать развитие своих производительных сил; а когда производственные отношения становятся оковами для использования новых производительных сил, они должны быть изменены, иначе цивилизация и ее традиции вместо того, чтобы пережить обновление, придут в упадок.

Конечно, если бы мы имели в виду только определенные местные традиции или их пережитки или же определенные местные или специфические достижения цивилизации, нам пришлось бы согласиться, что они часто уничтожаются или исчезают. И тем лучше! Например, в Великобритании существует парламентская традиция, что в Палате общин должно не хватать мест для всех ее членов. Эта традиция с успехом защищалась и сэром Уинстоном Черчиллем и лордом Эттли, когда здание Палаты восстанавливалось после второй мировой войны; но социалистическая революция в Великобритании, несомненно, уничтожит эту специфическую традицию. Или взять цивилизованный привлекательный образ жизни, связанный с владением городскими особняками и загородными виллами, с участками для охоты на куропаток и обширным штатом прислуги,— он уже исчезает и исчез бы совсем, если бы наступила социалистическая революция. Но разве такое «разрушение традиций» и «исчезновение цивилизации» плохое дело? Лишь немногие пожалеют о них, и утрата их вряд ли возвратит «к животному состоянию» остальное человечество. Но если под цивилизацией и традицией подразумевать. бо

лее общо, постоянно развиваемое членами общества производство предметов первой необходимости и жизненных удобств и распределение их между ними, с развитием наук и искусств, социальной свободы и справедливости, то вовсе нет никаких оснований для заключения, что изменение производственных отношений, рассчитанное на развитие общественного производства ради общественного блага, разрушит традиции или приведет к исчезновению цивилизации. В действительности гораздо большая угроза возникает вследствие роста и сохранения укоренившихся традиций торгашества, продажной политики и милитаризма, поощряемых существующей капиталистической организацией. Величайшая же в мире опасность заключается в накоплении запасов ядерного оружия. И если человечество когда-либо будет «возвращено к животному состоянию» крушением цивилизации, то это явится результатом ядерной войны, развязанной безрассудными империалистами (и вся эта трескотня насчет «традиционной структуры общества и его институтов» есть часть фразеологии этого безрассудства).

Апокалиптические видения д-ра Поппера возникают по той простой и единственной причине, что он одержим идеей, будто революция предполагает «длительное применение насилия» и «все возрастающее насилие». В этом насилии он видит причину зла и представляет марксизм отчасти как фаталистическое предсказание будущего насилия, отчасти же как заговор, побуждающий к насилию.

Для марксизма же, что бы там ни думал д-р Поппер, слово «революция» имеет точное значение, определенное в формулировках марксовой теории общественного развития и классовой борьбы.

До настоящего времени развитие производственных отношений, то есть форм собственности на средства производства и присвоения продуктов труда, делило общество на антагонистические классы. В каждой данной общественной формации данный господствующий класс обеспечивает свое существование посредством определенной формы эксплуатации масс производителей и препятствует разработке другими эксплуататорскими классами, в которых он видит своих соперников, собственных методов эксплуатации. Политическая система представляет собой средство достижения этого, а данная форма собственности и присвоения продуктов труда накладыв-

вает свой отпечаток на все общество. Революция, следовательно, изменяет политическую систему таким образом, что к власти приходит другой класс и лишает прежний господствующий класс возможности обеспечивать свое существование старыми методами эксплуатации. Революция, таким образом, изменяет производственные отношения. Это явление специфично и типично для общества, разделенного на классы, в котором есть эксплуататоры и эксплуатируемые.

История знает много революций, и все они были насильственными (включая в том числе, разумеется, и факты «длительного применения насилия»). Причина этого всеобщего насилия понятна. Правящие классы удерживались у власти только путем агрессии и насильственного подавления своих подданных, и единственным способом избавиться от них было противопоставить им свою силу. Революции прошлого, однако, ни в коей мере не следует рассматривать как прискорбные вспышки насилия, прерывавшие периоды покоя и мирного прогресса и ставившие под угрозу достижения цивилизации. Насилие и войны были всегда, революции тоже совершались при помощи насилия и войн, но последние в них становились средствами, благодаря которым люди могли избавиться от старых форм собственности, сковывавших общественное производство, материальную основу цивилизации.

Марксистский анализ ставит своей задачей доказать, что в повестке дня сейчас стоит социалистическая (или «пролетарская») революция, и показать также, в каких отношениях она должна *отличаться* от всех предшествующих революций.

В прежних революциях господствующие эксплуататорские классы подвергались давлению со стороны не только эксплуатируемых масс, но и других классов эксплуататоров или кандидатов в эксплуататоры. Наиболее сильные удары наносились трудящимися массами, но плоды борьбы пожинали новые эксплуататоры, которые приходили к власти.

В прошлом восстания рабов или крестьян ослабляли правящие классы, но неизменным результатом всегда было поражение и разобщение восставших рабов или крестьян и восстановление гнета старыми или новыми эксплуататорами. В новой истории для буржуазных рево-

люций было типично, что в определенный момент буржуазия внезапно предавала и разоружала восставшие массы, которые определяли первоначальный размах движения, и вступала в сговор с потерпевшей поражение контрреволюцией. В буржуазных революциях всегда были зачатки демократической революции с требованиями, выходящими далеко за рамки приемлемого для буржуазии. (Это доказывается английской, американской, французской революциями и всем европейским революционным движением 1848 года; когда же дело дошло до русской революции в 1905 и 1917 гг., уже существовал хорошо организованный промышленный рабочий класс с революционным социалистическим руководством, результатом чего и явилась социалистическая революция 1917 г.)

Но где бы буржуазия ни приходила к власти, создавая в полном смысле слова капиталистическое хозяйство, она уже не встречала затем каких-либо соперничающих с ней групп эксплуататоров. Возникает положение, когда эксплуататоры и эксплуатируемые непосредственно противостоят друг другу, и оно не осложняется уже проблемой замены существующей формы эксплуатации какой-либо новой. Таким образом, единственной проблемой становится либо сохранение капиталистической эксплуатации, либо ликвидация ее путем лишения капиталистического класса политической власти и утверждения общественной собственности на основные средства производства. Таким образом, если прежние революции заменяли старые формы эксплуатации новыми, вопрос сейчас в том, чтобы покончить с эксплуатацией раз и навсегда.

Такое непосредственное противостояние классов, равно как и возникающая из него проблема, существует сейчас во всех развитых капиталистических странах. И возражения, выдвигаемые д-ром Поппером против признания этого факта, довольно неуместны. «Мы должны быть готовы прийти к заключению,— говорит он,— что существует весьма значительный средний класс (или что возник новый средний класс) и что он может объединиться с другими непролетарскими классами против претензий на власть со стороны рабочих, и никто не в силах сказать достоверно, каков будет итог этого соперничества. В самом деле, статистика уже не показы-

вает тенденции роста численности промышленных рабочих по отношению к другим классам населения¹.

Под «средним классом» и «новым средним классом» он подразумевает, по-видимому, все категории лиц, работающих индивидуально, а также специалистов, а под «другими непролетарскими классами» понимает главным образом трудящихся фермеров и крестьян. Все, что он говорит об этих классах, совершенно верно, но это не меняет в конечном счете того факта, что единственной альтернативой сохранению *капиталистической* эксплуатации является теперь уничтожение *всякой* эксплуатации: не может быть и речи о том, чтобы какой-либо из этих классов занял место крупных капиталистов и установил свой собственный, новый вид эксплуатации. Речь может идти лишь о том, и в этом д-р Поппер совершенно прав, поддержат они или нет «претензии на власть со стороны рабочих». Ясно, следовательно, как об этом всегда говорили марксисты, что важным элементом современной социалистической тактики является завоевание этих классов на сторону социализма, а не противопоставление им узкосектантской заботы лишь об интересах промышленных рабочих. Что же касается уменьшения доли «промышленных рабочих», то здесь он, по-видимому, подразумевает относительное увеличение числа техников, разного рода служащих, работников умственного труда. Действительно, такое увеличение имеет место; и это как раз тот разряд людей, какие в большом количестве потребуются для строительства нового, социалистического хозяйства. Право же, д-р Поппер настолько мало разобрался в марксистской теории социалистической революции, что приводит в качестве неопровержимых доводов против нее обстоятельства, которые ее же и подтверждают.

В социалистической революции эксплуатируемые классы играют совершенно новую роль. Это уже не стихийно поднявшиеся низы революции, а ее организаторы и руководители.

Эта разница видна из сопоставления роли организованного движения рабочего класса в современной классовой борьбе и роли так называемой «толпы» на некото-

---

¹ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 2, p. 156.

рых этапах буржуазных революций. «Толпа» поднимается стихийно, возмущенная обычно каким-либо внезапным ухудшением своего положения, сделавшим и без того жалкие условия жизни бедноты совершенно невыносимыми (часто это вызывалось ростом цен на продовольствие, как показано в книге Ж. Рюде «Массы во Французской революции»¹). Это была очень грозная сила, но без стойкой организации и цели, без собственного постоянного руководства. Ее быстрые, подчас разрушительные действия могли проложить дорогу другим классам, которые достигали своих целей, после чего сама толпа разгонялась. Эта «толпа» превратилась теперь в организованное демократическое рабочее движение, представляющее собой гораздо более грозную силу, когда оно действует объединенно и когда цели его отчетливо очерчены. Оно уже не разрушительное, не бунтарское, а дисциплинированное и устойчивое, вполне способное выделить из своих рядов весь законодательный и исполнительный аппарат для будущего общества.

Нынешний рабочий класс готов играть эту новую роль, потому что условия современного промышленного производства заставляют его стать организованным и культурным; формируются компетентные круги социалистической интеллигенции и политических вождей рабочего движения. Благодаря этому эксплуатируемый класс способен не только оказывать сопротивление эксплуатации, как это всегда делали эксплуатируемые, но и управлять делами, когда власти его угнетателей приходит конец.

Другая черта социалистической революции состоит в ее всемирном, международном характере.

Местное развитие капитализма лишь в нескольких странах привело к тому результату (неизбежному результату, если д-р Поппер простит нам это выражение), что весь мир оказался в орбите капиталистической эксплуатации. Он оказался поделенным на сферы эксплуатации сравнительно немногих капиталистических держав. Их усилиями капитализм вступил в монополистическую фазу, для которой характерно сращивание промышленного капитала с финансовым, а также вывоз капитала; капитализм перешел в фазу империализма. Это

---

¹ G. Rudé, *The Crowd in the French Revolution*, L., 1967.

означает, что во всем мире борьба эксплуатируемого народа против угнетателей теперь включает в себя, помимо освобождения от феодальной и дофеодальной форм эксплуатации, от которых он тоже страдал, окончательную борьбу за освобождение от эксплуатации капиталистической. Кроме того, сравнительно «первобытные» народы, племенной образ жизни которых еще сохранял много общинных черт, оказались внезапно под властью капиталистических форм эксплуатации, абсолютно чуждых их собственному уровню общественного развития, и были вовлечены в борьбу с ней. Так, столкновение с капиталистической эксплуатацией привело в движение весь мир и заставило трудящиеся массы повсеместно, на какой бы ступени экономического и общественного развития они прежде ни находились, решиться на сопротивление капиталистической эксплуатации, а когда она будет уничтожена, выбрать дорогу социализма.

Так начался и продолжается мировой процесс социалистической революции, составными частями которого являются отдельные местные движения,— мировой процесс освобождения от капиталистической эксплуатации, а следовательно, и от всякой эксплуатации. Это нечто совершенно новое в истории революций. До сих пор происходили лишь местные революции, в которых данный народ свергал власть местных эксплуататоров, но их сменяли другие местные эксплуататоры. Теперь же каждое революционное движение направлено против одних и тех же противников, и все местные движения, признают это полностью их участники или нет, включаются в мировое движение, которое не ослабнет, пока не будет покончено с эксплуатацией человека человеком во всем мире. Оно не ослабнет потому, что, хотя отдельные группы людей могут потерпеть поражение или изменить, однако те самые обстоятельства мирового значения, которые вовлекли *их* в борьбу, будут продолжать действовать и вовлекать в борьбу других.

Слова «социалистическая революция» означают, следовательно, не отдельные местные революционные события («претензию на власть» или «безрассудное восстание», как называет их д-р Поппер), которые повторяются или повторение которых подобным же образом, но в другом месте и в другое время предсказывают коммунисты, а целую эпоху, целый процесс ломки социаль-

ных отношений и институтов, продолжающийся долгий период времени (может быть, столетие, а может быть, больше) и охватывающий весь мир. Сказать, как это говорят марксисты, что это эпоха социалистической революции и что эта социалистическая революция неизбежна, не значит предрекать, что определенный вид вооруженного восстания обязательно произойдет в каждом данном месте (в Великобритании, например, где программа Коммунистической партии не только не предсказывает вооруженного восстания, но вообще не содержит подобного пункта, оно считается не только нецелесообразным, но и нежелательным); это значит сказать, что человечество теперь неизбежно и повсеместно вовлечено в борьбу против капиталистических форм эксплуатации, что уничтожение эксплуатации уже началось и что борьба с ней не может не продолжаться, пока с ней повсюду не будет покончено.

2. СОЦИАЛЬНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ

По мнению д-ра Поппера, разумной альтернативой революционному ниспровержению всей «традиционной структуры общества и его институтов», которое, как заявляет он, марксисты считают неизбежным, является постепенная «социальная инженерия». Под «социальной инженерией» он подразумевает «планирование и конструирование институтов с целью возможного сдерживания, регулирования или же ускорения предстоящего социального развития»¹.

Социальная инженерия, говорит он, должна быть «постепенной». Это значит, что она начинается при существующих институтах, изучает, в каких отношениях они работают плохо, причиняя или не будучи в состоянии облегчить людям неудобства или страдания, которые можно предотвратить, а затем проводит реформы, чтобы заставить их функционировать лучше. «Планы постепенной социальной инженерии сравнительно просты,— сообщает он нам.— Они разрабатываются для отдельных учреждений, ведающих, например, здравоохранением и страхованием от безработицы, арбитражными

---

¹ К. Поппер. The Poverty of Historicism, p. 45.

судами, ассигнованиями на случай депрессии или реформами в области образования». И продолжает: «Если они действуют плохо, вред от этого не так велик, а навести в них порядок не так уж трудно»¹.

Такого рода социальная инженерия, осуществляемая методом проб и ошибок, становится все более плодотворной и успешной по мере накопления опыта и, таким образом, скорее может рассчитывать на «поддержку и одобрение значительного числа людей»², нежели побуждение их к взаимным конфликтам посредством более претенциозных и далеко идущих проектов социального преобразования. Она идет рука об руку с развитием социальных наук. Ибо, говорит д-р Поппер, «социальные науки получили весьма широкое развитие благодаря критике планов социального прогресса или, точнее, благодаря попыткам выяснить, способно ли то или иное отдельно взятое экономическое или политическое мероприятие привести к ожидаемому или желаемому результату»³.

В одной из своих наиболее пылких тирад д-р Поппер излагает кредо социального инженера: «Лучше работай над искоренением конкретных зол, чем над осуществлением абстрактных благ. Не ставь себе целью добиться счастья политическими средствами. Устраняй лучше конкретные недостатки. Или, говоря более практическим языком: борись за уничтожение нищеты прямыми средствами — например, путем обеспечения каждому минимального дохода. Или борись с эпидемиями и болезнями посредством постройки больниц и медицинских школ. Борись с неграмотностью, как борешься с преступностью. Но делай все это прямыми средствами. Выбери зло, которое ты считаешь наиболее опасным для общества, где ты живешь, и постарайся терпеливо убедить людей в том, что от него можно избавиться». Все это дает «простую формулу или рецепт, чтобы различить, что я считаю приемлемыми планами социальных реформ и что — неприемлемыми утопическими проектами», — сообщает нам д-р Поппер⁴.

---

¹ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol., 1, p. 159.

² *Ibid.*, p. 158.

³ К. Поппер, *The Poverty of Historicism*, p. 58.

⁴ К. Поппер, *Conjectures and Refutations*, p. 361.

В противоположность подлинной или «постепенной» социальной инженерии д-р Поппер обрушивается на то, что он называет «утопической социальной инженерией». Согласно последней, бесполезно заниматься «починкой» того или иного института; следует переделать весь общественный строй. Сначала «мы должны определить нашу конечную политическую цель, или идеальное государство... и лишь тогда приступить к обсуждению, какими путями и средствами лучше его реализовать, какой составить план для практической деятельности»¹.

Д-р Поппер критикует планы «утопической социальной инженерии» по нескольким мотивам. Во-первых, для полной перестройки общества потребуются диктатура, которая была бы навязана обществу силой и привела бы к положению дел намного худшему, чем то, которое призвана исправить. Во-вторых, неверно, что от социальных бедствий можно избавиться лишь при помощи полной перестройки общества, ибо опыт показывает, что многие задачи могут быть решены понемногу, друг за другом. В-третьих, в своем стремлении к «абстрактным благам» утопист, в сущности, не замечает конкретных зол, которые находятся у него под самым носом. «Не позволяй своим мечтам о прекрасном царстве отвлекать тебя от нужд народа, страдающего рядом и сейчас», — умоляет д-р Поппер. «Наши ближние ждут нашей помощи»². И, чтобы помочь им на самом деле, мы обязаны взяться за неотложные нужды, которые они испытывают, тогда как утопист осуждает это как «починку», полагая, что выход лишь в полной перестройке всего общества.

Хотя Маркс и выступал против «утопического социализма», продолжает д-р Поппер, но тем не менее марксизм сам впадает в основную ошибку «утопизма». Она заключается в убеждении, что «ничто, кроме полного искоренения преступной социальной системы, не поможет». Отличие марксизма от других утопических учений лишь в «историцистской» теории, утверждающей, что искоренение социальной системы предопределено историческими законами. По словам д-ра Поппера, тот со-

---

¹ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 1, p. 157.

² К. Поппер, *Conjectures and Refutations*, p. 361.

циализм, что марксисты в противоположность «утопическому» именуют «научным», состоит отнюдь не в разработке способов освобождения человечества от эксплуатации, исходя из понимания того, как привести в действие причины для получения желательных следствий (что обычно делают опытные инженеры в других областях). Наоборот, он состоит в «слепой» вере, что социализм осуществится в силу неумолимой исторической необходимости. Следовательно, говорит д-р Поппер, «Маркс осуждает фактически *всякую* социальную инженеррию... Он отвергает веру в рациональное планирование социальных институтов как совершенно нереалистическую, раз общество должно развиваться соответственно законам истории, а не соответственно нашим рациональным планам. Все, что мы можем сделать, утверждает он, это уменьшить муки родов исторического процесса»¹.

Таким образом, д-р Поппер ставит нас перед альтернативой: сделать выбор между «утопической» и «постепенной» социальной инженеррией. С одной стороны, мы можем пребывать в убеждении, что только полное искоренение существующей социальной системы поможет человечеству, и следовательно, бесполезно разрабатывать рациональные планы улучшения наших институтов, раз единственно стоящим делом является приблизить роковой день, когда все будет сметено. С другой же стороны, нам предлагается отказаться от всякой мысли о коренном изменении социальной системы и довольствоваться «починкой» отдельных институтов, удовлетворяя мало-помалу, насколько позволяет существующая система, те или иные нужды наших ближних.

Этот выбор, как можно судить по постановке вопроса д-ром Поппером, равнозначен выбору в Стране чудес. «Вон там живет Шляпочник, а там живет Мартовский Заяц. Можешь сходить к любому из них, они оба сумасшедшие». «Но я не хочу оказаться среди сумасшедших», — возразила Алиса. «О, тут уж ничего не поделаешь: мы все здесь сумасшедшие». Посмотрим, удастся ли нам выйти из этого затруднения успешнее, чем Алисе.

---

¹ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 1, p. 164.

Действительная социалистическая политика, как Маркс совершенно ясно показал в своей критике «утолического социализма», вовсе не исходит из провозглашения «конечной цели или идеального государства». Что касается «идеального государства», то одинаково утопично верить в его осуществление и посредством убеждения каждого в его разумности, как полагали социалисты-утописты, и посредством неумолимых процессов исторической необходимости, как, по мнению д-ра Поппера, полагают марксисты. Действительная социалистическая политика исходит из научного анализа способа эксплуатации в современном обществе, последствий этой эксплуатации и практических долговременных возможностей ее устранения и установления производственных отношений, которые позволяют использовать и развивать современные производительные силы в интересах всеобщего благосостояния. Далее, она принимает в расчет, какая нужна будет для этой цели политическая организация и линия поведения и какого рода сопротивление ей может быть оказано. Что же касается «нашей конечной политической цели», то она представляется отнюдь не как «идеальное государство», а как цель, вытекающая из научного анализа реального положения людей. Она представляется как практически реальная и необходимая, исходя из действительного положения людей.

Таким образом, поставленный вопрос состоит не в выборе между утопической целью «идеального государства», создаваемого путем насильственного уничтожения существующего порядка, с одной стороны, и рациональной практикой «постепенной социальной инженерии», «починки» существующих институтов ради облегчения лишений и удовлетворения нужд всех заинтересованных, с другой. Вопрос в том, чтобы или согласиться с существующим способом эксплуатации, с одной стороны, или изучить, что в нем плохо, что можно сделать для улучшения, за какие проблемы взяться и какие конструктивные предложения внести, чтобы постепенно добиться этого, — с другой.

Совершенно неверно, как утверждается в кредо социальной инженерии, что революционные социалисты ставят своей целью лишь «осуществление абстрактных благ», тогда как постепенно действующие «социальные

инженеры» «стремятся скорее к уничтожению конкретных бедствий». Именно коммунисты-то и «стремятся к уничтожению конкретных бедствий», и именно осознание ими этих «бедствий» и их корней в существующей системе эксплуатации делает их революционными социалистами. Мы восстаем против капитализма не во имя достижения «абстрактных благ», а чтобы «бороться за уничтожение нищеты прямыми средствами». С другой стороны, то, что д-р Поппер неверно называет «социальной инженерией», позволит уничтожить «конкретные бедствия» лишь в той степени, в какой их ликвидация совместима с сохранением капиталистической эксплуатации. И незачем вовсе д-ру Попперу убеждать нас: «Наши ближние ждут нашей помощи». Мы знаем, что они ждут. Потому-то мы и стоим, например, за «сооружение больниц и медицинских школ», необходимых для «борьбы с эпидемиями и болезнями», и не внимаем увещаниям «социальных инженеров», которые говорят нам, что программа может быть лишь ограниченной, потому, между прочим, что приходится оплачивать издержки борьбы с коммунизмом.

Д-р Поппер советует нам: «Не стремитесь добиваться счастья политическими средствами». Ибо, продолжает он объяснять, «моим тезисом является, что человеческая нужда — это самая насущная проблема разумной государственной политики и что счастье не такая острая проблема. Достижение счастья надо оставить на долю наших личных усилий»¹.

«Политическими средствами» можно уничтожить причины нищеты и войн, обеспечить каждого материальными условиями для полезного труда, образования, досуга, отдыха и сохранения здоровья. Но даже этого, разумеется, недостаточно для «достижения счастья», потому что, счастливы люди или нет, будет еще зависеть от того, как они относятся друг к другу и от того, как каждый из них ведет себя в личной жизни. Но все равно довольно смешно (а может, и бесчувственно) противопоставлять «человеческую нужду» как «самую насущную проблему разумной государственной политики» проблеме «счастья». Политика, которая действительно занимается «проблемой человеческой нужды», не может быть рав-

---

¹ К. Поппер, *Conjectures and Refutations*, p. 361

нодушной к поискам счастья и, конечно, готова пойти ради его «достижения» дальше той, которая просто довольствуется тем, чтобы предоставить его «нашим личным усилиям». «Социальный инженер» очищает трущобы, строит муниципальные дома, набивает их людьми и говорит: «Ваше счастье отныне зависит от ваших личных усилий». Неужели же нельзя сделать большее для устранения бедствий и помочь стать счастливее жильцам коммунальных домов?

Революционное изменение социальной системы не противопоставляется «реформам». Ни один политически зрелый социалист и тем более ни один коммунист не скажет: или искореняйте социальную систему, или перестраивайте существующие институты — нельзя делать и то и другое. Мы всегда предлагаем и всегда поддерживаем такие реформы, которые пойдут на пользу народу. Мы делаем это потому, что «наши ближние ждут нашей помощи». Тот не коммунист, кто равнодушен к человеческим нуждам, которые можно предотвратить. И уж тем более не миримся мы с несчастьями в расчете на то, что чем несчастнее народ, тем скорее он поддержит наш план насильственной революции. Это просто одно из измышлений д-ра Поппера. Напротив, некие «социальные инженеры» из правящих классов смотрят на эти бедствия равнодушно, полагая, что, если этих людей держать в зависимости, они не станут ни во что вмешиваться, а это будет на пользу прибылям. Каждый коммунист — социальный реформатор. Но стремление к осуществлению социальных реформ отнюдь не несовместимо с требованиями уничтожения социальной системы, а скорее является необходимым качеством действительного революционного руководства.

Ленин в работе «Что делать?» сказал, что коммунисты всегда должны быть «народными трибунами». Те, кто надеется воодушевить великое движение за преобразование общества, должны знать, как отнестись к любому проявлению недовольства, к любому требованию каждого отряда, даже каждого участника этого движения. Движение, которое сможет объединиться и организовать для установления нового общественного строя, должно состоять из лиц и организаций, неподвластных никакому обману, знающих, как улучшить свое положение и не дать его ухудшить другим. И толь-

ко тех признает народ своими вождями, кто доказал, что умом и сердцем восстают они против всяких лишений и всякой несправедливости, испытываемых даже самым незначительным и ничтожным человеком.

3. РЕФОРМА И РЕВОЛЮЦИЯ

Революционное изменение социальной системы является альтернативой не реформе, а политике, допускающей только такую реформу, проведение которой не угрожает прибылям правящего класса.

Согласно д-ру Попперу, «не так уж трудно достичь соглашения в дискуссии о том, какие социальные реформы наиболее назрели». Стало быть, нетрудно договориться и о мерах «постепенной социальной инженерии». В этом одно из ее крупных достоинств, говорит он, ибо таким образом «мы можем достичь известных результатов путем обсуждения... мы можем здесь извлечь пользу из позиции благоразумия. Мы можем приобрести опыт, прислушиваясь к конкретным требованиям, стараясь терпеливо и возможно беспристрастнее дать им оценку и обсудив, каким путем их удовлетворить, не создавая худших зол»¹.

Это «факт, и не очень удивительный факт», говорит д-р Поппер. Разумеется, это «не очень удивительный факт», что соглашение по той или иной «назревшей социальной проблеме» окажется подчас «не таким уже трудным», когда, с одной стороны, готова подняться волна протеста в случае игнорирования необходимости этой назревшей реформы и, с другой стороны, когда решение о реформе беспристрастно, но великодушно учитывает «конкретные требования» капиталистических предпринимателей. Так, например, сейчас в Великобритании существует согласие относительно того, что необходимо принять какие-то меры по жилищному вопросу. И хотя есть некоторые разногласия в отношении доли расходов, которую должны нести частные предприятия и государственные власти по осуществлению жилищной программы, особо серьезных расхождений во мнениях не возникает, пока рента, процент и прибыль

---

¹ К. Поппер. Conjectures and Refutations, p. 361

должным образом защищены. Жилищное строительство, при достаточной степени договоренности, может субсидироваться из общественных фондов, поскольку условия субсидии гарантируют, что ростовщики будут полностью вознаграждены. Разве же это не «благоразумно»? Безусловно, расселение бездомных семейств устраняет определенное зло и не создает «худшего зла» даже при условии, что предприниматели получают за это свою долю. И даже несмотря на то, что дело движется крайне медленно и прерывается всякий раз, когда правительство заявляет, что оно в «критическом» положении, все равно утверждается, что этот способ действий наилучший. Ибо устранение предпринимателей, препятствующих всеобщим усилиям разрешить жилищную проблему, вполне может оказаться «худшим злом», потому что они станут возражать, правительство вынуждено будет пресекать их возражения, а это будет уже «диктатура». Во всяком случае, это положило бы конец желательному, но «не очень удивительному факту» договоренности.

Фактически в капиталистическом обществе — и это тоже «не очень удивительно» — все «соглашения», касающиеся ли они таких вопросов, как общественное обслуживание или заработная плата, рабочее время, условия труда и отпуск, решаются на основе примирения противоположных интересов — например, интересов людей, нуждающихся в дешевом и хорошем жилье, и интересов ростовщиков и землевладельцев, нуждающихся в ренте и проценте; или интересов рабочих, нуждающихся в повышении реальной заработной платы, и интересов работодателей, нуждающихся в увеличении прибыли.

Словом, можно сказать — и действительно, д-р Поппер говорит это, — что если дела устриваются благодаря такого рода компромиссам, то это значит, что классовая борьба, мол, притупляется и находится на пути к исчезновению. Однако, наоборот, *эти компромиссы как раз и доказывают, что классовая борьба продолжается и что они представляют собой ее результат.*

Прежде всего именно ход классовой борьбы привел к тому положению, что они вообще стали возможны. Если бы не существовало организаций рабочего класса, которые стали достаточно сильными и борются достаточно упорно, чтобы завоевать признание, то господствующий класс не был бы таким сговорчивым. И во-вто-

рых, то, что может быть достигнуто, зависит от совокупного соотношения действующих сил, скрытых за противоположными требованиями соперничающих классовых организаций. Если трудящиеся хотят добиться большего успеха и помешать предпринимателям обкрадывать себя, они должны вести борьбу еще решительней и тверже.

Лица в министерствах и ведомствах, составляющие проекты тех или иных улучшений того или иного института или службы, и другие лица, заседающие и критически комментирующие их в Лондонской школе экономических наук или благодаря хождению на задних лапках преуспевающие в парламенте, могут вообразить, что они как мудрые и беспристрастные законодатели осуществляют благоразумное руководство в области постепенной социальной инженерии. Но фактически они ничуть не похожи на инженеров, разрабатывающих проект нового моста или даже укрепления старого, который не в состоянии выдержать более тяжелого транспорта. Нет, они пытаются *управлять народом* и формировать его общественные отношения, имея дело с напряжениями не механическими, а социальными. И то, что они в состоянии планировать, и то, что в действительности происходит с их планами, зависит от реальных сил, представленных в социальных институтах соперничающими классовыми группами.

Появление так называемой «постепенной социальной инженерии» — это лишь частный случай современного проявления классовой борьбы между капиталом и трудом, управляемой законами не механики, а классовой борьбы.

Не очень удивителен и тот факт, что, пока сохраняется положение, при котором можно достигать договоренности, не мешающей в существенной степени накоплению капитала и в то же время приносящей выгоду труду, подобные соглашения будут заключаться и впредь. Никогда не случалось прежде, непохоже, чтобы случилось и теперь, что эксплуататорский класс будет лишен власти, пока он еще способен делать существенные уступки интересам других классов. Продолжает сохраняться положение, при котором один класс оказывает давление на другой ради получения этих уступок, а этот последний сопротивляется всякому посягательству на его интересы. Исход дела выражает это чрезвы-

чайно сложное социальное взаимодействие. Он не может быть решен простой ссылкой на проекты «социальных инженеров». Они обманывают самих себя, воображая, будто секретные отделы, в которых они расставили свои чертежные доски, чудом превратились в проектные мастерские, стратегически расположенные в коридорах власти, и что каждый, кто находится снаружи, только и ждет терпеливо, когда удовлетворят его нужды.

Необходимость разрешить, наконец, противоречия капитализма социалистическим путем возникает из факта, что капитал не может неопределенно долгое время продолжать эксплуатацию труда одним и тем же способом. Производительные силы непрерывно революционизируются и не могут бесконечно вытягивать сырье и вымогать дань у промышленно слаборазвитых зависимых стран. Социальные напряжения неизбежны и не могут не выливаться в революционные кризисы, когда правящий класс не в силах больше управлять по-старому и представители его расходятся во мнениях, как вести дело дальше, а организации народа настаивают на переменах, которых правители не могут допустить. В такие моменты решающими становятся организованность и влияние, фактически завоеванные революционным научным социализмом в предшествующие годы, а призрачность иллюзий «социальной инженерии» становится очевидной. Они оказываются не чем иным, как тем, что Маркс (анализируя ранние проявления классовой борьбы в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта») назвал *«кретинизмом, который пораженных им держит в плену воображаемого мира и лишает всякого рассудка, всякой памяти, всякого понимания грубого внешнего мира»*¹.

В «грубом внешнем мире» ускользает от внимания всех, кто мечтает спроектировать вечный двигатель реформ на основе соглашений, тот факт (на котором нам еще немало предстоит останавливаться), что *контроль над политической властью* находится в руках крупных капиталистов. Они осуществляют власть; и, хотя они чаще всего благоразумно маскируют ее, при случае она обнаруживается и используется с непререкаемой силой как во внешних войнах в защиту капиталистической прибыли, так и в репрессиях внутри страны. И никакие

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 181.

программы «социальной инженерии» не могут обойти того факта, что рано или поздно эта власть должна быть изобличена и устранена.

Д-р Поппер довольно резко упрекает Маркса за слова в предисловии к «Капиталу», что «общество, если даже оно напало на след естественного закона своего развития... не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов»¹. Он истолковывает это в том смысле, будто коммунисты чужды какой-либо политике, основанной на разработке научных принципов, которые могут быть использованы для социальных преобразований. Раз они считают насильственную революцию исторически неизбежной, значит, бесполезно предпринимать реформы и единственное, что остается,— это ускорить посредством революционной пропаганды и заговоров наступление дня расплаты. Это, как говорит он,— «своеобразная разновидность фатализма», и как таковая она научно несостоятельна и неприемлема для «социальных инженеров»².

Однако научный смысл формулировки Маркса совершенно ясен, равно как ясна и ее справедливость.

Основополагающее открытие Марксом «естественного закона», управляющего социальными изменениями, заключалось в открытии универсальных ограничивающих условий поведения людей в их социальных взаимоотношениях — в такой же степени, как основополагающие открытия в термодинамике, например, были открытиями ограничивающих условий обмена энергии в физических системах, а именно: энергия сохраняется, а энтропия возрастает. Главное в открытии Маркса состояло в том, что производственные отношения должны соответствовать производительным силам. Что же говорил Маркс в предисловии к «Капиталу»? Он говорил, что открытие этого закона не представляет собой открытия того, как его отменить, как «перескочить» его границы, равно как открытие законов термодинамики не есть открытие того, как их отменить созданием вечных двигателей. Зато оно *представляет собой* открытие того, каких событий можно ожидать и как нужно действовать

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 10.

² К. Поппер. The Poverty of Historicism, p. 51

в конкретной обстановке, определяемой этим законом, точно так же как открытия в термодинамике являются открытиями, позволяющими повысить эффективность двигателей. Следовательно, Маркс сказал, что если мы открыли, что производственные отношения должны соответствовать производительным силам, то это отнюдь *не позволяет* нам освободиться от мучительной обязанности участвовать в этом процессе, но зато *позволяет* выработать методы его ускорения и сделать его менее мучительным.

Социальные условия, в которых мы живем (так объясняет нам марксизм), определяются всеобщими законами общественного развития, следовательно, не все наши ожидания обоснованы. Одни явления возможны, другие нет. Неограниченно долгое процветание капитализма, свободное от революционных кризисов, относится к явлениям невозможным. С другой стороны, если мы обязаны развивать и использовать производительные силы, которых уже достаточно для достижения социального благосостояния, мы должны найти способ установления таких производственных отношений, при которых производство будет организовано в интересах всех. От нас самих зависит, сколько это займет времени и сколько нам предстоит испытаний: при боеспособной организации и мудрой политике мы сможем «смягчить муки родов», но никакими возможными средствами нам не удастся избежать противоречий, кризисов и конфликтов, вызванных существующей обстановкой.

Это положение, что мы не можем «перескочить» последствий, вытекающих из закона соответствия производственных отношений производительным силам, но что мы можем «смягчить муки родов», испытываемые в ходе достижения этого соответствия, включает в себе и научный и политический здравый смысл. Например, развитие капитализма могло бы привести в конце концов к возникновению третьей мировой войны, но это не неизбежно, и мы можем помочь ее предотвратить. С другой стороны, капитализм в состоянии развить автоматизацию производства на частных предприятиях до такой степени, что она вызвала бы массовую безработицу. В США, например, может сложиться положение, когда отчаяние миллионов уволенных, лишенных поддержки и надежды людей приведет к хаосу и кровопролитию; но этого мо-

жет и не случиться, если своевременно организованный рабочий класс надлежащим образом овладеет положением.

Выражение «социальная инженерия», принимая во внимание все эти обстоятельства, употребляется здесь довольно некстати. Те, к кому д-р Поппер его применяет, если они вообще могут быть названы «инженерами», во всяком случае, удивительно наивны по части научной теории, они подобны тем инженерам, которые, пустив в ход несколько колес, думают, что овладели тайной вечного двигателя. И если можно придать какой-то смысл этому выражению, то лишь политика объединенного рабочего движения, направленная на осуществление и на «смягчение родовых мук» нового общественного строя, заслуживает того, чтобы называться «социальной инженерией».

Глава 5

ИНСТИТУТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

1. ИНСТИТУТЫ

Социальная инженерия, согласно концепции д-ра Поппера, связана с институтами и их управлением. «Социальный инженер» не имеет дела с отдельными индивидами, он совмещает в себе инженера-эксплуатационника и инженера-конструктора по социальным институтам.

Институты (говорит д-р Поппер) поддаются рациональному и научно направленному воздействию социальной инженерии, если они демократичны. Недемократические институты проектировать нельзя. Например, социальные инженеры, появившись они при дворе халифа Харун-аль-Рашида, оказались бы, пожалуй, сразу изгнанными оттуда как неверные собаки, если не хуже: их поле деятельности в демократических институтах современного капиталистического общества, где их не только терпят, но и вознаграждают. Социальная инженерия, следовательно, является продуктом демократии. Рациональная практика социальной инженерии стала возможной в результате развития демократических институтов, сменив грубые методы насилия, преобладавшие в прежние времена; и дальнейшее развитие этих институтов не только нуждается в услугах социальной инженерии, но закончится крахом, если будет отдано предпочтение насильственному методу ломки институтов.

Таким образом, д-р Поппер видит в социальной инженерии демократический метод решения человеческих проблем в противоположность насилию. «Существуют

лишь два типа правительственных институтов,— объясняет он,— те, которые обеспечивают смену правительства без кровопролития, и те, которые — нет»¹. Первые он называет демократическими. Если господствует недемократический тип институтов, то, очевидно, насилие представляет собой единственное средство борьбы со злом. «Применение насилия,— заключает он,— оправдано лишь при тирании, делающей невозможным проведение реформ без насилия, и должно иметь только одну цель, а именно — привести к такому положению дел, когда можно будет осуществлять реформы без насилия»².

Этих простых истин относительно демократических институтов, бросает он упрек, не понимают марксисты. Ибо, как мы уже узнали от него, «Маркс... отвергает веру в рациональное планирование социальных институтов как совершенно нереалистическую, раз общество должно развиваться соответственно законам истории, а не соответственно нашим рациональным планам». Исторические законы — это законы развития классовой борьбы. Следовательно, «марксисты приучены мыслить категориями не институтов, а классов». Но в то время как «современные марксисты не мыслят категориями институтов... рационалисты, наоборот, склонны скорее полагаться на институты, управляющие людьми. В этом основное различие»³.

Раз уж д-р Поппер говорит, что марксисты не приучены «мыслить категориями институтов», давайте посмотрим, как сам он учит нас мыслить таким образом. Ибо в деле обучения нас, как «мыслить категориями институтов», ему следовало бы посоветовать обратить внимание на изрядное количество непрозрачного вещества в собственном глазу, прежде чем беспокоиться о сучках в глазах своих соседей-марксистов.

Прогресс человечества, говорит д-р Поппер, зависит от планирования и работы *институтов*. «Ибо институты, как рычаги, необходимы нам, если мы хотим достичь чего либо превышающего силу наших мышц. Подобно машинам, институты умножают наши силы в интересах добра и зла. Подобно машинам, они нуждаются в ра-

¹ К. Поппер, *Conjectures and Refutations*, p. 344.

² К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 2, p. 151.

³ К. Поппер, *Conjectures and Refutations*, p. 345.

зумном руководстве со стороны того, кто понимает, как они должны действовать и прежде всего каково их назначение...»¹

В то же время «социальный инженер» должен оставаться осторожным и предусмотрительным в отношении того, что в институтах называют «человеческим элементом». Он «не в силах создать институтов, надежно защищенных от неумелого их использования, то есть таких, деятельность которых не зависела бы в весьма значительной степени от людей: институты в лучшем случае могут снизить ненадежность личного элемента усилиями тех, кто работает действительно во имя целей, поставленных перед данными институтами, от чьих личных знаний и инициативы в первую очередь зависит успех дела...»².

Демократические институты не только являются средством, которое мы можем использовать для проектирования социальных достижений, но они же обеспечивают и «контроль» над тем, что могло бы привести к безответственной власти определенных лиц или групп. «Это приводит к новому подходу к проблеме политики,— говорит д-р Поппер,— поскольку вынуждает нас вместо вопроса: кто должен управлять? поставить новый вопрос: как бы нам организовать политические институты таким образом, чтобы помешать плохим и несведущим руководителям причинять слишком много вреда?»³

Таким образом, он приходит к выводу: «Равно как задача инженера-производственника состоит в том, чтобы проектировать машины, реконструировать и обслуживать их, задачей инженера в области постепенной социальной инженерии является конструирование социальных институтов, исправление и направление деятельности уже существующих... Технолог или инженер по постепенной социальной инженерии осознает, что лишь немногие из социальных институтов спланированы сознательно, тогда как в огромном большинстве они просто «возникли» в качестве непредвиденного результата человеческой деятельности. Но как бы сильно ни впечатлял

---

¹ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 1, p. 67.

² К. Поппер, *The Poverty of Historicism*, p. 66—67.

³ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 1, p. 121.

его этот важный факт, как технолог или инженер он будет смотреть на эти институты с «функциональной» или «инструментальной» точки зрения. Он будет смотреть на них как на средство достижения определенных целей, скорее как на машины, чем как на организмы»¹.

Признавая, что в прошлом «в огромном большинстве они просто возникали», д-р Поппер, однако, доказывает, что институты могут во все большем масштабе проектироваться, поскольку уже установилась практика такого рода. «Маркс был совершенно прав, утверждая, что «историю» нельзя планировать на бумаге»,— уверяет он нас. «Но *институты* планировать можно: и они планируются»².

В ходе этого наставления, как следует «мыслить категориями институтов», д-р Поппер справедливо замечает, что «конструирование их требует известных знаний социальных закономерностей, накладывающих ограничения на то, что может быть достигнуто институтами. Эти ограничения в известной степени аналогичны, например, закону сохранения энергии, из которого неизбежен вывод о невозможности построить вечный двигатель»³. Впрочем, он мало что может сказать на эту важнейшую тему о том, что именно представляют собой эти «социальные закономерности» и каким образом они «налагают ограничения». Разумеется, вопрос, как следует «мыслить категориями институтов», требует тщательного изучения. Это как раз и делали марксисты. И если бы д-р Поппер поступил так же, он тоже смог бы приобрести «известные знания» в отношении «границ того, что может быть достигнуто институтами». Он говорит, что, по мнению марксистов, «общество должно развиваться соответственно законам истории, а не соответственно нашим рациональным планам». Но в действительности марксисты утверждают, что «наши рациональные планы» должны учитывать «законы истории», то есть «социальные закономерности, налагающие ограничения на то, что может быть достигнуто институтами». Марксисты не считают, что проекты демократического вечного двигателя рациональны.

¹ К. Поппер, *The Poverty of Historicism*, p. 64—65.

² К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 2, p. 143.

³ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 1, p. 67.

Д-р Поппер очень верно заметил, что никакая социальная жизнь не может протекать иначе, как через разного рода институты. Но когда он учит нас «мыслить категориями институтов», его наставления не содержат никакого анализа того, как эти институты организованы, на каких условиях, с какими ограничениями и как они влияют друг на друга или препятствуют друг другу. Само понятие института им нигде ясно не определено. «Понятие «социальный институт», — говорит он нам, — употребляется здесь в весьма широком смысле, охватывая организации как частного, так и общественного характера. Так что я буду употреблять его для описания деятельности как мелочной лавки, так и страховой компании, как школы, или «системы образования», так и отряда полиции, церкви или суда»¹. Затем он настойчиво указывает, что это понятие включает в себе еще «более широкий» смысл, нежели явствует из приведенных примеров, и докладывает нам: «Язык — социальный институт... Литературное произведение — социальный институт»². Таким образом, любой продукт человеческого общения, регулирующий общественную деятельность, начиная от языка и кончая мелочной лавкой, есть институт. Он не предпринимает никакого анализа институтов в смысле выяснения их разновидностей и взаимных связей. И раз это так — самое большее, что мы можем от него ожидать и что он дает нам, это торжественное заверение, что, хотя институты «просто возникают» неопределенным образом и ненадежны в отношении защиты от неумелого их использования, тем не менее какие-то из них можно «планировать», но всегда при условии неопределенных «ограничений». Если это и значит «мыслить категориями институтов», то мы постараемся «мыслить категориями классов» и выяснить, в чем заключаются эти ограничения.

Нам нет нужды спорить о том, являются ли языки и мелочные лавки институтами — ибо, конечно, если понятие употреблено в достаточно широком смысле, то оно может охватывать и то и другое. Однако если понятие «широко» до такой степени, то как же мы можем «мыслить категориями институтов», не путаясь безна-

---

¹ К. Поппер, *The Poverty of Historicism*, p. 65.

² *Ibid.*, p. 154

дежно в словоупотреблении? Мы должны провести разграничения между институтами с точки зрения их общественных функций и исследовать, каким образом структура одних институтов обуславливается и порождается структурой других. Это и делал Маркс (хотя он редко употреблял слово «институты», бывшее не таким модным в то время, когда он писал). Вот сейчас в Великобритании английский язык, капиталистическая система, мэрилебоунский крикетный клуб, состязания по гребле между Оксфордом и Кембрижем, Лондонский универмаг «Хэрроудз», британские железные дороги, Совет по контролю цен и доходов, парламент, министерство торговли, тред-юнионы, политические партии и тайная полиция — все это социальные институты. Если мы хотим узнать, как мы можем использовать наши институты и что с ними делать, необходимо провести различия и проследить связи. Д-р Поппер подчеркнул, например, что важно сделать наши институты демократическими. Но понятие «демократический» применимо только к некоторым институтам и не имеет совсем никакого смысла по отношению к остальным. Например, как мог бы быть демократическим английский язык? Или мелочная лавка, коли на то пошло?

Как я сказал уже, институты в самом широком смысле суть продукты нашего социального общения, регулирующие нашу общественную деятельность. Всякий институт в какой-то степени установлен социально. Значение глагола «устанавливать» (*to institute*) лучше всего проиллюстрировать примерами. Так, для общения между собой мы пользуемся языком, а также телефонами. И то и другое — продукты социальной жизни, но телефон — это материальное приспособление, тогда как язык нет. Телефон изготавливается, а язык устанавливается. Материальный предмет, телефон, не является институтом, однако язык, которым мы пользуемся для общения по телефону, есть институт. Институтом является и министерство связи (а в США — это частная компания), которое включает телефоны и регулирует пользование ими. Институты — это не материальные предметы: их нельзя увидеть, или коснуться, или указать на них пальцем, как на материальные предметы.

Этот нематериальный характер институтов иллюстрируется объяснением, которое предлагается тому, кто не

знает, что мы имеем в виду, говоря о каком-либо данном институте, и мы объясняем ему это. Возьмем, к примеру, оксфордско-кембриджские состязания по гребле. Чтобы объяснить, что такое «лодка», нужно сказать, что это изготовленный соответствующим образом предмет, в котором люди могут сидеть и двигаться по воде. Объяснить, что такое «состязания по гребле», как институт, намного сложнее. Можно сказать: «Ежегодно, примерно в одни и те же дни, две группы по восемь юношей, одна из Оксфорда, другая из Кембриджа, садятся в лодки на реке Темзе и двигаются от Патни к Морлэйку: они стартуют, когда кто-то дает сигнал, и те, которые достигнут Морлэйка первыми, считаются победителями». Можно, конечно (в этом случае), «видеть» состязания по гребле, но не в том смысле, в каком можно «видеть» лодки. Состязания по гребле, как таковые, «видимы» только в смысле наблюдения за каждой из команд, занимающихся деятельностью, регламентированной требованиями данного института. Состязания по гребле, подобно идеям Платона, обнаруживают себя во времени — равно как язык, министерство связи и какой-либо другой институт. И все-таки институты не «абстракция», обнаруживающая себя в материальном мире, а результаты общественной жизни, устанавливаемые людьми.

Всеобщей отличительной чертой институтов является то, что они имеют *правила*, обусловленные и определенные для каждого института. Люди создают институты, когда для осуществления различной деятельности им приходится принимать определенные процедурные правила — подобно словарю и синтаксису в языке, или правилам состязаний по гребле, или разнообразным соглашениям, управляющим ведением дел в мелочной лавке или в тайной полиции. Вообще такие правила устанавливаются сами собой по мере развития деятельности, хотя в ряде случаев они могут сознательно формулироваться, согласовываться и провозглашаться. Очень часто они вначале «просто возникают», а затем на определенной стадии развития формулируются и провозглашаются (язык — яркий тому пример). Вот почему можно сказать, что наша социальная деятельность «регулируется» нашими институтами.

В нашей общественной деятельности для достижения поставленных целей мы пользуемся различными мате-

риальными предметами и материальными продуктами таким образом, как это предусмотрено нашими институтами. Институты с их правилами общественного поведения играют существенную роль в общественной деятельности и в достижении ее целей, так как без такого рода регулирования эта деятельность не могла бы ни направляться, ни быть успешной. Фактически вся общественная деятельность ведется и должна вестись в рамках, очерченных институтами. Не может существовать сначала деятельность, а позже — институты. Развитие общественной деятельности идет лишь наряду с развитием регламентирующих ее и соответствующих ей институтов. Поэтому, если на словах и можно провести различие между общественной деятельностью и институтом, обеспечивающим ее выполнение, то рассматривать их в отрыве друг от друга — значит впасть в абстракцию: конкретно существует только деятельность в пределах институтов.

Разумеется, отдельные виды индивидуальной деятельности не всегда полностью регламентированы. Например, человек, пользующийся лодкой на Темзе, не занят установленной деятельностью наподобие соревнующихся гребных команд, хотя даже *его* деятельность в известной мере регламентирована, поскольку он должен, видимо, взять напрокат лодку и вернуть ее через положенное время. Выполняемые им движения установлены развитием лодочного спорта и должны быть изучены им в школе лодочного спорта на Темзе — во многих отношениях иной по сравнению со школой, допустим, на Янцзы. Устанавливается *общественная* деятельность, но человек существо настолько общественное, что выполняет установленные правила зачастую и в уединении. например, англичанин, исследующий джунгли, одевается к обеду.

Понятно, как важно проводить различие между правилами, предписываемыми институтами, с одной стороны, и объективными законами, свойственными материальным процессам, а также объективными требованиями учета этих законов, с другой. Провести такое различие исторически оказывалось для людей трудным делом. Так, с одной стороны, мы представляем себе, что мы связаны правилами наших институтов как естественными законами, а с другой стороны, что естественные

законы установлены были так или иначе (богом) для регулирования естественных процессов. Существует, однако, довольно тесная связь между правилами институтов и объективными законами. Установленные правила той или иной деятельности должны быть согласованы с законами, которые ее ограничивают, так что нельзя просто устанавливать и менять правила, как нам вздумается. Чисто условные правила языка, например, должны согласовываться с объективными требованиями коммуникации, управляющими речью. А вот такой институт, как министерство торговли в Великобритании, должен управляться соответственно объективным требованиям экономики. Мы не можем произвольно устанавливать ни правила языка, ни регулировать торговлю. Более того, поскольку наша деятельность связана с материальными предметами, она должна строиться в соответствии с их естественными свойствами.

Институты, стало быть, характеризуются правилами, а правила эти в свою очередь сами ограничены законами деятельности, которую они регулируют. Далее, большинство институтов (но не все — языки, например, составляют исключение) требуют наличия известного материального оснащения, способствующего выполнению регулируемой ими деятельности. Так, например, многие институты расположены в зданиях; другие имеют подвижное оснащение, такое, как локомотивы британских железных дорог или плащи и шпаги тайной полиции.

Подчас возникает словесная путаница, если, говоря об институтах, материальное оборудование отождествляют с самим институтом. Так, слова «министерство торговли» могут быть употреблены для обозначения здания, в котором размещено министерство торговли, а выражение «британские железные дороги» может обозначать всю совокупность железнодорожных линий и подвижного состава. Так называемому социальному инженеру нередко приходится сталкиваться с материальным оборудованием — скажем, если реформатор системы образования требует постройки новых школ и составления для них такого архитектурного проекта, который соответствовал бы его рекомендациям по ведению учебного процесса в этих зданиях. К тому же он может потребовать «перетряхнуть» материальное оборудование.

подобно тому как требует для своих собственных кандидатов такого служебного положения, которым они пользовались бы иначе, чем это было прежде.

Это общее определение институтов разъясняет интересующий д-ра Поппера вопрос еще и с точки зрения «социальной инженерии», когда он спрашивает, каким образом институты могут изменяться или быть изменяемы: Вообще, институты изменяются с изменением правил, включая сюда случаи, когда введение нового материального оборудования вызывает изменение правил и когда изменение правил влечет за собой введение нового оборудования. Оно разъясняет также, что, как признает, но воздерживается более глубоко исследовать д-р Поппер, существуют определенные ограничения как в отношении возможности изменения имеющихся институтов, так, в зависимости от обстоятельств, и в отношении введения новых или использования измененных институтов.

При рассмотрении развития институтов как средств и регуляторов общественной деятельности и возможностей их усовершенствования в дальнейшем, очевидно, очень важно учитывать как характер и объективные закономерности взаимосвязи и развития общественной деятельности людей, так и формы взаимосвязи и взаимозависимости институтов в регулировании общественной деятельности. Здесь диалектика соответствия абстракций конкретной картине протекания действительного процесса. Это фактически и делал Маркс, а д-р Поппер не делает, хотя д-р Поппер говорит, что Маркс не учит нас «мыслить категориями институтов» и что он сам ниспровергает Маркса, производя «анализ институтов». От весьма точного анализа законов развития институтов Маркс пришел к практической политической программе их изменения. Что же касается д-ра Поппера, то от банальных и пустых фраз насчет «институтов» он приходит к бессодержательным обобщениям насчет «социальной инженерии».

Маркс изучал связи и взаимозависимость между институтами в свете того, что они создаются для общественно необходимых целей человеческой деятельности. Он не просто говорил об «институтах» вообще, не проводя никаких различий между языками и мелочными лавками или между состязаниями по гребле и отрядами

полицей. Его анализ показал, что условием всех других видов человеческой деятельности является осуществление общественного производства на базе соответственно установленной технической организации, причем существенно необходимым в первую очередь для общественного труда, а затем и для всего, чем люди занимаются совместно, является язык. Чтобы вести производство посредством данной техники, люди должны вступать в соответствующие производственные отношения, которые, следовательно, также должны быть установлены, так что институтами являются и экономическая структура, и отношения собственности. Затем следует институт всей повседневной жизни общества — от приобретения и обмена продуктов до занятий спортом, искусством и наукой. Наконец, чтобы обеспечить существование общества как целого, должны быть институты образования, пропаганды и управления — школы, церкви, правовые, правительственные и политические институты, снабженные, где это необходимо, средствами материального принуждения.

2. ИНСТИТУТЫ И КЛАССЫ

Важнейшей «социальной закономерностью», которой д-р Поппер не замечает, когда наставляет нас по части социальной инженерии и институтов, и по отношению к которой затемненность его интеллектуальной сетчатки делает его совершенно слепым, является основополагающая закономерность, открытая Марксом, а именно: чтобы обеспечить и продолжать наше общественное существование, мы должны вступать в производственные отношения, соответствующие нашим производительным силам.

Если бы мы не нашли способа продолжать общественное производство, то у нас не было бы никакой общественной жизни вообще. Другими словами, вся общественная жизнь протекает на основе того, что люди вступают в определенным образом установленные производственные отношения. Производственные отношения составляют базис, или «фундамент», всех институтов, регламентирующих способы применения и использования различных материальных средств и умственных способ-

ностей, которыми мы обладаем благодаря участию в общественном производстве. Как сказал Маркс в предисловии к «Критике политической экономии»: «Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»¹.

Производственные отношения включают в себя, продолжает Маркс, «отношения собственности». Вступить в производственные отношения — значит вступить в такое регламентирующее соглашение в области производства и распределения, когда и средства производства, и его продукты становятся собственностью определенных лиц или групп людей. Институт собственности, таким образом, является институтом производственных отношений — поэтому-то Маркс и назвал институт собственности «только юридическим выражением последних»².

Между прочим, собственность, как и все остальные установленные в обществе порядки, зависит не только от развития техники общественного производства, но и от языка. Люди должны были начать говорить, потому что общественная техника производства включает в себя этот вид коммуникации. Установление языка к тому же дает необходимые средства коммуникации для установления всего остального, в том числе и собственности. Действительно, все присущее человеку зависит от языка — труд, мышление, собственность, религия, наука и искусство, все развитие социальной жизни и индивидуальной личности, являющейся продуктом этой социальной жизни.

По словам д-ра Поппера, многие институты «просто возникают». Это значит, что ни появление, ни изменение их в последующем не есть результат того, что кем-то придуманы правила и изобретено оборудование, а кто-то другой затем согласился сделать так, как предложил первый. На самом же деле люди вступают в определен-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 6—7.

² Там же, стр. 7.

ные соглашения и видоизменяют их, исходя из потребностей общественной жизни, соответственно тому, что возможно и что необходимо для них с точки зрения их производительных сил. Маркс посвятил много внимания вопросу о том, каким образом «возникают» производственные отношения и отношения собственности. Люди вступают, как сказал он, в отношения, «от их воли не зависящие»¹. Итак, эти институты, посредством которых люди регулировали свою жизнь, представлялись им как естественные или богом данные законы жизни, поскольку сами они никогда по собственному усмотрению их не учреждали.

Собственность, как показал Маркс, есть продукт разделения труда в общественном производстве. С помощью самой примитивной техники, которой располагали небольшие группы людей, занимавшихся охотой и собиранием пищи, каждый должен был делать почти одно и то же, и разделение труда в то время исходило из естественных различий между двумя полами. Развитие техники производства, начавшееся прежде всего с земледелия, приручения животных и развития различных ремесел, привело ко все возрастающему разделению труда; последнее же имело своим результатом то, что средства и продукты производства стали переходить в собственность того или иного лица или группы лиц. «Различные ступени в развитии разделения труда,— писали Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии»,— являются вместе с тем и различными формами собственности, т. е. каждая ступень разделения труда определяет также и отношения индивидов друг к другу соответственно их отношению к материалу, орудиям и продуктам труда»².

Отношения собственности на протяжении их развития были *классовыми* отношениями. Разделение труда было источником собственности, а развитие собственности привело к разделению общества на классы. «Основной признак различия между классами — их место в общественном производстве, а следовательно, их отношение к средствам производства»³. Ленин, которому мы обя-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 6.

² Там же, т. 3, стр. 20.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 7, стр. 44—45.

заны этим кратким определением классовых различий, разработал также и более подробное определение общественных классов: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»¹.

Развитие собственности делит общество на классы, когда одни приобретают в монопольное владение средства производства и получают, таким образом, возможность определенным способом эксплуатировать труд других. В общем процессе общественного разделения труда каждый класс выполняет свою роль в производстве и распределении — либо работника, либо предпринимателя. Однако отношения между классами не образуют гармоничной системы, в которой функция одного требует и дополняет функцию другого (как в идеальной республике Платона, где «справедливость» достигнута каждым классом, удовлетворенным возложенной на него ролью, или как она выглядит в басне Менения Агриппы в «Кориолане» Шекспира). Напротив, эти отношения антагонистичны. Эксплуататоры и эксплуатируемые постоянно спорят относительно своей доли общественного богатства и о способе ее получения; то же делают и эксплуататоры, соперничающие между собой в методах эксплуатации.

Классы это не институты, а группы людей, которые стали отличаться друг от друга в результате возникновения института собственности и классовых отношений. Таким образом, развитие производства и управление им в соответствии с развитием отношений собственности, — которые развиваются определенным образом вследствие влияния, какое оказывает на регулирование производства развитие определенных производительных сил, — разделило общество на классы, из которых одни явля-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 15

ются эксплуататорами по отношению к другим. В результате разделения на классы возникли отчетливо выраженные антагонистические «классовые интересы». Ибо институт собственности — с вытекающими из него классовыми различиями, — который принес материальные выгоды одному классу, привел к совершенно противоположному положению другой класс. Поэтому один класс был заинтересован в том, чтобы направить деятельность институтов по одному пути, а другой — по другому пути или вообще их уничтожить и заменить другими институтами.

Разного рода институты организуются, направляются и изменяются людьми — стало быть, в обществе, разделенном на классы, *организация, направление деятельности и изменение социальных институтов осуществляются людьми с антагонистическими классовыми интересами*. Одни классы заинтересованы в сохранении существующих классовых отношений и в организации и использовании иных институтов (например, для управления, для приятного времяпрепровождения на досуге и вообще для достижения всякого рода общественных целей) на основе сохранения отношений собственности, тогда как другие классы заинтересованы в противоположном.

Что происходит с институтами и что делается с их помощью, решается, вполне естественно, совокупным взаимодействием всех связанных с ними лиц. Отсюда вполне естественно (собственно, неизбежно), *что то, что происходит с институтами в обществе, разделенном на классы, и что делается с их помощью, решается ходом классовой борьбы*. И это одинаково верно независимо от того, приводит ли в данных условиях классовая борьба к коренным изменениям в институтах или ее временный исход выражается в каком-либо соглашении или компромиссе. Коренной вопрос классовой борьбы всегда есть вопрос о сохранении или изменении отношений собственности. Классы оспаривают свою долю в общественном богатстве и методы овладения ею. В этом споре *они создают свои особые классовые институты, а также спорят о руководстве и характере всевозможных других институтов*.

Классы формируются как следствие различий, которые устанавливаются отношения собственности. Они раз-

виваются и закрепляют свое существование как классы формированием институтов для охраны и осуществления своих интересов в противоположность другим классам, а также в определенных формах сознания или «идеологиях», в которых выражена их коллективная решимость поступать именно так, а не иначе, их вера в правоту своего дела. Так, современный рабочий класс, например, сформировался в результате различий, вводимых отношениями капитала и наемного труда, он развивался и закреплял свое существование как класса созданием организаций рабочего класса и развитием соответствующих форм сознания.

Таковы выводы, научно обоснованные Марксом. Мы можем теперь судить, следовательно, правильно ли будет сказать, как это сделал д-р Поппер, что «марксисты приучены мыслить категориями не институтов, а классов». Содержащаяся в этом утверждении дизъюнкция ложна. Мыслить об общественной деятельности, как надлежит и как это делал Маркс, «категориями институтов» — значит мыслить о ней «категориями классов», поскольку люди, создающие институты и направляющие их работу, разделены на классы. Думать о каких-либо институтах, связанных с собственностью и управлением ею, иначе, чем «категориями классов», — значит думать о них, абстрагируясь от людей, создающих и использующих их, а также от фактических социальных условий, в которых они создают и используют их. Возможно, что д-ру Попперу нравится строить такого рода метафизические абстракции и доказывать, что если люди и разделены на классы, они тем не менее могут регулировать свою общественную деятельность посредством институтов так же, как если бы они не были разделены на классы; но мы, уделившие достаточно внимания тому, чему учит Маркс в отношении диалектики, способны заметить эту ложную абстракцию и понять, каким образом категории «класс» и «институт» *связаны между собой* в действительном конкретном развитии общественной деятельности.

Классы являются, как мы можем заметить и как доказал Маркс, *производными* от развития производственных отношений или института собственности. Установив в результате разделения труда, как следствия развития производительных сил, такие отношения собственности,

которые делят общество на классы, люди затем вступили в классовую борьбу и изменяли свои институты только в ходе и в результате классовой борьбы. Послушать д-ра Поппера насчет «классовой борьбы», так можно вообразить даже, что для Маркса классовая борьба была своего рода основным законом общества и что потому-то и нужно «мыслить категориями не институтов, а классов». Однако классы и классовая борьба, напротив, являются лишь производными от определенных временных, исторически установленных типов социальных институтов. Стоит понять, как избавиться от институтов этого рода, и мы избавимся от классовой борьбы. В результате пренебрежения научным анализом классовой борьбы, являющейся в действительности производной от института собственности, выдвигаемое д-ром Поппером толкование крайне непоследовательно, ибо, с одной стороны, он утверждает, что классы уже исчезли, так что капиталистическими институтами можно управлять как если бы вообще не существовало классовой борьбы, а с другой, что классовое деление — это настолько неизбежная черта всякого человеческого общества, что «бесклассовое общество» является «утопией».

Революционные изменения в институтах, то есть замена одной формы эксплуатации другой или, в социалистической революции, уничтожение всякой эксплуатации, обусловлены, как показал Маркс, развитием производительных сил. Вполне очевидно, что в Европе, например, те усовершенствования в технике земледелия, которые имели место при феодализме, не только не были, но и не могли быть достигнуты в рабовладельческих имениях древней Римской империи, и что более поздние усовершенствования техники промышленного производства, происшедшие при капитализме, не могли иметь места, пока им препятствовали феодальные отношения. Чтобы сделать это возможным, потребовалось произвести огромные изменения в институтах. И эти изменения стоили длительной и, действительно, кровавой борьбы, в которой один интерес в овладении богатством побеждался другим. Господствующие классы уступали, а институты коренным образом менялись только тогда, когда первые были достаточно ослаблены и разобщены в результате их неспособности вести существующее хозяйство с помощью существующих институтов. Революции,

необходимые для развития общественных производительных сил, осуществляются как следствие столкновений между людьми, заинтересованными в различных способах овладения своей долей общественного богатства.

Сейчас необходимость социалистической революции вытекает из того факта, что полное развитие современных производительных сил, включая полное использование всех человеческих, технических и научных ресурсов и получение всевозможных благ, невозможно, пока господствуют капиталистические отношения собственности. Повторяем: изменения в институтах, которые необходимы, не могут быть запроецированы иначе, как посредством «проектирования», достигаемого классовой борьбой. Д-р Поппер (подражая фальшивому глубокомыслию других буржуазных мудрецов далекой старины) утверждает, что «революция» — это разновидность ненужной катастрофы, вызывающая нарушение спокойного прогресса неким взрывом страстей или заговором кровожадных агитаторов, которой можно было бы избежать, будь правители более мудрыми. После разрушительной анархии, вызванной революцией, порядок в конце концов должен быть восстановлен и дела возвращены в нормальную колею, а прогресс, который затем может быть достигнут, осуществился бы в такой же, если не в гораздо большей степени и без революции. Это значит не замечать того факта, что изменения в институтах, вызванные революцией, были необходимы и могли быть достигнуты лишь в результате классовой борьбы и решительной победы одной стороны над другой. Противопоставляя «социальную инженерию» революции, д-р Поппер говорит нам, что «только путем постепенного планирования институтов, способных оберегать свободу, особенно свободу от эксплуатации, мы можем надеяться построить лучший мир»¹. Но чтобы «оберегать свободу от эксплуатации», прежде всего необходимо установить свободу от эксплуатации, то есть установить социалистические производственные отношения, то есть «спроектировать» социалистическую революцию.

---

¹ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*. vol. 2. p. 143.

3. КЛАССЫ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ

Едва ли надо подчеркивать, что человеческая общественная деятельность очень сложна и стала еще сложнее с развитием цивилизации. Сложность эта связана не просто с разнообразием деятельности, но и с соответствующим многообразием институтов. Ибо каждый вид общественной деятельности так или иначе регулируется и, следовательно, имеет свои институты. Поскольку деятельность стала разнообразнее, то появился и особый вид ее, назначение которого состоит в том, чтобы управлять, организовывать и контролировать деятельность, а также управлять и руководить институтами руководства, организации, контроля, администрации и управления.

Необходимо также, говоря об институтах, всегда помнить о том, что они весьма разнородны, и то, что можно с основанием утверждать в отношении одного типа институтов, не имеет никакого смысла применительно к другому. Заявления насчет «всяких институтов» или «институтов вообще» поэтому в большинстве случаев просто абсурдны. Когда д-р Поппер наставляет нас по поводу «социальной инженерии», он, очевидно, особенно заботится об *институтах управления*. Особый характер таких институтов выражается в том, что определенные лица «ответственны» за них, «занимают посты» в них и т. д.—выражения, не имеющие вовсе никакого смысла применительно к другим типам институтов. Вместе с такими институтами в социальную жизнь вступает элемент, известный под названием «авторитета» и «власти». С ним мы должны иметь дело, если хотим рассуждать с практическим смыслом относительно «социальной инженерии» с целью «постепенного планирования институтов, способных построить лучший мир».

Авторитет, или власть, понимался иногда некоторыми простодушными социологами (включая Дюринга, которого критиковал Энгельс, но, конечно, не включая д-ра Поппера) как состоящий просто в том, что некие лица владеют материальными средствами, чтобы запугивать других и распоряжаться ими. Так, человек с большой палкой — это владыка, а происхождение власти объясняется очень просто посредством теории, что когда-

то однажды какие-то люди незаметно для других вооружились большими палками. Однако власть в обществе развивается с развитием институтов управления и осуществляется через эти институты в соответствии с установленными в них правилами. Это обстоятельство выражается в нашем языке фактической равнозначностью слов «власть» и «авторитет». Даже тираны, на которых так яростно нападает д-р Поппер, неспособны захватить власть, просто ударяя по голове других людей, и могут сделать это лишь завоеванием авторитета в социальных институтах и «планированием и созданием» своих особых институтов для осуществления этой власти.

Важной чертой взаимосвязи административных и правительственных институтов с другими институтами является то, что изменения в последних часто происходят при посредстве и благодаря авторитету первых. Так, например, изменения существующих установлений в области собственности могут быть произведены посредством законодательства, принятого и осуществляемого правительственными институтами. В организациях меньшего масштаба, скажем в правилах игры в крикет, изменения могут быть произведены посредством такого руководящего органа, как мэрилебоунский крикетный клуб. Впрочем, власть подобных органов не безгранична. Они могут произвести не всякие изменения, какие им вздумается, а лишь такие, которые в данных условиях возможны и которые могут найти достаточно сторонников. В то же время изменения, происходящие в какой бы то ни было общественной деятельности, в частности в развитии классовой борьбы, часто требуют и влекут за собой значительные изменения в структуре и деятельности органов власти.

Ограничения установленной власти выражаются в том, что носители ее не только не могут осуществлять каких-то желательных им мероприятий, но и обязаны проводить другие мероприятия. Это в равной степени относится как к власти тиранов и диктаторов, так и к демократически установленной власти. Это в равной степени относится как к тем случаям, когда власть, о которой идет речь, является высшей правительственной властью, так и когда дело касается власти меньшего масштаба, осуществляемой, допустим, в женских институтах или провинциальных крикетных клубах. Всякая

власть обременена обязанностями и ограничениями. В крикетном клубе, например, участок поля между линиями подачи должен содержаться в надлежащем состоянии, игры должны быть организованы, а для этого изысканы средства. Руководство клуба обязано уделять внимание этим вопросам, поскольку они являются объективными условиями игры в крикет. Подобного рода соображения применимы и к правительствам. И во всяком случае, если носители власти пренебрегают своими обязанностями или пытаются превысить свои полномочия, власть их либо рухнет сразу, либо идет на убыль. Так, Энгельс заметил, что даже в случае «деспотических» правительств «в основе политического господства повсюду лежало отправление какой-либо общественной должностной функции и что политическое господство оказывалось длительным лишь в том случае, когда оно эту свою общественную должностную функцию выполняло. Сколько ни было в Персии и Индии деспотий, последовательно расцветавших, а потом погибавших, каждая из них знала очень хорошо, что она прежде всего — совокупный предприниматель в деле орошения речных долин, без чего там невозможно было какое бы то ни было земледелие»¹.

Соответственно научному методу, которым пользовался Маркс при рассмотрении вопроса об общественных институтах, правительство или государство является высокоспециализированным типом института (или скорее комплексом специализированных институтов), подчиняющимся требованиям, определенным данным способом производства. Специализированная функция управления, выполняемая правительствами или государственными институтами, является, несомненно, примером разделения труда, результатом общественного развития разделения труда. В условиях первобытного общества, где для направления и организации несложной жизни общины было достаточно созыва племенных сходов, ведущей роли вождей и т. п., специализированные правительственные институты неизвестны. Лишь там, где разделение труда привело не только к многообразной специализации в деятельности отдельных индивидов, которую надо было координировать, но и к установлению

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 184.

частной собственности на средства производства, а значит, к классовым различиям и антагонизму классовых интересов, возникает необходимость в особом виде всеохватывающего управления обществом, которое выполняется правительственными институтами. На этой стадии и создаются такие институты, в которых определенные лица становятся правителями, чиновниками, руководителями. Увеличение числа различных взаимозависимых общественных функций и форм деятельности, каждая из которых регулируется и направляется соответствующими ей институтами, делает необходимым установление высшей власти, обеспечивающей, насколько возможно, сохранение общих условий, в рамках которых все они могут развиваться; вместе с тем антагонизм, порождаемый отношениями собственности и классовыми различиями, делает необходимым установление власти достаточно сильной, чтобы сдерживать конфликты и не дать им разрушить социальный порядок.

Очевидно, что при таких производственных отношениях, когда сравнительно небольшим числом собственников эксплуатируется занятое тяжелым трудом большинство, данный социальный порядок не мог бы (человеческая природа неизменна, как говорил Фукидид) существовать очень долго, если бы государственные институты не служили защите отношений собственности, сдерживая и наказывая всех, кто объединился для сопротивления эксплуатации. *Где бы и когда бы ни устанавливался социальный порядок, основанный на эксплуатации человека человеком, он всегда предполагает государственные институты, служащие сохранению этой эксплуатации, а следовательно, и интересам основного эксплуататорского класса.* Он существовал, только пока существовали такие институты, и рушился лишь тогда, когда его государственные институты уступали внутренней революции или нападению извне, а то и комбинации того и другого.

Такова, в самых общих чертах, марксистская теория происхождения государства. Д-р Поппер возражает, со свойственной ему энергией, что нельзя из теории происхождения делать выводов о том, что может или не может случиться где-то *сейчас*. Пусть государства возникли, чтобы защищать эксплуатацию; но это не обязательно означает, что *сегодняшний* «социальный инженер».

желающий «планировать институты, оберегающие свободу от эксплуатации», обязан вести революционное наступление на существующие правительственные институты, ибо, каков бы ни был источник этих институтов в древнем обществе, они могли в корне измениться за прошедший с тех пор период времени. Это, конечно, совершенно верно. Но не настолько уж глупы марксисты, чтобы делать выводы относительно «сущности» правительственных институтов, расположенных сегодня на берегах Темзы, из гипотез о происхождении институтов, созданных тысячелетия назад близ Тигра и Евфрата.

Суть исследования источников происхождения заключается в том, что такие исследования проливают свет на функции. Создать теорию о том, каким образом рост и умножение видов человеческой деятельности и человеческих отношений, являющиеся результатом развития общественного производства, привели к возникновению государственного управления и его институтов (что и делал Маркс), — значит наглядно показать те *общественные функции, которые выполняла государственная власть, и к выполнению которых были приспособлены ее институты.* Что же касается сегодняшнего дня, вопрос состоит фактически в том, нужна ли еще государственная власть, чтобы выполнять, и выполняет ли она аналогичные функции. Поскольку капитализм по-прежнему основывается на эксплуатации человека человеком, а классовая борьба эксплуатируемых с эксплуататорами продолжается, Маркс пришел к выводу (и вывод его продолжает подтверждаться), что в капиталистическом обществе *государственная власть продолжает выполнять функцию охраны социального порядка с его отношениями эксплуатации.* Поэтому он заключил, что те, кто желает избавиться от эксплуатации и «планировать институты, оберегающие свободу от эксплуатации», должны внимательно изучить существующие государственные институты, чтобы установить, каким именно образом последние действуют в интересах сохранения эксплуатации. Установив это, они могут выработать меры, чтобы воспрепятствовать выполнению этой функции.

Что касается «социальных инженеров» д-ра Поппера, то, если они действительно хотят «планировать лучший мир», им следовало бы наконец сколько-нибудь изучить,

Что можно сделать с теми институтами, которые посвящают свои силы сохранению худшего мира. Однако это изучение опрокинуло бы утопические надежды д-ра Поппера на «соглашение», так как власти, о которых идет речь, вряд ли согласятся сложить свои полномочия без борьбы. И он предпочитает придерживаться своих висящих в воздухе обобщений относительно «институтов вообще».

По мнению д-ра Поппера, огромное преимущество демократической системы правления над тиранией или диктатурой состоит в конструировании механизма институтов для *контроля* за должностными лицами и избавления от них, если они не удовлетворяют своему назначению. Плохой тиран, как и плохой премьер-министр, может быть смещен, причем первый — лишь при помощи насилия, тогда как для смены премьер-министра предусмотрены конституционные, ненасильственные средства. Мы можем искренне согласиться, что демократическая форма правления обладает этим преимуществом и что в ходе эволюции демократических институтов достигнут прогресс в искусстве цивилизованной жизни. Но все равно мы должны ограничить нашу солидарность с ликованием д-ра Поппера по поводу совершенства наших правительственных институтов, поставив вопрос, защищая чьи именно классовые интересы эти институты эволюционировали и какие гарантии защиты классовых интересов они в себе заключают. Если для того, чтобы «построить лучший мир», требуется в противоположность интересам, которые в первую голову поддерживаются существующими правительственными институтами, защищать другие интересы, то мы должны заботиться не столько о сохранении наших институтов, сколько о замене их, чтобы уничтожить гарантии для интересов одного направления и установить гарантии для другого, чтобы уничтожить условия постоянного удовлетворения интересов одного направления и установить их для удовлетворения интересов другого. Именно такова политическая программа Коммунистической партии.

Одним из поводов, вызывающих недовольство д-ра Поппера Коммунистической партией, является то, что Маркс учил ее «мыслить категориями не институтов, а классов». Но великий вклад Маркса в научное мыш-

ление в вопросе институтов как раз и заключается в указании путей, которыми *классы обеспечивают и проводят свои интересы посредством институтов, в частности правительственных.*

Среди тех, кто не заходит настолько далеко, чтобы отрицать, что классовые интересы оказывают значительное влияние на правительство (было бы справедливым, пожалуй, включить и д-ра Поппера в их число), обычным является взгляд, что в функции правительства входит поддержание своеобразного равновесия классовых интересов, чтобы обеспечить, насколько возможно, удовлетворение каждого интереса не во вред другим. Похоже, что этот взгляд подтверждается и практикой нынешних правительств в случае, например, конфликтов в промышленности, когда каждая сторона, как правило, приглашается в министерство труда в надежде достичь компромисса. Менее привлекательным вариантом этой теории управления служит взгляд, что правительства удерживают власть путем натравливания одной стороны на другую (по утверждению Карла II, в этом заключался секрет королевской власти во время его собственного веселого царствования). Принципиальная сущность всех таких теорий заключается в том, что само правительство не является орудием проведения интересов какой-либо группы (а если является, то это «плохое» правительство), но что его функция заключается в поддержании закона и порядка в общих интересах каждого — «народа», «общества», «нации». Точка зрения д-ра Поппера, очевидно, такова, что, хотя в прежние плохие времена правительства бывали нередко далеки от беспристрастности, та демократия, которая установлена в Великобритании и в Соединенных Штатах, сейчас действительно достигла или очень близка к достижению этой цели.

Лживый характер подобных теорий в применении к любому социальному порядку, основанному на эксплуатации человека человеком, в том числе и к современному капитализму, определяется тем обстоятельством, что в целях *сохранения основных отношений собственности и ведения дел в определяемых ими рамках, правительство всегда должно поддерживать коренные интересы эксплуатирующих классов против эксплуатируемых.* Эту функцию современных капиталистических правительств

в самом деле достаточно ясно демонстрирует приведенный выше пример промышленных конфликтов. Если рабочие не хотят соглашаться на компромисс, приемлемый для предпринимателей, то правительство всегда остается на позиции поддержки последних, заставляя рабочих принять его. В противном случае, как всегда заявляют нам представители правительства, пострадают самые устои общества и основы общественного благосостояния в целом. Эта функция правительства обеспечивается наличием мощных, хорошо организованных институтов, заставляющих его действовать именно *таким* образом.

В целом же власть с ее правами и полномочиями установлена для выполнения общественной функции — направлять, организовывать и контролировать определенные виды общественной деятельности в определенных целях. Должностные лица и представители власти облечены ею на условиях, что они выполняют свои общественные функции. Осуществляемая ими власть социально установлена для охраны определенных общественных отношений и организации общественной деятельности внутри них, в чем непосредственно заинтересованы не только должностные лица, но и множество других людей, над которыми те осуществляют власть.

Даже тиран обязан, если он хочет, чтобы его власть сохранилась, заботиться о выполнении на своем посту обязанностей по отношению к определенным общественным группам. Преуспевающий тиран всегда относится сознательно к определенным жизненно важным для общества вопросам: наблюдает, скажем, за ирригационными работами или способствует развитию торговли и промышленности. Тираны, лишенные этих качеств (подобно некоторым римским императорам), обычно терпели крах. В наши дни в капиталистических демократических странах разработана сложная система контроля и противодействия, обеспечивающая не только то, чтобы чиновники выполняли свои функции в интересах капиталистов, но и то, чтобы на должности подбирались лица подходящих убеждений и достаточно лояльные, а ненадежные удалялись. В демократическом правительстве Великобритании, например, это обеспечивается не просто (как это часто внушается) посредством периодических выборов, а при помощи партийной системы и тша.

гельно разработанных способов закулисного обмана, благодаря которому государственные служащие оказывают влияние на министров, а промышленные и финансовые группы — на государственных служащих и партийных руководителей.

Велико, следовательно, значение этого механизма, посредством которого при любых разновидностях власти (будь то власть клубного комитета, восточного деспотизма или демократического правительства) руководящие лица избираются, держатся в определенных границах в смысле использования власти и ставятся перед необходимостью выполнять свои функции и осуществлять свои обязанности по отношению к тем, чьим интересам служит их деятельность.

Классовые интересы отстаиваются через институты. Это не значит, что все институты способствуют осуществлению исключительно классовых интересов, ибо очевидно, что это не так: это значит, что *когда налицо классовый интерес, то находятся и институты, которые его отстаивают*. Совершенно верно, что многочисленные индивиды, составляющие класс, не все без исключения посвящают себя отстаиванию общеклассовых интересов, поскольку множество причин чисто личного порядка заставляют их преследовать цели, не связанные или приходящие в столкновение с их классовыми интересами. Но *совокупность всей общественной деятельности* ведет к утверждению классовых интересов. Существование общеклассового интереса приводит к созданию институтов, содействующих его осуществлению, причем последние оказываются намного сильнее тех институтов, которые служат лишь эксцентричным целям прочих групп людей. Так, в Великобритании наших дней партия консерваторов представляет собой гораздо более влиятельный институт, чем, допустим, Лига борьбы с осповиванием или Общество соблюдения воскресных дней, так же как Федерация английской промышленности по сравнению, скажем, с Лигой защиты собак.

Я уже говорил, что классы развиваются и объединяются посредством развития институтов, имеющих целью охрану и осуществление их интересов, в противоположность другим классам. Можно сказать, что класс обладает властью в той степени, в какой им создана система институтов, через которые эффективно проводятся в

жизнь его интересы. Если в число их входят основные правительственные институты, то класс, о котором идет речь, может быть безошибочно охарактеризован как «правлящий класс». *При таких условиях государственная или политическая власть действительно принадлежит этому классу* — как она действительно принадлежит сейчас классу капиталистов в капиталистических странах, насколько бы демократичны ни были некоторые из них.

«Классы никогда не управляют, — говорит д-р Поппер. — Правителями всегда являются люди»¹. Трудно было бы вообразить более вопиющий пример присущего д-ру Попперу обыкновения выдвигать ложные антитезисы. Конечно, «правителями всегда являются люди». Если меня спрашивают, например, кто сейчас в Великобритании премьер-министр, я отвечаю: мистер Хит. Будучи марксистом и считая, что правящим классом является класс капиталистов, я не мог бы подумать, что премьер-министром является класс капиталистов, а подумал бы только, что премьер-министр находится под башмаком у класса капиталистов. Ясно, что класс правит в ином смысле, нежели это делает находящаяся на высоком посту личность. Премьер-министр в Великобритании занимает самый высокий пост. Но британские правительственные институты настолько изобретательно построены (не в результате чьего-либо заговора, а в итоге длительного процесса исторического развития и классовой борьбы), что существуют сотни связей, посредством которых класс капиталистов может помешать назначению на высшие должности лиц, ненадежных с точки зрения его классовых интересов, и обеспечить, чтобы люди, облеченные властью, использовали ее именно так, а не иначе. Вот каким образом правит класс капиталистов. Если когда-нибудь этот сложный механизм управления окажется сломанным, класс капиталистов перестанет быть правящим классом. Но для того, чтобы сломать его, требуются согласованные усилия огромной массы людей, объединенных в институты, проводящие в жизнь другие классовые интересы.

Институты власти всегда связаны с сохранением и осуществлением определенных интересов. Это так же

---

¹ К. Поппер, *Conjectures and Refutations*, p. 345.

Верно по отношению к массе мелких институтов (обществ, клубов и т. д.), как и по отношению к государственной власти и правительствам. Те, кто желает произвести перемены, всегда восстают против мертвого груза сопротивляющихся традиций. Они часто приписывают это упрямству и тупости отдельных людей — но это нечто гораздо большее, это сопротивление институтов, связанных с одними интересами, проведению в жизнь других. Сталкиваясь с этим, люди, даже находящиеся у власти, могут почувствовать себя совершенно беспомощными: «Я так хотел бы сделать что-нибудь еще, но мне не дозволено». *Чтобы произвести перемены, новый интерес должен создать организацию, способную порвать связи власти с прежним интересом.*

Классовый подход Маркса, который учит нас мыслить о государственных институтах конкретно, категориями классов, а не абстрактно, отвлеченно от отстаивания совокупного классового интереса, помогает нам понять, что капиталистический общественный порядок существует и может продолжать существовать только благодаря устойчивой системе институтов, обслуживающих и охраняющих капиталистические интересы силою государственной власти. Чтобы в интересах общественного блага порвать юковы, налагаемые капиталистическими отношениями на общественное производство, необходимо совершенствовать организацию рабочего класса в ходе противодействия существующей власти до того момента, когда власть переходит в руки рабочего класса. Это значит не только то, что у власти должны быть поставлены люди, преданные социализму и готовые выполнять социалистическую программу, но и то, что сами институты власти должны быть изменены и заменены в такой степени, чтобы весь правительственный аппарат переключился на установление социалистических отношений вместо сохранения капиталистических, а прежние связи с капиталистическими классовыми организациями были порваны и укреплены другие.

4. ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ ГОСУДАРСТВА

В своей книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельс охарактеризовал «го-

«Государство» как «силу, происшедшую из общества, но ставящую себя над ним». «...Государство отличается во-первых,— продолжает он,— разделением подданных государства по *территориальным делениям*»; государство управляет определенной территорией. «Вторая отличительная черта — учреждение *публичной власти*», которая «состоит не только из вооруженных людей но и из вещественных придатков, тюрем и принудительных учреждений всякого рода»¹. «Обладая публичной властью» в пределах территории государства, его чиновники, следовательно, «становятся, как органы общества, *над обществом*»².

Марксизм совершенно ясно признает, стало быть, что государство, как система административных и правительственных учреждений, должно включать в себя не только организацию *администрации*, но и организацию *принуждения*. Конечно, с развитием и усложнением общественной деятельности и общественных отношений современные государства сталкиваются с необходимостью обеспечивать множество общественных нужд, брать на себя ряд чисто хозяйственных функций и держать только для одних этих целей огромное число чиновников. Однако для существования государства и его власти остается необходимым то же, что всегда было необходимо для всякого государства — «учреждение публичной власти», — машины принуждения, с ее командованием и администрацией. Как сказал Энгельс, эта публичная власть впервые понадобилась и с тех пор оставалась необходимой вследствие появления классовых противоположностей внутри общества. «А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах «порядка»»³. Необходимы отряды вооруженных людей, тюрьмы, действенные материальные средства для запугивания, принуждения и наказания, и группа лиц, командующих ими, чтобы защитить социальный поря-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 170

² Там же, стр. 171.

³ Там же, стр. 170

док от людей или организаций, деятельность которых угрожает его разрушить.

В ряде научных работ, посвященных современным ему или совсем недавним событиям, Маркс показал, как в ходе буржуазной революции (под которой понимается ряд событий, приведших к установлению капиталистических производственных отношений и демократических прав) чрезвычайно усилился административный, судебный и принудительный государственный аппарат. Построение такого мощного централизованного аппарата началось еще при абсолютной монархии. Сейчас очевидно, что по сравнению с тем, чем располагали древние деспотии или феодальные государства, современная государственная гражданская служба, суд, армия и полиция представляют собой чрезвычайно мощную силу. Эта прочно связанная, централизованная, хорошо вооруженная и кажущаяся долговечной сила связана со службой капиталу тысячами духовных и материальных уз; и она приобрела долговечность, устойчивость и преемственность, независимо от прихода и ухода министров и правительств.

Маркс был, разумеется, не единственным наблюдателем, заметившим это явление. Бальзак, который внимательно изучал буржуазную революцию и проницательности которого многим обязан Маркс, наблюдал это раньше.

В «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» Маркс высказал замечание по поводу роста «исполнительной власти с ее громадной бюрократической и военной организацией», которую буржуазия на каждом этапе своих попыток установить или сохранить гарантии неприкосновенности капиталовложений оказывалась «вынужденной усилить»¹. Во времена слабости или опасности эта организация готова была взять на себя власть, независимую от каких-либо форм демократии, ради сохранения закона и порядка. А министры, занимавшие временно выборные должности, будучи лишь номинально хозяевами всей этой организации, оставляли ее нетронутой, чтобы она продолжала свою работу по управлению и охране социальной системы, основанной на эксплуатации труда; или, если они слишком вмешивались в дела,

---

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 205—206

их сбрасывали с постов. Обращаясь к библейской метафоре, можно сказать: если они ей не по вкусу, она их изрыгает.

Маркс отметил—и то, что он в свое время наблюдал, продолжало происходить,—что, хотя на протяжении экономического развития и эволюции институтов политической власти растущая активность и организованность рабочего класса играли большую роль во всех событиях, она все же не помешала росту «громоздкой бюрократической и военной организации», поддерживающей капитализм. Действительно, протесты и требования заставляли ее все более укрепляться для того, чтобы совладать с ними; и за последние годы, когда рабочие организации уже стали прочными, она все дальше укреплялась и совершенствовалась, включив в себя аппарат для консультаций и примирения в трудовых конфликтах. Маркс сделал вывод: «Все перевороты усовершенствовали эту машину вместо того, чтобы сломать ее»¹. Но если с эксплуатацией труда когда-то должно быть покончено, то вместо того, чтобы позволять этой организации исполнительной власти укрепляться и совершенствоваться, *рабочий класс должен использовать силу своей собственной организации, чтобы разбить ее и учредить иным образом построенную и ориентированную исполнительную власть.*

В современном капиталистическом обществе существует огромный комплекс взаимосвязанных между собой институтов, посредством которых ведется руководство и управление делами. Если даже упомянуть лишь самые необходимые из них, это промышленные, финансовые, воспитательные учреждения и другие общественные службы, каждая из которых имеет свое руководство и контроль, воздействующий на них как «сверху», так и «снизу». Есть выборные общества, советы и комитеты, а также различные консультативные органы. Сохранение и деятельность всего этого комплекса учреждений зависит от энергии и бдительности центральных государственных институтов управления и принуждения. Это краеугольный камень в здании власти. Рычаги управления властью действуют от низших органов по направлению к высшим и наоборот. С вершины этой централи-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 206.

зованной организации контроль осуществляется над всеми остальными частями здания. Власть, учрежденная таким образом, используется для направления и защиты целого.

Как же контролируется сама эта высшая организация власти? Структура всех институтов разрабатывалась на основе развития капиталистических производственных отношений, в процессе которого установились тесные связи между «бюрократической и военной организацией» государства и высшими должностными лицами в сфере промышленности и финансов, распоряжающимися «экономической властью». По мере концентрации капитала в меньшем числе более крупных организаций связи эти становились все более прочными.

В такой стране, как Великобритания, например, органы руководства гражданскими ведомствами и вооруженными силами наряду с полицией и судебными учреждениями за долгие годы выросли в защитников и помощников капитала. Дело обстоит не так, конечно, что определенные промышленные магнаты из лондонского Сити отдают приказы, а эти подчиненные только им повинуются. Не так-то это просто. И часто бывает совсем наоборот. Эта система представляет собой фактически систему контроля и равновесия, в которой те, кто владеет коридорами власти Уайтхолла, и те, кто располагается в Сити, консультируются друг с другом и интригуют друг против друга как личности. Но по линии институтов связь между ними полнейшая, и она намного устойчивее любого соглашения или разлада между лицами, занимающими должности в государственном аппарате или в организациях большого бизнеса. Это чрезвычайно мощная безликая сила, действующая в интересах охраны и обеспечения доходов монополистического капитала, которая в качестве таковой оказывается куда сильнее любого отдельного магната или правительственного чиновника.

Порвать эту связь, взять бюрократическую и военную организацию под демократический контроль под руководством рабочих организаций и использовать ее для переключения с капиталистических производственных отношений на социалистические, означало бы «сокрушить» существующую организацию. Д-р Поппер и пр. говорят, что эта организация действенна и разумный

курс поведения заключается в том, чтобы демократическим путем повысить ее действенность на пользу общественному благу, а не «сокрушать» ее. Но бюрократическая и военная организация, хотя ее и называют часто «машиной» (сам Маркс пользовался этим словом для ее обозначения), не состоит, подобно обычной машине, из комплекса частей, подчиняющегося воздействию и контролю извне, так что каждый, кто может взяться за рычаги управления, способен заставить его делать желаемую работу. Эта организация росла и совершенствовалась как организация капитализма и капиталистических связей между экономической и политической властью.

В наше время много говорят по поводу борьбы за власть внутри демократических правительственных учреждений. Но это борьба не за крупные изменения в институтах власти и в способах их контроля и деятельности, а борьба отдельных лиц, политических фракций и политических партий за отдельные завидные должности внутри них. Предпосылкой ее является принятие институтов власти более или менее такими, каковы они есть, а цель ее — получить должность себе и друзьям и не оказаться за бортом. Занимающимся такого рода политикой нужно стараться не оступиться, а то вместо возможности использовать достигнутую власть для проведения желаемого политического курса они могут обнаружить, что машина, которой они надеялись управлять, действует вопреки им и выбрасывает их прочь. Суть этого хорошо проиллюстрирована в романе Ч. П. Сноу «Коридоры власти», где министр, обеспокоенный гонкой ядерных вооружений, вносит предложения, кажущиеся организациям бизнеса, влиятельным деятелям обеих партий и высшим гражданским чиновникам слишком далеко идущими, поэтому он вынужден подать в отставку и оказывается разжалованным до положения бессильного заднескамеечника в парламенте. (Я ничего не говорю о литературном мастерстве этого романиста, хотя отобразить с такой отчетливостью, как осуществляется руководство делами, само по себе есть признак литературного мастерства.)

Следует добавить, что наряду с развитием демократических институтов, сделавшим министров ответственными перед избирателями (процесс, быстро развивав-

шийся с тех пор, когда писал Маркс), совершенствовались средства пропаганды, «массовые средства» воздействия на общественное мнение и хорошо организованный партийный аппарат, финансируемые и контролируемые большим бизнесом. Поэтому этот мощный аппарат готов служить большому бизнесу, оказывать влияние на избирателей, подтасовывать результаты выборов и дезориентировать в требуемой степени общественное мнение

Глава 6

ЗАВОЕВАНИЕ ДЕМОКРАТИИ

1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ

Главный политический вопрос, стоящий в капиталистическом обществе, это — лишить класс капиталистов государственной власти и передать ее рабочему классу, с тем чтобы эта власть могла быть использована для избавления от капитализма и построения социалистического общества. Этот вывод был сделан Марксом из его анализа институтов, особенно административных и правительственных, с точки зрения классов и классовой борьбы. Д-р Поппер, напротив, полагает, что главный политический вопрос состоит в расширении и укреплении демократии. Суть дела в выборе не между двумя группами правителей, а между демократией и диктатурой. Ставя вопрос в такой плоскости, д-р Поппер отрицает, что демократия является (как утверждал Маркс) формой правления, внутри которой осуществляется власть класса, и утверждает, что она, наоборот, есть нечто, делающее постановку вопроса о власти класса неуместной и устарелой.

Д-р Поппер относит к Платону тот путаный и антидемократический взгляд на политическую власть, который он приписывает Марксу. «Мое убеждение,— говорит он,— что, выражая проблему политики в форме вопроса: «Кто должен управлять?» ...Платон надолго внес путаницу в политическую философию»¹ Выходит, следова-

---

² К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 1, p. 120.

тельно, что проблема политики сводится к тому, какие лица, группы или классы должны захватить и удерживать власть. Однако опыт показывает, что, кто бы ни получил власть, он всегда испытывает сильный соблазн злоупотреблять ею. Следовательно, политически более важен вопрос не о тех, кто стоит у власти, а о том, как *контролировать* их пользование ею. Основной политический вопрос не в том, кому доверить власть, а скорее в том (раз фактически ни один полномостный правитель не заслуживает доверия), как организовать через политические институты наиболее эффективный контроль над властью. Ответом на этот вопрос является, по Попперу, демократия.

В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс сказали, что «превращение пролетариата в господствующий класс» и есть «завоевание демократии»¹. Они сказали это, убеждает д-р Поппер, потому что думали, что «демократия» означает «власть народа» или «власть большинства», а пролетариат *является* большинством. Однако, наоборот, говорит он нам, демократия состоит вовсе не во «власти» кого-либо в частности, а в «учреждении контроля» над теми, кто занимает посты, со стороны тех, кто их не занимает. Таким образом, марксистская «теория о том, что единственной альтернативой диктатуре одного класса является диктатура другого класса»², опровергается указанием на то, что альтернативой любой диктатуре, класса или личности, служит «учреждение контроля над правителями», эффективность которого достигается демократической его организацией. Что же касается «диктатуры одного класса», то д-р Поппер уже утверждал, что это, во всяком случае, абсурдная идея, поскольку «классы никогда не управляют. Правителями всегда являются люди». Так называемая «диктатура пролетариата» есть в действительности не что иное, как тирания ничтожной клики, выдающей себя за «власть народа».

Величайшее преимущество демократии, объясняет д-р Поппер, в том, что она обеспечивает возможность установления контроля за действиями правителей или

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 446.

² К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 1. p. 122.

должностных лиц, кто бы они ни были, а также в случае необходимости смены правителей без применения насилия. Если демократических институтов нет или эти институты неразвиты и слабы, единственный способ контроля или смены правителей заключается в противопоставлении какой-то формы насилия насилию последних. Исторически создание демократических институтов связано, разумеется, с сопротивлением действиям деспотических правителей. Исходя из этого, д-р Поппер имеет возможность сформулировать определение «демократии» в следующих словах: «Под демократией я подразумеваю не что-либо неопределенное, наподобие «власти народа» или «власти большинства», но систему институтов (среди них в особенности всеобщие выборы, то есть право народа смещать свое правительство), которая позволяет осуществлять общественный контроль над правителями и смещение их по воле управляемых и дает возможность последним добиваться реформ без применения насилия, даже против воли правителей»¹.

Этому определению сопутствуют два вывода, с первым из которых мы уже знакомы.

Первый вывод гласит, что «мы можем различать две основные формы правления», а именно демократию и диктатуру, или тиранию. «Первая форма состоит из правительств, от которых мы можем избавиться без кровопролития — например, путем всеобщих выборов... Вторая форма состоит из правительств, от которых управляемые не могут избавиться иначе, как путем успешной революции»².

Второй вывод гласит, что «принцип демократической политики» состоит в том, «чтобы создавать, развивать и защищать политические институты, помогающие избежать тирании. Этот принцип не предполагает, что мы всегда можем получить институты такого рода, которые бы работали безупречно и надежно или обеспечивали, чтобы политическая линия, принятая демократическим правительством, была справедливой, полезной или мудрой — или хотя бы непременно более полезной и мудрой, нежели политическая линия, принятая благожелательным тираном... Можно сказать, однако, что принятие

---

¹ K. Popper, *The Open Society and its Enemies*, vol. 2, p. 151.

² *Ibid.*, vol. 1, p. 124.

демократического принципа несет в себе убежденность, что проведение даже плохой политики в демократической стране (до тех пор, пока мы можем действовать в интересах мирных перемен) следует предпочесть подчинению тирании, пусть даже мудрой и благожелательной»¹.

Как марксист я не могу не согласиться с д-ром Поппером, когда он говорит, что «под демократией я подразумеваю не что-либо неопределенное, наподобие „власти народа“, или „власти большинства“». Может быть, и можно упрекнуть Маркса и Энгельса в том, что они часто употребляли слово «демократия», не давая определения последней. Но во всяком случае, не Маркс, а Авраам Линкольн определил демократию как «власть народа, для народа, осуществляемую народом». И вовсе никакой не марксист, а покойный Джон Стрэчи, после того как он перестал быть марксистом, определил ее как широкое распространение власти среди членов общества. Это тот образец определения «демократии», который, по рассказу Г. Уэллса, привел в такое недоумение весьма разумного верховного правителя Луны, когда первый попавший на нее человек «коротко описал ему наше общественное устройство», объяснив, что на Земле «все принимают участие в управлении». Услышав это, Великий Лунарий, как повествует автор, «приказал sprysнуть свою голову охлаждающей жидкостью»². Несомненно, демократия не может быть определена как политическая система, в которой каждый, или хотя бы большинство, получает свою долю власти. Нельзя ее определить и как наделение властью отдельных лиц или классов. Это достаточно ясно подразумевается в настойчивом утверждении Маркса, что может существовать как капиталистическая, так и социалистическая демократия, или, другими словами, что класс капиталистов, ничтожное эксплуататорское меньшинство, может с пользой проявлять и часто действительно проявляет свою власть в управлении жизнью большинства, руководя демократическими правительственными институтами. Давать определение «демократии» как «власти народа» значило бы подразумевать один из двух выводов, оба из которых

---

¹ Ibid., p. 125.

² Г. Уэллс, Собр. соч., т. 3, М., 1964, стр. 181.

Маркс стал бы оспаривать: или в капиталистических странах нет демократии или же политическая власть в них не принадлежит в действительности классу капиталистов.

Что бы ни говорил д-р Поппер, мы думаем, что марксисты не могут определять «демократию», исходя из того, «кто правит» или «кто пользуется властью». Наоборот, мы можем согласиться с д-ром Поппером в понимании ее как характерной черты или формы институтов власти или управления, выражающейся *в контроле, установленном над должностными лицами или правителями*, включая их смещение и замену, осуществляемые теми, кем они управляют.

Для нас, следовательно, как и для д-ра Поппера, практическая проверка того, является ли институт, управляющий делами и людьми, демократическим и в какой мере демократическим, состоит в определении, установлено ли для него и в какой мере положение, согласно которому *те, кто не занимает должностей, могут обсуждать, проверять должностных лиц, контролировать взятый ими курс, утверждать их в должности или смещать*. Такой проверки достаточно для нас, чтобы критиковать антидемократические действия и предлагать или поддерживать демократические, касается ли это руководства крикетным клубом, тред-юнионом или народным хозяйством. Мы сторонники демократии. И мы являемся ее сторонниками почти по той же причине, по какой объявляет себя ее сторонником д-р Поппер: демократия — это оплот против тирании, средство избавиться от плохих правителей, средство, позволяющее обсуждать и критиковать политику, наконец, средство, обеспечивающее проведение реформ без применения насилия.

Однако д-р Поппер, по-видимому, не замечая этого, или, во всяком случае, не будучи слишком щепетильным в этом отношении, перескакивает от определения демократии как особенности институтов управления, заставляющей должностных лиц нести ответственность перед другими людьми, к определению «демократии» как законченной политической системы или как «сети институтов», которая в целом «позволяет осуществлять публичный контроль над правителями... и добиваться реформ без применения насилия». Тем не менее от создания отдельных демократических институтов и пользо-

вания благодаря им определенными демократическими правами как небо от земли далеко до создания законченной «сети институтов», выполняющих все функции государственного управления и являющихся демократией, и не чем иным, как демократией. Нельзя слишком подчеркивать, что *демократия есть свойство институтов управления или форма таких институтов*, а не сам по себе данный институт или ряд институтов. В то время как существует множество демократических институтов, через которые осуществляется управление, нигде нет законченной системы институтов управления, в которых демократические методы не встречали бы противодействия со стороны антидемократических методов, а то и не находились бы в войне с ними. Не существует такой вещи, как «демократия» в чистом виде, есть лишь различные разновидности демократических институтов. Все они исторически создавались при определенных обстоятельствах, в определенных условиях классовых отношений и классовой борьбы.

Когда д-р Поппер делит все правительства на демократии и тирании, он принимает такой принцип классификации, который не соответствует фактам, как это явствует из рассмотрения конкретных случаев. Было ли, например, правление Тюдоров в Англии тиранией или демократией? Едва ли можно безоговорочно дать ему какое-либо из этих определений, хотя определение его как «демократии» потребовало бы, пожалуй, больших оговорок, чем определение его как «тирании». Предлагаемая Поппером поголовная классификация всяких правительств далеко не точна. И главный ее недостаток становится очевидным при рассмотрении, каким образом отдельные правительства фактически создавались и что они делали. Так, например, древняя тирания Писистрата в Афинах по своей социальной базе и функциям очень сильно отличалась от современной тирании, установленной Гитлером в Германии, так как действия Писистрата были направлены на подрыв власти прежнего господствующего класса, тогда как действия Гитлера имели целью обеспечить господствующий класс неограниченной властью. С другой стороны, слышная своевольной, нередко насильственной политика монархов из династии Тюдоров значительно ограничивала тогдашние требования феодальных владык, создавая условия для пос-

ледующего роста промышленности и торговли, в то время как завоевания тиранов вроде Чингисхана в Азии сопровождались грабежами и разрушением цивилизаций, подвергшихся их нападению. Очевидно, что существуют значительные различия даже между тираниями. Что же касается демократий, то древнегреческая демократия (путь к которой в Афинах был фактически подготовлен предшествующей тиранией) обеспечила установление методов контроля над эксплуатацией крестьян-собственников и рабов, тогда как демократия, которой мы сейчас пользуемся в Великобритании и США, обеспечивает установление методов ведения капиталистической эксплуатации.

Разумеется, есть отчетливое различие между демократическим и тираническим методами правления, поскольку можно различать демократические и деспотические элементы в отдельных правительствах и в ряде случаев охарактеризовать правительства как полностью деспотические. Но это не означает, что простым различением деспотических и демократических методов все правительства могут быть четко разделены на демократии и тирании; в еще меньшей степени такое различие можно считать достаточным для определения той роли, какую играло то или иное правительство в общественном прогрессе и в других аспектах политической эволюции к «демократии и свободе».

Первостепенно важным в оценке форм правления является различие, которое Маркс справедливо подчеркивал (он был не первым из заметивших его), — различие между правительствами с точки зрения того, какие классовые отношения они поощряют и интересам каких классов способствуют. Когда д-р Поппер говорит, что «мы должны проводить различие только между двумя формами правления... то есть демократиями и тираниями»¹, он игнорирует то обстоятельство, что необходимо также различать (среди прочих) рабовладельческие правительства, феодальные правительства, капиталистические правительства и правительства социалистические. Если правительства рассматриваются с этой точки зре-

---

¹ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 2, p. 161.

ния, то можно не только различать, но также и объяснить разнообразные демократические и антидемократические элементы в их образе действий, тогда как если все они огульно отнесены исключительно к двум категориям — «демократии» и «тирании», не только теряют ясность эти важные разграничения между правительствами, но многие из последних вообще не могут быть отнесены ни к одной из этих категорий. Д-р Поппер довольно колко намекает, что идеи Маркса относительно форм правления были весьма доктринерскими. Но если под «доктринерством» понимать введение жестких разграничений, которые не соответствуют фактам и смазывают их существенные особенности, то именно д-р Поппер является доктринером в своих идеях относительно форм правления.

Так, д-р Поппер говорит напрямик, что при «демократии» в отличие от тирании есть «публичный контроль над правителями». Но насколько и в каком смысле это верно для такой демократии, как, например, Великобритания или США? Такие институты, как всеобщие выборы, устанавливают публичный контроль в той степени, в какой правители (подразумевая должностных лиц) должны периодически избираться. Но «публика» в нашем обществе, разделенном на классы, представляет собой весьма разнородную массу, включающую не только рабочих, служащих и специалистов, но и банкиров, промышленников и финансистов. Институты, которые в целом позволяют до некоторой степени осуществлять обобщенный «публичный контроль над правителями», разрешают проводить его над ними гораздо более постоянно и строго со стороны той категории «управляемых», которые составляют капиталистический класс и которые по этой самой причине характеризуются марксистами как «господствующий класс», несмотря на незначительность числа их голосов. Кроме того, пока остальная «публика» решает, как голосовать, их источники информации и средства пропаганды, влияющие на ее представления, контролируются ею в весьма малой степени. *Демократия включает в себя мощные институты для контроля над большинством номинальных контролеров, равно как и для обеспечения длительного эффективного контроля со стороны меньшинства. Пока класс капиталистов может в рамках демократии опи-*

раться на эти формы контроля, он остается фактически господствующим классом.

Далее, эти особенности фактических методов контроля на деле определяют и другое свойство, которое д-р Поппер восхваляет в демократических институтах: они «делают возможным» достигать «реформ без применения насилия».

Правда, в Великобритании установленные правила демократической избирательной системы «позволяют управляемым» ставить у власти парламентское большинство для проведения желаемых реформ. Однако из этого не следует, что британская политическая система не располагает институтами, достаточно сильными, чтобы помешать фактическому осуществлению определенных реформ. Так, если финансовые институты при современных формах контроля во многом могут способствовать саботажу целого ряда намечаемых экономических реформ, то судейская корпорация, гражданские ведомства, полиция и вооруженные силы контролируются так, что, несмотря на их обязательства перед парламентом, они в случае нужды могут не только саботировать реформу, но и аннулировать ее силой. О многих таких произвольных акциях военных в демократических государствах стало известно за последнее время — например, о действиях войск в Ольстере, не говоря уже о более давних случаях такого рода в Африке, Азии и Латинской Америке, а также и в Европе. Вполне ли мы уверены, что современная система управления в Великобритании и Соединенных Штатах может воспрепятствовать подобным действиям в каких-либо новых обстоятельствах?

Действительно, правительственные институты в Великобритании и Соединенных Штатах в целом построены так, что даже гораздо менее радикальные реформы, чем, допустим, обобществление капиталистической собственности, оказывались не осуществимыми без применения силы. Об этом свидетельствуют сцены насилия, часто разыгрывавшиеся при попытках сколько-нибудь значительного числа «управляемых» воспользоваться своим демократическим правом требовать таких реформ, как отказ от ядерного оружия, прекращение расовой дискриминации или же (в периоды безработицы) обеспечение работой или выплата полного содержания безработным. То, что одни институты допускают или делают воз-

можным, другие институты не допускают или делают если не невозможным, то по крайней мере затруднительным и опасным.

Может быть, именно потому, что д-р Поппер так хорошо осведомлен об этих особенностях нашей демократической системы, он с такой убежденностью доказывает, что не следует братья ни за какие реформы, кроме самых небольших. Надо действовать настолько осторожно, чтобы не зайти слишком далеко как при демократии, так и при тирании, чтобы не побуждать власти предрезающие к применению насилия.

Д-р Поппер, обвиняющий марксистов в столь печальной путанице мыслей по вопросу о демократии, сам себе его ясно не представляет. Так, он говорит нам, что «различные равноправные методы демократического контроля, такие, как всеобщие выборы и представительное правительство, следует рассматривать как испытанные и... достаточно эффективные защитные меры против тирании, всегда доступные улучшению»¹. Это утверждение обладает тем несомненным достоинством, что из него вытекают две важные истины. Одна заключается в том, что демократические институты исторически развивались в борьбе против различных форм угнетения, что они созданы не согласно некоей совершенной модели «демократии», а в соответствии с условиями и потребностями определенных форм классовой борьбы. Другая заключается в том, что демократия не есть «полная или никакая» характеристика политических систем, но что определенные политические системы обеспечивают различные методы контроля институтов над правителями, одни более, другие менее демократические, и что мере контроля, который может быть осуществлен через один институт в интересах одного класса, может быть противопоставлена более крупная мера контроля, осуществленного через другой институт в интересах другого класса. Но тем не менее д-р Поппер постулирует существование «системы институтов, допускающей публичный контроль», не принимая в расчет того обстоятельства, что общество разделено на классы и что существуют мощные институты, способствующие

---

¹ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 1, p. 125.

осуществлению классовых интересов — институты для обеспечения того, чтобы эффективный контроль, последнее слово принадлежали одному классу, а не другому.

Правда, демократические институты обеспечивают «защитные меры против тирании». Но это не равнозначно обеспечению «равноправных методов контроля». Когда д-р Поппер говорит о «равноправных методах», он подразумевает, что ни один из классов не пользуется большим влиянием в осуществлении контроля, чем какой-либо другой. Но этого никогда не могло бы произойти, и наверняка известно, что никогда не происходило в обществе, разделенном на классы, в котором эксплуатирующий класс, владеющий средствами производства, может существовать, лишь сохраняя за собой общее управление процессом производства. В системе же контроля за должностными лицами в таком обществе институты контроля позволяют некоторым группам из числа «публики» оказывать гораздо большее контролирующее влияние, чем другим, причем это влияние измеряется не их способностями или их преданностью делу общественного благосостояния, а размерами их собственности.

2. ПУБЛИЧНЫЙ КОНТРОЛЬ И КЛАССОВЫЙ КОНТРОЛЬ

Заблуждение д-ра Поппера в оценке демократии (и не только его заблуждение) состоит в том, что он определяет ее просто как «публичный контроль над правителями», не спрашивая, каким образом в обществе, разделенном на классы, такой контроль разделен между классами.

Это происходит потому, что он игнорирует существование классов, игнорирует и способы, которыми народ в целом проводит и защищает классовые интересы через институты, в том числе и демократические. При этом д-р Поппер противопоставляет вопрос о расширении и укреплении демократии вопросу о власти класса. Это лишь еще один образец ошибочного истолкования противоположностей. Если мы конкретно думаем о дейст-

вительных общественных отношениях и социальных процессах, перед которыми мы поставлены, а не занимаемся лишь абстрактными фразами, то становится очевидным, что *вопросом расширения и укрепления демократии поднимается, а не подменяется вопросом власти класса*. Подобным же образом *вопросом о власти класса поднимается вопрос о расширении и укреплении демократии*. Эти вопросы взаимно предполагают, но не исключают друг друга. Именно это и открыл Маркс благодаря своему диалектическому подходу к изучению социальных вопросов.

Д-р Поппер противопоставляет вопросу о том, какой из классов использует свою власть через государственные институты, вопрос об установлении контроля за властью отдельных должностных лиц. Он придает первостепенную важность вопросу, может ли такая проверка или такой контроль осуществляться без применения силы, или только с ее помощью. В первом случае мы имеем демократию, во втором — тиранию. Но институт ненасильственных методов проверки и контроля должностных лиц, включая их увольнение, не снимает вопроса о власти класса. Ибо остается проблема, позволяет ли данная политическая система эксплуатирующему классу эффективно защищать через институты управления свои права собственности и способ эксплуатации. Марксисты полностью согласны с тем, что желательно учредить систему демократического контроля над должностными лицами. Но это не мешает нам добиваться действенных мер, которые бы положили конец эксплуатации, включая институты управления, которые действительно помогут эксплуатируемым обеспечить себе свободу от эксплуатации. Так же как и д-р Поппер, мы не хотим оказаться под властью тиранов, которых он определил как должностных лиц, которые не могут быть сняты со своих постов иначе, чем только силой оружия. Но мы не хотим оказаться и под властью прислужников класса капиталистов.

Аргументы в пользу демократии всегда обманчивы, если они игнорируют существование классов, классовой борьбы и классовой власти. Именно это и игнорируется д-ром Поппером, когда он подразделяет все правительства на демократии и тирании и говорит, что демократия — это просто система контроля, учрежденного над

как политика *внушения рабочим подозрительности по отношению к демократии*¹. Но марксизм не внушает рабочим «подозрительности по отношению к демократии». Он внушает им подозрительность по отношению к классу капиталистов. Он внушает им подозрительность по отношению к способам управления институтами и формирования правительств в интересах капиталистов. Он внушает им подозрительность по отношению к способам фактического контроля над средствами информации и пропаганды, к способам фактического руководства образованием, к способам фактической деятельности судебных органов. Он внушает им подозрительность по отношению к способам, которыми всякий раз, когда системе получения прибылей угрожает кризис, правительства неизменно ведут наступление на жизненный уровень рабочего класса. Он внушает им подозрительность по отношению к способам, которыми полиция пресекает мирные протесты против социальной несправедливости и подготовки к войне, выслеживает и запугивает их организаторов, а также к тому, что вооруженные силы посылаются по всему миру для защиты капиталовложений. Он объясняет, как и почему все это происходит, и утверждает, что пора бы воспрепятствовать и положить конец всему этому и что единственным средством решения этой задачи является массовая демократическая организация.

Д-р Поппер сам сказал нам, и вполне справедливо, что ни один из демократических институтов не является «надежным» в смысле гарантии от неумелого использования. Политика, проводимая через них, говорит он, не является непременно «правильной, или хорошей, или мудрой». Нам предстоит попытаться сделать их такими, предлагает он, посредством публичного контроля над той политикой, которую эти институты проводят. Но он мог бы добавить к этому, что есть еще и другая сторона, с которой демократические институты могут оказаться ненадежными, — их всегда можно обмануть.

Каждый, имеющий дело с какой-либо демократической организацией, прекрасно знает, что можно, например, обмануть конференцию; если организаторы

---

¹ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 2, p. 161.

заранее решили, что именно они хотят провести, и подготовились дезориентировать делегатов либо ложью, либо утаиванием информации. Подобным же образом обманывают органы государственного управления, когда избиратели проводят в члены парламента тех, кто обещал защищать их интересы, а потом партия большинства формирует кабинет, работающий в теснейшей связи с ничтожной кликой монополистов и использующий всю силу власти и убеждения, которой наделен государственный аппарат, чтобы провести мероприятия, уже согласованные за кулисами. Если людей, интересы которых ставятся под угрозу политикой, проводимой через демократические институты, заставили обманном путем принять политику, противоположную их интересам, то можно сказать, что они остались в дураках, если не хуже. Значение марксизма для рабочего движения состоит в том, что он учит рабочих, как не оказаться одураченными подобными ловкачами по части обмана демократии в ущерб рабочим и бороться за демократическую политику защиты интересов рабочего народа против капитала, а в конечном счете — за полное освобождение общества от всех форм эксплуатации человека человеком.

«Мы должны знать,— говорит д-р Поппер,— что в конце концов все политические проблемы — это проблемы институтов, проблемы правовой структуры, а не лиц, и что движение в сторону большего равноправия может быть обеспечено только контролем над институтами власти»¹. Как это верно! При институтах, каковы они в Великобритании в то время, когда пишутся эти строки, действительными политическими проблемами для нас являются не просто проблемы, кого из двух людей предпочесть, а проблемы «контроля над институтами власти». То же самое относится и к американцам, когда идет речь о выборах президента. Этому-то как раз и учит марксизм. Аргументы же д-ра Поппера, как и всякие другие, подобные им, вводят нас в заблуждение, предполагая, будто демократический «контроль над институтами власти» действует независимо от классов, классовых интересов и классовой борьбы.

---

¹ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 2, p. 162.

Это предположение неверно и не может быть верным, пока продолжают существовать противоположные классовые интересы. «Контроль над институтами власти» есть борьба за контроль между различными классами, каждый из которых имеет свои организации и другие правовые средства для отстаивания своих интересов и целей. В настоящее же время в таких капиталистических странах, как Великобритания и США, контроль над институтами, осуществляемый через всю «правовую структуру», подвергается обману в угоду классу капиталистов, который через свои организации и послушные им институты добивается довольно устойчивого контроля за ходом событий. Это означает, что правительственные институты в целом наделяют действительной властью класс капиталистов. Этот класс все еще фактически, как выразился Маркс, осуществляет «диктатуру». Марксизм ставит вопрос о том, как изменить это положение вещей — как построить демократию, в которой «контроль над институтами власти» будет обеспечивать продвижение от капитализма к социализму.

3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ

Возражениям д-ра Поппера против марксизма мешает стать скучными одно обстоятельство — они полны неожиданностей. И, может быть, одна из главных неожиданностей, когда он начинает объяснять основные ошибки марксовой теории «диктатуры пролетариата» и доказывать, каким образом они привели Маркса к тому, что он стал защищать замену демократии диктатурой, состоит в сообщении нам, что Маркс заблуждался, проявив «пренебрежительное отношение к политической власти»¹, и что марксизм есть «доктрина бессилия политической власти»².

Это, объясняет он, явилось результатом неправильного понимания Марксом различия между «политической» и «экономической» властью. Маркс полагал, что экономика управляет политикой, так что политическая

---

¹ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 2, p. 126.

² *Ibid.*, p. 129.

власть всегда вторична по отношению к экономической власти и бессильна перед лицом ее. Д-р Поппер даже нашел доброе слово в извинение этой ошибки. Ибо Маркс «раскрыл значение экономической власти: понятно, что он преувеличил ее роль. Он и марксисты видят экономическую власть повсюду»¹. Это и привело его к «догматической доктрине, что экономическая власть более существенна, чем физическая власть или власть государства»².

Но наоборот, говорит д-р Поппер «только активное вмешательство государства,—защита собственности законами, подкрепляемыми физическими санкциями,—делает богатство потенциальным источником власти; ибо без этого вмешательства человек оказался бы вскоре лишенным своего богатства. Экономическая власть, следовательно, полностью зависит от политической и физической власти»³.

Если бы я не поколебался представить д-ра Карла Маркса в качестве предка д-ра Карла Поппера, я мог бы сказать, что последний исключительно неудачлив в своих попытках опровергнуть пословицу: яйца курицу не учат. Может быть, стоит вспомнить, как в противоположность только что приведенным словам д-ра Поппера, в другом месте он говорил нам, что сказать — государство защищает собственность, есть не что иное, как «историцистская» догма относительно «функций государства». Маркс, напротив, последовательно утверждал, что государство защищает собственность и что без выполнения государством этой роли собственность вместе с богатством и экономической властью, увеличивающейся благодаря ему, не могла бы быть сохранена. Именно исходя из этого Маркс и сделал вывод, что мы не можем произвести никаких коренных изменений в институтах собственности или положить конец бедствиям, порожденным использованием экономической власти собственниками, не произведя замены политической власти.

Не Маркс, а сам д-р Поппер создает путаницу, вводя понятие «экономической власти» как силы, отделен-

---

¹ Ibid., p. 127.

² Ibid., p. 128

³ Ibid.

ной от политической власти, и спрашивая, какая из них зависит от другой. Маркс никогда не делал этого. Он никогда не писал об «экономической власти» подобным образом. Это все равно, что спрашивать, что появилось сначала — курица или яйцо. Диалектический подход к пониманию человеческих институтов в их реальных связях в процессе развития избавляет марксистов от затруднения, порождаемых постановкой подобных вопросов. Маркс показал, как в результате возникновения собственности и вытекающих из этого столкновений классовых интересов появились формы и действия государственной власти для защиты собственности и отстаивания классовых интересов. Если класс заинтересован в дальнейшем обеспечении существования своей экономической власти посредством сохранения или изменения отношений собственности, тогда он должен искать пути и средства сделать это при помощи государства, то есть контроля над действиями политической власти. Не было еще случая, чтобы политическая власть не служила так или иначе обеспечению существования экономической власти.

«Разумеется,— продолжает д-р Поппер,— на практике марксисты никогда полностью не полагались на доктрину бессилия политической власти. Как только они имели возможность действовать или планировать свои действия, они обычно допускали, как и все другие, что политическая власть может быть использована для контроля экономической власти. Но их планы и действия никогда не опирались ни на полное опровержение их первоначальной теории, ни на сколько-нибудь серьезно продуманную точку зрения по этому, наиболее принципиальному вопросу политики: контроля над контролирующими, над опасным сосредоточением власти, воплощенной в государстве. Они никогда не представляли себе всего значения демократии как единственного известного средства осуществления этого контроля»¹.

Марксисты фактически никогда и не нуждались в «полном опровержении их первоначальной теории», потому что никогда не верили ни в какую «доктрину бес-

---

¹ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 2, p. 129.

силы политической власти». Это сам д-р Поппер не имеет «сколько-нибудь серьезно продуманной точки зрения по этому наиболее принципиальному вопросу политики: контроля над контролирующими». Согласно его взгляду на этот вопрос, «мы», или «публика», должны «контролировать контролирующих». Мы должны делать это посредством выборов должностных лиц и контроля над их деятельностью. А выборные должностные лица будут затем в интересах своих избирателей использовать свою политическую власть для «контроля над экономической властью». Маркс (говорит что-то вроде этого д-р Поппер) никогда не мог понять значения этого демократического процесса, потому что он думал, что политическая власть бессильна перед лицом экономической власти. Политическая власть не могла контролировать экономическую власть; наоборот, экономическая власть контролировала политическую. Следовательно, надо было не обеспечивать демократический контроль над политической властью, а совершить непосредственное наступление на экономическую власть посредством революционного восстания, которое обернулось бы для экономической власти тем, что обладавшие ею были бы изгнаны, заключены в тюрьмы или повешены на фонарных столбах. Едва ли можно считать такую «доктрину» «серьезно продуманной». Однако предлагаемая д-ром Поппером простая схема двойного контроля, где «публика» контролирует политическую власть, а политическая власть контролирует экономическую, тоже вряд ли является серьезно продуманной.

Что касается «экономической власти», с которой мы имеем дело в настоящее время, то это — власть капитала. Экономическая власть, неотделимая от капиталистической собственности, служит для накопления прибавочной стоимости, получаемой от эксплуатации труда. В ходе этого процесса один капитал поглощает другой, в результате чего происходит все большее и все более опасное накопление экономической власти в руках незначительного числа промышленников и финансистов. Чтобы сохранить и контролировать ее, устанавливается капиталистический контроль над политической властью. Ибо, как мы обнаружили в начале обсуждения вопроса о демократии, фактически произошло то, что класс, обладающий собственностью на средства про-

изводства и осуществляющий экономическую власть, которую дает ему эта собственность, нашел свои собственные пути и средства обеспечить для себя эффективный «контроль над контролирующими». Фактически политический контроль находится в руках одного класса. Вот почему этот класс продолжает иметь и контролировать экономическую власть. Так «основной вопрос контроля над контролирующими» фактически сводится к вопросу о том, какой класс завоевывает политическую власть.

Поэтому вывод, к которому пришел Маркс, заключается не в том, что мы должны начать немедленное наступление на экономическую власть, потому что, пока она существует, политическая власть бессильна, а в том, что прежде чем может произойти сколько-нибудь значительная смена в управлении экономикой, «опасное сосредоточение власти, воплощенной в государстве», должно быть вырвано из-под контроля современных обладателей и должностных лиц экономической власти, то есть класса капиталистов. И он был настолько далек от убеждения, что «политическая власть бессильна» перед лицом экономической власти, что вся его «доктрина» опиралась на убежденность, что достаточное сосредоточение политической власти у революционного политического движения сможет пресечь использование национальных экономических ресурсов для извлечения капиталистической прибыли и обратить их вместо этого на благо народа. Таким образом, считал он, могла эффективно контролироваться экономическая власть, еще остающаяся пока в руках частного капитала.

4. СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Если ставится цель уничтожить капитализм, то необходимо порвать связи институтов большого бизнеса с исполнительным аппаратом государства, равно как и с органами формирования общественного мнения. Необходимо разбить всю организацию контроля, осуществляемого большим бизнесом, контроля, который пронизывает все звенья этого аппарата. Ни одна выборная администрация, как бы она ни стремилась к социализ-

му, никакие кандидаты на политическую власть не положат конец господству капитала, если не будет разбита организация этого господства. Это значит, что пружины контроля должны быть отсечены, каналы влияния уничтожены, ведущий персонал удален с должностей. Вся государственная организация управления и принуждения должна быть приспособлена к тому, чтобы служить под новым руководством новым целям, продиктованным социалистическими организациями рабочего класса, а не большим бизнесом. Совершить это тем или иным способом, силами ли вооруженных рабочих, штурмующих правительственные канцелярии, или при помощи более конституционных средств, и значит установить «диктатуру пролетариата».

Не только д-р Поппер, но и другие предостерегают нас: что бы там марксистские партии ни говорили насчет их программ и целей, когда они у власти, они всегда стараются превратить ее в тиранию. Вклад же д-ра Поппера здесь состоит в том, что он раскрыл первопричину, почему это всегда должно быть так. Это якобы потому, что, следуя доктрине Маркса, коммунисты настаивают на «полной» и бесконтрольной власти и для этой цели применяют насилие против демократических институтов, с тем чтобы вывести из строя рычаги управления властью и ликвидировать систему «контроля и равновесия», применяемую такими институтами. Однако марксизм учит, что мы должны ликвидировать контроль над властью со стороны класса капиталистов для того, чтобы строить социализм, и во имя этой цели вести борьбу за демократические права и использовать их, когда они нами завоеваны.

Организация нужна как для уничтожения контроля капиталистов над властью, так и для контроля над осуществлением власти, которая приходит на смену прежней. Но в рассуждениях д-ра Поппера о демократическом контроле ни разу не признается, что только *организация способна осуществлять действительный контроль над властью*. Демократический контроль со стороны лиц, не входящих в организацию, есть миф. Они могут выражать свои мнения и голосовать, но действительный контроль доступен только *организациям*. В то время как отдельные люди выражают свои личные мнения, влиятельное ядро общественного мнe-

ния создается через организации. К тому же без революционных рабочих организаций общественное мнение большинства всегда будет формироваться при помощи многочисленных массовых средств пропаганды, служащих интересам господствующего класса. Народ в целом только в том случае научится пропускать мимо ушей пропаганду, если он в целом вовлечен в организованную борьбу. Без такой организованности невозможно ослабить и заменить высокоорганизованный контроль государственной машины со стороны господствующего класса.

Д-р Поппер говорит, что воинствующая массовая организация нарушает принципы демократии и ведет к диктатуре. Наоборот, она является средством вырвать контроль из рук господствующего меньшинства и осуществлять его в интересах большинства. Это значит, *что рабочие должны использовать демократические организации для осуществления эффективного и постоянного контроля за ходом событий в своих интересах.*

В капиталистическом парламентарном демократическом государстве рабочие массы имеют право избирать членов парламента. Но, сделав это, они практически не осуществляют дальнейшего контроля за ними, пока не будут назначены новые всеобщие выборы, хотя, конечно, у них есть демократические права, чтобы воздействовать на своих представителей и протестовать против антинародной политики посредством массовых митингов. Лишь отсутствие организованного народного контроля над исполнительной властью позволяет, несмотря на демократичность парламентских выборов, осуществлять эффективный постоянный контроль над исполнительной властью со стороны высокоорганизованного большого бизнеса. Именно потому, что это последний контроль, который должен быть упразднен, если мы хотим прийти к социализму, методом эффективного контроля, которого требует социализм, является *постоянный контроль со стороны массовой демократической организации.* В социалистической революции *те организации, которые вели борьбу против капитала, отнимают у организаций эксплуататоров как функции власти, так и контроль над властью.* Именно этим социалистическая демократия и отличается как система правления от демократии капиталистической.

Главным демократическим достижением буржуазной революции было установление представительных форм правления, при которых основными институтами являются парламенты или подобные им выборные законодательные ассамблеи. Такая ассамблея отличается от исполнительной власти, от «бюрократической и военной организации» государства. Но, издавая законы, делая министров и постоянных чиновников ответственными перед нею, учреждая комитеты и комиссии и проводя расследования, она осуществляет контролирующую власть над исполнительной властью. Разумеется, что отдельные избиратели лично не осуществляют такого контроля: это делают их представители.

То обстоятельство, что в структуре власти капиталистических демократий законодательным ассамблеям предназначено играть роль инструментов контроля, ясно показано на истории так называемой «матери парламентов» в Великобритании. Английский парламент возник как далеко не демократический институт, посредством которого феодальные бароны пытались осуществлять некоторый контроль над деспотической властью короля. С течением времени доступа в парламент добились и горожане и власть его увеличилась особенно благодаря контролю над королевскими доходами. В конце концов он сделался единственным авторитетом в области установления и отмены законов и присвоил себе функции контроля над всеми без исключения аспектами управления. В этом и состоит «суверенность» парламента, и таково положение вещей в Великобритании сейчас. Но хотя всеобщее избирательное право и дало представителям всех классов возможность участвовать в голосовании, а всем классам — создавать свои политические организации, система парламентского контроля сделалась до поры до времени довольно эффективной системой контроля над правительством со стороны большого бизнеса. Как мы уже видели, это имело место в результате установления связей между институтами деловых кругов и партийным аппаратом, а также этих последних со всей «бюрократической и военной организацией» государства. В США конституционные взаимоотношения между конгрессом и сенатом, с одной стороны, и президентом, как главным должностным лицом государства, — с другой, раскрывают еще более ясно

контролирующие функции выборных ассамблей, так же, как политическая практика в США раскрывает еще более отчетливо, каким образом большой бизнес контролирует правительство.

Цель социалистической революции состоит не в том, чтобы свести к нулю демократические достижения предшествующей буржуазной революции, а, наоборот, чтобы воспользоваться ими. Поэтому социалистическая революция не означает, как, видимо, думает д-р Поппер, сокрушения выборных ассамблей и учреждения тиранической власти, не подлежащей никакому контролю подобного рода. Ответственность исполнительной власти перед представительной ассамблеей, как и контроль над ней со стороны такой ассамблеи, необходимы для демократического управления крупным современным обществом, ибо без нее, как абсолютно правильно говорит д-р Поппер, власть может стать бесконтрольной, а должностные лица смогут делать все, что им вздумается, и попирают права народа. Поэтому политика социализма всегда должна — и это как раз совершенно недвусмысленно советует марксизм — *использовать контролирующие функции представительных ассамблей, где они уже существуют, и вести борьбу за их учреждение там, где их еще нет.*

Суть дела не в том, чтобы избавиться от представительных ассамблей и управлять без них, а в том, чтобы *превратить их в действительный инструмент народного демократического контроля.* А это означает разрушить и вывести из строя старый аппарат политических партий и превратить ассамблеи, над которыми он господствовал, в институты контроля, где *политические представители организованного большинства рабочего народа выполняют дело контроля в интересах и под руководством членов организаций, пославших их туда.* Только таким путем организованные массы могут контролировать правительство. Они делают это посредством контролирующей власти демократически избранной ассамблеи, над которой господствуют их собственные организации, в то время как сами эти организации могут принимать непосредственное участие в различных видах руководства экономикой, местного самоуправления, организации общественного обслуживания, контроля за массовыми средствами пропаганды и т. д.

При всех обстоятельствах и на всех этапах «завоевания демократии», как считает марксизм, демократия заключается не только в предоставлении каждому права голоса, в то время как организации эксплуататорских классов захватывают в свои руки контроль над исполнительными органами власти, но и в деятельности народных демократических организаций и в осуществлении контроля над властью только через них.

ПРОГРЕСС В НАПРАВЛЕНИИ ОТКРЫТОГО ОБЩЕСТВА

Глава I

РАВЕНСТВО

1. РАВНОПРАВИЕ

Как и любой сторонник демократии, д-р Поппер ставит демократию на одну доску с равенством и свободой. Под «всеобщими выборами и представительной системой правления» он понимает «уравнительные методы демократического контроля», а под «институциональным контролем над властью» — «прогресс в направлении равенства». В соответствии с его представлениями равенство создается демократическими институтами при наличии представительства и предоставления всем членам всех классов права голоса в отношении контроля над делами общества; при отсутствии демократических институтов равенство, как и свобода, исчезает; при этом демократический прогресс в направлении равенства означает увеличение индивидуальной свободы.

Что представляет собой это «равенство», которое в известной степени связано с демократией и в направлении которого развивается демократия?

Совершенно очевидно, что в действительности люди неравны с точки зрения своих способностей, характеров, физического облика, желаний и потребностей, что такое неравенство было бы не только невозможно, но даже нежелательно устранить мерами, принимаемыми демократическими (или любыми другими) институтами, поскольку, как заявляет д-р Поппер (соглашаясь в этом вопросе с философом Кантом), «разнообразие и индивидуальность человеческих характеров и мнений»

являются «одним из главных условий материального и морального прогресса»¹.

Равенство реализуется посредством устранения неравенства. Под неравенством, о котором идет речь в процессе демократического прогресса в направлении равенства, понимается неравенство, порождаемое социальными институтами и отличное от того, что называют «естественным» неравенством. Неравенство, обусловленное социальными институтами, может быть устранено и заменено равенством путем изменения или преобразования этих институтов. Так, д-р Поппер очень логично и правильно заключает, что, хотя не может быть и речи об устранении неравенства, которое можно проиллюстрировать на примере физического и умственного облика отдельных индивидов, «это не имеет никакого отношения к вопросу о том, решаемся мы или нет рассматривать людей, особенно в политических вопросах, как равных или как равных в максимально возможной степени, то есть располагающими равными правами и претендующими на равное к ним отношение»².

Неравенство, которое устраняется демократией, есть *неравноправие*, а равенство, которое демократия приносит с собой, утверждает д-р Поппер, является «равноправием» и «равенством перед законом». «Сама уравнивательность, — говорит он, — представляет собой требование рассматривать всех граждан государства беспристрастно. Суть этого требования заключается в том, чтобы преимущества, связанные с рождением и фамилией, наличием связей или богатства, не влияли на тех, кто осуществляет закон в интересах граждан»³. «Люди не равны, — заключает он, — но мы можем встать на путь борьбы за равные права»⁴.

Эти разъяснения показывают, что демократия действительно связана с равенством, ибо демократический принцип осуществления мер по установлению «контроля над правителями со стороны управляемых» означает, что «управляемые» должны располагать равными

---

¹ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 2, p. 357.

² *Ibid.*, p. 234.

³ *Ibid.*, vol. 1, p. 95.

⁴ *Ibid.*, vol. 2, p. 278.

правами в процессе участия в этом контроле. В той степени, в какой дело обстоит иначе, установленный контроль с точки зрения демократии имеет недостатки.

Понимая «равенство» в этом смысле, мы видим, что «всеобщие выборы и система представительного правления» в действительности являются «уравнительными методами демократического контроля» и что всеобщее избирательное право представляет собой не просто «прогресс в направлении контроля», а осуществление такой весьма важной меры, как равенство. Это значит, что каждый, независимо от «преимуществ, связанных с рождением, фамилией, наличием связей или богатства», а также независимо от способностей и личности (при условии, что он не является сумасшедшим), имеет равное право принимать участие в выборах, делать представления своему представителю, добиваться своего избрания в законодательный орган. Это также означает, что ни один класс не должен исключаться из участия в демократическом процессе установления контроля (как, например, исключались рабы в далеко не равной для всех и не совершенной демократии древних Афин). Это означает и то, что законы, принимаемые избираемым законодательным органом, должны в одинаковой степени касаться всех, чтобы каждый человек имел право на одинаковую юридическую защиту своей личности и собственности и подлежал одинаковому наказанию за правонарушения.

Даже в условиях, когда каждый человек имеет право голоса и когда в стране крепко утвердилась система справедливой законности, по-видимому, остается еще немало места для проведения демократических реформ, для дальнейшего прогресса в направлении равенства. Например, избирательную систему можно еще больше демократизировать, равенство избирателей еще более усилить путем перестройки избирательных округов, путем разработки системы пропорционального представительства и т. д. Можно ликвидировать лазейки как в законе, так и в его осуществлении. Прогресс в направлении равенства означает устранение неравенства, и мы всегда должны выискивать различные дефекты в организации и управлении, которые могут придать разный вес голосам, подаваемым на выборах, или же помочь людям обходить закон или использовать его в своих ко-

рыстных целях, в ущерб другим. Поэтому д-р Поппер развертывает перед нами радужную перспективу развивающегося демократического прогресса.

Но остается еще вопрос о равноправии, который д-р Поппер никогда не ставил. Между тем на этот вопрос марксисты делают упор. Даже когда каждый человек имеет равное право на участие в выборах и вступление в политическую организацию и когда каждый несет равную ответственность перед законом (а марксисты никогда не сомневались в том, что за такое равенство стоит бороться и стоит его сохранять), не остаются ли еще другие формы неравенства, которые необходимо было бы ликвидировать, формы, отличные от неравенства индивидов, которое, по нашему общему мнению, присуще человеческой природе и «не имеет никакого отношения» к политической борьбе за равенство?

Вероятно, д-р Поппер согласится с нами ввиду его возражений против «эссенциализма», что вообще права не присущи людям, как таковым, в силу их общечеловеческой сущности. Они, скорее всего, соответствуют определенным социальным потребностям определенных людей, находящихся в определенных обстоятельствах. Так, например, право владеть собственностью на средства производства и нанимать рабочих не является «неотъемлемым правом человека». Это право является специфическим, осуществляемым только в определенных условиях развития товарного хозяйства. Такое право отсутствует в условиях родового строя. Оно также исключается социалистическими производственными отношениями. Вообще, когда новые производственные отношения заменяют старые, права, связанные со старыми формами собственности, исчезают. Эти права уничтожаются вместе со старыми формами собственности. Так, права феодалов, начиная с «права первой ночи» и кончая правом набора рекрутов в свою армию, утратили свой смысл и были в конце концов насильственно искоренены, когда развился капитализм. Аналогично этому капиталисты должны утратить свое право на владение капиталом и эксплуатацию наемного труда, когда будет установлен социализм. На права могут претендовать как те, кто хочет поставить других на службу себе и руководить их действиями, так и те,

кто хочет жить свободными от угнетения и эксплуатации со стороны других. Ясно, что первая категория требует *неравных прав*, а вторая категория — *уравнения в правах*. Ясно и то, что эти разновидности требований взаимно исключают друг друга.

Чтобы обсудить вопросы уравнения людей в правах, как предлагает д-р Поппер, было бы также уместно установить источник устранимого неравенства в общественных институтах.

Маркс предпринял такое исследование и пришел к совершенно определенным выводам. Существует общий источник неравенства. Его появление связано с институтом частной собственности на средства производства, расколом общества на классы и эксплуатацией человека человеком. Д-р Поппер не смог учесть этого, так как, хотя он и начинает широко ссылаться на слово «институты», он большей частью ограничивается исключительно институтами управления и совершенно упускает из виду установившиеся связи между теми или иными институтами, а именно институтами собственности, деления общества на классы и эксплуатации.

Ни один здравомыслящий человек не будет возражать против того, чтобы один человек обладал большими природными способностями, чем другой, ибо такое положение вещей вызывается не какими-то дефектами в социальных институтах, а, наоборот, именно в условиях существования хороших институтов, способствующих развитию всех способностей ради улучшения природы человека, мы все смогли бы извлечь выгоду из такого рода неравенства. Против чего мы можем с достаточной разумностью возражать, так это против того, чтобы одному человеку были предоставлены условия для развития своих способностей в ущерб другому, и тем более против того, чтобы один человек был вынужден продавать свои способности ради извлечения прибыли для других. Таково неравенство, вытекающее из социальных институтов и способа их функционирования. Его можно ликвидировать путем изменения этих институтов. Далее. То, что люди получают неравное вознаграждение за неравный вклад в общественную жизнь, может показаться довольно справедливым, но такое положение вещей представляет собой явную несправедливость в деле распределения средств к сущест-

вованию, когда некоторые получают излишек в результате эксплуатации труда других, поскольку они владеют средствами производства, тогда как другие получают намного меньше, поскольку они могут продавать только свой труд и не владеют средствами производства.

Такое неравенство не устраняется лишь путем проведения всеобщих выборов, введения представительной системы правления, равных политических прав и равенства перед законом. Но их источник тот же самый, что и источник всякого неравноправия, а именно институт отношений собственности, в рамках которого один класс эксплуатирует другой.

Если на протяжении многих веков и вплоть до недавнего времени каждая политическая система была системой неравных политических прав, то так было потому, что эксплуататорские классы сохраняли за собой те права, в которых они отказывали другим, как, например, рабовладельцы лишали прав рабов, а феодалы — крепостных. Многие представители политической философии пытались доказать, что политическое неравенство имеет естественные причины. Например, Аристотель пытался доказать, что политические институты, которые лишали рабов политических прав, были следствием того, что некоторые люди, являвшиеся рабами от рождения, не были наделены природой способностью к осуществлению прав свободных людей. Точно так же некоторые теоретики расизма пытаются в наши дни доказать, что естественные различия в цвете кожи людей обуславливают то, что только лица, лишенные кожного пигмента, способны пользоваться политическими правами. В действительности не существует такого рода естественной неспособности целых классов и рас. На самом деле происходило то, что социальные институты связывали политические права с определенными формами собственности, и поэтому права оказывались неравными. В той же мере некоторые формы собственности утвердили свой собственный закон, действие которого не распространялось на тех, кто не имел такой собственности, так что в результате этого люди стали неравными перед законом.

В настоящее время в демократических капиталистических странах политическое неравноправие в значительной мере устранено в результате процессов демо-

кратизации. То, что еще остается, является лишь аномалией, пережитком прошлых времен, когда лишь началось завоевание демократических прав. Эти пережитки могут быть ликвидированы без изменения капиталистических отношений собственности, таковы, например, права бизнесменов и учащихся университетов голосовать одновременно в двух местах, права, отмененные в Англии всего лишь несколько лет назад, или юридические льготы, которыми еще пользуются лорды в Англии. Д-р Поппер справедливо называет это «прогрессом в направлении равенства». *Однако все еще остаются причины неравенства в отношениях собственности и в отношениях между классами.* До тех пор пока сохраняется система эксплуатации человека человеком, будет сохраняться и разительное неравенство в отношениях между людьми, неравенство, которое только замалчивается, но не смягчается в силу существования некоторого «равенства» в политических правах и «равенства перед законом».

Существуют права, неизбежно связанные с собственностью. Поэтому неравенство в распределении частной собственности влечет за собой неравноправие вообще. Когда существует частная собственность на средства производства, она дает собственнику право присваивать произведенные продукты и, следовательно, право присваивать плоды труда других людей, работающих на него с помощью этих средств производства. Класс капиталистов и рабочий класс как граждане государства могут быть «равными перед законом», и каждый индивид может голосовать независимо от принадлежности к тому или иному классу, но оба эти класса не обладают одинаковыми правами, ибо один из них имеет право присваивать плоды труда, а другой такого права не имеет. А это как раз и есть неравенство. Не может быть равенства в правах между эксплуататорами и эксплуатируемыми, даже если последние добились таких прав, как право голоса, заключения соглашений с предпринимателями относительно условий труда, проведения забастовок, право на организацию, на защиту условий труда, получение социальных услуг и отпусков.

Д-р Поппер и другие могут утверждать, что такого рода неравноправие не имеет значения, поскольку заработная плата, условия труда и социальные услуги

достаточно хороши. Если бы это было так, то нам следовало бы перестать говорить о существующем «прогрессе в направлении равенства», поскольку существующее неравенство не имеет значения. Однако неравенство *имеет* определенное значение, ибо, до тех пор пока существует заработная плата, условия труда и социальные услуги будут находиться под угрозой. Условия труда и услуги можно сделать хорошими и можно сохранить на должном уровне лишь путем борьбы. Неравенство имеет определенное значение и потому, что система неравенства всегда была и остается неотделимой от недостаточного использования мощностей и ресурсов, от кризисов, бедности и войн.

Можно обоснованно возражать, ссылаясь на то, что слово «равноправие», употребляемое д-ром Поппером, а также многими другими, является чрезвычайно туманным и слишком общим. Сам д-р Поппер продолжает говорить только о некоторых политических и юридических правах, и в первую очередь о праве голоса на выборах, праве на создание политических организаций, праве избирать, контролировать и смещать «правителей». Это те права, которых мы добились в демократических странах и которые мы ценим (хотя организации рабочего класса могли бы использовать эти права в значительно большей степени и хотя некоторые демократические государства все еще применяют всю свою власть, включая вооруженные силы, для того чтобы помешать их осуществлению в ряде других стран, в которых кое-кто из их граждан вложил свой капитал). Но, помимо права голоса, права на организацию и «равенство перед законом», существуют другие права, которых народ добивался с помощью демократических институтов, а именно: право на образование, на охрану здоровья, социальное обеспечение и отдых, а также свобода слова. Насколько равны эти права?

В Англии, во всяком случае, каждый человек не только располагает основным минимумом прав такого рода, но и пользуется ими на деле. В то же самое время нельзя подвергать сомнению то, что владение собственностью и доходом от нее дает собственнику право на получение значительных преимуществ во всех отношениях, независимо от его личных достоинств. Само **обладание достаточным количеством денег** гарантирует

собственнику лучшие условия для получения образования, охраны здоровья, социального обеспечения и отдыха. Что же касается свободы слова, то общеизвестно, что богатство предоставляет его владельцам весьма значительные привилегии в области владения средствами пропаганды и формирования общественного мнения и осуществления контроля над ними. Действительно, пока отношения собственности остаются неизменными, эти права не равные, и они не могут быть таковыми.

Д-р Поппер указывал (с этим согласны и марксисты, так как мы знали об этом ранее), что не может быть и речи о ликвидации всего «естественного» неравенства между людьми в отношении их характеров, физической силы и способностей. Но в этой связи необходимо также сказать, что даже это утверждение не является безусловно верным. Что можно сказать о неравенстве между хорошо питающимся и плохо питающимся человеком, между калекой или страдающим от врожденной болезни и здоровым человеком, между физически и морально здоровым и больным человеком? Многого можно сделать для того, чтобы устранить такое неравенство. Даже неравенство между умными и не столь умными людьми может быть уменьшено путем создания одинаково хороших условий для воспитания и образования будущих поколений. Точно так же можно легко возместить те неудобства, которые естественно испытывают женщины в силу конституции своего тела и рождения детей, путем окружения женщин вниманием и заботой, предоставления им особых услуг и особых компенсирующих преимуществ. Но по сути дела, те, кто лишен средств и нуждается в помощи во всех отношениях, не уравнен с теми, кто распоряжается деньгами, пользуется он или не пользуется социальным обслуживанием.

Деньги — это универсальное средство обмена в товарном обществе — являются великим уравнивателем в одном смысле, ибо каждый в равной степени вправе получать деньги за то, что он продает, и покупать то, что он хочет, за деньги, которые он получил. Это право не имеет ничего общего с преимуществами рождения или звания. Оно в одинаковой мере касается как нищего, так и миллионера, крестьянина и лорда. Существовавшее в прошлом деление людей по рангам рухну-

ло перед уравнивающей силой денег. В то же самое время товарное производство неизбежно порождает неравенство, ибо, когда средства производства и рабочая сила являются товаром, некоторые приобретают средства производства и присваивают произведенную продукцию, тогда как другие продают лишь свою рабочую силу. Это неравенство может не иметь значения в отношении права голоса или же «равенства перед законом». Но совершенно по-иному обстоит дело в отношении других прав. В них все еще таится неравенство. Каждый располагает основными существенными правами, но в то же время институты устанавливают неравенство, поскольку они предоставляют классу, присваивающему плоды чужого труда, право на значительные преимущества.

Д-р Поппер и другие могут обоснованно восхвалять такие британские институты, как всеобщее бесплатное образование, государственная система здравоохранения, законодательство о социальном обеспечении, и отмечать, какого прогресса они достигли по сравнению с условиями, которые существовали не так давно. Очень хорошо! Эти институты действительно отражают успехи народа в борьбе за свои права. Но только в социалистической Англии мы сможем назвать их образцами равноправия.

2. РАВЕНСТВО И ЛИКВИДАЦИЯ КЛАССОВ

Но что сказать о самом политическом равноправии? Разве верно, что в условиях капиталистической организации общества равное право на участие в выборах и в политической организации равнозначно равному политическому праву осуществлять контроль над правителями? Это не так. Как уже отмечалось в предыдущей главе, организация защиты и отстаивания интересов капиталистического класса оказывает преобладающее регулирующее воздействие на правительство, даже если этот контроль осуществляется весьма незначительным меньшинством избирателей. Этому контролю могут противодействовать и иногда действительно противодействуют результаты всеобщих выборов; однако

контроль усиливается, проявляясь через функционирование целого комплекса институтов, таких, как партийная система и система правительственного кабинета, система закулисных политических интриг, структура так называемых «коридоров власти», организация государственной службы, судебная система, полиция и вооруженные силы и не меньшие по значению система собственности и контроль над органами массовой информации и пропаганды, а также управление системой образования. Все эти институты в своей совокупности создают на деле неравный контроль над управлением со стороны различных классов и делают класс капиталистов правящим классом. Как неоднократно подчеркивали марксисты, это неравенство нельзя устранить лишь путем учета голосов избирателей. Его можно устранить лишь с помощью радикальных реформ всей системы действующих институтов управления, или, иными словами, всей структуры демократического государства.

Подобные соображения относятся и к так называемому «равенству перед законом». Закон зиждется на правах и существует в целях защиты прав и обеспечения их осуществления. Так что, если некоторые права подлежат отмене, закон соответственно изменяется или перестает действовать; если должны быть введены некоторые права, принимается закон, определяющий их и обеспечивающий их защиту; и если отсутствует всеобъемлющая и слаженная система права, то осуществляемые людьми «права» всецело зависят от их способности проложить им путь, а не от социальных институтов. Связь между правом и правами настолько тесная, что в некоторых языках для их обозначения служит одно и то же слово. Поэтому неравные права воплощаются в праве и гарантируются им. Когда лица, располагающие неравными правами, сталкиваются с законом, они оказываются в неравном положении: они «равны» только формально, в том смысле, что несут равную ответственность перед законом, который декретирует такое неравенство. Д-р Поппер утверждает, что «преимущества, связанные с рождением и фамилией, наличием связей или богатства, не должны влиять на тех, кто осуществляет закон в интересах граждан». Все это красивые слова, но каким образом судьи должны сле-

довать им при осуществлении законов, которые конкретно касаются прав, связанных с рождением, фамилией, связями и богатством?

Разумеется, если кто-либо совершит кражу, нападение или убийство или вызовет общественный беспорядок, обстоятельства его рождения, фамилия, связи или богатство не должны влиять на члена магистрата или судью (по крайней мере в законе говорится, что все это не должно оказывать никакого влияния, хотя часто бывает наоборот, особенно в случаях общественного беспорядка или в мелких делах, связанных с грабежом или нападением). Это происходит потому, что право граждан владеть собственностью и право на личную безопасность предполагают защиту со стороны закона независимо от социального положения правонарушителей. Конечно, в ходе классовой борьбы в капиталистическом обществе закон берет под защиту не только права капиталистов, но и права рабочих. Так происходит потому, что защита может быть оказана в качестве разновидности защиты неравных прав, основанных на отношениях капиталистической собственности. Закон охраняет право собственника, владеющего средствами производства, покупать рабочую силу и использовать ее в своих интересах, право рабочего продавать свою рабочую силу, а также право каждого человека добиваться лучших условий труда на переговорах с предпринимателями. Так охраняются неравные права, и в процессе обеспечения такой охраны закон поддерживает права в отношении социального обслуживания и уважения человеческого достоинства, а также присвоения результатов труда в силу преимуществ, связанных с рождением, фамилией, связями и богатством.

Нет сомнения, что система права, утвержденная в капиталистическом обществе, является большим завоеванием. В рамках этой системы приходится так или иначе действовать всем должностным лицам, она не допускает каких-либо изъятий; она признает не только право капиталистов получать прибыль, но и право рабочих создавать свои организации; она охраняет личную собственность каждого человека и его личную безопасность по крайней мере от оскорбительных действий лиц, но не от экономических последствий существо-

вания системы извлечения прибылей. Марксисты полностью согласны с д-ром Поппером в том, что эти завоевания рабочих стоит защищать от лиц, сбитых с толку и желающих уничтожить эти завоевания ради утверждения тирании и беззакония. Но он ошибается, когда пытается отнести нас к числу таких сбитых толку людей. Однако мы не будем хвастаться тем, что существующий порядок вещей, каким бы хорошим они ни был, представляет собой полное «равенство перед законом» до тех пор, пока закон поддерживает неравенство, которое неотделимо от капиталистической собственности. Прогресс в направлении равенства требует не только того, чтобы закон применялся ко всем в одинаковой степени, но и того, чтобы законы, отстаивающие неравенство, уступили место новым законам, уничтожающим неравенство.

Прогресс в направлении равенства всегда осуществлялся устранением неравенства со стороны существовавших институтов. Политика революционного социализма, которую отстаивают марксисты, есть политика, направленная на содействие этому прогрессу. Д-р Поппер отрицает справедливость этого утверждения, ибо он предполагает, что «всеобщие выборы и система представительного правления» содействовали устранению неравенства в большей степени, чем это было на самом деле. Он думает так, потому что не видит всех форм неравенства, за исключением тех, которые либо лишают некоторые классы прав на политическое представительство, на создание своих организаций и владение личной собственностью, либо делают изъятия из закона для других классов. Рабочие действительно участвуют в голосовании на выборах, они посылают своих представителей в парламент, им разрешают создавать свои организации, у них есть все юридические права на приобретение личной собственности и распоряжение ею, и никто из них не освобождается от предписаний закона. Однако все это не создает равенства между эксплуатируемыми и эксплуататорами, не предоставляет всем классам одинаковых возможностей для осуществления политического контроля над правительством, не открывает перед ними равных экономических и культурных возможностей. Между эксплуататорами и эксплуатируемыми не может быть ра-

венства. Эксплуатирующие и эксплуатируемые классы не могут быть равными.

По этой причине Энгельс писал в работе «Анти-Дюринг», что «равенство должно быть не только мнимым, оно должно осуществляться не только в сфере государства, но и быть действительным, оно должно проводиться и в общественной, экономической сфере... Действительное содержание пролетарского требования равенства сводится к требованию *уничтожения классов*»¹.

Д-р Поппер опасается, что уничтожение классов было бы недемократической процедурой, которая низвергла бы нас с высот демократии и бросила бы в пропасть тирании. Но почему так должно случиться? Уничтожение классов влечет за собой подавление и ликвидацию всех тех средств, с помощью которых эксплуататорский класс сохраняет свой контроль над правительством, утверждение средств, с помощью которых общественное производство может быть передано в общественную собственность и поставлено на рельсы планирования в интересах благосостояния общества, и принятие законов, запрещающих эксплуатацию человека человеком. В чем же заключаются отступления от демократии? Такие изменения в институтах не могли бы быть осуществлены без поддержки по крайней мере большинства населения. В них не содержится ничего такого, что предполагало бы существование власти каких-либо лиц или какой-либо «сильной личности», независимой от демократического контроля народа, осуществляемого с помощью демократических институтов. Лишь бы было устранено неравенство, порожденное частной собственностью на средства производства, включая решающий контроль над управлением небольшого меньшинства ради извлечения прибыли. Но ликвидация такого рода привилегий, которыми располагает меньшинство в ущерб большинству, и даже принятие весьма твердых мер, исключаящих для кого-либо возможность восстановления своих привилегий, не уничтожили бы демократический контроль, осуществляемый управляемыми над управляющими, а скорее создали бы основу для его усиления.

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. 20, стр. 108.

Когда вслед за другими сторонниками демократического капиталистического истеблишмента д-р Поппер говорит о «равенстве» и «демократии», он считает, что общество представляет собой лишь скопление индивидов, чьими делами руководят некоторые лица, заседающие в правительстве, и чьи дела регулируются определенным сводом законов. Он ничего не говорит об отношениях собственности и вытекающих из них классовых отношениях, определяющих экономическую структуру общества как организацию индивидов, основанную на общественном характере производства средств существования. Д-р Поппер довольствуется тем, что рассматривает каждую личность в отдельности, строго индивидуально, и заявляет, что ведь существует демократия и что каждый человек располагает равными правами: каждый имеет право участвовать в голосовании на выборах, делать представления своему представителю в парламенте, рассчитывать на справедливый судебный процесс, если он совершит преступление против других людей, и на судебную защиту, если кто-либо другой совершит преступление против него. Но какой обманчивой является характеристика институтов вообще как институтов демократических, если не принимать во внимание классовые институты, дающие возможность одному классу осуществлять решающий контроль над управлением страной в своих собственных интересах. Столь же обманчивой является и характеристика прав вообще как равных прав, если не принимать во внимание отношения между классами, которые влекут за собой неравноправие. Установление «уравнительных методов демократического контроля» предполагает ликвидацию неуравнительного контроля со стороны эксплуататорского класса, а «прогресс в направлении равенства» предполагает ликвидацию неравенства между эксплуататорским и эксплуатируемым классами. Тем не менее д-р Поппер и другие не только призывают нас рассматривать неравенство как равенство, но и предостерегают нас, заявляя, что уничтожение неравенства равносильно, мол, уничтожению демократии

Глава 2

СВОБОДА

1. СВОБОДА И ОГРАНИЧЕНИЕ СВОБОДЫ

Переходя при обсуждении демократии от вопроса о равенстве к вопросу о свободе, д-р Поппер напоминает нам об «известном парадоксе свободы», а именно о том, что «свободный человек... может пользоваться своей свободой, вначале игнорируя закон, а в конечном счете — игнорируя саму свободу и требуя тирана»¹. Он делает вывод, что «свобода, если она неограниченна, аннулирует самое себя... Вот почему мы требуем, чтобы государство в известной мере ограничивало свободу с тем, чтобы свобода каждого охранялась законом»². Что же касается Маркса, то «он так и не усвоил парадокса свободы и... никогда не понимал той функции, которую может и должна выполнять государственная власть, служа свободе и гуманности»³.

Но марксисты согласны с д-ром Поппером, что «свобода, если она неограниченна, аннулирует самое себя». Ибо, как продолжает д-р Поппер, если каждый волен поступать так, как пожелает, то «сильный волен задирать слабого и лишать его свободы»⁴. Поэтому для того чтобы люди сообща пользовались свободой, все, что они делают, должно быть ограничено установленными нормами и предписаниями. Никому не следует позволять хвататься за дубинку и колотить ею других людей

---

¹ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 1 p. 123.

² *Ibid.*, vol. 2, p. 124.

³ *Ibid.*, p. 126.

⁴ *Ibid.*, p. 124.

по голове. Никто также, добавляет Маркс, не должен пользоваться свободой приобретения капитала и эксплуатации чужого труда. Марксисты согласны, что должны существовать законы для того, чтобы не позволять сильным задирать слабых, и они к тому же делают вывод, что должны существовать законы, не допускающие эксплуатации рабочего класса со стороны эксплуататоров. Чтобы защитить свободу, закон должен отнять дубинку у хулигана, а также отобрать частный капитал у капиталиста. Маркс в действительности усвоил «парадокс свободы» («свобода, если она неограниченна, аннулирует самое себя»), несомненно, в гораздо большей степени, чем д-р Поппер.

Марксистам так же, как и д-ру Попперу, ясно (на самом деле можно считать, что более, чем ясно), что содействие развитию человеческой свободы заключается не в установлении «неограниченной свободы» для каждого делать все, что угодно, а в установлении для определенных людей конкретных свобод совершать или не совершать конкретные поступки, а также одновременно и в том, чтобы не допускать никаких препятствий к осуществлению этих свобод, с чьей бы стороны они ни исходили. Для действительного обеспечения свобод их нужно охранять. Следовательно, утверждение одних свобод влечет за собой отрицание других, так как охрана влечет за собой запрет. Поэтому практически не имеет смысла говорить о «свободе», пока мы не определим точно — свобода для кого и что делать, а также пока мы не будем готовы признать запрет действий, мешающих осуществлению этих свобод. Другими словами, свобода заключается в обеспечении и охране конкретных свобод индивидов — в обеспечении свободы индивидов совершать или не совершать те или иные поступки, а также в запрещении таких поступков, которые мешают свободам каждого.

Иногда марксистов обвиняют в том, что они предлагают отказаться от свободы индивидов для того, чтобы навязать последним такое поведение, которое так или иначе олицетворяет коллективную, а не личную свободу. Так, например, отдельных индивидов призывают трудиться — при этом каждый представляет собой лишь «винтик» в машине, — для того чтобы свободно развивалось общественное производство, предназначен-

ное для удовлетворения общественных потребностей. Но точно так же, как нелепо представление о коллективной деятельности, которая не была бы деятельностью отдельных индивидов, коллективная свобода, не предполагающая свободы отдельных индивидов, тоже представляет собой абсурд, насмешку над индивидами. Свободное общество есть не что иное, как ассоциация свободных индивидов, ибо, как сказал Энгельс, «само собой разумеется, что общество не может освободить себя, не освободив каждого отдельного человека»¹. Хотя д-р Поппер говорит, что марксизм рассматривает индивидов как «пешки» и выступает за подчинение личности коллективу, он мимоходом допускает, что тем не менее «Маркс был в конечном счете за индивидуальность»². Это справедливая оценка Маркса. Марксизм отстаивает такие свободы индивидов, которые можно завоевывать и охранять только коллективными действиями и запретом всего того, что мешает осуществлению этих свобод.

Обеспечение свободы индивидам зависит от их социальных институтов — так говорит д-р Поппер, и так же говорит Маркс.

Марксизм отстаивает такие практические пути и средства создания институтов, которые обеспечивают развитие общественного производства — на базе высшей техники и при минимальных затратах труда — для полного удовлетворения материальных потребностей. Наряду с этими институтами нам нужны учебные, научно-исследовательские и культурные учреждения, учреждения для индивидуального и коллективного проведения досуга, а также различные административно-управленческие учреждения. Такие институты могут сделать очень многое для того, чтобы люди стали свободными от нужды и имели бы возможность свободно пользоваться необходимыми материальными благами и удобствами, что является существенной основой для всякой иной свободы; стали свободно развлекаться, пользоваться плодами развития техники, науки и культуры и вносить свой посильный вклад в это развитие. Марксизм выступает за создание институтов, обеспечивающих свободы не только для некоторых, но для всех

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 305.

² К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 2, p. 126.

Свободные институты обеспечивают свободы одинаково для всех граждан, а не только для привилегированного меньшинства. В самом деле, если бы институты обеспечивали определенные свободы одним и отказывали бы в них другим, то очевидно, что для этих последних они были бы не институтами, обеспечивающими свободу, а институтами, отказывающими им в ней. Следовательно, совершенно ясно, почему требования максимального обеспечения свобод должны всегда быть требованиями равенства. Поэтому марксизм связывает свободу с равенством.

Институты, посредством которых может быть гарантирована человеческая свобода (или, напротив, с помощью которых отдельные индивиды лишаются свобод, которыми они в противном случае могли бы пользоваться), включают в себя экономические, спортивные, научные, художественные, литературные, образовательные и множество других видов институтов. Но не может быть никакого сомнения, и марксисты, конечно, никогда не сомневались в том, что основными являются правительственные и правовые, государственные институты. Государство может допускать или не допускать наиболее полное развитие институтов, обеспечивающих свободы, и содействовать или препятствовать ему; политика правительства, законы и деятельность тех, кто проводит их в жизнь, могут либо создавать условия для индивидуальной свободы, либо не допускать их. Из этого следует то, что д-р Поппер называет «функцией, которую государственная власть может и должна выполнять, служа свободе и гуманности», и которой, как утверждает д-р Поппер, так и не понял Маркс.

В этой связи д-р Поппер ставит вопрос: «Чего мы требуем от государства?» И он говорит, что на этот вопрос «ответом проповедника гуманности будет... Я требую охраны моей собственной свободы и свободы других... Я вполне согласен видеть свою собственную свободу действий несколько урезанной государством при условии, что я могу получить защиту той свободы, которая у меня остается, так как я знаю, что некоторые ограничения моей свободы необходимы... Но я требую, чтобы не забывалось основное назначение государства; я имею в виду охрану той свободы, которая не приносит вреда другим гражданам. Таким образом, я

требую, чтобы государство ограничило свободу граждан как можно равномернее и не больше того, что необходимо для достижения равного ограничения свободы. Нечто подобное этому,—делает вывод д-р Поппер,—будет требованием проповедника гуманности, равенства и индивидуализма. Это — требование, которое позволяет социальному технологу подходить к политическим проблемам разумно, то есть с точки зрения ясной и вполне определенной цели»¹.

Мы тоже проповедники гуманности, равенства и развития индивидуальностей, мы стараемся подходить к политическим проблемам разумно и выдвигаем требования о том, чтобы государство отстаивало и охраняло свободы. Однако почему-то д-р Поппер считает, что его разумный политический вопрос «чего мы требуем от государства?» является альтернативой по отношению к таким социологическим вопросам, как «что такое государство, какова его истинная природа, как оно возникло?». Д-р Поппер говорит, что марксизм задает такие «историцистские» вопросы вместо того, чтобы спросить: «Чего мы требуем от государства?»². Но тот факт, что, как это доказывает марксизм, государство возникло из необходимости защиты классовых интересов и капиталистическое государство защищает интересы капиталистов, отнюдь не мешает нам спросить себя: «Чего мы требуем от государства?» — и прийти к выводу, что единственное, чего мы требуем, это охрана определенных свобод. Задавая другие действительные или так называемые «историцистские» вопросы, мы вовсе не исключаем вопроса: «Чего мы требуем от государства?», но при этом перед нами действительно предстает то, с чем мы сталкиваемся лицом к лицу в борьбе за удовлетворение нашего требования.

В самом деле, провозглашать: «Мы требуем, чтобы государство охраняло свободу» — это пустая болтовня, если мы не готовы проделать то, что д-р Поппер соизволил назвать «историцистским» исследованием государства и его действительного развития вплоть до сегодняшнего дня, рассмотреть, в каких случаях не удастся

---

¹ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 1, p. 109—110.

² *Ibid.*, p. 190.

защитить свободу или как государство мешает людям завоевать свободу, защищая свободу других эксплуатировать этих людей, и установить, что нужно сделать для того, чтобы создать такое государство, которое будет в полном смысле слова охранять свободу, так как обеспечит все необходимые для этого условия.

Далее д-р Поппер утверждает, что если государство должно охранять свободу, то необходимы демократические институты. Подобное утверждение также принадлежит Марксу, и д-р Поппер не открыл здесь ничего нового. Ибо те, кто желает обеспечить охрану своей свободы, должны заботиться о ней сами, а не полагаться на защитников, над которыми они сами не имеют власти. Если большинство человечества будет свободно от эксплуатации и нужды, оно должно позаботиться о том, чтобы те, кому вверено управление, управляли бы соответствующим образом, а это требует «равноправных методов демократического контроля». Чтобы доказать, что это так, д-р Поппер приводит множество аргументов в пользу того, что, хотя неконтролируемая власть в руках исключительно благожелательных деспотов может иногда быть направлена на охрану определенных ограниченных свобод, эта охрана в лучшем случае чрезвычайно ненадежна, если не установлен широкий контроль, обеспечивающий такую охрану.

Но в то время как марксисты согласны с д-ром Поппером в том, что для охраны свободы необходимы демократические институты, д-р Поппер не согласен с марксизмом. Ибо марксизм, говорит д-р Поппер, принижает роль демократии, претендуя тем не менее на роль ее защитника, а от принижения демократии марксизм на практике идет еще дальше, пытаясь полностью ее ниспровергнуть. Марксизм называет осуществление демократических прав «чисто формальной свободой» и предлагает заменить ее «действительной» свободой. Но без этой «чисто формальной свободы» любая другая свобода, которую предлагает марксизм, не может быть свободой вообще.

«То, что марксисты характеризуют пренебрежительно как „чисто формальную свободу“», говорит д-р Поппер, фактически является «основой всего остального. Эта «чисто формальная свобода», то есть демократия, право людей судить о своем правительстве и распус-

катель его, является единственным известным средством, с помощью которого мы можем пытаться оградить себя от злоупотреблений политической властью; это контроль над правителями со стороны управляемых. А поскольку политическая власть может контролировать экономическую власть, политическая демократия — это единственное средство контроля над экономической властью со стороны тех, кем правят. Без демократического контроля не может быть ни малейшего основания, почему бы правительству не использовать свою политическую и экономическую власть в целях, значительно отличающихся от охраны свободы своих граждан»¹.

Но где и когда марксисты говорили о том, что демократический контроль не нужен для охраны свободы? «Марксисты проглядели существенную роль «формальной свободы», — продолжает громить марксистов д-р Поппер, — они считают, что формальной демократии недостаточно, и хотят дополнить ее тем, что они обычно называют «экономической демократией» — туманное и весьма поверхностное выражение...» Но, полноте, д-р Поппер, вы зашли слишком далеко в своем цветистом многословии. Ибо не марксисты обычно говорят туманно и поверхностно об «экономической демократии», а фабианцы и им подобные «туманные и весьма поверхностные» личности.

Под «экономической демократией», по-видимому, подразумеваются меры общественного контроля (или иногда в более узком смысле — «рабочий контроль») над управлением экономическими предприятиями, точно так же как под «политической демократией» понимаются меры общественного контроля над правительством. Поскольку речь идет о свободе, и та и другая, само собой разумеется, являются в одинаковом смысле «формами» или «просто формами». И называть их «формами» — значит только называть их своими именами, а вовсе не «относиться к ним с пренебрежением». Право голосовать и участвовать в осуществлении контроля независимо от того, касается ли оно вообще управления или, в частности, экономического управления, относится к форме демократического контроля над ин-

---

¹ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 2, p. 127.

ститутами, которая необходима, как таковая, чтобы путем приведения в действие этих институтов люди имели возможность пользоваться свободой, проявляя свои способности и дарования и удовлетворяя свои потребности.

Сам д-р Поппер непрерывно твердит о таких свободах, как «свобода от нужды» и «свобода от эксплуатации», и говорит, что это те свободы, для охраны которых предназначены демократические институты. В контексте свободы нет ничего «туманного и поверхностного» в употреблении таких противопоставительных терминов, как «форма» и «содержание», или «формальная» и «действительная», и будет вполне правильным и точным с точки зрения употребления языка сказать, что формальные свободы, такие, как право голоса, относятся к форме контроля над работой институтов, в рамках которых могут осуществляться такие действительные или реальные свободы, как «свобода от нужды» и «свобода от эксплуатации». Марксизм не «относится с пренебрежением» к чисто «формальной свободе». Однако он действительно утверждает, что мы не должны позволять себе обманываться, принимая форму без содержания.

Совершенно верно, что «формальной демократии недостаточно» независимо от того, идет ли речь только о «политической демократии» или она дополняется в какой-то мере демократией экономической. Марксизм говорит рабочим, что обладать правом голоса и профсоюзными правами недостаточно; эти права должны охраняться; но и охранять их недостаточно, следует также пользоваться ими; нужно стремиться завоевать, а затем защищать всю ту реальную свободу, которая включает в себя «свободу от нужды» и «свободу от эксплуатации». Не марксисты, а д-р Поппер «проглядел существенную роль „формальной свободы“», ибо он не замечает, что роль «формальной свободы» состоит в том, чтобы дать нам возможность установить и охранять действительную свободу.

Д-р Поппер говорит: «Точку зрения на государство, изложенную мною здесь, можно назвать „протекционизмом“», и он принимается объяснять, что «протекционистская теория государства» — это теория не о происхождении государства и не о его «сущности», «ничего не говорит эта теория и о том, каким образом в действи-

тельности функционируют государства. Она формулирует политическое *требование, предложение* принять определенную политику» — и это требование, и это предложение состоят в том, что государство должно охранять свободу и что все, что государство делает с этой целью, должно демократически контролироваться. Может показаться странным такое употребление слов, когда требование или предложение называют «теорией», ибо для большинства людей теория — это нечто такое, на чем основываются требования и предложения. Однако д-р Поппер продолжает, что теории государства должны всегда «переводиться, так сказать, на язык требований или предложений для политического действия, прежде чем их можно серьезно обсуждать. В противном случае неизбежны бесконечные дискуссии чисто словесного характера»¹.

Разумеется, мы можем согласиться с тем, что теории государства должны «переводиться на язык требований и предложений для политического действия, прежде чем их можно серьезно обсуждать», и что если этого не делается, то теории, во всяком случае, не стоят серьезного обсуждения. Но если мы собираемся выдвинуть требование о том, что государство должно что-то охранять, в качестве серьезного предложения для политического действия, мы должны по крайней мере иметь хоть какое-то представление о том, охраняет ли это уже государство, и если это так, то насколько эффективно, или же государство охраняет что-нибудь другое. Политическое действие должно исходить из существующей обстановки, и предложение, касающееся этого действия, едва ли может быть серьезным, если оно не включает оценку обстановки. Марксистская теория государства может быть и уже «переведена на язык политического действия». То, что д-р Поппер порицает в этой теории как «элементы историцизма и эссенциализма», состоит в том, что она не просто предлагает политическое действие, но предлагает его на основе анализа существующего положения вещей и того, каким образом оно сложилось. Ведь если политическое действие имеет целью искоренение

---

¹ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 1, p. 111—112.

зла, следует хоть что-нибудь понимать в том зле, которое предлагается искоренить.

Что касается «протекционизма», то марксисты согласны, что государство действительно играет защитительную роль, и мы выдвигаем политические требования и предложения, касающиеся такой его роли. В этом смысле мы тоже «протекционисты», только мы отличаемся от д-ра Поппера тем, что считаем необходимым исследовать, «каким образом в действительности функционирует государство», для того чтобы серьезно обсуждать, как, по нашему мнению, оно должно функционировать.

В соответствии с марксистской интерпретацией данных истории государства возникли как результат развития частной собственности и классов и всегда выполняли в качестве важнейшей функцию охраны собственности и отношений собственности. Эксплуататорские классы стали господствующими классами с помощью форм осуществляющегося ими институционального контроля. По отношению к господствующим классам в капиталистических странах это остается справедливым и сегодня. Как я уже неоднократно отмечал, «равноправные методы демократического контроля», завоеванные в ряде капиталистических стран, все еще строго ограничены. Право голоса, право участия в политических организациях, профсоюзные права, свободы слова и собраний ограничены и нейтрализованы тем преобладающим контролем, который осуществляет с помощью своих институтов класс капиталистов над органами управления, включая не только законодательные и исполнительные органы, но также и органы информации, образования и пропаганды. Этот контроль осуществляется, чтобы защищать капиталистическую собственность и свободу капитала присваивать прибавочную стоимость и искать прибыльного помещения капиталов.

В результате сегодня с государством дело обстоит так же, как всегда: *оно охраняет собственность*. Существуют различные свободы, которых добиваются индивиды: свобода принимать участие в институтах демократического контроля, свобода распоряжаться своей собственностью и развивать свои физические и духовные способности. Капиталистическое государство действительно признает и охраняет и в то же самое время

урезывает и отрицает эти личные свободы, поскольку это согласуется с сохранением и развитием капиталистических форм собственности, которые оно охраняет. Все это факты, которые имеют самое непосредственное отношение к любой «протекционистской теории государства» и которые д-р Поппер не замечает.

2. СВОБОДА, ПРАВА И ГАРАНТИИ

Признавая, «что свобода должна быть ограниченной», д-р Поппер говорит: «Трудно, конечно, определить точно степень свободы, которая может быть предоставлена гражданину без риска подвергнуть опасности ту свободу, защита которой составляет задачу государства. Но, — продолжает он, — то, что нечто подобное приблизительному определению этой степени возможно, доказано опытом, то есть существованием демократических государств»¹. Поэтому, заключает он, «государство следует рассматривать как организацию для предупреждения преступления, то есть агрессии». Ибо, когда государство рассматривается в таком свете, «приблизительная степень свободы, которая может быть предоставлена гражданам», легко определяется как результат опыта. Для иллюстрации практического принципа, на основе которого делается такое «приблизительное определение», д-р Поппер приводит «известную историю о хулигане, который настаивал, что имеет право размахивать кулаками в любом направлении, на что судья мудро возразил: „Свобода движения ваших кулаков ограничена положением носа вашего соседа“»².

Несомненно. Но даже при этом можно усомниться в том, доказало ли существование демократических государств, что можно всегда без труда научиться на опыте точно определять границы свободы. Опыт пока еще не научил демократическое американское государство, что свобода его летчиков бросать бомбы должна быть ограничена местонахождением женщин и детей его соседа. Как пример «организации для предотвращения

---

¹ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 1, p. 110.

² *Ibid.*, p. 111.

агрессии» это демократическое государство нужно считать неудачным. Опыт не научил даже некоторые законодательные учреждения, что право их собственных детей на образование не должно быть ограничено цветом их кожи.

К тому же существует трудность в точном определении того, что представляет собой «та свобода», «защита которой составляет задачу государства». Американское государство, например, считает, что оно любой ценой должно охранять свободу капиталовложений, и поэтому не только не считает себя виновным в агрессии против некоторых из своих соседей, но, напротив, считает их виновниками агрессии. С другой стороны, должно ли демократическое государство охранять свободу администрации частных предприятий объявлять лишними рабочих, когда она не может извлечь из них выгоду? Если это так, то тогда это автоматически лишает рабочих свободы зарабатывать средства к жизни и вносить свой трудовой вклад в общественное производство средств к существованию. Ибо это право частного капитала противоречит тому, что в социалистических странах считается основным правом,— праву на труд.

Точка зрения д-ра Поппера на свободу и ее ограничения, а также на роль государства находит свое выражение в его требовании, чтобы государство защищало «ту свободу, которая не причиняет вреда другим гражданам». В этом требовании отражена такая же либеральная точка зрения, которая была высказана Дж. Миллем в его работе «On Liberty», в которой Дж. Милль заявил, что государство не должно мешать свободе отдельных индивидов вести свои дела и распоряжаться своим имуществом так, как они того желают, за исключением случаев, когда, как показывает опыт, необходимо их останавливать, чтобы они не вредили друг другу. Но дело в том, что общее понятие «вред» само по себе, по выражению д-ра Поппера, «слишком туманно и поверхностно», чтобы служить ключевым понятием для определения того, каким образом демократическое государство должно охранять и ограничивать свободу.

Практическая трудность интерпретации приводимого Миллем практического принципа возникает всегда при решении вопроса, какого рода вред, в какой степени

или количестве должен быть причинен, прежде чем позволительно вмешиваться государству. Люди могут и действительно наносят друг другу вред, и самым различным образом, поэтому если этот либеральный принцип был бы принят в таком его виде, то это предполагало бы нестерпимо большое вмешательство государства в личную жизнь граждан. Этот же вопрос затрагивался У. Гильбертом в его либретто оперы «Микадо»: в гильбертовской Японии флирт считался оскорблением, подлежащим судебному преследованию, так как полагали, что он ведет к нанесению ущерба невинным девушкам. Как мы видели выше, д-р Поппер утверждает, что «опыт» всегда подскажет демократическим государствам, где должен быть предел; и задолго до того, как д-р Поппер принялся за свои разъяснения, либералы, будучи людьми здравомыслящими, пытались проводить некоторое различие между «общественной» и «личной» жизнью с оговоркой, что государство не должно вмешиваться в личную жизнь, за исключением каких-то особых случаев. Точно так же они пытались установить своего рода равновесие между вредом, который может быть причинен разрешением отдельных видов деятельности, с одной стороны, и вредом, причиняемым вмешательством государства,— с другой. Ибо либеральный принцип предполагал, что вмешательство государства, будучи ограничением свободы, само по себе пагубно и поэтому должно применяться только тогда, когда в противном случае будет нанесен явно больший вред. Так, в телевизионном обсуждении, организованном Би-Би-Си летом 1966 г., дебатировался вопрос, следует ли запрещать порнографическую литературу (наводнившую Англию); при этом один довольно робкий и ученый джентльмен из Оксфорда убеждал, что ее нужно запретить ввиду того вреда, который она наносит, а все другие представители свободной культуры доказывали, что ее не следует запрещать ввиду того вреда, который наносит любая форма цензуры над изданиями. В политической и экономической полемике принцип Дж. Милля был использован в качестве довода в пользу *laissez faire*, однако в настоящее время общепризнанно — и сам Дж. Милль был одним из первых, кто это доказывал,— что в экономических вопросах желательно ограниченное вмешательство государства. Но если социалисты

пытаются доказать, что любая форма эксплуатации человека человеком наносит вред, то в качестве контрдовода приводится то, что вмешательство государства, необходимое для прекращения эксплуатации, принесет еще больший вред.

Скрытой причиной того, почему д-р Поппер и другие считают, что опыт демократических государств все же показывает совершенно ясно, что́ следует и чего не следует позволять, исходя из их формулы, является то, что они считают само собой разумеющимся существование частной собственности на средства производства, купли и продажи рабочей силы, а также частного присвоения продуктов обобщественного труда. При этом допущении опыт действительно указывает на целесообразность введения одних ограничений и нецелесообразность других. Но это совсем не то же самое, что не допускать, чтобы люди наносили друг другу вред.

Следовательно, установить границы свободы, допускаемой демократическим государством, не такая уж легкая и бесспорная задача, как это пытается доказать д-р Поппер. Ибо то, что ограничивает свободу, это не просто мудрое или немудрое решение законодательной власти, которая определяет, предоставить или не предоставить индивидам свободу поступать так или иначе. Законы должны предоставлять или не предоставлять свободы в соответствии с *правом*, которое соответствует различным формам собственности, так что окончательное решение о границах свободы выносят *институты собственности*. Вопрос в том, должно ли государство издавать законы для существующих форм собственности и продолжать охранять их или, наоборот, оно должно вместо этого издавать законы против них, содействовать установлению других форм собственности и охранять эти последние? Это трудный вопрос, который должен быть решен, чтобы можно было установить границы свободы. И его решение неизбежно затрагивает *борьбу классов за контроль над государством, а также сохранение или смену государственных институтов*.

Д-р Поппер правильно подчеркнул необходимую связь между предоставлением свободы и ограничением свободы. И нетрудно заметить, что это предполагает также при практическом обсуждении необходимую связь между употреблением терминов «свобода», «права», «за-

кон» и «гарантия». *Свободы* соответствуют *правам* — каждый должен быть свободен пользоваться своими правами; права отражены в *законе*; проведение закона в жизнь дает *гарантию* свободного обладания и пользования правами. Томас Гоббс был совершенно прав, когда говорил, что если бы действия людей не регулировались общественными нормами, эффективно проводимыми в жизнь, то жизнь людей была бы «мерзкой, грубой и короткой»; не было бы условия свободы. Как признал мудрый судья д-ра Поппера, хулиган или вор — враг свободы людей, ибо он посягает на их безопасность. Точно так же обстоит дело с военной или экономической агрессией государств в международной жизни. И конечно же поэтому д-р Поппер говорит, что демократическое государство должно бороться «за предотвращение преступления, то есть агрессии». Марксисты полностью согласны с этим указанием. Но чего д-р Поппер не замечает, когда определяет «функцию, которую может и должна выполнять государственная власть, служа свободе и гуманности», и признание чего привело Маркса к гораздо лучшему пониманию этой функции, чем ее впоследствии понял д-р Поппер, так это то, что *государства всегда должны охранять права собственности и гарантии собственности*. Поэтому важно определить, какие права собственности должны охраняться и какие в связи с этим должны предоставляться *гарантии*.

Существуют определенные основные виды гарантии, предоставления которых требует марксизм, выражая в этих требованиях непосредственный интерес рабочего класса в современном обществе и одновременно формулируя необходимое условие для беспрепятственного дальнейшего развития общественного производства. Мы требуем для каждого гарантии получения работы, чтобы каждый вносил свой вклад в общественное производство и, как это выразил Маркс в «Капитале», совершал это «с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных... человеческой природы и адекватных ей»¹. Мы требуем для каждого гарантии права обладания и пользования личной собственностью. И мы требуем для каждого обеспечения условий, которые позво-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 387.

ляли бы ему развивать свои способности и быть счастливым лично и во взаимоотношениях с другими.

Могут сказать, что это довольно трудная задача, если принять во внимание то, какова человеческая природа. Многие считают бесполезным требовать создания институтов, которые обеспечили бы подобные социальные гарантии, потому что люди как индивиды по своей природе слишком плохи или глупы, чтобы заставить их когда-либо действовать. Однако марксизму чужд такой цинизм в оценке человеческой природы, поскольку фактически существуют институты, которые по своей природе *не допускают* подобных социальных гарантий, независимо от того, являются отдельные люди по своей природе плохими или глупыми или нет. Таковы институты капитализма.

Пока государство охраняет капиталистические отношения собственности, какие бы демократические требования перед ним ни выдвигались, оно должно заботиться о том, чтобы предоставить максимум гарантий для накопления и капиталовложений, а для отдельных людей, индивидуально или через корпоративные организации, — обеспечить свободу накопления и капиталовложения, а также существования на прибавочную стоимость, получаемую ими в результате эксплуатации чужого труда.

Это явно противоречит предоставлению гарантии на труд. Ибо занятость зависит от причуд подверженного кризисам процесса кругооборота капитала; поскольку речь идет о работе с «наименьшей затратой сил» и при «условиях, наиболее достойных человеческой природы», рабочие находят, что в этом отношении чинятся препятствия прогрессу.

В равной степени это противоречит гарантии личной собственности. Хотя государство и закон охраняют личную собственность индивида, гарантия личной собственности связана с ненадежностью его работы или акций. Рабочий, которому удалось приобрести какое-то личное имущество или даже купить несколько акций, рискует потерять их из-за безработицы или инфляции.

Что касается менее осязаемых благ жизни, счастья и личных взаимоотношений, то широкоизвестным фактом, хорошо освещенным в социологической литературе и исследованным в литературе художественной и искус-

стве, является то, что источники этих благ отравлены свободной конкуренцией и монополизацией средств развлечений, волчьей моралью капиталистического общества.

Благодаря установлению общественной собственности на средства производства мы можем ввести общественное планирование производства, чтобы использовать имеющиеся в наличии ресурсы и рабочую силу для удовлетворения человеческих потребностей. И государство, которое отменит права частного капитала и приступит к охране общественной собственности на средства производства, может в таком случае защитить право каждого извлекать пользу из общественного производства и посредством общественного планирования производства может добиться установления и охраны социальных гарантий права каждого на труд, личную собственность и счастье.

Свобода и равенство, которые способен таким образом гарантировать социализм, могут быть обеспечены лишь путем ограничения и отрицания определенных свобод, а также посредством устранения неравенства. Так всегда говорили марксисты, наглядно демонстрируя тем самым весьма глубокое понимание так называемого «парадокса свободы» и «функции, которую государство может и должно выполнять, служа свободе и гуманности».

Характер ограничения свободы, иллюстрируемый примером, когда не допускается, чтобы кулаки приходили в соприкосновение с носами, не требует доказательства; д-р Поппер сам соглашается, что это «мудро». Чтобы гарантировать свободу и равенство, основанные на общественной собственности на средства производства, необходимо запретить также частные предприятия, получающие прибыль от покупки рабочей силы и продажи готовой продукции. Необходимо лишить отдельных лиц свободы владеть такими предприятиями единолично или в кооперативных организациях, свободы покупать или спекулировать на бирже акциями этих предприятий, свободы проявлять инициативу и дух конкуренции при упразднении такими предприятиями. Необходимо лишить одного человека свободы эксплуатировать труд другого. Требуется также устранить все те институты, закрыть все те коридоры государственной

власти, с помощью которых эксплуататорскому классу, составляющему меньшинство, удастся утвердить свое влияние и контроль над правительством. Все заявленные представителями этого класса права на влиятельное положение и власть должны быть отменены. К таким правам относятся права владеть газетами и другими средствами пропаганды и диктовать им политику, осуществлять контроль над радиовещанием и телевидением, владеть и руководить издательским делом и художественными галереями, управлять организацией научных исследований, а также осуществлять цензуру над преподаванием в школах.

При таком ограничении свободы для обеспечения свободы, несомненно, как предупреждает нас д-р Поппер, «будет сделано много ошибок». И, действительно, много ошибок уже допущено и все еще допускается социалистическими государствами, которым в прошлом мешали как недостаток демократических традиций, так и отсталость экономики. Но какие бы ошибки ни совершались в прошлом или будущем, эти государства, по крайней мере, избавились от отношений собственности, закрывающих путь к свободе и гарантиям, и установили основные институционные формы собственности и управления, в рамках которых открыт путь вперед. А практика покажет и уже показывает, как исправлять ошибки.

3. СВОБОДА ОТ ЭКСПЛУАТАЦИИ

Что же мы понимаем под свободой, когда она рассматривается как социальное и политическое благо, а завоевание и сохранение ее — как социальная и политическая цель? Чтобы объяснить, что мы имеем в виду, необходимо (как д-р Поппер уже разъяснил в другом контексте) не искать и раскрывать скрытую «сущность» того, что означает слово «свобода», а просто изложить смысл различного его употребления. Если это будет понято, то тогда станет ясно, что, когда люди говорят, что они хотят быть «свободными», они подразумевают под этим, что они хотят покончить со всякого рода принуждением, от которого они страдают, либо же помешать установлению каких-нибудь новых его видов. Таким

образом, *быть свободным — значит быть свободным от принуждения.*

Соответственно, д-р Поппер считает, что целью политического выступления за достижение свободы является освобождение людей, насколько это возможно, от всякого принуждения — когда ими помыкают и их притесняют представители законной власти, над которой они почти или вовсе не имеют контроля. Поэтому под политической целью свободы понимается установление демократии и самоуправления.

Не может быть сомнения, что эта цель соответствует стремлениям к свободе, действительно выражаемым большинством народа. Для большинства людей быть «свободным» предполагает пользование демократией и самоуправлением, а поскольку люди лишены своих демократических институтов, под завоеванием «свободы» они обычно подразумевают не что иное, как завоевание таких институтов для себя. Как сказал д-р Поппер, установлено, что после того, как завоеваны демократия и самоуправление, люди оказываются не в состоянии использовать их надлежащим образом. *Однако первостепенное значение в борьбе за свободу имеет завоевание демократии и самоуправления.*

Возражая против этого, иногда ссылаются на то, что, согласно марксизму, предположение, будто свобода подразумевает свободу от принуждения, является просто «буржуазной» или «либеральной» иллюзией. Но понятие «свобода», как ее понимает каждый, кто стремится к свободе и воздерживается от употребления этого слова в мудреных значениях, предназначенных для обмана людей, когда им навязывают то, чего они не хотят, обозначая это таким словом, которое они обычно употребляют для обозначения того, что они хотят, действительно предполагает, что завоевать свободу значит избавиться от какого-то принуждения. И если марксизм расходится с «буржуазным либерализмом», то не потому, что мы сторонники всякого рода ограничений свободы, на избавлении от которых настаивает либерализм, а потому, что мы выступаем за то, чтобы избавиться от таких ограничений, с которыми мирится либерализм.

Идея д-ра Поппера: «мы требуем, чтобы государство охраняло такую свободу, которая не причиняет вреда

другим гражданам», заставляет его, как и других либералов, доказывать, будто ограничения, налагаемые на свободу, носят только политический характер, то есть будто бы это лишь ограничения, устанавливаемые государством. Вас лишают свободы, когда за вами приходит полиция, и д-р Поппер настойчиво утверждает, что это должно быть сделано для того, чтобы не допустить, чтобы вы причинили вред кому-нибудь еще. Мы свободны, если отвлекаться от того, что может предпринять государство или государственные служащие, чтобы лишить нас свободы.

Но помимо тех ограничений свободы, которые могут устанавливать государство и полиция, свободны ли мы поступать так, как нам заблагорассудится, пользоваться теми благами, которые дарит индивидам цивилизация, под тяжким бременем долгих часов монотонной, трудной и плохо оплачиваемой работы, при недостатке хорошей пищи и плохих жилищных условиях, или в еще более трудном положении, когда человек не может найти работу? Разве не ограничена свобода также недостатком образования и тем, что люди подвергаются массовому воздействию пропаганды, сводящей на нет их собственное мнение, заставляющей их верить тому, что им говорят, и верить тому, будто им хорошо живется, тогда как в действительности им достается лишь то, что они могут добыть в конкурентной борьбе со своими собратьями? Все эти ограничения существуют. Но так как эти, или даже худшие, ограничения всегда существовали, то они считаются само собою разумеющимися, естественными признаками человеческого существования. Пока техника была относительно примитивной, такие условия были неизбежны и покончить с ними нельзя было с помощью практической политики. Но это достижимо в настоящее время, и марксизм разрабатывает теорию и практику такой политики.

В этом отношении столь же верно, что при осуществлении практической политики в прежние времена были невозможны институты демократического контроля, в которых принимало бы участие до некоторой степени все население, а не только те, кто занимает привилегированное положение благодаря обладанию собственностью. Подобные институты свободы стали создаваться совсем недавно. Либералы, сколь бы справедливо они

ни восторгались свободой, завоеванной демократией, и как бы они ни были готовы, как они утверждают, бороться до последнего издыхания за сохранение даже тех ограниченных свобод, которых мы пока добились (и марксисты присоединяются к ним в этом), совершают ошибку, полагая, что так как контроль над возможностью правителей диктовать условия гражданам является необходимой предпосылкой свободы последних, то это и есть вся их свобода. Ничего подобного. Даже когда мы добьемся известного контроля над тем, в какой мере правители могут нам диктовать свои решения, то есть добьемся политической свободы, мы все еще останемся относительно несвободными и будем испытывать сильное давление ввиду существующих производственных отношений и всего того способа, каким мы организуем общественное производство и распределение жизненных благ. Либералы принимают это принуждение и эту несвободу. Марксисты ищут пути покончить с нею.

Маркс и Энгельс считали, что в результате установления социалистической собственности и социалистического управления общественными средствами производства и связанных с этим ограничений свободы индивидов владеть средствами производства и покупать и продавать рабочую силу и продукты труда может быть достигнута такая организация общественного производства, на основе которой все индивиды смогут пользоваться свободой, которой они не могли пользоваться в любом обществе, основанном на эксплуатации труда. И в «Анти-Дюринге» Энгельс охарактеризовал условия такой свободы индивида, а также показал, в чем эта свобода заключается.

Главное, объяснил он, состоит в том, что, «овладев всеми средствами производства в целях их общественно-планомерного применения, общество уничтожит существующее ныне порабощение людей их собственными средствами производства». Таким образом, «производительный труд» уже больше не будет «средством порабощения людей»¹.

Для того чтобы вообще могло существовать человечество и чтобы мог жить каждый, не говоря уже о том,

---

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 305.

чтобы жить свободно, должен осуществляться производительный труд. Все те способы, при помощи которых труд становился «средством порабощения людей», как говорит нам Энгельс, являются последствиями общественного разделения труда. Во-первых, индивиды связаны с определенной работой таким образом, что все возможности для развития их способностей и формирования личности, а также возможности пользоваться благами обуславливались и ограничивались той работой, с которой каждый из них был связан: так, крестьянин связан с землей, рабочий — со станком, а управляющий — с конторой, причем все в одинаковой мере находятся в положении «порабощения... их собственными средствами производства». Во-вторых, одни индивиды живут, эксплуатируя труд других, так что последние вынуждены трудиться в пользу первых и под их руководством. В-третьих, индивиды вынуждены отдавать большую часть своих сил общественно необходимому труду, лишь малая толика времени и энергии остается для занятий, свободно избираемых ими самими.

Энгельс доказал, что современного развития производительных сил уже достаточно для того, чтобы мы покончили с таким порабощением. Он подчеркнул, что общественное развитие современных производительных сил сделало возможным, «чтобы, при всеобщем участии в труде, рабочее время каждого было доведено до незначительных, по нынешним представлениям, размеров»¹. Таким образом, во-первых, каждому могут быть предоставлены достаточно свободного времени и возможность жить так, как он того пожелает. Во-вторых, может быть уничтожена всякая эксплуатация человека человеком. И в-третьих, при современном уровне развития производительных сил имеется возможность полностью покончить с прежним уродующим влиянием на индивидов разделения труда. Современная промышленность фактически, как вопрос жизни и смерти, ставит перед обществом, писал Маркс в «Капитале», задачу заменить частичного рабочего наших дней, уродуемого пожизненным повторением одной и той же операции и низводимого таким образом до уровня простого обломка человека, «всесторонне развитым индивиду-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 305.

умом», способным выполнять целый ряд работ, готовым смело встретить любое изменение в производстве и «для которого различные общественные функции суть сменяющие друг друга способы жизнедеятельности», открывающие широкий простор для развития его собственных природных способностей и приобретенных навыков¹. В частности, развитие техники и овладение ею дают людям возможность покончить с двумя величайшими разделениями, которые устанавливают ограничения и создают неравенство среди индивидов, — различием между умственным и физическим трудом и различием между городом и деревней.

Таким образом, говорил Энгельс, индивидуальная свобода, которой люди могут добиться в результате установления социалистической собственности на средства производства, связана с устранением рассмотренных форм порабощения. Это означает предоставление «каждому возможности развиваться во всех направлениях и действительно проявлять все свои способности, как физические, так и духовные»².

Маркс разъяснил этот же вопрос, но, возможно, с большим красноречием и меньшим вниманием к подробностям в конце третьего тома «Капитала».

«Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства. Как первобытный человек, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный человек, должен во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С развитием человека расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с при-

---

¹ См. там же, т. 23, стр. 499.

² Там же, т. 20, стр. 305.

родой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня — основное условие»¹

Таким образом, и Маркс и Энгельс очень ясно показали, что то, что они рассматривают как свободу — цель, за которую стоит бороться и которую можно осуществить лишь на базе общественной собственности на средства производства, — заключается в одинаковой возможности для каждого индивида «развивать и проявлять все свои способности», а также заниматься тем «развитием человеческих сил, которое является самоцелью» и которое совершается не потому, что индивид *должен*, а потому что он *хочет* так поступать. Необходимым условием для этого, как объясняли Маркс и Энгельс, является нечто такое, что можно осуществить лишь благодаря общественной деятельности, — наиболее полное развитие общественного производства на базе общественной собственности на средства производства и планирования, ликвидации калечащих последствий разделения труда, уничтожения эксплуатации человека человеком, а также сокращения до минимума для каждого индивида количества необходимого рабочего времени и индивидуально расходуемой энергии.

Как указывал Маркс в «Критике Готской программы», индивиды едва ли пожалеют время, затраченное на общественный труд, организованный в рамках общественного производственного плана, ибо они осознают, что труд является «первой потребностью жизни»². Кроме того, как отмечал Энгельс, с наиболее полным использованием и развитием техники «труд из тяжелого бремени превращается в наслаждение»³.

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, стр. 386—387.

² Там же, Соч., т. 19, стр. 20.

³ Там же, Соч., т. 20, стр. 305.

Именно по этим причинам марксисты утверждают, что лишь с установлением социализма люди могут положить подлинное начало достижению свободного общества. Ибо, как говорил Энгельс, лишь после того, как «общество возьмет во владение средства производства», «человек... — в известном смысле окончательно — выделяется из царства животных и из звериных условий существования переходит в условия действительно человеческие. Условия жизни, окружающие людей и до сих пор над ними господствовавшие, теперь подпадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы, потому что они становятся господами своего собственного объединения в общество... И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы»¹.

Для достижения такой свободы *нужно не только ввести более эффективные формы демократического контроля над правителями, но и изменить общественные отношения*. Отрицая это, либералы не только оправдывают политические ограничения, связанные с существующими капиталистическими отношениями, как необходимые меры для предотвращения вреда, но также считают власть и привилегии существующего господствующего класса, равно как и порабощение большинства людей тяжелыми условиями эксплуатируемого труда, естественными особенностями действия демократической политической системы. Что касается свободы, то ее горизонты крайне ограничены.

В самом деле, всегда важно помнить, что то, что называют либерализмом, в действительности часто весьма далеко от такового. Либерализм в социальной и политической теории нередко столь же ограничен, сколь и сама великая партия либералов.

Либеральная близорукость в отношении границ свободы обусловлена признанием капиталистических отношений в качестве таковых, рамками которых долж-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 294—295

на ограничиваться человеческая свобода. Д-р Поппер действительно говорит о «свободе от эксплуатации». Но для него эксплуатируемыми являются лишь неорганизованные рабочие, лишенные возможности заключать соглашения с бессовестными предпринимателями, когда же существует рабочая организация, и заработная плата, и рабочее время определяются коллективными соглашениями (или, может быть, нам следует сказать теперь,— политикой доходов, определяемой демократически избранным правительством), приходит конец эксплуатации. С такой точки зрения — свобода действительно представляется в основном делом только политической и экономической демократии. Основными свободами считаются свобода индивидуального предпринимательства, свобода индивидов, имеющих общие интересы, организовываться, чтобы отстаивать свои интересы, свобода добиваться улучшения условий жизни как путем личной инициативы, так и посредством коллективной организации. Но все же в рамках капиталистических отношений самым большим улучшением, на которое можно надеяться, является лишь незначительное уменьшение стеснений экономической необходимости и требования работы. И в этих условиях люди, естественно, рассматривают в качестве целей всех своих усилий лишь такое удовлетворение своих требований, какого они могут добиться среди всеобщей драки, делая это с наибольшей жадностью, потому что то, чего они добиваются, находится под постоянной угрозой экономических кризисов, а также кризисов в политической и международной жизни, которые порождает капитализм и наступление которых он никак не может контролировать. Такова уж, согласно либерализму, неизбежная участь людей.

Маркс, как признает д-р Поппер, видел все эти язвы капитализма довольно ясно; однако он видел и нечто большее, а именно, как преодолеть их. Он не относился с пренебрежением к политическим свободам, связанным с демократией. Напротив, он выступал за расширение этих свобод с тем, чтобы лишить правящий класс политической и экономической власти. Но он ясно видел, что *политическая власть должна быть использована для изменения общественных отношений, чтобы сделать людей свободными*, то есть чтобы сделать людей лично свободными на основе их сотрудничества в процессе общест-

венного производства средств для удовлетворения потребностей, а также коллективно гарантировать это путем установления их контроля над средствами к существованию и собственной общественной организацией.

Данное Марксом определение свободы и тех ограничений, которые необходимо устранить для завоевания свободы, имеет огромное значение, так как оно ставит перед нами цель политической борьбы. Д-р Поппер весьма презрительно относится к целям и идеалам потому, что, как он утверждает, целью политической борьбы должна быть не реализация идеалов, а уничтожение зла. Марксисты, однако, упорнее всех борются за уничтожение зла, так как таков практический путь борьбы за претворение в жизнь идеалов. Представление о зле, которое нужно искоренить, нельзя отделять от представления о благе, которое нужно установить, искоренив зло. Ибо не имея представления о том, какое благо установится после уничтожения зла, можно подумать, что не стоит утруждать себя уничтожением зла или даже что существующее зло вовсе не зло. Показывая, что представляет собой полный расцвет человеческой свободы, марксизм убеждает нас в необходимости идти дальше по пути устранения всего того, что мешает нашей свободе. И, хотя марксизм настаивает на том, чтобы мы ценили и защищали завоеванные свободы, он не утверждает, что, завоевав их, мы завоевали всю свободу, которой мы хотели или могли добиться.

Марксизм убеждает поэтому, что в условиях капитализма мы должны организовать себя, чтобы защищать уже завоеванные демократические свободы или завоевать их, если они все еще не завоеваны; что мы должны организовать себя, чтобы поддерживать и повышать тот уровень жизни, который мы достигли, а также что мы должны организовать себя для того, чтобы лишить господствующий класс его возможностей защищать свои собственные привилегии за счет свобод большинства и, таким образом, установить социалистические производственные отношения. А когда социализм завоеван, убеждает марксизм, *мы должны идти дальше по пути создания условий индивидуальной свободы*, предполагающих не просто демократические права, хотя они и должны быть установлены там, где они отсутствуют, но предполагающих также условия работы, «достойные че-

ловческой природы», а также условия, при которых производится изобилие продуктов «с наименьшей затратой сил», с тем чтобы могло «начаться развитие человеческих сил, которое является самоцелью...».

Западная пропаганда настойчиво твердит, что при социалистических правительствах в течение первых пятидесяти лет после того, как было образовано первое из них, у людей отсутствовали некоторые условия свободы, даже некоторые из тех, какие имеются в капиталистических странах, не только вследствие неизбежных экономических и политических трудностей, но и вследствие неправильной политики социалистических правительств. Но объективный ход истории доказывает, что марксизм дает всему великому движению народов, восставших против эксплуатации, его цель — свободу и свое понимание свободы, в свете которого они могут судить о том, *что еще предстоит сделать, чтобы установить свободные институты.*

4. СВОБОДА И НЕОБХОДИМОСТЬ

Д-р Поппер цитирует некоторые отрывки из высказываний Маркса и Энгельса относительно индивидуальной свободы и свободного общества, приведенные в предыдущем разделе. А затем он замечает: «Насколько я могу судить», Маркс «придерживался известного гегелевского отождествления свободы с духом, поскольку он полагал, что мы можем быть свободны лишь как духовные существа»¹.

Это кажется удивительной интерпретацией точки зрения Маркса даже для Страны чудес. Однако, продолжает д-р Поппер, Маркс описал все, что относится к материальной жизни, материальным условиям, а также производству материальных средств к жизни, как «царство необходимости», и говорил, что «подлинная свобода» начинается только «по ту сторону его». Поэтому Маркс, очевидно, предполагал, что подлинная свобода может наступить лишь тогда, когда мы «полностью освободимся от потребностей нашего метаболизма».

---

¹ К. Поппер. The Open Society and its Enemies. vol. 2. p. 103.

Для Маркса фактически, как для «любого христианского дуалиста», свобода заключается в «освобождении от плоти». И Энгельс выразил ту же мысль, когда писал, что для завоевания свободы человек должен «выделиться из животного мира».

Конечно, добавляет д-р Поппер, Маркс и Энгельс довольно хорошо знали, что мы никогда не достигнем стопроцентного «освобождения от плоти». Поэтому они выступали лишь за то, чтобы мы как можно меньше времени и сил уделяли заботе о плоти, посвящая главное внимание «подлинной свободе»¹. Д-р Поппер полагает, что Маркс считает человеческий метаболизм, наше материальное существование, «плоть» неизбежными ограничениями нашей свободы, от которых мы должны стараться освободиться. Увы, мы никогда не можем освободиться от них полностью, а посему мы всегда вынуждены уделять определенное внимание материальным потребностям.

Точка зрения, которую д-р Поппер пытается приписать Марксу, будто «мы можем быть свободными лишь как духовные существа», вполне оправданно может считаться не просто вздором, как это считает д-р Поппер, а вредным вздором. Д-р Поппер склонен называть любой подобный вздор «гегелевским», независимо от того, говорил нечто подобное Гегель или нет. Но эта точка зрения в действительности значительно древнее, чем Гегель, так как она довольно ярко выражена в писаниях, приписываемых апостолу Павлу. Скрытый за пышной спиритуалистической фразеологией вредный практический смысл ее заключается в том, что, так как тело ограничивает и связывает по рукам и ногам свободу духа, его нужно подавить, чтобы освободить дух. Таким образом, точка зрения, что «подлинная свобода» является «духовной», может быть использована (и зачастую используется) для оправдания всех видов угнетения и жестокости во имя «подлинной свободы».

Д-р Поппер уже предупреждал нас, что практическим результатом марксистских взглядов на революцию как средство достижения свободы от эксплуатации может быть только тирания. Теперь же он показал, как

---

¹ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 2, p. 103—105.

Маркс и Энгельс пытались-де скрыть этот неприятный факт под возом вздора о «подлинной свободе».

Идея о том, что только «дух» свободен, тогда как «плоть» несвободна, которую д-р Поппер довольно произвольно приписывает Гегелю и еще более произвольно Марксу, в современную эпоху стала ассоциироваться с определенными философскими спорами о свободе и причинности.

Выраженный самым простым образом аргумент «мы можем быть свободны лишь как духовные существа» означает следующее. Материальные события имеют причины и происходят в соответствии с законами причинности. Поскольку мы являемся материальными организмами, мы подвержены действию этих законов, так что, если имеется налицо причина какого-нибудь действия, необходимо следует само действие как следствие ее, а если причины нет, то не последует и действие. Если имеется причина, то, следовательно, мы как простые материальные организмы, существующие в материальной среде, не можем помешать тому, чтобы не последовало определенное действие, а если причина отсутствует, мы ничего не можем сделать для того, чтобы вызвать это действие. В любом случае у нас нет выбора, нет свободы в этом вопросе. Поэтому, если мы и свободны в том, что мы делаем, так только как духовные существа, ибо в нас заключен некий духовный принцип, который действует независимо от цепи причинности в материальных процессах.

Ответ на этот аргумент весьма очевиден, настолько очевиден, что стал ныне банальностью в философии. Ибо причинность и закон причинности не только не лишают нас способности выбора действия, а затем его осуществления, но являются необходимым условием такого свободного действия с нашей стороны. Только потому, что причины вызывают действия и поскольку мы знаем, какие действия вызовут данные причины, мы можем избрать ту или иную линию поведения и осуществить ее. Ибо, если бы мы не знали, какие причины вызывают те или иные действия, как мы могли бы тогда выбрать определенную линию поведения или предпринять любое действие? Люди — материальные организмы, и поэтому наша деятельность и последствия нашей деятельности подвержены законам причинности. Но это не

означает, что мы можем быть свободными только в нашем выборе деятельности, если лишь какая-то часть нас свободна от цепи материальной причинности. Напротив, когда мы знаем, какие причины вызывают те или иные действия, то в этом и заключается причина того, что мы вызываем такие действия, какие мы выбираем.

Профессор Райл из Оксфорда проиллюстрировал этот ход аргументации примерами из свободной деятельности в играх. Он отметил (в работе «The Concept of Mind»), что тот факт, что и бильярдные шары, и игроки в бильярд подчиняются законам механики, не мешает свободной игре в бильярд, а является ее необходимым условием. «Играющий в бильярд не требует особого снисхождения к себе из-за существования законов физики, как и правил игры в бильярд. Почему? Потому что они не влияют на его руку». То, что игроки пользуются свободой, когда толкают бильярдные шары в желаемом направлении, вовсе не означает, что игроки являются «духовными существами», как и того, что для того, чтобы хорошо играть в бильярд, «мы должны освободиться от потребностей нашего метаболизма». С той восхитительной легкостью утверждать очевидное, которая характерна для философской школы, к которой принадлежит профессор Райл, он отмечает далее, сколь необоснованно допущение, что «игрок в гольф не может одновременно подчиняться законам баллистики и следовать правилам игры в гольф и играть с изяществом и мастерством».

Так же, как и в этих примерах из области игр, обстоит вопрос и в более серьезных делах. Поскольку результат следует за нашим преднамеренным действием, а не вызывается внешними причинами, независимо от наших намерений, мы можем сказать, что мы ответственны за него, — именно наш выбор действия вызвал этот результат. А поскольку мы знаем из опыта, что делать для того, чтобы вызвать именно этот, а не другой результат, мы стали свободными в поведении и осуществлении наших целей и таким образом «освободились» от такого положения, в котором то, что случается с нами, и то, что случается как следствие причин, которые мы привели в действие, зависит не от нас самих, а от внешних сил, выходящих за границы нашего контроля.

Понимая все это, Маркс и Энгельс не рассматривали материальное существование и его потребности как ограничения того, чем без них была бы наша свобода, как свобода «духовных существ». Очевидно, что, так как человек — материальное, а не духовное существо, его свобода — это свобода материального, а не духовного существа. Его материальное существование является не ограничением его свободы, а ее условием. Следовательно, согласно Марксу и Энгельсу, человек делает себя свободным благодаря контролю над материальными условиями и использованию их в своих собственных целях, для удовлетворения своих собственных потребностей. Достижение свободы зависит от понимания необходимых условий материального существования и овладения ими.

Своевременное разъяснение здесь употребления слова «необходимость» может избавить нас от недоразумений. Разумеется, это слово может употребляться в различных смыслах в различных контекстах. Ни Маркс, ни Энгельс никогда не вдавались в чрезмерные тонкости различия этих разных смыслов — упущение, за которое их могут упрекать современные философы и которое дает широкий простор для очень оживленной бессмысленной беседы на безумных чаепитиях. Смысл, который придается слову «необходимость», вполне ясен как «необходимое условие» или «необходимые условия». Так, если мы говорим, что принятие пищи — жизненная необходимость, то это не означает, что мы обязательно едим, но, если мы не будем есть, мы не останемся в живых. С другой стороны, если мы говорим, что для строительства самолета мы должны понять необходимости природы, выраженные в законах аэродинамики, и овладеть ими, то это не означает, что эти законы являются необходимыми в каком-то более глубоком смысле, помимо того, что они выражают условия управляемого полета тел в воздухе.

Поэтому когда Энгельс говорил, что «человек... из звериных условий существования переходит в условия действительно человеческие», он не имел в виду, что человек достигает «освобождения от плоти», освобождаясь от необходимых законов материального существования, но он имел в виду именно то, что он говорил, то есть что «условия жизни, окружающие людей и до

сих пор над ними господствовавшие, теперь подпадают под власть и контроль людей...»¹. Наш переход из «звериных условий существования» означает не то, что наше духовное существо преодолевает наше материальное существо и избавляется от его ограничений, а то, что мы, как животные, которые живут, удовлетворяя свои потребности и создавая новые посредством общественного производства, узнали, как развивать свои общественные и личные отношения и деятельность, чтобы удовлетворять свои потребности.

Как объяснял Маркс, когда люди научатся рационально регулировать «взаимный обмен с природой», который необходим для поддержания человеческого существования, они тем самым освободят себя для многих занятий, за которые они возьмутся не потому, что они вынуждены поступать так для поддержания своей жизни, а потому, что их успехи в производстве материальных предметов первой необходимости дадут им возможность посвятить свои силы другим занятиям по своему собственному выбору. Поэтому, когда Маркс говорил, что «сокращение рабочего дня» является условием «подлинной свободы», он просто имел в виду, что это позволит иметь больше времени, чтобы делать не то, что мы должны, независимо от того, нравится нам это или нет, а то, что нам нравится и что мы сами выбрали. Эту мысль легко может усвоить большинство промышленных рабочих, даже если она выходит за пределы понимания д-ра Поппера.

Утверждение д-ра Поппера, что Маркс «придерживался известного гегелевского отождествления свободы с духом», и полагал, что мы по-настоящему свободны лишь постольку, поскольку в какой-то степени освобождаемся от необходимых законов материального существования и избавляемся от них, тем более удивительно, что в «Анти-Дюринге» Энгельс кратко и ясно объяснил, что правильным является как раз обратное. Вероятно, д-р Поппер не оценил важности того, что сказал Энгельс в «Анти-Дюринге», потому что он отклоняет эту работу как простую «апологетику», а также потому, что, хотя он правильно считает, что Маркс и Энгельс в некоторых отношениях «являются последователями Гегеля»,

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 20, стр. 294.

его собственное непонимание Гегеля лишает его возможности понять, что значит быть последователем Гегеля.

«Гегель первый правильно представил соотношение свободы и необходимости. Для него свобода есть познание необходимости...»,—писал Энгельс и продолжал: «Не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей... Свобода, следовательно, состоит в основанном на познании необходимостей природы... господстве над нами самими и над внешней природой...»¹

Говоря о свободе, д-р Поппер следует избитой либеральной традиции иметь дело исключительно с *политическими* вопросами о том, насколько государство должно препятствовать кому бы то ни было делать то, что он хочет, и требовать, чтобы людям запрещали совершать одни поступки лишь для того, чтобы защитить их свободу совершать другие поступки. В результате, как я уже говорил, он не принимает во внимание самый важный факт человеческой жизни, заключающийся в том, что совершенно независимо от любых объявлений, которые вывешивает государство о том, что разрешено и что запрещено, свобода людей ограничена их отношением к своим собственным средствам производства, так что каждый пользуется лишь неравной долей свободы, которая определяется его собственностью и местом в общественном разделении труда. И далее можно отметить, что, говоря о свободе, д-р Поппер не принимает в расчет еще более существенного соображения, а именно, что, прежде чем каждый мог стать свободным делать что-либо, должны существовать средства, предоставляющие ему такую возможность, а также знания того, как это делать.

Чтобы стать свободными для выполнения какой-то деятельности, мы должны овладеть средствами, необходимыми для этой деятельности. Люди должны проделать это коллективно, прежде чем индивиды получают возможность заниматься этой деятельностью.

Это соображение подчеркивает и объясняет тот факт, что люди, можно сказать, стремятся к свободе

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 116.

и пользуются ею в своей деятельности, которая недоступна другим животным. Этот факт был неверно понят д-ром Поппером, когда он утверждал, что достижение и расширение сферы человеческой свободы — это всецело дело политики, — такой деятельности, которая недоступна животным, точно так же как он неправильно понимается теми, кто утверждает, будто наша свобода «духовна», тогда как другие животные не являются «духовными существами». Люди тоже животные. Но вид *Homo sapiens* с вертикальным положением тела и человеческими руками и мозгом выделился из всех других видов благодаря общественному производству средств к жизни. Для того чтобы производить, люди научились создавать орудия и конструировать средства в целях вызывать различные полезные действия, а также представлять себе (первым необходимым средством для этого было возникновение языка) результаты, которых они желали бы добиться, и действия, необходимые для того, чтобы вызвать их. Таким образом они развивали способы целенаправленной деятельности, на которой основана человеческая свобода, либо в самом производственном процессе, либо в управлении общественными делами, либо в достижении личных желаний и целей. Она заключается в создании средств и познании того, как эти средства могут быть использованы для получения различного рода результатов с тем, чтобы каждый мог решать, стремиться к этим результатам или нет.

В приведенном выше отрывке из «Анти-Дюринга» Энгельс говорит, что человеческая свобода — собственное творение людей, что мы создаем ее, научившись подчинять и контролировать материальные причины с тем, чтобы заставить их служить нашим собственным целям. В зависимости от степени нашего умения использовать предметы для наших собственных целей увеличивается наша свобода действий. Мы можем сделать еще больше. И эта возрастающая свобода зависит от приобретения нами, как пишет об этом Энгельс, «способности принимать решения со знанием дела», так что, вместо того чтобы быть вынужденными действовать все время просто в ответ на внешние раздражители, когда наша деятельность контролируется самим предметом, который она должна контролировать, мы имеем возможность выбирать осуществимые цели и

приводить в действие причины и контролировать их результаты с тем, чтобы осуществлять эти наши цели.

Эта свобода, продолжает Энгельс, «является необходимым продуктом исторического развития. Первые выделявшиеся из животного царства люди во всем существенном так же несвободны, как и сами животные; но каждый шаг вперед на пути культуры был шагом к свободе»¹. «Первые люди» были «несвободны» просто потому, что в своей деятельности они оставались, подобно другим животным, стесненными их природным окружением. Они жили свободной жизнью в том смысле, что могли бродить там, где хотели, и никто при этом не угнетал их. Но тем не менее они очень мало делали для того, чтобы стать свободными, и в результате их жизнь ограничивалась очень узкой сферой деятельности племени.

Объекты нашей деятельности материальны, и их законы — это законы, на действия которых мы опираемся, решая, как действовать. Поэтому абсурдным было бы утверждать (а д-р Поппер утверждает, будто это говорил Маркс), что материальный мир и его законы ограничивают нашу свободу, как будто мы могли бы пользоваться «подлинной свободой», если бы не было материального мира или если бы мы сами не были частью его и не подчинялись бы его законам. Но что *действительно* верно, так это то, что материальные предметы и их законы являются препятствиями для нашей свободы действий, а их наличие стесняет нашу деятельность, если мы не найдем, как их использовать и овладеть ими.

Это, бесспорно, одна из причин, почему, чем больше люди осознают себя как свободных деятелей, тем настоятельнее становится их стремление исследовать и подчинить себе окружающую среду. Таким образом, совершенно независимо от соображений экономической и политической выгоды люди предпринимают экспедиции для восхождения на горы, «потому что там», именно там, на нашей планете, существуют препятствия для людей, а люди полны решимости их преодолеть. Точно так же мы считаем стоящим самим по себе делом достигнуть Луны, а также других планет, а затем, может быть, выйти за пределы солнечной системы. Не говоря

---

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 116.

уже о других соображениях, это показывает, что суровость гор и бездна межпланетного пространства не останвят движения человеческой свободы.

Однако выяснить таким образом, как подчинить окружающую природу, не значит выяснить, как можно отменить или обходить законы материального существования, равно как не значит просто противопоставить нашу собственную волю и стойкость сопротивлению со стороны сил природы. Это значит выяснить, как создать средства для этого.

Вообще, основным условием расширения человеческой свободы является прогресс науки и техники. Как отмечал Энгельс: «На пороге истории человечества стоит открытие превращения механического движения в теплоту: добывание огня трением; в конце протекшего до сих пор периода развития стоит открытие превращения теплоты в механическое движение: паровая машина». Открытие способа добывания огня, продолжает Ф. Энгельс, «впервые доставило человеку господство над определенной силой природы и тем окончательно отделило человека от животного царства». А поэтому он заключает: «...Вся протекшая до сих пор история может быть охарактеризована как история промежутка времени от практического открытия превращения механического движения в теплоту до открытия превращения теплоты в механическое движение»¹.

Поэтому в соответствии с этим объяснением, свободы, завоеванные людьми до конца прошлого столетия, были такими свободами, которые стали возможны в результате первоначального установления людьми «господства над определенной силой природы», начавшегося с превращения механического движения в теплоту и дошедшего до превращения теплоты в механическое движение. Вот что сделало людей свободными делать все то, что они могли делать в тот период, когда писал Энгельс. А это, добавляет Энгельс, показывает, «как молода еще вся история человечества...»².

Следующая великая техническая революция уже после смерти Энгельса началась с открытия производства атомной энергии и овладения ею наряду с откры-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 116—117.

² Там же, стр. 117.

тием автоматике. Это можно сравнить с первоначальным открытием огня. А к увеличению человеческой свободы эта революция имеет даже еще большее отношение. Развитие этой техники представляет собой как раз то, что может сделать вполне реальной мысль Маркса о людях, регулирующих «свой обмен веществ с природой... с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей». И если Маркс и Энгельс могли говорить о будущем царстве свободы лишь в весьма общих выражениях, с трудом понимаемых даже доктором Поппером, то это потому, что они скончались до того, как началась современная техническая революция. Свобода, которая может быть достигнута на основе будущего социалистического производства, превосходит все то, что могло быть достигнуто путем рационального использования паровых машин и двигателей внутреннего сгорания, и включает в себя все то, что дает использование атомной энергии и электронно-вычислительной техники. Это значит, что люди могут овладеть почти безграничными источниками энергии и применять ее не для машин, непрерывно нуждающихся во все новом топливе, ремонте и управлении с помощью человеческого труда, а для автоматических саморегулирующих и самоуправляющих процессов, поставленных на службу человеку для достижения его целей и удовлетворения его потребностей.

5. СРЕДСТВА И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

Свобода, которую завоевывают и могут завоевать люди, не завоевывается каждым индивидом отдельно, а является, как подчеркивал Энгельс, общественным продуктом объединенных усилий многих индивидов за долгий период времени. Из этого, однако, не следует, что завоеванная свобода заключается в чем-либо еще, кроме ряда определенных свобод, которыми пользуются индивиды. Наоборот, именно человеческие индивиды, и только они, пользуются человеческой свободой. Но достигают они ее и используют только благодаря тому, что живут в рамках социальных институтов и их жизнь регулируется последними.

Свобода, к которой мы стремимся и которой добиваемся, есть свобода индивидов: не существует иной человеческой свободы. Но если индивиды хотят получить всю или даже часть свободы, которая могла бы быть их свободой, важно понять, что свобода каждого индивида зависит от того, что уже сделано и что будет сделано всеми индивидами вместе, объединенными в общество. Она зависит от возможностей деятельности и выбора деятельности, которыми пользуется индивид. И в свою очередь возможности и выбор, имеющиеся у каждого индивида, зависят от того, какие средства для деятельности и удовлетворения желаний созданы в обществе, к которому принадлежит индивид, а также от того, что разрешают или не разрешают делать данному индивиду другие члены общества.

Индивидуальная свобода, несомненно, предполагает свободу выбора индивида. Таким образом, требовать свободу — значит требовать свободу выбора, то есть свободу выбирать то, что делать, без внешнего принуждения делать одно и не делать другое. Следовательно, быть свободным значит нести личную ответственность. Свободная личность выбирает и решает сама, а не просто делает то, что ей приказывают делать.

Это положение особенно настойчиво и, мы должны согласиться, справедливо подчеркивает д-р Поппер, когда он пишет об «открытом обществе». В свободном обществе должна существовать «личная ответственность», говорит он, вместо того чтобы индивидов инструктировали обо всем, что они должны делать¹. В таком обществе, утверждает д-р Поппер, «индивиды остаются один на один с личными решениями»².

Однако по той самой причине, что свобода предполагает личную ответственность, хотя и провозглашается, что свобода прекрасна, она зачастую предстает в виде тяжкого бремени.

Действительно, тяжелый удел выбирать, что делать, и нести за это ответственность, при таких обстоятельствах, когда человек обременен всякого рода личными проблемами и лишен средств и возможностей их реше-

---

¹ См.: К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 1, p. 113.

² *Ibid.*, p. 173.

ния и когда, что также весьма вероятно, у него нет образования, так что он даже не осознает, что это за проблемы, и предоставлен самому себе перед лицом вопросов, ожидающих решения. По этой причине люди иногда склонны приветствовать отсутствие свободы, как своего рода убежище, и требовать, чтобы других лишали свободы ради их же собственного блага. Как писал Л. Н. Толстой об армии: «Тут в полку все было ясно и просто... выдумывать и выбирать нечего»¹.

Д-р Поппер сам признает эту трудность, когда говорит о «давлении цивилизации», являющемся результатом того, что мы как индивиды должны «заботиться о себе и брать на себя ответственность»². Поэтому, когда индивиды принимают на себя бремя личной ответственности, они, по-видимому, одновременно стараются сделать все возможное, чтобы помочь друг другу, социально обеспечивая все возможные средства и создавая благоприятные возможности для каждого индивида получать пользу от этого, а не наносить вред себе и другим.

Очевидно, в таком случае, если общественные институты должны отстаивать и защищать индивидуальную свободу, то мы должны требовать от них нечто большее, чем только предоставление индивидам свободы поступать так, как они желают, по своей собственной инициативе, а не быть вынужденными совершать различные действия, независимо от того, желают они этого или нет, с оговоркой (на которой д-р Поппер и другие либералы сильно настаивают), что если индивиды тем не менее поступают так, что наносят вред другим, то о них должна позаботиться полиция. Мы должны потребовать, чтобы всем индивидам были доступны средства и возможности разнообразной деятельности, в которой они могут «развивать... и проявлять все свои способности, как физические, так и духовные», сотрудничая друг с другом, а не в ущерб друг другу; мы также должны потребовать, чтобы им было доступно такое образование, какое позволило бы им «принимать решения со знанием дела», а не быть вынужденными принимать решения наобум либо под

---

¹ Л. Н. Толстой, Собр. соч. в 14-ти томах, т. 5, 1951, стр. 127.

² К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 1, p. 176.

влиянием порыва, или полагаясь на сомнительный совет других и не руководствуясь знанием.

Признавая все это, марксизм, следовательно, занимается проблемой свободы не только для того, чтобы сократить число ограничений, навязанных индивидам, но также и для того, чтобы увеличить возможности и выбор, доступные каждому индивиду. Это предполагает увеличение технических ресурсов общества и организацию такой системы образования, которая обеспечила бы всех средствами полнокровной жизни, а также такую организацию общественных отношений, которая позволила бы каждому индивиду в наиболее полной мере использовать свои возможности.

Чтобы решить эту проблему, следует прежде всего рассмотреть вопрос, почему возможности индивидов фактически остаются опраниченными и почему люди, свобода которых зависит друг от друга, делают гораздо больше для того, чтобы ограничивать и стеснять свободу каждого, чем увеличивать ее. Марксистская теория «законов общественного развития» (с точки зрения д-ра Поппера, не имеющая в силу своего «историцизма» никакого отношения к любому из вопросов, касающихся создания свободного общества) не только дает научный ответ на вопрос, почему мы все еще не имеем свободного общества, но также отвечает на вопрос, что мы должны сделать в настоящее время, чтобы достичь такого общества.

Короче говоря, в течение всего периода общественного развития, начиная с первого открытия людьми превращения механического движения в теплоту и до открытия превращения теплоты в механическое движение, условием общественного производства средств к жизни и обладания ими было то, что огромное большинство людей должно было непрерывно заниматься тяжелым трудом. Поэтому, в то время как, с одной стороны, люди учились управлять силами природы с тем, чтобы производить для себя то, что они хотели, с другой стороны, условием этого производства было то, что огромное большинство людей оказалось связанным со своими собственными средствами производства путями, обрекавшими их на тяжелый труд. Как показали Маркс и Энгельс, необходимое разделение труда в результате развития общественного производства приве-

ло к возникновению частной собственности на средства производства, отделению функций владения и управления от производительного труда и также к разделению общества на эксплуататорские и эксплуатируемые классы. Эксплуататоры затем присвоили себе возможности для свободной деятельности и наслаждения ею, возрастающие с развитием производства, а также доступ к культуре и образованию, а трудящиеся классы, чьим трудом эти возможности создавались, вынуждены были обходиться без них. Таким образом, условием свободы меньшинства была несвобода большинства. Большинство принуждали трудиться с помощью насилия, как в случае рабов и крепостных, или посредством экономического принуждения, вынуждая лично свободных людей продавать свою рабочую силу, как в случае наемных рабочих. У них не было иного выбора, кроме того, чтобы трудиться большую часть своей жизни.

Именно в этом главным образом заключалась несвобода наемных рабочих. К ней присоединялись различные политические формы зависимости, в том числе лишение прав, различного рода угнетение и принуждение, которым подвергались рабочие в рамках политических институтов.

В продолжение всего этого периода истории классовая борьба всегда принимала форму борьбы за свободу или, вернее, борьбы за определенные свободы, которые люди хотели бы либо завоевать, либо удержать. Подобные свободы можно всегда охарактеризовать двояко — отрицательно и положительно: «свободу от» и «свободу для». Люди стремятся освободиться от определенных ущемлений и ограничений их деятельности и завоевать (или сохранить) условия, при которых они свободны совершать определенные поступки, которые они хотят совершать и в совершении которых они заинтересованы. Таким образом, в классовой борьбе людям удается освободиться от определенных форм политического угнетения и одновременно завоевать определенные права. Завоевание прав для одной части людей всегда и неизбежно означает лишение прав для другой, — например права, завоеванные, когда прекратило существование рабство, означали отмену прав рабовладельцев; права, завоеванные в связи с установлением капитализма, уничтожили феодальные права и

т. д. Но от каких бы ущемлений и ограничений при этом ни избавлялись и какие бы права ни завоевывались, эксплуатируемые классы никогда не добивались свободы от эксплуатации и по-прежнему действовали права эксплуататоров. Поэтому какие бы свободы ни завоевывали эксплуатируемые классы (а в некоторых странах они завоевали много прав), они всегда были ограничены тем, что рабочие вынуждены были большую часть своей жизни трудиться для блага других и по их приказу, а самой заветной свободой для эксплуататорских классов всегда была свобода командовать грядом других классов и присваивать себе их труд.

Огромным вкладом Маркса в социальную науку было не только то, что Маркс дал объяснение этим фактам, касающимся свободы и отсутствия свободы в историческом развитии в прошлом, но и то, что он показал, что частная собственность на средства производства и эксплуатация, бывшие вначале необходимыми последствиями разделения труда и необходимыми условиями развития общественного производства, не только перестали быть необходимыми, но стали оковами для дальнейшего развития общественного производства. Он установил тот факт (который никто из тех, кто принимает во внимание потенциальные возможности современной техники, не может отрицать), что при современном развитии производительных сил нет больше необходимости в том, чтобы большинство человечества посвящало большую часть своей жизни труду, равно как и в том, чтобы возможность получения образования и досуга, а также связанных с ними преимуществ принадлежала только меньшинству. Сейчас существуют условия для того, чтобы человечество окончательно освободилось от векового порабощения трудом. И Маркс действительно разработал (д-р Поппер ошибочно принимает это за историческое безусловное пророчество насильственной революции) основы теории о том, как завоевать такую свободу.

На основе своего научного социального и исторического анализа Маркс показал необходимое условие для этого. Оно заключается в том, что современные трудящиеся классы должны покончить с частной собственностью на средства производства и с эксплуатацией и установить общественную собственность на средства

производства и планировать производство для удовлетворения человеческих потребностей, и это будет последним актом классовой борьбы.

Тогда станет возможным (но, конечно, не без значительных коллективных усилий в течение длительного периода времени, как и не без «многих ошибок») осуществить организацию свободного общества, в котором коллективное управление производством всех необходимых средств для свободной деятельности будет осуществляться и контролироваться лишь с единственной целью — обеспечить этими средствами индивидов. В таком случае каждый индивид сможет большую часть своей жизни пользоваться всеми возможностями свободной, добровольной, человеческой деятельности, которую предоставляют «ассоциированные производители», рационально регулирующие «свой обмен веществ с природой», ставящие его «под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила природы», и совершающие это «с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей».

Эта свобода, которой в таком случае смогут пользоваться индивиды, основана на их объединении. Она — продукт их совместной работы. И, только работая вместе, подчиняясь законам общественной жизни, воспитывая себя и внося свой посильный вклад в производство, индивиды смогут пользоваться этой свободой.

Что касается работы или общественного производства, то Маркс подчеркивал, что в этом вопросе люди не имеют и не могут иметь свободного выбора в смысле: участвовать им в общественном производстве или нет. В этой сфере, как говорит Маркс, единственной свободой, которую можно завоевать, является возможность трудиться в наиболее благоприятных условиях и вносить свой вклад в меру своих способностей. Это вопрос, который д-р Поппер находит столь непостижимым, что способен интерпретировать его только в том смысле, что «подлинная свобода» состоит в «освобождении от плоти». Но дело заключается просто в том, что мы не свободны выбирать — участвовать или не участвовать в общественном производстве, потому что для того, чтобы жить в обществе, пользоваться свободами, доступными в общественной жизни, нужно трудиться.

Средства должны быть предоставлены, а работа должна быть выполнена. Поэтому так же, как человеческая свобода возникает из понимания необходимости, а не из какого-то воображаемого освобождения от всякой деятельности, мужчины и женщины в свободном обществе будут считать труд необходимым условием своей свободы. Следовательно, если они последуют совету Маркса, то примут меры к тому, чтобы труд осуществлялся как можно быстрее, эффективнее и без особых усилий, и с этой целью разделят его между собой на принципах равенства в соответствии с разумным планом.

Глава 3

ОТКРЫТОЕ ОБЩЕСТВО

1. ЗАКРЫТОЕ И ОТКРЫТОЕ ОБЩЕСТВО

Мы можем вернуться к животному состоянию», — так говорит нам д-р Поппер. «Но если мы хотим оставаться людьми, то у нас есть единственный путь — путь в открытое общество»¹.

Согласно д-ру Попперу, «открытое общество» представляет собой нечто такое, чего мы достигаем, выходя из «закрытого общества». Поэтому его характерные черты определяются как противоположные таковым закрытого общества. «Закрытое» общество, объясняет д-р Поппер, это «первобытнородовое общество», которое «живет в заколдованном кругу неизменных табу, законов и обычаев, которые считаются столь же неизбежными, как восход солнца или смена времен года или им подобные очевидные регулярности природы». Оно характеризуется «магической позицией» в противоположность научной. Члены этого общества полагают, что нормы, принятые в их роду, которые «запрещают или требуют определенных способов поведения», так же тверды и нерушимы, как законы природы². Поэтому они никогда не думают о том, чтобы изменить их, и каждый, кто не повинуется этим нормам, строго осуждается или наказывается за свою смелость.

---

¹ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. I, p. 201.

² См.: *Ibid.*, p. 57.

Позиция закрытого общества, объясняет далее д-р Поппер, развивается в обществах, в которых государство берет на себя функции регулирования более или менее всей жизни граждан. Она служит, предупреждает д-р Поппер, для «замены личной ответственности родовыми табу и тоталитарной безответственностью индивида»¹. В закрытом обществе все «нормы» поведения установлены и строго проводятся в жизнь, так что индивидам не позволено иметь свое личное мнение о том, что правильно. Результаты этого обычно плохие. В открытом обществе, напротив, индивиды проявляют свое личное мнение, а если они отказываются от личного мнения, подчиняясь государству, то государство ответственно перед их мнением.

Эта противоположность принципов действия открытого и закрытого обществ отмечается д-ром Поппером в двух цитатах из древнегреческих произведений. Одна из них — утверждение Перикла: «Хотя лишь немногие создают политику, мы все способны давать ей оценку». Вторая принадлежит Платону: «Величайшим принципом из всех является то, что никто... не должен быть без вождя. Точно так же не должна мысль кого бы то ни было приучаться к тому, чтобы позволять ему делать что-нибудь по своей собственной инициативе... даже в самом незначительном деле он должен находиться под руководством. Например, он должен вставать по утрам, двигаться, умываться или принимать пищу... только если ему говорят, что он должен это делать. Одним словом, он должен приучить свою душу путем длительной привычки никогда не думать поступать самостоятельно и стать полностью неспособным на это».

Далее, в противоположность «магическому, или родовому, или коллективистскому» закрытому обществу, открытое общество является «обществом, в котором индивиды сталкиваются с личными решениями»².

«В свете сказанного, — продолжает д-р Поппер, — станет ясно, что переход от закрытого к открытому обществу может быть охарактеризован как одна из глубочайших революций, через которую прошло челове-

---

¹ Ibid., p. 113.

² Ibid., p. 173.

ство»¹. Согласно его истолкованию истории, эта революция была осуществлена в Древней Греции в великие дни афинской демократии. Ибо именно там и тогда «родилась новая вера в разум, свободу и братство всех людей — новая вера и, как я полагаю, единственно возможная вера открытого общества»².

Но распад закрытого общества, то есть разрушение его «заколдованного круга неизменных табу, законов и обычаев», в котором все индивиды вынуждены делать то, что устанавливалось для них другими, ведет к тому, что индивиды ощущают «давление» вследствие трудностей, с которыми они сталкиваются, пытаются проявить свое собственное мнение³. Отсюда постоянное стремление вернуться как-нибудь снова к безопасности закрытого общества и снова ввести его твердые нормы жизни. Это выражается в доктринах «тоталитаризма», которые отражают кредо закрытого общества, что «род — все, а индивиды — ничто»⁴. Подобным же образом это выражается в «национализме», который «вызывает к нашим родовым инстинктам, страстям и предрассудкам, а также к нашему ностальгическому желанию освободиться от «давления» индивидуальной ответственности, которую он пытается заменить коллективной или групповой ответственностью»⁵.

Такова суть того, что д-р Поппер рассказал нам об открытом обществе в противоположность закрытому обществу. Она сводится к тому, что общество «открыто», когда отдельные члены общества не стеснены в формировании взглядов установленными законами и обычаями и когда не только каждый лично ответствен за свои собственные действия, но выражает свое собственное мнение при одобрении или неодобрении государственной политики. Чтобы подобное общество действовало, полагаются не на нерушимый закон или обычай и не на предписания традиционной или любой другой власти, а на «веру в разум, свободу и братство всех людей». Ибо оно может процветать лишь тогда, когда члены общества пытаются формировать свои взгляды, основыв-

¹ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 1, p. 175.

² *Ibid.*, p. 184.

³ См.: *Ibid.*, p. 176—177.

⁴ *Ibid.*, p. 190.

⁵ *Ibid.*, vol. 2, p. 49.

ваясь на разуме, ценят свободу каждого и всех, а также согласны жить в братстве. При этом условии не только каждый может иметь свое собственное мнение, но все вместе они могут сохранить условия, гарантирующие им их свободу.

Из этой посылки д-р Поппер делает вывод, что непоколебимые в своей «вере в открытое общество», мы «должны идти вперед в неизвестное, сомнительное и ненадежное, пользуясь разумом, которым мы наделены с тем, чтобы планировать как можно лучше ради безопасности и свободы»¹.

Всегда стремясь быть беспристрастным к Марксу, даже разоблачая его ошибки как прегрешения против открытого общества, д-р Поппер признает, что «он допускал любовь к свободе... Вера Маркса, я полагаю, была, в сущности, верой в открытое общество»². Но, предупреждает д-р Поппер, «несмотря на свои заслуги, Маркс был ложным пророком... ответственным за разрушительное влияние историцистского метода мышления в рядах тех, кто желал продвигать вперед дело открытого общества»³. Точно так же как «историцистская» доктрина, согласно которой общество развивается от стадии к стадии с неумолимой необходимостью, учит индивидов, что их личные решения могут не иметь никакого значения и они не могут быть ответственными за происходящее, диктатура, за которую выступал Маркс, действительно лишила бы их всякой ответственности. «Пророческий элемент в убеждениях Маркса доминировал во взглядах его последователей», — заключает д-р Поппер. «Он сметал все вокруг, изгоняя способность к холодному и критическому суждению и разрушая веру в то, что с помощью разума мы можем изменить мир». Маркс оставил нам «оракульскую философию», которая «грозит парализовать борьбу за открытое общество»⁴.

Мы знаем, однако, что в действительности марксизм изучает условия достижения безопасности и свободы индивидов и выступает за завоевание политической власти, чтобы планировать претворение этих условий в

---

¹ Ibid., vol. 1, p. 201.

² Ibid., vol. 2, p. 200.

³ Ibid., p. 82.

⁴ Ibid., p. 198.

жизнь. Д-р Поппер делает особое ударение на «безопасности и свободе», когда он разглагольствует о том, для чего мы должны планировать. Именно так. И заслугой Маркса, которую д-р Поппер не признает, является то, что Маркс действительно разработал необходимые именно для этого условия.

Мы можем обнаружить в утверждении д-ра Поппера о «пути к открытому обществу» некоторую туманность и даже сочетание громких слов с ничтожным значением. Ибо если мы хотим использовать «разум, которым мы наделены», не просто для защиты нашей безопасности и свободы, когда они в опасности, а для «наилучшего планирования» того, как развивать их, то тогда мы должны определить, какие условия необходимы для максимального увеличения как безопасности, так и свободы, и бороться за их осуществление. А если такова практическая цель, то тогда то, к чему мы стремимся, не может быть совершенно «неизвестным», как утверждает д-р Поппер. Правда, эта цель не может не быть «сомнительной» потому, что мы не можем знать, в какой мере мы добьемся положительных успехов, и «ненадежной», ввиду тех неожиданных трудностей, которые могут встретиться. Но если д-р Поппер прав, говоря, что «путь к открытому обществу» ведет «в неизвестное», его совет о том, что «нам следует планировать как можно лучше» то, как выбрать этот путь, звучит просто как пустая болтовня. Ибо как мы можем хорошо планировать свой путь, когда мы не знаем, куда мы идем? Хотя д-р Поппер говорит, что нужно избегать того пути, который разработан марксизмом, потому что, избрав его, мы только «возвратимся к животному состоянию», взгляды Маркса все-таки, возможно, достойны более серьезного рассмотрения, чем его собственные, потому что Маркс действительно, по крайней мере, пытался применить разум, которым он обладал, чтобы определить, каковы практические условия достижения безопасности и свободы, которые сегодня мы стараемся создать.

Д-р Поппер написал два тома об «открытом обществе и его врагах», включающих 481 страницу текста и 221 страницу примечаний. Но если кто-нибудь попытается найти в них сведения о том, как двигаться вперед к открытому обществу и избавиться от некоторого недостатка предметов первой необходимости, образования и

от случайностей, от которых по-прежнему изрядно страдают индивиды, то он останется ни с чем, кроме общих фраз относительно «личной ответственности». Невольно может возникнуть искушение повторить восклицание принца Хэла, произнесенное им, когда он просматривал записи своего ментора: «О ужас! В этом невероятно огромном мешке нет хлеба ни на полпенса».

2. ПУТЬ К ОТКРЫТОМУ ОБЩЕСТВУ

Д-р Поппер уверяет, что «переход от закрытого к открытому обществу может быть охарактеризован как одна из глубочайших революций, через которую прошло человечество», но он мало говорит о том, как она происходит. Однако в одном из своих обширных и разъясняющих примечаний он дает нам «критерий». «По-видимому, можно дать полезный критерий перехода от закрытого общества к открытому. Этот переход совершается, когда социальные институты впервые сознательно признаются как созданные людьми, а также когда их сознательное изменение обсуждается, исходя из их пригодности для достижения человеческих намерений или целей. Либо, выражаясь менее абстрактно, закрытое общество рушится, когда сверхъестественный страх, с которым относятся к социальному порядку, уступает место активному вмешательству, а также сознательному преследованию личных или групповых интересов»¹.

Как он уже сказал нам вначале, в закрытом обществе институты не признаются созданными людьми, а считаются прочными и нерушимыми частями устройства вселенной. Поэтому в них нельзя вмешиваться, а их изменение не подлежит обсуждению. Когда же в головы людей приходит мысль, что их институты созданы людьми, они начинают обсуждать, как их изменить. После этого, заключает д-р Поппер, главным препятствием нашему движению вперед при сознательном и рациональном изменении институтов «для достижения человеческих намерений или целей» является оставшийся от трайбализма мертвый груз доисторических верований,

¹ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 1, p. 294.

используемый врагами открытого общества для разработки доктрин, рассматривающих социальные институты не как творение людей.

Утверждение д-ра Поппера о том, что люди пришли к признанию того, что их институты созданы людьми, и продвинулись вперед от закрытого общества путем изменения этих институтов с тем, чтобы последние служили целям, отвечающим личным или групповым интересам, не очень-то проливает свет на то, что произошло, а еще меньше объясняет происшедшее. Марксистов, по всей вероятности, можно оправдать за то, что они усматривают в этой оценке того, что произошло в истории, если не «историцистскую» доктрину о «характере» исторического развития, то по крайней мере чрезмерное упрощение. Но то, что д-р Поппер сам не разделяет целиком идеалистической доктрины, будто огромные изменения в человеческом социальном поведении можно охарактеризовать и объяснить просто как спонтанное зарождение в умах некоторых людей новых идей об их социальных институтах, показывает его собственное утверждение в тексте, что, «вероятно, самой сильной причиной распада закрытого общества было развитие морских сношений и торговли»¹.

Уже давно было доказано Марксом, а сегодня признано всеми (включая, по-видимому, и д-ра Поппера), что родовое общество распадается, а другие более открытые формы общества возникают в результате развития техники. Морские связи и торговля, конечно, представляют собой часть этого развития и оказали весьма заметное влияние на общества, в которых они развивались, хотя родовое общество в действительности начало распадаться до того, как возникла морская торговля. Во всяком случае, там, где техника не развивалась, родовой строй с его «заколдованным кругом неизменных табу» не претерпел бы изменений. Маркс показал и последующие исследования продолжают показывать, что технические нововведения оказываются несовместимыми с многими законами и обычаями, ранее считавшимися нерушимыми в родовом обществе, в результате чего эти законы и обычаи нарушились. Это обстоятельство привело к исчезновению того «суеверного страха», которым был окружен родовой строй. Применение новой техники с

¹ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 1, p. 177.

разделением труда, выделением личных и групповых интересов из единых интересов рода, привело к «сознательному преследованию личных или групповых интересов».

Сознание, что социальные институты созданы людьми, как говорит д-р Поппер, действительно имеет перво-степенное значение для человеческого прогресса, поскольку предполагает, что то, что человек создал, он может усовершенствовать. Но если мы хотим понять действительные проблемы, с которыми сталкивается человечество после распада родового строя, и, более того, что можно сделать сейчас для изменения институтов, чтобы они соответствовали человеческим целям, а также что необходимо для этого, то едва ли достаточно осознать, что институты созданы людьми. Как я уже сказал выше, нам нужно знать законы и условия их действия.

Д-р Поппер правильно говорит, что, когда распадается родовое общество, начинается «сознательное преследование личных или групповых интересов», хотя это утверждение можно дополнить замечанием Маркса, что сознание интересов часто принимает уродливую форму. Если в первобытнородовом обществе еще не делались попытки изменить институты в личных или групповых интересах, то это было не столько потому, что деспотизм родовых обычаев запрещал это, сколько потому, что не существовало отдельных личных или групповых интересов, для удовлетворения которых нужно было изменить институты. Очевидно, с возникновением самостоятельных интересов изменение институтов, чтобы привести их в соответствие с этими интересами, было примером «достижения человеческих намерений или целей», так как интересы были человеческими. Но столь же очевидно, что между «преследованием групповых интересов» и «достижением человеческих целей» имеется большая разница в том смысле, что последнее в противоположность первому соответствует интересам всех людей, а не только одной группы. Действительно, «преследование личных или групповых интересов», которое начинается после распада родового общества, неизменно и совершенно неизбежно вело к насильственному подчинению интересов личностей интересам групп, а также интересов одной группы интересам другой. Что касается большинства лиц, то разделенное на классы общество, кото-

рое сменило родовое общество, было весьма далеко от «открытого» не потому, что возможностям «личного решения» в повседневном поведении препятствовали родовые табу, а потому, что им препятствовало подчинение личных и групповых интересов интересам господствующего класса.

Маркс достаточно ясно показал, как это произошло, что стали преследоваться «личные или групповые интересы», и к каким результатам это привело. Причиной этого явилось развитие общественных производительных сил. И Маркс отметил, что это развитие было не просто процессом изобретения новой техники, но изменением самой сущности деятельности людей по добыванию и распределению средств к жизни.

Первобытный род, существовавший за счет добычи пищи и охоты, составлял единую группу людей, объединенных совместно для производства и присвоения своего собственного продукта для своего собственного потребления. Его неизменные табу, законы и обычаи были не деспотизмом, направленным против индивидов, а скорее средством достижения родовой солидарности, от которой в тех условиях зависело само существование каждого индивида. Изобретение техники обработки земли, приручение животных, кустарное производство и обработка металлов разрушили закрытое родовое общество, поскольку повлекли за собой разделение труда. Оно разделило людей в зависимости от способов получения средств к жизни. Возникли собственность на средства производства и продукты, обмен продуктов, а также производство излишков, на которые могли содержаться собственники и хозяева.

Это в свою очередь означало, что по мере увеличения общественного богатства, а следовательно, и сферы деятельности и развлечений, доступных индивидам, коллективные производители утрачивали контроль над продуктом производства. Ибо не существовало более коллективного продукта, а была сумма индивидуальных продуктов, вступающих в процесс обмена. И те, кто владел собственностью, приобретали личную заинтересованность в ее увеличении. Часть лиц могла приобрести собственность на средства производства путем лишения собственности других людей и таким образом командовать трудом других и присваивать себе излишки труда.

Затем трудящиеся оказались в положении, при котором они вынуждены были работать под руководством собственников и управляющих, чтобы снабжать последних продуктами. Их способность к труду не использовалась больше, согласно родовому обычаю, как часть коллективного усилия, направленного на удовлетворение коллективной потребности, а присваивалась классом собственников и управляющих для обогащения последних.

Таким образом, возник антагонизм классов, а история общества стала историей классовой борьбы. При этом изменился характер общественного управления. Появилось государство как институт, посредством которого часть людей стала управлять остальными людьми.

При капиталистической экономической формации изменения, к которым привел распад родового общества, достигают в конечном счете критической стадии. Все продукты производятся как товары для обмена, а это означает, что весь общественный продукт выходит из-под контроля производителей. Сама рабочая сила производителей становится товаром, так что руководство и контроль над их личными способностями производить то, в чем нуждается каждый, для них окончательно потеряны. Люди не могут теперь решить работать, чтобы производить то, что они хотят, так как они вынуждены работать на любого, кто купит их рабочую силу; увеличение же или уменьшение совокупного продукта, пропорции различных отраслей производства, а также конечное предназначение продуктов находятся вне контроля производителей и регулируются экономическими законами рынка, которые действуют независимо от сознательных действий людей. Классовая борьба поляризуется, и образуется единый антагонизм между классом, который продает свою рабочую силу, и классом, который ее покупает. И наконец, государство, как власть, которую люди ставят над собой, чтобы она управляла ими, становится очень сильным и централизованным; и чем больше оно вмешивается в экономическое производство и распределение, тем больше оно становится над производителями как организация, которая правит ими, но которую они не контролируют.

Со всех точек зрения общественные отношения, которые существуют при капитализме, представляют собой *полное отрицание* тех отношений, которые первоначально

существовали при родовом строе или первобытном коммунизме. Удаляясь от родового строя, общественная формация зашла так далеко, что достигла прямой его противоположности. В общественном развитии человечества *капитализм находится на самой большой дистанции от родового строя*. Если при родовом строе ничто не производилось как товар, то теперь все производится как товар. Если в условиях родового строя люди присваивали и потребляли свой собственный общественный продукт, так как они производили его, то теперь он выходит из-под их контроля. Если при родовом строе объединялись, пытаясь производить то, что хотели, то теперь каждый рабочий вынужден выполнять работу, которую ему велят выполнять. Если при родовом строе не было никакого разделения классового интереса, то теперь существует глубокое классовое деление, расколовшее все общество. И если при родовом строе люди решали свои общие дела сами в соответствии со своими собственными родовыми законами и обычаями, то теперь они подчиняются власти всемогущего государства.

Так как д-р Поппер отождествляет закрытое общество с трайбализмом, естественно, он видит в антиэтических условиях, существующих при капитализме, реализацию открытого общества. Действительно, для него «открытое общество» — это лишь другое наименование для капитализма.

Но он не видит, что развитие производительных сил и производственных отношений, которое привело к распаду первобытного коммунизма и установлению капитализма, было развитием различных способов эксплуатации труда. Он лишь поверхностно отмечает некоторое их влияние в институтах общественного управления, в идеологии и жизни индивидов. Исходя из этого, он рассматривает противоположность между родовым строем и капитализмом лишь как противоположность между обществом, которое «живет в заколдованном кругу неизменных табу, законов и обычаев, которые считаются столь же неизбежными, как восход солнца», и обществом, где институты можно рассматривать как «созданные человеком» и люди могут обсуждать изменение этих институтов с тем, чтобы они соответствовали их личным или групповым интересам. Для д-ра Поппера капитализм — это открытое общество потому, что в нем имеются са-

мостоятельные личные и групповые интересы и люди могут организовываться, чтобы преследовать их, и потому, что никакие человеческие институты не считаются больше священными и каждый может судить, сохранять ли их лучше неизменными или изменить их. В этом смысле капитализм — открытое общество. Но все же то, как организованы институты производства и распределения средств жизни, *не дает возможности* людям лично решать и принимать индивидуальную ответственность за *совместную работу по производству предметов для удовлетворения своих потребностей*.

В свете этих соображений мы не можем без скептицизма относиться к утверждению д-ра Поппера, что все те институты и идеологии, которые угнетали индивидов со времени распада родового строя, являются, по сути дела, пережитками рода, которые тянут человечество назад, к закрытому родовому обществу. Можно легко допустить тот очевидный факт, энергично подчеркиваемый д-ром Поппером, что идеологии и институты, устанавливающие верования, табу, законы и обычаи, которые должны приниматься и которым должны беспрекословно подчиняться, несовместимы с индивидуальной ответственностью, личным решением и рациональным суждением. Можно согласиться, что таковы были институты и идеология в родовом обществе. И можно также согласиться, что последующие типы их часто вызвали к тому же иррациональному страху и ненависти, направленным против нарушителей табу и аутсайдеров, которых члены рода иногда выявляли. Но это не означает, что все последующие репрессивные идеологии и институты были пережитками родового строя. Напротив, ограничения, которые они вводили для индивидов, не имели тенденции к реставрации первобытно-общинного образа жизни. Состояние дел, которое церковный гимн «Все блестяще и прекрасно» находит столь восхитительным:

Богач — в своем замке, бедняк —
у ворот богача,
Бог создал такими их
и предопределил, кем им быть,—

абсолютно чуждо и неведомо членам рода. Идеи и институты родового строя выражали солидарность небольших групп, в которых никто не преследовал личных или

групповых интересов в антагонизме со своими собратьями. Последующие же идеи и институты были результатом разрушения этой первобытной человеческой солидарности и преобладания в обществе стяжательных классовых интересов.

Д-р Поппер пытается доказать, что такое современное явление, как «тоталитаризм», есть возвращение к трайбализму, оно устанавливается людьми, ощущающими «давление цивилизации» в открытом обществе. Но факты ясно показывают, что подавление индивидов при современном тоталитарном строе имеет мало общего с первобытной родовой солидарностью и представляет собой *насильственное утверждение интересов агрессивной группы эксплуататоров.*

Отождествив «борьбу за открытое общество» с попыткой изменить институты так, чтобы они защищали личные или групповые интересы, а закрытое общество — с подавлением самостоятельных интересов, которое в свою очередь отождествляется с трайбализмом, д-р Поппер идет дальше, утверждая, что политический курс боевого рабочего движения представляет собой разновидность тоталитаризма, которая также ведет назад к условиям родового строя. Ибо этот курс ущемляет определенные интересы, а также подчиняет личные и групповые интересы общему интересу. Может показаться, что конференция представителей подобна родовой пирушке и в каждой воинственной массовой демонстрации цивилизации угрожает буйство первобытной орды. Поэтому, представляя «борьбу за открытое общество» как борьбу, которая должна окончательно преодолеть пережитки родового строя, достигшие крайней степени в капиталистической противоположности первобытному коммунизму, д-р Поппер полностью игнорирует и затушевывает *борьбу за преодоление форм классового господства*, вытеснивших трайбализм, а также то сопротивление, которое эта борьба встречает со стороны сил, организующихся для сохранения классового господства.

В капиталистическом обществе «открытые» условия создаются там, где люди могут организоваться, чтобы изменить свои социальные институты сознательно избранным путем, чтобы эти институты отстаивали их интересы. А классовая борьба достигла стадии, при кото-

рой рабочий класс выступает как организованная сила, вооруженная научной теорией о том, как можно осуществить социальные перемены. Поэтому проблемой, которая настоятельно выдвигается в этом обществе, является проблема организованных действий рабочего класса, чтобы сбросить оковы капитализма, взять контроль над государством в руки своих собственных демократических организаций, а также провести социальные мероприятия, чтобы поставить общественное производство под контроль организованных производителей. Сама «открытость» капиталистического общества создает условия для того, чтобы покончить с эксплуатацией человека человеком, которая последовала вслед за распадом закрытого общества родового строя. Следовательно, проблемой, которая выдвинута открытым обществом как действительная современная проблема, является не проблема защиты его от возвращения к трайбализму, а проблема движения вперед к социализму и коммунизму.

Развитие человечества от животного состояния, из которого мы вышли, представляет собой развитие человеческой деятельности, связанной с общественным производством средств к жизни и увеличением сферы человеческой деятельности и ее достижений путем овладения веществами и силами природы для удовлетворения человеческих потребностей. Именно это развитие сделало возможной индивидуальность человеческой личности, отличной от животного как представителя рода, обусловленного неизменным характером его развития. Человеческая индивидуальность — это продукт увеличения коллективной человеческой силы и возрастания средств для более разнообразной жизни. Д-р Поппер говорит, что «если мы хотим оставаться людьми», то мы должны идти вперед, к открытому обществу. Если мы хотим оставаться людьми, мы должны продолжать производить, чтобы удовлетворять свои потребности, и при этом мы скорее пойдем вперед при условии, что нам удастся при помощи человеческого сотрудничества установить контроль над продуктом, чтобы обеспечить потребности каждого и таким путем сделать возможным самое полное развитие индивидуальности каждого. Это означает, что мы должны уничтожить эксплуатацию человека человеком, а также классовое деление общества.

Убогая жизнь первобытных общин, когда все индивиды вынуждены были быть похожими друг на друга и держаться вместе, сообщая соблюдая табу и обычаи, была преодолена развитием новых производительных сил, которое в свою очередь привело к отрицанию родовой солидарности первобытного человека разделением общества на классы. Товарное производство было отрицанием хозяйства, характеризовавшегося нищенским существованием. Тесные узы родства между индивидами в родовой организации были заменены превращением всех индивидов, живущих и работающих на одной территории, в подданных государства. Но все эти отрицания должны в свою очередь подвергнуться отрицанию со стороны трудящихся наших дней, утверждающих свой контроль производителей над обобществленным производством современной индустрии, оснащенной техникой, способной создать изобилие продуктов, и таким образом снова устанавливающих общественное присвоение общественного продукта, а также организованный демократический контроль над государственной властью. В таком случае будут обеспечены будущие условия свободы индивидов с их индивидуальной ответственностью и личными решениями.

Именно этого не понимает д-р Поппер, давая абстрактную характеристику открытого общества как противоположного родовому или «закрытому» обществу. Он просто не может постичь того, что показал Маркс, а именно, что отрицание «закрытого общества» трайбализма ведет лишь к классовому делению и эксплуатации и что путь вперед, к открытому обществу, требует теперь *отрицания этого отрицания*. Шокированный такими гегелевскими ужасами, д-р Поппер громко протестует, что это не что иное, как «историцистская» доктрина, состряпанная путем догматического применения к развитию человечества произвольной схемы «тезис — антитезис — синтез». Согласно д-ру Попперу, покончив с условиями преследования антагонистических личных и групповых интересов, вытеснившими трайбализм, мы только угодим в еще худший вид трайбализма. Но именно в этой капиталистической апологетике д-ра Поппера, а не в научной теории социализма Маркса заключена абсурдная догматическая позиция. Маркс не выводит ход истории из формулы Гегеля. *Он изучал, как люди*

в действительности создавали свои институты, и увидел, что пришло время, когда можно и необходимо покончить с эксплуатацией человека человеком.

А раз дело обстоит так, то идти вперед к открытому обществу не означает, как говорит д-р Поппер, идти «в неизвестное». Напротив, перед нами стоят определенные проблемы, необходимо проделать определенную работу, а для этого должна быть создана организация.

3. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИНДИВИДУАЛЬНАЯ И КОЛЛЕКТИВНАЯ

Согласно д-ру Попперу, важнейшей чертой открытого общества является то, что индивиды в этом обществе несут личную ответственность и принимают личные решения. Этого, по его мнению, достаточно для определения открытого общества: общество «открыто», когда оно предоставляет достаточно широкий простор для личной ответственности и личных решений. Неодобрение им марксизма столь велико потому, что, как он говорит, марксисты организуют заговоры, чтобы лишить индивидов личной ответственности и не позволить им принимать личные решения, навязывая им тиранию, подобную той, которая существовала, по его словам, в родовом обществе,— тиранию коллективных табу, законов и обычаев. Но давайте согласимся с д-ром Поппером называть общество «открытым», когда оно предоставляет широкий простор для ответственности и решений; в таком случае, отнюдь не возражая против того, чтобы общество стало «открытым» в этом смысле, марксисты согласны с ним, что, чем более «открытым» можно сделать общество, тем лучше. Апологеты капитализма не обладают монополией в пожелании, чтобы общество было «открытым». Они обладают еще меньшей монополией в политике, направленной на то, чтобы сделать общество более «открытым».

«Наш собственный образ жизни,— легко допускает д-р Поппер (имея в виду образ жизни в условиях капиталистической демократии),— все еще окружен табу... И все же... между законами государства, с одной стороны, и табу, которым мы привычно подчиняемся,— с другой, существует все расширяющаяся сфера личных ре-

шений со своими проблемами и ответственностью». Эта сфера личных решений и ответственности не является лишь сферой частной жизни, ибо «многие из нас принимают разумные решения относительно желательности или нежелательности нового законодательства или других институционных перемен, другими словами — решения, основанные на оценке возможных последствий и на сознательном предпочтении некоторых из них. Мы признаем разумную личную ответственность»¹. Большим достижением является осознание нами того, что институты создаются людьми и что перед нами открыт путь для их изменения, поскольку существует, как подчеркивает далее д-р Поппер, «возможность рационального размышления над этими вопросами» — рационального размышления, включающего оценку возможных последствий и выражение сознательного предпочтения. Поэтому, хотя мы «все еще окружены табу», каждый из нас сам может судить о том, что является лучшим на пути к «новому законодательству и другим институционным переменам», и не связан необходимостью подчинять свое мнение мнению любого стоящего над ним авторитета.

Эта личная ответственность и свобода личного решения в нашем открытом обществе противопоставляется д-ром Поппером «тоталитарной безответственности индивида», когда индивидам не позволяют судить или решать самим. В открытом обществе перед индивидами открыт выбор в отношении того, что им делать и что они должны сделать в своей жизни как индивиды, а также в отношении того, что они будут думать и какую государственную политику поддерживать или не поддерживать, так что в самостоятельном решении всех этих вопросов им также открывается «возможность рационального размышления».

А раз так, то д-р Поппер противопоставляет «коллективную» ответственность «индивидуальной» ответственности. Он представляет себе коллектив как тиранию, или, во всяком случае, потенциальную тиранию, над индивидом, которая вынуждает индивида отказаться от своего личного мнения ради мнения коллектива, от своей личной ответственности ради коллективной, а также от

---

¹ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 1, p. 173.

своего собственного выбора того, что делать, перед коллективными предписаниями. Требовать «коллективной ответственности» — значит, как думает д-р Поппер, требовать снова ввести «тоталитарную безответственность индивида».

Конечно, совершенно верно, что в «нашем собственном образе жизни» имеется, как говорит д-р Поппер, «все расширяющаяся сфера личных решений со своими проблемами и ответственностью». Насколько эта сфера расширилась по отношению, в частности, к рабочему люду, можно легко оценить, сравнивая условия современных рабочих с жизнью прежних крепостных. Когда в 1381 году английский король Ричард II сказал разгромленным участникам крестьянского восстания: «Вы крепостные и крепостными останетесь», он имел в виду, помимо всего прочего, то, что они не должны принимать никакого личного решения относительно того, на кого им работать или где им работать. Действительно, крепостному предоставлялось нести очень небольшую личную ответственность за что бы то ни было. Современный рабочий по сравнению с ним — весьма ответственное лицо, с широким простором для большого числа личных решений по различным вопросам, начиная с того, куда обратиться за работой, до того, за кого голосовать на парламентских выборах.

Если бы марксисты стремились лишить рабочих индивидуальной ответственности и широкого простора для личных решений, которые они завоевали, то это было бы странной непоследовательностью, учитывая, что марксисты всегда боролись за то, чтобы помочь рабочим в их завоеваниях, и в этом смысле всегда были среди передовых поборников открытого общества. Но марксисты действительно утверждают, что для индивидов недостаточно нести индивидуальную ответственность и принимать индивидуальные решения. Мы хотим ввести формы принятия *коллективной* ответственности и *коллективных* решений. Причиной, почему мы хотим этого, является то, что индивиды существуют и могут существовать лишь в рамках общественного производства средств к жизни. И эта причина также определяет сферу, внутри которой, как мы думаем, должна осуществляться коллективная ответственность. Но именно это заставляет д-ра Поппера сделать вывод, что мы возвра-

щаемся назад к трайбализму. Ибо, согласно д-ру Попперу, индивидуальная и коллективная ответственность несовместимы. Он противопоставляет их так, что каждый, кто требует коллективной ответственности, фактически требует покончить с индивидуальной ответственностью и заменить ее «тоталитарной безответственностью индивида». Это также и конец рациональности. Ибо, наступает конец «возможности рационального размышления», которое свойственно принятию личных решений.

Могут спросить, что в точности означает «коллективная ответственность». Д-р Поппер приводит «национализм» в качестве примера, когда принимается коллективная ответственность. Хотя он не поясняет, что он имеет в виду, по-видимому, можно предположить, что он ссылается на случай, когда большое число лиц составляет толпу, воодушевленную общим чувством. Верно, что в таких случаях индивидам едва ли можно приписать «рациональную ответственность» за то, что они делают, а также за то, что они все вместе задирают, запугивают и принуждают других индивидов, которые стараются самостоятельно думать и любым путем противостоят крикам толпы. Верно и то, что, когда подобная тирания толпы имеет место, она может дать возможность «сильной личности» прийти к руководству и осуществлять свою собственную личную тиранию, так что тирания толпы ведет к «власти сильной личности» и «сильная личность» использует чувство толпы для того, чтобы усилить свою собственную власть. Но хотя, возможно, верно то, что этот тип общественного поведения «взывает к нашим родовым инстинктам, страстям и предрассудкам, а также к нашему ностальгическому желанию освободиться от давления индивидуальной ответственности, которую он пытается заменить коллективной или групповой ответственностью», едва ли является верным то, что этот тип поведения являет собой пример всего, что может быть названо «коллективной ответственностью». Действительно, одним из главных возражений против того, чтобы мы позволили себе отказаться от «индивидуальной ответственности» и увлечь себя чувствами толпы, является то, что результатом этого будет в таком случае не «коллективная ответственность», а коллективная безответственность.

Коллективная ответственность создается там и только там, где люди объединены в демократическую организацию. В этом случае они могут заняться разумным обсуждением и дискуссиями относительно того, что им делать как организованной массе. А когда они это делают, то это результат коллективного решения, к которому пришли как к продукту организованного объединения целого ряда индивидуальных решений. Разумеется, *коллективная ответственность, осуществляемая через посредство демократической организации, не несовместима с индивидуальной ответственностью.* Напротив, она вытекает из проявления ответственности индивидами, объединенными в организацию, и она не только не несовместима также с «возможностью рационального размышления», а, наоборот, способствует последнему.

Следовательно, марксисты, которые поддерживают развитие демократической организации, не стремятся, как им это приписывает д-р Поппер, заменить «индивидуальную ответственность» и «личное решение» фиктивной «коллективной ответственностью», которая лишь маскирует тиранию толпы или «власть сильной личности». Наоборот, противопоставлять одно другому, как это делает д-р Поппер,—на деле значит ограничивать сферу ответственности. Ибо, по правде говоря, есть большой круг вопросов общественного значения, за постоянное урегулирование которых никто не может быть ответственным, если не существует организованной коллективной ответственности.

Д-р Поппер понимает ответственность и решение исключительно как проблемы индивидов. Так, в общественных делах определенные лица, а именно те, кто занимает посты или имеет власть, принимают решения и несут ответственность за их принятие; другие лица, когда существуют демократические институты, контролируют их, отдавая свои голоса на выборах в соответствии с индивидуальными решениями, касающимися желательности или нежелательности нового законодательства или других институционных перемен. Это и есть открытое общество. Но мы можем спросить, кто ответствен за формы, которые принимают наши общественные производственные отношения? При нашем нынешнем капиталистическом образе жизни, когда индивидам открыт путь для принятия столь многих «рацио-

нальных решений», никто не ответствен. Конечно, решения, принимаемые многочисленными индивидами, преследующими свои личные или групповые интересы, имели в результате установившиеся общественные отношения. Но никакое индивидуальное или коллективное решение никогда не принималось для того, чтобы установить такие общественные отношения, при которых общественное производство сковано частным присвоением общественного продукта собственниками капитала. Дело в том, что, как отмечал Маркс, люди вступают в производственные отношения независимо от их воли. То, как люди производят и распределяют свои средства к жизни, не избиралось, а в капиталистических странах все еще не избирается с точки зрения любой рациональной оценки последствий. Марксизм рассматривает пути и средства исправления этого прискорбного состояния безответственности в самых основных вопросах общественной жизни. Марксисты работают над созданием организации, посредством которой общественное производство может вестись на основе коллективного решения, а управление производством осуществляется на основе коллективного контроля. Только в рамках такой организации становится возможным открыть индивидам путь к обсуждению и принятию рациональных коллективных решений относительно того, как использовать общие социальные ресурсы в целях удовлетворения индивидуальных потребностей.

И снова не либералы и индивиды, вроде д-ра Поппера, выступают за расширение «разумной ответственности» всех членов рода человеческого, тогда как марксисты противятся этому. Дело обстоит как раз наоборот.

Когда д-р Поппер писал об институтах, он сам явно признавал тот факт, что из того, что институты создаются людьми, вовсе не следует, будто каждый отвечает за решение о необходимости изменения институтов или за решение касательно того, как их изменить. Как он говорит, многие из них «просто возникают». Но когда он переходит к описанию открытого и закрытого обществ и противопоставлению капиталистического общества как открытого родовому обществу как закрытому, д-р Поппер забывает эту простую истину. Ибо он не замечает, что такое же состояние безответственности в отношении наиболее важных институтов — институтов,

связанных с производственными отношениями, — продолжается на протяжении всего развития общественных формаций от родового строя или первобытного коммунизма до капитализма. В родовом обществе «табу» и «обычай» были, несомненно, «созданы людьми»; но, так как никто не был сознательно ответствен за их создание или изменение, члены рода считали их неизбежными условиями человеческой жизни, которые люди вынуждены принимать. Таким образом, они были окружены нормами, которые они сами создали и которые тем не менее управляли ими как внешняя сила, определяя их индивидуальность, их взаимоотношения и их поведение в жизни. Когда в результате развития производительных сил родовое общество распалось, люди создали для себя принципы собственности, эксплуатации человека человеком и деления на классы. И эти принципы точно так же управляли людьми и ограничивали их деятельность, даже если был (по крайней мере, для некоторых из них) большой простор для личных решений и личной ответственности.

В капиталистическом обществе нами все еще управляют и нас точно так же ограничивают. Так, в общественном производстве люди вынуждены продавать свою рабочую силу, поэтому они вынуждены делать то, что от них требуют, а не производить то, что они хотели бы производить для удовлетворения своих потребностей. Каждый из участников производства, будь то рабочий или менеджер, должен работать ради накопления капитала. Продукт труда поступает на рынок, так что ни те, кто его создает, ни те, кто нуждается в нем, не имеют полного контроля над ним, чтобы гарантировать, что то, что создано, достанется тем, кто в этом нуждается, а то, в чем есть нужда, будет создано. Отношения, в которые вступают люди в процессе производства средств к жизни, создают различия между ними, так что они оказываются в состоянии ссор и взаимной вражды, а также вредят друг другу по причинам, за которые они никоим образом персонально не ответственны.

Где же во всем этом рациональная ответственность, путь к принятию и осуществлению которой открыт для всех индивидов, для организации общественных отношений с тем, чтобы сделать наиболее рациональным использование социальных ресурсов? Путь к ней для нас

закрыт и не может быть открытым, пока мы не организуемся, чтобы взять ее на себя коллективно.

В нашем обществе это условия, которые мы вынуждены принимать и к которым мы привыкли и приспособились, как к погоде или к строению нашего тела. Поэтому они обычно кажутся нам «столь же неизбежными, как восход солнца, или смена времен года, или другие подобные регулярные явления природы», а «также столь же неизменным элементом человеческой природы», как то, что у нас есть голова, две руки и две ноги. Поэтому доктора философии и доктора наук осуждаются за мудрые советы, когда они говорят, что о каких-либо радикальных изменениях не может быть и речи, точно так же как колдуны в первобытных общинах. Они исключают человеческие отношения из сферы человеческой ответственности.

Дело в том, что так или иначе мы в настоящее время, подобно людям родового общества, находимся в тисках условий, созданных самими людьми независимо от их воли. Эти созданные людьми условия для нас подобны внешней силе, за которую никто не может нести ответственности. И эта внешняя сила правит нами с помощью своих собственных законов, навязывая нам определенные отношения друг с другом, вынуждая нас делать то, что мы делаем, и относиться друг к другу так, как мы относимся, а также определяя последствия общественного поведения безотносительно к намерениям или желаниям.

Говоря об увеличении сферы ответственности и решений в создании и изменении социальных институтов и в деятельности индивидов в рамках этих институтов, мы приходим к коренному вопросу о том, как организовать «рациональную ответственность» за наши институты и особенно за основные институты производственных отношений с тем, чтобы можно было принимать и проводить в жизнь разумные решения о них. Каким бы широким ни был в существующем капиталистическом обществе простор для преследования «личных и групповых интересов», а также для «личных решений» и «индивидуальной ответственности», наше общество остается *закрытым* в том смысле, что у нас нет организации, посредством которой могла бы приниматься и осуществляться разумная ответственность при управлении ос-

новой деятельностью общественного производства для удовлетворения человеческих потребностей.

Великой заслугой Маркса было то, что он посвятил условиям закрытого общества, а также историческому развитию этих условий аналитическое исследование, более глубокое, чем то, которое д-р Поппер считает необходимым и достаточным сегодня. Маркс изучил, как люди пришли к тому, что сами создали такие условия, которые нас окружали и все еще окружают. А это привело к выводу, что человечество наконец достигло такого положения, когда эти условия могут быть преодолены.

Выход из этого положения Маркс видел в организованном движении рабочего класса, который, сознательно преследуя научно определенный и понятый интерес, осуществляет контроль над политической властью с тем, чтобы планировать общественное производство. Это означало бы, что люди наконец начнут коллективно *принимать на себя ответственность* за организацию основных отношений собственности на средства производства, с тем чтобы установить контроль над всем процессом общественного производства и направить его на удовлетворение человеческих потребностей. Как сказал Энгельс в работе «Развитие социализма от утопии к науке», «объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом»¹. И если мы примем многозначительную терминологию д-ра Поппера, мы придем к заключению, что это великий шаг, который должен быть сделан для перехода от закрытого общества к открытому. Производство средств к жизни в таком случае контролируется коллективными решениями, за принятие и осуществление которых индивиды несут личную ответственность как ответственные члены организаций, которые заботятся об этом. А уничтожение нужды, эксплуатации и враждебности вместе с распределением и облегчением труда представляет каждому гораздо большие, чем прежде, возможности и выбор для личной деятельности, а следовательно, и большую личную ответственность, и большую свободу в личных решениях.

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 227.

Глава 4

КОММУНИЗМ

1. РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ПРАКТИЧНОСТЬ КОММУНИЗМА

Я сейчас вернусь к вопросу о том, должны ли мы «идти в неизвестное» для того, чтобы «планировать как можно лучше в целях безопасности и свободы».

Маркс совершенно ясно определил, что мы должны идти к *коммунизму*, показав, что социалистическая организация общественного производства, которая должна немедленно заменить капитализм, является лишь переходной фазой на пути к коммунистическому обществу. Его оценка социалистического планирования производства и распределения была поэтому основана на том, что целью такого планирования должно быть создание коммунизма. Переход от социализма к коммунизму — это переход от общества, основанного на принципе «от каждого по способностям, каждому по труду», к обществу, основанному на принципе «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Когда путем рационального планового развития и применения техники будет производиться изобилие всего, что требуется людям, будет принят принцип коммунизма.

Возражения д-ра Поппера против коммунизма основаны на том, что коммунизм, мол, «утопичен». Д-р Поппер говорит, что коммунистическое общество, как его характеризует Маркс, выглядит привлекательно, но оно невозможно. Это, мол, только мечта. Это мечта о возвращении к первобытнородовому состоянию, когда все работают вместе и делятся всем, что имеют,— причем это распространяется на все человечество, а не только на несколько родственников,— произ-

водство механизировано и создает изобилие продуктов вместо тех грубых орудий, с помощью которых можно обеспечить лишь крайне низкий уровень жизни. Если мы попытаемся осуществить эту мечту, сообщает нам д-р Поппер, то нас ожидает горькое пробуждение. Ибо это повлечет за собой насильственное подавление всего того «преследования личных или групповых интересов», которое сегодня стало важнейшим делом граждан «открытого общества». Мы снова окажемся в «закрытом обществе», но под тиранией, гораздо худшей, чем тирания древних родовых «табу, законов и обычаев». Произойдет «самое грубое и насильственное уничтожение всего человеческого» от рук «инквизиции, тайной полиции и романтического гангстеризма»¹.

Д-р Поппер утверждает, что коммунизм как цель утопичен, основываясь всецело на политических соображениях. Он говорит, что концентрация политической власти, необходимая в качестве предварительного условия, будет непременно бесконтрольной, и пытается изобразить на обычном языке антикоммунистической политики неминуемые последствия любой такой бесконтрольной концентрации политической власти в руках рабочего движения. Я думаю, что я уже достаточно сказал для опровержения его утверждений, будто коммунистическая политика — это политика насилия и тирании, подавляющая все права, всякую свободу, всякий демократический контроль, всякую индивидуальную ответственность и личное решение. Д-р Поппер ошибается, полагая, что марксизм отстаивает такую политику, а коммунизм требует ее. Он еще раз ошибается, полагая, что спор относительно того, является или нет коммунизм практической целью, представляет собой в основном политический спор. Маркс сформулировал коммунистическую программу, основываясь на экономических соображениях. Вкратце они сводились к тому, что при обобществленном производстве, которое осуществляется помощью техники, способной со временем создать изобилие всех благ, необходимой формой общественной организации в конечном счете будет такая форма, которая позволит каждому вносить свой вклад в общественное

---

¹ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 1, p. 200.

производство в меру своих способностей и удовлетворять свои потребности.

Д-р Поппер упрекает Маркса за его утверждение, что экономика господствует над политикой. Но ведь проблемы, которые должна решать политика, определяются состоянием экономики. Маркс выработал политику, основанную на понимании экономических явлений нашего времени, политику, направленную на установление такого контроля и такого планирования общественного производства, которые требуются для его полнейшего общественного использования. Он ясно сознавал тот экономический факт, что современная техника производства способна в своем развитии создать полное изобилие продуктов для удовлетворения человеческих потребностей. А раз это так, то что же утопического в том, что общественной целью провозглашается действительное создание изобилия и удовлетворение на его основе всех потребностей? Предложение заключается в том, чтобы создать такие институты, с осуществлением которых мы могли бы совместно трудиться ради удовлетворения потребностей таким способом, каким, как мы хорошо знаем, их можно удовлетворить, вместо институтов, которые предлагают нам «идти в неизвестное» и нести «личную ответственность» за те неудобства, которые возникают, когда мы не знаем, куда идем.

Мнение, будто коммунизм тем не менее утопия, сводится к тому, что «преследование личных и групповых интересов», которое господствует со времени установления «открытого общества», устраняет практическую возможность совместной работы для общего блага. Если это так и если не может быть «индивидуальной ответственности» и «личных решений» без плохого управления нашими экономическими делами, как это происходит при капитализме, то это жалкая реклама для «открытого общества». Это мнение не принимает во внимание проблемы классовой борьбы при капитализме. Маркс отмечал, что до тех пор, пока контроль осуществляется конкурирующими заинтересованными группами, каждая из которых стремится к своей собственной власти и выгоде, не только маловероятно, но невозможно, чтобы производство развилось так, чтобы оно способно было удовлетворить потребности; лишь демократическая классовая борьба и демократический контроль над властью

со стороны организаций рабочего класса при научном социалистическом политическом руководстве могут добиться этого.

Тот факт, что рабочий класс существует как общественная сила, противостоящая капитализму, и волей-неволей ведет классовую борьбу, подрывающую капитализм, делает уничтожение капитализма и движение общества к коммунизму практической задачей нашего общества. Ибо если бы никакая группа людей не была заинтересована в нем, то подобный процесс не мог бы иметь места в обществе, в котором господствует «преследование личных или групповых интересов». Интересы рабочего класса являются классовыми интересами в капиталистическом обществе, требующими использования общественного производства в интересах удовлетворения общественных потребностей, тогда как интересы других классов связаны с самосохранением перед лицом такого требования. Поэтому каждый, кто сегодня намерен работать для коммунизма, должен присоединиться к рабочему движению.

Но поскольку речь идет о цели, а утверждение, что основание коммунистического общества — это известная цель, которой надо достичь для того, чтобы установить безопасность и свободу, доводы в пользу коммунизма основаны на соображениях, касающихся техники, а коммунистическая программа является программой использования современной техники. Чтобы оценить доводы в пользу коммунизма и понять, что революционное движение, которое ставит своей целью коммунизм, — это движение, знающее, как решать проблемы, и сознающее те возможности, которые открывает сегодня экономическое развитие производительных сил, необходимо лишь применить совершенно беспристрастно «разум, какой только у нас может быть».

2. СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ТЕХНИКИ

Маркс основывал свои выводы на изучении техники промышленной революции XVIII и XIX веков. Два определения, которые он дал, имеют особое значение. Одно из них — определение «средства труда»: «Средство

труда есть вещь или комплекс вещей, которые человек помещает между собой и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействий на этот предмет»¹. Другое — определение «машины»: «Всякое развитое машинное устройство состоит из трех существенно различных частей: машины-двигателя, передаточного механизма, наконец машины-орудия, или рабочей машины... рабочая машина — это такой механизм, который, получив соответственное движение, совершает своими орудиями те самые операции, которые раньше совершал рабочий подобными же орудиями»².

В промышленной революции машины заменили ручные орудия. И в то время как движущей силой для простейших машин служила мускульная сила человека или животных, с началом широкого внедрения в промышленность машин люди стали искать другие виды движущей силы для машин и нашли их в таких изобретениях, как паровая машина, двигатель внутреннего сгорания и производство электричества.

Маркс отметил, что вначале на фабрике устанавливалось рядом несколько самостоятельных машин, как на ткацкой или швейной фабриках. Но в различных отраслях промышленности вскоре были созданы системы машин в собственном смысле этого слова, заступающие место отдельной самостоятельной машины. В системе машин «предмет труда проходит последовательный ряд взаимно связанных частичных процессов, которые выполняются цепью разнородных, но дополняющих друг друга рабочих машин»³. И наконец, «когда рабочая машина выполняет все движения, необходимые для обработки сырого материала, без содействия человека и нуждается лишь в контроле со стороны рабочего, мы имеем перед собой автоматическую систему машин, которая, однако, способна к постоянному усовершенствованию в деталях»⁴. Маркс сделал вывод на языке, возможно слегка напоминающем язык Уильяма Блейка, что «в расчлененной системе рабочих машин, получающих свое движение через посредство передаточных механизмов от одного центрального автомата, машинное произ-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 190.

² Там же, стр. 384—385.

³ Там же, стр. 390.

⁴ Там же, стр. 392.

водство приобретает свой наиболее развитый вид. На место отдельной машины приходит это механическое чудовище, тело которого занимает целые фабричные здания и демоническая сила которого, сначала скрытая в почти торжественно-размеренных движениях его исполнских членов, прорывается в лихорадочно-бешеной пляске его бесчисленных собственно рабочих органов»¹.

В системе машин роль отдельного рабочего все больше и больше сводится к «контролю» за машиной. Рабочий потерял свободу самостоятельного кустика и своей жизнью, в которой он принимает личное решение и несет личную ответственность, он живет лишь в свободное от работы время. Даже крепостной, который вынужден был всю свою жизнь трудиться от рассвета до темноты на одном и том же клочке земли, был хозяином своих орудий труда и выполнял свою работу по-своему. Но рабочий, нанятый работать вкуне с системой машин, вынужден приспособлять свои собственные движения к движению машины, рабом которой он становится в рабочее время.

Между тем кто-то должен нести ответственность за управление и принимать решения относительно производства, и эта функция отделяется от функции контроля за машинами. Подчинение рабочего машине, отстранение его от всякой ответственности за управление и отделение функции управления от труда — неизбежные последствия машинного производства.

С появлением системы машин ответственность за управление была возложена на отдельного капиталиста, который закупал машины, нанимал рабочих для работы на этих машинах по своему указанию и продавал продукт труда с целью получить прибыль на вложенный капитал. Впоследствии средства производства, которыми владели отдельные капиталисты, стали переходить (процесс, начало которого отмечал и продолжение которого предсказывал Маркс) в руки все более крупных компаний. Это, конечно, чисто корпоративные индивиды — не люди из плоти и крови, а *институты*, которые люди поставили над собой для регулирования общественной деятельности по производству и распределению средств к жизни. Эти корпорации владеют огромным капиталом и контролируют и вкладывают его в

¹ Там же, стр. 393.

производство, вследствие чего все более монополизировать целые отрасли производства.

В результате индивидуальная ответственность за руководство трудом и распоряжение готовой продукцией отделяется от индивидуальных владельцев средств производства так же, как от индивидуальных работников. Она ложится на тех, кто занимает командные позиции в корпоративных капиталистических организациях, и на тех, кого последние назначают. Таким образом создается положение, когда управление машинным производством оказывается обособленным от рабочих и антагонистичным им, а целью управления является получение от продажи продукта максимальной прибыли для корпоративного собственника. Но если собственником является бесплотная корпорация, то люди, контролирующие ее, все же получают необходимые средства, чтобы жиреть и благоденствовать.

Маркс отметил и еще одно чрезвычайно важное последствие развития машинной индустрии. Это развитие науки. И в этом развитии, как он заметил, происходит изменение роли науки в промышленности. Первоначально науки изучали процессы — механические, физические и химические, — применяемые в промышленности, с целью лучшего их понимания и формулирования законов. Изобретения были связаны с изобретательностью людей, занятых в промышленности, а не вводились в промышленность в результате творческого вмешательства специалистов-ученых. Однако положение меняется, и в развитии техники начинает задавать тон наука, которая становится ведущим, а не вспомогательным фактором этого развития. Это изменение приводит также к изменению в структуре институтов. Из независимых индивидов, занятых изучением природы и законов действия природных сил, ученые становятся завербованными членами и служащими больших научно-исследовательских институтов, разрабатывающих технологию общественного производства, а последние в свою очередь оказываются тесно связанными с крупными корпорациями, владеющими средствами производства и управляющими процессами в промышленности.

Маркс назвал научные исследования как таковые одной из современных производительных сил, которая все больше превращается в ведущую революционизиру-

ющую силу. В то время как другие рассматривали (и все еще рассматривают) науку в отрыве от ее общественной функции, как методологию выработки гипотез, которые интересно подтвердить или опровергнуть, Маркс с самого начала высоко оценил революционизирующую роль науки в общественном производстве. Это привело его к выводу, что в дальнейшем развитии общественных производительных сил, начатом при капитализме, будет покончено с необходимостью тяжелого и бессмысленного труда, с подчинением рабочего машине и отделением труда от ответственности за управление и в конечном счете приведет к плановому общественному производству изобилия продуктов для удовлетворения человеческих потребностей. Эти результаты, как он видел довольно ясно, хотя не мог еще точно определить формы, какие примет развитие техники, обусловлены тем, что наука занимает ведущее место среди производительных сил. Они несовместимы с сохранением капиталистических производственных отношений.

Характер научно-технической революции, которая происходит во второй половине XX века, подтверждает предсказания и выводы, сделанные Марксом в XIX веке.

Главной чертой современной технической революции является ведущая роль науки в промышленности. Это объясняет очень быстрые темпы технического прогресса в настоящее время по сравнению с тем, что имело место ранее на протяжении всей истории человечества. Хотя наиболее сильные изменения произошли за последние двадцать лет, они, разумеется, подготавливались задолго до этого,— например, радиотехника, в значительной мере электротехника, а также медицинская техника возникли как прямой результат научных исследований. Но в настоящее время значительный ряд научных открытий почти внезапно достиг высшей точки: сложилось положение, при котором доминирующий характер стала носить новая техника, вводимая в промышленность непосредственно наукой, а не техника, развивающаяся в промышленности с помощью науки, взявшей на себя функции научно-исследовательского контроля над ней. Эта внезапная перемена датируется моментом резкого и всевозрастающего увеличения скорости внедрения технических новшеств и количественно находит в ней свое выражение.

Вводимые новшества можно подразделить на три вида. Во-первых, это новые типы орудий для использования их как в производстве, так и в научных исследованиях, включающие не только всякого рода весьма изобретательные и легко регулируемые инструменты и приспособления, но также и новые средства (например, лазеры). Во-вторых, применение новых источников энергии, а именно ядерной энергии. И в-третьих, применение автоматики и электронно-вычислительной техники.

Очевидно, что объединенное использование этих новшеств *при условии создания таких форм организации и сотрудничества, посредством которых станет возможным их использование*, позволило бы человечеству в целом сделать гораздо больше того, что было сделано до сих пор, а также гораздо больше узнать. Все эти средства принесут пользу не только производству, но и научному исследованию, которое и само создает новые средства для производства и деятельности людей, так что перспектива заключается не в том, чтобы достичь такого уровня, за которым наступит застой, а в постоянном и непрерывном движении вперед. Люди, например, уже сейчас строят корабли, чтобы летать в космос, и надеются скоро чувствовать себя на Луне как дома. Возможно, еще большее практическое значение имеет проникновение с помощью новых средств научных исследований в тайны строения живой материи и формирования живых организмов на Земле. Очевидно, что уже сейчас существует возможность всевозрастающего производства вещей, в которых нуждаются люди, при гораздо меньших затратах рабочей силы и меньшем физическом износе человеческого организма, что дало бы всем индивидам все материально необходимое, время и возможности предаваться свободной деятельности на свою собственную ответственность и по своему выбору. Уже покончено с вековым состоянием бедности человеческих ресурсов, которое делало необходимым для каждого, не говоря уже о большинстве человечества, зарабатывать жалкие гроши в поте лица своего и жить в обстановке, которая нисколько не менялась под влиянием человеческой деятельности, направленной на удовлетворение потребностей и склонностей, и страдать от разрушительного действия болезней и преждевременной старости.

Поскольку речь идет о раскрытии реальных возможностей, все то, что предсказывал Маркс, произойдет или уже произошло. Но для того, чтобы понять задачи переустройства общества, присущие процессу реализации этих возможностей, мы должны более подробно остановиться на некоторых характерных чертах современной технической революции.

Эта революция не является лишь дальнейшим развитием конструкции и использования машин, хотя и предполагает их развитие. Это действительно *революция* в технике, поскольку она вводит в процесс общественного производства нечто новое, что должно заменить машины, точно так же как машины эпохи промышленной революции вводили нечто новое, что заменяло ручной труд. Это дает нам основание сделать вывод, что она требует таких же, если не больших, перемен в отношениях людей при общественном использовании новых производительных сил. Думать иначе — значит фактически оставаться слепым в оценке значения тех изменений в технике, которые происходят на наших глазах.

Чтобы оценить, насколько революционна техническая революция, мы должны вернуться к определениям. Новшества включают в себя новые или усовершенствованные орудия, новые и более мощные источники энергии, а также автоматику. Машина, как мы видели, состоит из двигателя, передающего механизма и орудия или ряда орудий. Помня об этом, мы легко поймем, что прибавился новый элемент в виде автоматической техники. Последняя была определена (например, сэром Лео Бэгритом в его лекциях на тему «Век автоматике», прочитанных в 1964 году) как техника «связи, вычисления и управления».

Конечно, никакое общественное производство невозможно без использования этих трех взаимосвязанных функций. В общественном производстве ряд людей работает, стараясь произвести продукцию, избранную в начале операции. С этой целью должна быть установлена *связь* между одной стадией операции и другой с тем, чтобы, например, новую операцию можно было начать тогда, когда выполнена предыдущая, или, если что-нибудь не ладится, можно было бы принять соответствующие меры. Должны производиться *вычисления* с тем, чтобы можно было соединить вместе рабочие операции.

И наконец, должно осуществляться *управление* на достаточно высоком уровне, чтобы с начала до конца провести все действия, необходимые для данной работы.

Эти функции всегда осуществлялись посредством человеческой деятельности; и таким же образом они осуществляются в машинном производстве, поскольку машины не имеют такого аппарата, который выполнял бы эти функции вместо людей, совершенно автоматически, без необходимости человеческого вмешательства. Но автоматическая техника добавляет эти функции к эксплуатационным возможностям материальных структур, которые люди проектируют и создают в целях общественного производства.

В автоматическом производстве движущая сила приводит в действие процессы связи, вычисления и управления, направляя движения орудий, которым передается это действие. Это — система, заменяющая систему машин, даже наиболее автоматического характера, точно так же как система машин заменила бригаду работников ручного труда.

Автоматическая система включает в себя четвертый компонент, добавляемый к машине. И точно так же, как система машин освобождает производительного рабочего от необходимости передавать движения инструменту с помощью своих физических усилий и направлять инструмент вручную, автоматическая система освобождает его от необходимости «контроля».

О подлинно революционном характере автоматической системы по сравнению со всеми предшествующими материальными средствами, созданными людьми в целях общественного производства, свидетельствует тот факт, что меняется характер основных отношений внутри общественных производительных сил — отношений между людьми и орудиями производства.

Согласно определению Маркса, *орудие труда* — это «вещь или комплекс вещей, которые человек помещает между собой и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействий на этот предмет». Маркс подчеркнул, что отличительной чертой человеческой деятельности в общественном производстве является то, что люди составляют план того, что они хотят сделать с объектом своей деятельности. Составив план в голове, люди используют орудия труда с целью

изменения предмета труда в соответствии со своим планом. Именно в этом смысле орудия служат в качестве проводника целенаправленной человеческой деятельности. Люди *ставят перед собой задачу* (либо перед частью людей ставят задачу другие), а затем *используют для ее выполнения орудия труда* как проводники человеческой деятельности по изменению среды в соответствии с теми задачами, которые они перед собой ставят. Именно таким образом люди применяли первые очень грубые орудия, а впоследствии разработали системы машин в качестве орудий труда. Но при полностью автоматической системе мы не ставим *перед собой задачу* и затем используем орудия труда для ее выполнения. Нет, *мы ставим задачу перед системой, которую мы спроектировали и создали для выполнения такой задачи для нас, и эта система выполняет ее для нас*. Автоматические системы — это орудия производства, предназначенные для выполнения задач, которые мы им задаем. И такие «орудия производства» отличаются от «орудий труда», которые прежде были единственными известными орудиями производства. Они вытесняют орудия труда, оперативное использование которых предполагало постановку задачи перед рабочим, которую последний должен выполнять с помощью своих собственных усилий, затрачивая свою рабочую силу.

Следовательно, нужно понять, что научно-техническая революция, начатая в настоящее время людьми, изменяет ту роль, которую сами люди должны играть в процессе общественного производства. Люди всегда были одновременно изобретателями и конструкторами орудий производства и *работниками*, которые использовали их в качестве орудий труда. Теперь роль этих людей заключается в проектировании, создании и контроле за процессами, которые выполняются орудиями производства и могут осуществляться эффективно без вмешательства людей как работников, вооруженных орудиями труда.

3. КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА

До сих пор человечество разделено на две антагонистические части в процессе производства. С одной стороны, существуют люди (и их большинство), которые до

старости не выпускают из рук инструмента или обслуживают машину. С другой стороны, существуют собственники и боссы, которые управляют своими собратьями и присваивают значительную часть их труда. Коммунистическая программа исходит из того, что такое положение становится анахронизмом. Ибо если техническая революция быстро охватывает все большую и большую часть общественного производства, то появляется новый вид трудовой деятельности, заключающийся в сотрудничестве людей для проектирования, создания и контроля над материальными системами с целью производства того, что они хотят, а также новый вид управления, состоящий из согласованных мероприятий, предпринимаемых людьми для создания таких материальных систем и обеспечения их действия. Рабочий, перед которым ставится задача, выполняемая с помощью орудий труда, становится излишним, излишним становится и босс, по приказанию которого ставится эта задача.

Следовательно, перед людьми возникает необходимость договориться между собой относительно цели, которой должно служить производство, и объединиться для проектирования, создания и контроля над орудиями, которые будут выполнять нашу цель. Такой целью может быть только удовлетворение человеческих потребностей. Для достижения этой цели каждый должен работать в меру своих способностей, чтобы помочь в конструировании и эксплуатации производительной системы.

Таким образом, руководящий принцип коммунистического общества оказывается не отвлеченным идеалом, а формулировкой того, как нужно будет организовать человеческие отношения, чтобы приспособить их к использованию высокоавтоматизированной системы производства. Создание такой системы — это не проблема создания утопии, а проблема инженерии.

Если в таком случае мы пожелаем последовать за доктором Поппером в применении слова «инженерия» при определении проблем управления социальными институтами, то мы можем сделать вывод, что инженерия, связанная с созданием полностью автоматических систем производства, ставит технические проблемы, касающиеся социальных институтов, а именно — как приспособить эти институты к требованиям тех, кто занимается инже-

нерией производства и использованием орудий производства. Проблемы «социальной инженерии» формулируются неадекватно, если их ставить только абстрактно как проблемы изменения институтов с тем, чтобы обеспечить людям «безопасность и свободу». Ибо для чего необходима эта безопасность и свобода? Чтобы приспособить социальные институты к системе материального производства. Д-р Поппер и другие противники коммунизма не замечают того существенного факта, что нельзя решить проблемы техники производства, которые позволят нам производить изобилие продуктов для удовлетворения человеческих потребностей,— без разрушения таких институтов, с помощью которых один класс людей эксплуатирует труд другого. Ибо существует формальное противоречие между частью людей, заставляющих других работать, выполняя трудовые задания по производству товаров, которые эти люди присваивают и продают для получения прибыли, и системой производства, при которой трудовые задания передаются материальным орудиям производства.

Дело в том, что общество, в котором в полной мере используются современные методы производства, может быть только коммунистическим обществом. И наоборот, полное использование производительной техники, которая развивается и вводится сегодня, никогда не может быть достигнуто, пока мы не превратим наши производственные отношения в коммунистические отношения, пока не будет уничтожено деление на классы и все люди не будут сотрудничать на основе коммунистического принципа «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Поэтому, с одной стороны, полное развитие *экономического* потенциала производительной техники зависит сегодня от *политической* борьбы за свержение капиталистического господства, которое защищает капиталистические производственные отношения. Нам никогда не удастся развить эту технику в полной мере, пока мы не включимся в политическую борьбу за коммунизм, со всеми ее трудностями и опасностями и пока мы не одержим победу в этой борьбе. С другой стороны, такой *экономический* факт, как алчное стремление капиталистов к прибыли и соревнование капитализма с социализмом, а также существование соперничающих друг с другом групп капитала, стимулируя совершенст-

вованние капиталистическими предпринимателями производительной техники, все более и более настойчиво ставит массы людей перед необходимостью *политического* выступления, чтобы защитить себя от последствий капиталистического свободного предпринимательства.

То, что коммунизм является такой общественной формой, которая необходима для полного использования современной техники, не означает, будто коммунизм может быть достигнут просто как результат введения современной техники. Это далеко не так, ибо коммунизм может наступить, если он действительно наступит, только в результате длительной политической борьбы. И хотя введение новой техники может стимулировать эту борьбу и помочь ей, отсутствие решимости и поражения в этой борьбе могут затормозить и в конечном счете помешать введению и полному использованию техники. Дело в том, что коммунизм как цель и наши представления о том, как будет практически организовано коммунистическое общество, не выдуманы как утопические идеалы, а вытекают из действительного характера технического прогресса и его потребностей. Коммунистическое общество не утопия, а общество, в котором производственные отношения и способ распределения общественного продукта приведены в соответствие с производительными силами, созданными современной научно-технической революцией.

Мы можем приступить к более подробному рассмотрению последствий развития техники, которые уточняют характер коммунистического общества (являющегося не чем иным, как обществом, использующим высокоразвитую технику) и его отличие от более ранних способов производства.

При коммунизме продукты не будут больше производиться как товары для обмена. Ибо производственные комплексы, создающие различные продукты, не могут, подобно людям, обменивать эти продукты как стоимости, заключающие в себе труд, но должны быть запрограммированы таким образом, чтобы производить распределение продуктов в соответствии с планом. И этот план удовлетворения потребностей будет рассчитан, как и все остальное в производственном процессе, в соответствии с целью, ради которой люди проектируют и запу-

скают производственный процесс. Товарное производство, следовательно, будет окончательно вытеснено. Способ производства, при котором люди или группы людей производили товары своим трудом и обменивали продукты труда, будет вытеснен способом производства, при котором продукты распределяются между людьми в соответствии с их потребностями. Весьма интересным результатом этого явится то, что не будет денег как меры стоимости и средства обмена.

Развитая техника точно так же положит конец разделению труда между людьми, которое до сих пор вызывалось каждым изобретением новых орудий труда и результатами которого были товарное производство и частная собственность на средства производства. Новые орудия труда означают новые виды работы, а так как орудие специально создается для данной работы, то рабочий должен специализироваться на применении этого орудия труда. Многообразие орудий труда приводит к разделению труда между людьми, создающими и использующими эти орудия. Напротив, в полностью автоматизированной системе разделение детальных и специализированных функций в процессах общественного производства целиком переносится с людей на материальные орудия производства, различные части которых специализируются на определенной работе, не требуя такой же специализации человека. Что касается людей, то одному человеку не потребуется специализироваться на завертывании гайки или подтягивании болта, другому — на подсчете показателей, а третьему — на работе по общему управлению производственным комплексом, но все они будут разделять общую человеческую функцию — функцию конструкторов, владельцев и обладателей орудий общественного производства. Это, разумеется, не означает, что все они должны будут делать одно и то же или быть в точности похожими друг на друга. Наоборот, различие человеческих способностей, занятий и интересов — это не то же самое, что разделение труда в общественном производстве, и условием этого различия является то, что индивиды должны быть свободными от порабощающего их подчинения разделению труда.

Устранение разделения труда предполагает два особо важных последствия, которым Маркс придавал большое значение. Одним из них является преодоление раз

личия между городом и деревней. Оно не означает, что вся земля покроется улицами и зданиями, хотя с применением новой техники производства продуктов питания вполне возможно, что сельское хозяйство в том виде, каким мы его представляем себе сегодня, исчезнет и земля будет превращена в нечто, подобное парку (те, кто найдет это скучным, могут заняться альпинизмом на Марсе или поплавать в аммиачном море на Юпитере). Из этого следует, что с различием между сельскими общинами, которые производят продовольствие и сырье, и городскими общинами, потребляющими их продукцию, при концентрации наибольших удобств в последних, будет покончено. Преодоление этого различия снимает проблему, являющуюся одной из самых неотложных проблем, с которыми мы сталкиваемся в современном мире. Оно означает уничтожение различия между «развивающимися» и «развитыми» странами, при котором первые служат для последних поставщиками продовольствия и сырья. Оно означает повышение производительности труда и рост благосостояния всех групп людей до единого общего уровня. Оно предполагает также, как уже часто подчеркивалось выше, введение рациональных мер общественного контроля.

Другим последствием, как подчеркивал Маркс, является уничтожение различия между умственным и физическим трудом. И оно также не означает, что не будет существовать никакой разницы между умственным и физическим трудом, ибо очевидно, что такое различие обусловлено тем обстоятельством, что люди имеют мозг и руки и, несомненно, одни люди всегда будут находить большее удовольствие в одном занятии, чем в другом. Например, всегда, разумеется, будет существовать разница, скажем, между теми, кто очень любит высшую математику и использует свои руки в основном для того, чтобы писать символы на кусочках бумаги, и теми, кто очень любит рисовать картины или создавать скульптуры и использует свой мозг для того, чтобы направлять свои руки для получения тех результатов, которых они хотят, хотя, возможно, последние не останутся несведущими в вопросах вычисления, а первые будут вполне способны выполнять работу по дому. Рискую углубиться в детали, я повторяю, что подобные различия в индивидуальных занятиях и умениях отнюдь

не то же самое, что разделение труда, до сих пор навязываемое людям развитием производительных сил. Преодоление различия между умственным и физическим трудом означает уничтожение различия между людьми, которые управляют, и людьми, которыми управляют, а также различия между толпой, которая занимается физическим трудом и не получает образования ни для чего иного, и элитой, которая получает образование, необходимое для других занятий.

И наконец, все эти изменения ведут к тому, что Маркс и Энгельс характеризовали как «отмирание государства». По словам Энгельса, «на место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами»¹. Управление общими делами общества не повлечет за собой больше проявлений насилия с тем, чтобы принуждать одну группу людей выполнять трудовые задания по приказу другой, или в более общем смысле — заставлять одну группу людей подчинить свои интересы в отношении того, что они получают от общественного производства, интересам другой группы. Поэтому не нужно будет никакой «общественной силы», которая пользовалась бы своей властью и навязывала ее индивидам, и, как говорит Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», «вся государственная машина» будет отправлена туда, «где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором»².

Конечно, все еще будет существовать общественное управление. Это будет коллективное управление, при котором каждый имеет право высказаться или голосовать и при котором любое дело, которое начинается, будет выполняться на основе тщательного расчета потребностей и последствий, а не слепо, как в настоящее время, в соответствии лишь с желанием одной группы лиц в противовес другой. Согласованность мнений индивидов по решаемым вопросам будет обеспечиваться образованием, обычаями и обсуждением, при признании ответственности каждого как члена общества, без того, чтобы над каждым держали палку или лишали его возможностей развивать свои склонности. Это означает, между

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 225.

² Там же, т. 21, стр. 173.

прочим, что индивидуальная ответственность действительно станет общей нормой открытого общества. Общественная организация будет не только предоставлять индивидам ответственность вместо того, чтобы заставлять их делать то, что им велят, но эта индивидуальная ответственность станет главным, от чего будет зависеть вся согласованно действующая общественная организация.

Представление, будто коммунизм — это просто утопия, объясняется тем, что на протяжении длительного периода времени были одаренные богатым воображением мыслители, которые мечтали о коммунистическом обществе, хотя не существовало еще никакой практической возможности его реализации. Сознывая неразумность и жестокость того, что люди угнетают и эксплуатируют друг друга, вместо того чтобы сотрудничать ради общего блага, эти мыслители мечтали об обществе, в котором все сотрудничают в интересах создания общественного богатства, а богатством владеют сообща в соответствии с индивидуальными потребностями. Эти мечты справедливо считались просто утопиями, потому что в перспективе не было технической основы для коммунистической организации общества, а поэтому ничего нельзя было сделать для его организации политически. Коммунизм не был практической задачей. Но в современных условиях он стал не только практически *возможным*, но и *необходимым*. Он практически возможен потому, что мы знаем, как приступить к созданию его технической базы, и знаем, какие предпринять политические шаги для того, чтобы приступить к изменению социальных институтов в коммунистическом направлении. И он необходим потому, что, *если* мы не станем на путь движения к коммунизму, мы не сможем развивать и использовать современную технику.

Но тем не менее многие остаются при мнении, что коммунизм — это нечто такое, что будет реализовано, если вообще будет реализовано, в столь отдаленном будущем, что в настоящее время несвоевременно приступить к серьезной его организации. Основанием для такого мнения считают прогиворечие между эгоистичным образом поведения, весьма распространенным в настоящее время, и поведением на основе общественной ответственности, которое должно стать всеобщим, если коммунистическое общество когда-нибудь будет достигнуто.

Думают, что если «человеческая природа» и изменится до такой степени, то это изменение потребует очень долгого времени, а пока нам лучше принимать неизменную человеческую природу такой, какова она есть и была всегда.

Эти мнения, которые выдаются теми, кто их придерживается, за реалистический взгляд на факты, в действительности основаны ни на чем ином, как на отказе смотреть фактам в лицо.

Что касается «человеческой природы», то можно сообщить, что мы не кладем в основу такое решительное ее изменение, как предполагают. Мы не говорим, что люди должны превратиться из заботящихся только о себе в заботящихся о других, ибо в действительности большинство людей всегда заботились и о себе и о других. Мы лишь считаем, что когда работа станет интересной, то она будет нравиться людям и они будут охотно ее выполнять, если у них возникнет такая возможность; а также, что если можно будет удовлетворять потребности, не конкурируя при этом друг с другом, то люди не будут стараться изо всех сил захватывать вещи друг у друга.

Не коммунисты игнорируют факты, связанные с человеческой природой, а скептики в отношении коммунизма *игнорируют факт очень быстрых темпов современной научно-технической революции*. Этот факт требует, чтобы мы на свой риск предпринимали что-нибудь *сейчас* для того, чтобы справиться с его последствиями. Необходимость организации для этой цели *крайне неотложна*. И перед лицом этой неотложности вызывает тревогу благодушные политиков и предпринимателей, занимающихся «социальной инженерией» в капиталистическом мире.

Если бы техника могла беспрепятственно развиваться и использоваться в полную меру, то не было бы, вероятно, нереалистичным утверждение, что условия для мирового коммунизма могут быть созданы в течение пятидесяти лет. Учитывая, что необходимая социальная реорганизация потребует много времени, вероятно, было бы более реалистичным считать, что период перестройки займет, скажем, сто пятьдесят лет, что не является долгим сроком в масштабе исторических перемен, хотя он и поглотит энергию нескольких поколений. По-

тому политическая организация, необходимая для завершения этой перестройки,— это не утопическая политика, ориентирующаяся на отдаленную нереальную цель, а *практическая политика века, в который мы живем*. Факт, с которым мы сталкиваемся, заключается не в том, что коммунизм — это долгосрочная цель, о которой не стоит беспокоиться в настоящее время, а в том, что фактически существующие и все ускоряющиеся темпы технических изменений столь стремительны, что мы столкнемся с самыми серьезными социальными последствиями, если мы не начнем практическую организацию коммунизма.

Технические изменения нельзя остановить (как это красноречиво утверждает д-р Поппер), не разрушая нашу цивилизацию. Поэтому наша цивилизация должна быть приспособлена к техническим переменам. Техническая революция сделает в течение нескольких десятилетий большую часть прежнего оборудования, нынешнюю организацию служб, способов подготовки кадров и руководства ими совершенно устаревшими. Сохранение их не остановит технический прогресс, но будет неизбежно вызывать все возрастающие трудности и противоречия в управлении общественным производством и распределением. Если хозяева корпораций, конкурирующие друг с другом из-за получения личной прибыли, попытаются по-своему управлять экономикой, требующей интеграции на основе единого плана общественного производства, то в перспективе ожидается все большее ухудшение управления. Если предоставить им такую возможность, то мы придем к еще большим противоречиям, так как массам трудящихся будет становиться все более очевидным, что их делами управляют плохо. К тому же неизбежным будет постоянное международное противоречие, так как у людей в развивающихся странах будет возрастать нетерпимость к контрасту между их бедностью и богатством и жадностью тех, кто под видом помощи вмешивается в их дела против их воли, чтобы держать их в подчинении. Крайне неотложным является установление той меры демократического контроля со стороны компетентных рабочих организаций, которая может явиться началом планирования производства в промышленно развитых странах и предложить действительную помощь развивающимся странам.

Почти каждый признает, что современная эпоха — это переходный период. Заслуга марксизма состоит в том, что он научно показал, куда мы идем, и сформулировал действительные проблемы этого переходного периода. Коммунистическая программа является впечатляющим предсказанием пути, на который мы встали, не потому, что коммунизм — это наша неизбежная судьба, а потому, что средства, которые мы создаем для производства всего необходимого, требуют его. Современное рабочее движение, способное на основе научной информации мысленно ясно обозреть тот путь, на который нужно встать на практике, может с помощью своей массовой демократической организации выместить из правительственных учреждений неумелых администраторов, представляющих старый порядок, и действительно создать рациональное и открытое общество, о котором многие прежде могли лишь мечтать.

Глава 5

ПЕРЕХОД К КОММУНИЗМУ

1. ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

Если же принимать в расчет более бредовые высказывания д-ра Поппера относительно возврата к родовому строю и от него к «животному состоянию», то главные его опасения, связанные с коммунистической программой, касаются двух моментов: опасности, таящейся в экономическом планировании, и опасности, заключающейся в попытке контролировать мысли. Но его аргументы и по этим спорным вопросам едва ли могут быть приняты за «разумные».

Д-р Поппер возражает против «планирования в очень крупном масштабе», которое пропагандируют коммунисты, потому что оно «наверняка причинит большие неудобства многим людям»¹. Если бы это был разумный довод, то д-р Поппер должен был бы сказать, почему это так, но он просто утверждает это с упорством консервативного «заднескамеечника» в парламенте.

Далее он говорит, что для того, чтобы план был действенным, планирующий «должен пресекать неразумные возражения», что довольно верно. «Но вместе с ними он должен постоянно пресекать также и разумную критику». Во имя разума, на каком основании должна неизменно отвергаться разумная критика всякий раз, когда отвергаются неразумные возражения? Только вступая в критическое обсуждение и делая его как можно более разумным, можно решить, какие возражения действи-

¹ К. Поппер, *The Poverty of Historicism*, p. 89.

тельно неразумны. Д-р Поппер безапелляционно заявляет, что планирующий никогда не допустит никакого обсуждения плана. В этом случае действительно вполне вероятно, что он «причинит большие неудобства многим людям» и его план потерпит неудачу. Но те, кто добивается организации «планирования в очень широком масштабе», будут делать, если они только знают свое дело, именно то, чего, как говорит д-р Поппер, они делать не могут (поскольку, по его мнению, только «социальные инженеры», организующие планирование в очень незначительном масштабе, могут делать это). Они будут считать своей обязанностью «искать и находить ошибки, открыто признавать, анализировать их и учиться на них»¹. И поэтому они будут всячески поддерживать «разумную критику».

Правда, д-р Поппер пытается *объяснить*, почему учиться на ошибках можно только при планировании в малом масштабе или «частичном» планировании, а не при «холистическом» планировании «в очень крупном масштабе». Он говорит, что существует «техническая» причина: «Поскольку одновременно делается так много, то невозможно сказать, благодаря какому именно мероприятию получены любые из результатов»². Эта «техническая» причина равноценна утверждению, что производственный аппарат никогда не должен становиться слишком большим и сложным, ибо в противном случае невозможно найти причину аварии. Д-ру Попперу, конечно, следовало бы знать это лучше, ибо это аргументация человека, незнакомого с научной технологией. Точно так же как организаторы производства в крупном масштабе, чтобы получить желаемые результаты, должны согласовать между собой множество операций различных частей машины, компетентные планировщики должны собрать воедино различные одновременно выполняемые вещи, чтобы добиться нужных результатов. Действительно, наука планирования, успешно развивающаяся в настоящее время в социалистических странах, занимается именно этой проблемой. И результатом являются не «большие неудобства», а облегчение труда и увеличение выпуска товаров потребления.

---

¹ K. Popper, *The Poverty of Historicism*, p. 88.

² *Ibid.*, p. 88—89.

От этих весьма недостаточных возражений против «планирования в очень крупном масштабе» д-р Поппер переходит к тому, что он считает самыми худшими и роковыми последствиями подобного планирования. С этой целью он вводит посылку, с которой едва ли можно не согласиться. «Невозможно,— говорит он,— централизовать все те знания, которыми обладают многие индивидуальные умы»¹. Что же из этого следует? «Холистический планировщик», который не прислушивается ни к какому совету и отвергает всякую критику, как разумную, так и неразумную, закрывает себе путь к накопленным знаниям. Поэтому «он должен стараться упростить свои проблемы». А отказывая другим людям в возможности высказаться, он должен предпринимать энергичные меры к тому, чтобы заставить их молчать и «контролировать и нивелировать интересы и мнения с помощью образования и пропаганды. Но эта попытка применения власти над умами непременно уничтожит последнюю возможность определить, что же люди в действительности думают, ибо она явно несовместима со свободным выражением мысли, особенно критической мысли. В результате она уничтожит знание»². Таким образом, «планирование в крупном масштабе» ведет сначала к деспотическим мерам контроля над мыслями и подавлению всякой свободы мышления, а затем к уничтожению всех человеческих знаний, на которых должно основываться успешное управление.

Менее разумную аргументацию едва ли можно себе представить. Ибо, поскольку совершенно невозможно, чтобы один «холистический планировщик» знал все, относящееся к разработке удачного плана, планирование требует самой широкой консультации с теми людьми, в умах которых содержатся необходимые знания. Человек, отвечающий за планирование, не будет поэтому «упрощать свои проблемы», заставляя всех молчать, а сделает все возможное, чтобы привлечь на помощь максимальное число людей. Идея о том, будто планирование в крупном масштабе должно всегда осуществляться одним «холистическим планировщиком», а планы составляются и диктуются институтом «централизованной вла-

---

¹ K. Popper, *The Poverty of Historicism*, p. 89—90.

² *Ibid.*, p. 90.

сти» без всякой консультации,— это всего-навсего одна из фантазий д-ра Поппера, с помощью которой он сам приводит себя в состояние страха и негодования по отношению к коммунизму. Очевидно, что широкое планирование требует большого аппарата для консультаций на всех уровнях, с экономистами, администраторами, учеными, техниками, директорами предприятий и простыми рабочими.

Тот факт, что в Советском Союзе были допущены ошибки в планировании, заключавшиеся в чрезмерной его централизации, не может служить оправданием для д-ра Поппера, даже если он не знал в то время, когда писал свой вздор, что эти ошибки скоро будут исправлены. С самого начала планирование в Советском Союзе осуществлялось на базе широких и разносторонних консультаций. Это послужило основой для создания в СССР подлинной науки планирования, а также для исправления ранее допущенных ошибок.

Но даже если обвинения д-ра Поппера против планирования исключить из материалов суда (за исключением, разумеется, суда над его собственной книгой в Стране чудес, где д-р Поппер выступает не только в качестве обвинителя, но также и в качестве судьи и присяжных), существуют *реальные* проблемы, связанные с планированием, а также заслуживающие внимания аналогичные проблемы, связанные с контролем над мышлением.

Планирование в крупном масштабе стало необходимым вследствие обобществленного характера современного промышленного производства. Марксисты — не доктринеры, которые хотят заставить всех действовать, каким укажут, вместо того чтобы позволить действовать так, как они хотят. Мы выступаем за планирование потому, что оно является необходимым условием управления современным производством в интересах удовлетворения человеческих потребностей. Но как можно сделать планирование эффективным и в то же время не посягать на демократические права и свободу индивида?

Причину, почему планирование в крупном масштабе стало необходимым для использования современных производительных сил, можно понять, сравнивая современные условия производства с прежними.

В первобытных условиях ведения хозяйства, напри-

мер, проблемы планирования вряд ли возникали. Люди производили все, что они могли производить с помощью примитивной техники, и полностью потребляли все произведенное. К планированию прибегали лишь с целью сохранить как можно больше запасов с тем, чтобы иметь возможность выжить до наступления следующего сезона. С другой стороны, не могло существовать сколько-нибудь значительного планирования и в товарном производстве крестьян и ремесленников, так как они могли только отправляться на рынок и продавать свои продукты за предложенную им цену. Отдельные купцы планировали, как купить подешевле и продать подороже, но всеобъемлющего планирования быть не могло. Деятельно планировали феодалы, но их планы принимали форму тайных заговоров с целью захвата друг у друга земель и имущества. Когда возникло капиталистическое производство, то на промышленных предприятиях принималось за работу и собиралось вместе большое количество рабочих и внутри этих предприятий сразу же потребовалось планирование, направленное на продолжение производства, увеличение его размеров и степени эксплуатации. Продукция полностью поступала на рынок, как и при докапиталистическом товарном производстве. И именно благодаря этому обстоятельству выявилась необходимость планирования производства и распределения. Как отмечал Энгельс в работе «Развитие социализма от утопии к науке», теперь стало явным противоречие между планированием производства на отдельном предприятии и анархией производства внутри сферы производства и распределения в целом.

Необходимость всеохватывающего планирования современного производства определяется двумя взаимосвязанными условиями, каждое из которых Маркс проанализировал в трех томах «Капитала». Во-первых, производство в настоящее время разделено на два крупных подразделения, производящих соответственно средства производства и предметы потребления. Если не поддерживаются надлежащие пропорции (рассчитываемые математически) между производством в этих двух подразделениях, то производство в целом испытывает нарушения и срывы. Например, невозможно сохранять или увеличивать производство предметов потребления, если не

производить для этой цели достаточно средств производства. С другой стороны, если действительный спрос на товары широкого потребления недостаточен для того, чтобы использовать все производимые средства производства, то тогда производство средств производства будет прервано, так как в его продуктах временно нет необходимости. Поэтому, во-вторых, производство будет страдать от перерывов, если также не принять меры к тому, чтобы члены общества были в состоянии покупать и потреблять все производимые товары потребления. Разумеется, ни одно из этих необходимых условий не может быть выполнено, если предоставить каждому независимому предприятию планировать свое производство по желанию его собственного руководства. Должно быть что-то вроде всеохватывающего хозяйственного плана.

На протяжении той стадии капиталистического производства, которая известна как *laissez faire*, эта потребность во всеохватывающем планировании отрицалась капиталистическими предпринимателями. Они придерживались такого представления (разработанного для них профессиональными экономистами), что условия рынка автоматически осуществляют необходимое регулирование. Например, если произведено слишком много или слишком мало чего-нибудь, то условия рынка автоматически приведут к тому, что капитал в поисках прибыли хлынет из одной отрасли производства в другую. Такого рода регулирование на практике оказалось чрезвычайно болезненным и вредным и происходило лишь посредством ряда экономических кризисов, сопровождавшихся потерями производительного оборудования и безработицей. В настоящее время, когда все отрасли производства монополизированы крупными капиталистическими корпорациями, которые широко планируют свои мероприятия по производству и сбыту, руководители корпораций стали признавать необходимость, по крайней мере в известной степени, всеохватывающего хозяйственного планирования (а профессиональные экономисты справедливо критикуют устаревшие экономические теории и разрабатывают новые). В то же время корпорации считают, что они могут делать все необходимое сами с помощью государства, над которым они осуществляют столь значительный контроль.

Опыт последнего времени показывает ограниченность экономического планирования монополистического капитала. Это так называемое «индикативное планирование» является не столько планированием, сколько прогнозированием. На основе данных о прошлых и настоящих ресурсах делаются прогнозы относительно того, что следовало бы произвести во всех главных отраслях производства и как это следует сбывать с тем, чтобы получить определенные темпы роста всего производства. Правительство затем принимает разнообразные стимулирующие меры, например предоставление кредитов или освобождение от налогов, с целью оказать поддержку тем предприятиям, которые имеют отношение к деятельности в соответствии с прогнозами, и в то же время подчинить этим прогнозам деятельность национализированных отраслей и служб. Но всеобъемлющего контроля, обеспечивающего выполнение прогноза, нет. Опыт показывает, что ни в одном случае прогнозы капиталистического государственного плана не реализовывались. Что-нибудь всегда идет не так, даже если это обнаруживается не всегда так быстро, как в случае с государственным планом, опубликованным лейбористским правительством в Англии в 1966 году и потерпевшим крах уже через несколько месяцев.

Учитывая осуждение д-ром Поппером «планирования в крупном масштабе», можно подумать, что он неодобрительно относится к любому такому планированию, как в общем слишком «холистическому». Однако д-р Поппер заявляет о своем неодобрении *laissez faire* и об одобрении капиталистического всеохватывающего планирования на том основании, что оно является все же «постепенной социальной инженерией» и предполагает небольшой элемент *принуждения*. Но именно эти особенности планирования, которые получают одобрение д-ра Поппера, свидетельствуют о его ограниченности. В жестокой рыночной конкуренции столь многих добивающихся прибыли предприятий невозможно, чтобы все они придерживались плана, даже если их администрация намеревается делать это, и поэтому продолжается то же самое неправильное регулирование, которое всегда было присуще капиталистическому производству. Тем временем организовавшиеся рабочие, которые требуют улучшения условий труда, социального обслу-

живания и повышения заработной платы, подвергаются ограничениям и принуждениям, не применяемым по отношению к их нанимателям, на том основании, что требования рабочих отвлекают ресурсы от производства к потреблению, делают отрасли промышленности неконкурентоспособными, в особенности на экспортных рынках, и не позволяют народному хозяйству «жить по средствам». Если капиталистическое планирование увеличивает занятость, то оно увеличивает и поводы для производственных споров, так что кое-кто начинает думать, что была бы желательна некоторая запланированная безработица как средство, которое заставит рабочих повиноваться.

Типичным примером искажения значения слов, которое свойственно апологетам капитализма, является употребление ими названия «демократическое» применительно к капиталистическому планированию. Помимо того, что такое планирование никогда не бывает эффективным, оно страдает еще тем недостатком, что является антидемократическим. Ибо оно сильнее всего подчеркивает отсутствие демократического контроля. Работа по составлению плана выполняется экспертами корпораций и правительства, и его осуществление предоставляется администрации корпораций и национализированных отраслей без какого бы то ни было демократического контроля, не считая привлечения нескольких профсоюзных чиновников. Говорить, что это мера демократического контроля над администрацией корпораций или что этот контроль является демократическим, потому что основной штат составляют постоянные государственные служащие, — значит считать весьма ограниченную и слабую форму народного контроля достаточной для того, чтобы характеризовать ее как «демократию». Многие защитники капиталистического планирования (например, профессор Гэлбрейт в своих лекциях по Би-Би-Си в 1966 году) теперь признают этот факт и говорят, что «демократическое планирование» — это вздор, потому что планирование — это дело экспертов, а эксперты контролируются тоже только экспертами. Другие, однако, продолжают утверждать, что капиталистическое планирование является демократическим, поскольку экономические решения остаются добровольными и план служит лишь руководством для корпораций, а не носит дирек-

тивный характер; признание такого рода добровольного индивидуального решения считается демократичным, а применение принуждения — недемократичным. Но почему демократично допускать решения, позволяющие горстке предпринимателей, свободных от демократического контроля, прибирать к рукам средства к жизни миллионов и недемократично обеспечивать действительное выполнение того, что планируется в интересах общественного благосостояния, — вот два вопроса, на которые никогда не могут ответить защитники капиталистической демократии.

Необходимость социалистического планирования — это необходимость такого планирования, которое включает в себя условия, обеспечивающие выполнение планов, и осуществляется под демократическим контролем. Эти вещи связаны между собой. Меры обеспечения демократизации экономических решений являются в то же время мерами, гарантирующими то, что решения хорошо спланированы и осуществляются.

Краткое определение «социализма как общественной собственности на средства производства и обмена» требует, чтобы его дополнили определением цели общественной собственности как *подчинения управления общественным производством контролю демократических организаций и планирования этого производства в интересах удовлетворения человеческих потребностей*. С другой стороны, боязнь социалистического планирования — это боязнь того, что если государство возьмет в свою собственность все главные предприятия, то оно будет диктовать план стране и произвольно заставлять всех принимать план и работать над его выполнением, так что будет еще меньше демократического контроля, чем при частной капиталистической собственности.

Пример советских людей, не только стойко выдерживающих строгие меры социалистического планирования, но и организующих различные обсуждения для совершенствования методов планирования и проявляющих со своей стороны большую активность, заставил многих, кто испытывал подобные опасения, признать, что социалистическое планирование оказалось не таким уж плохим, как они ожидали. Кое-кто пытается сейчас объяснить это тем, что не существует, мол, в конце концов большой разницы между тем, когда руководство произ-

водством осуществляют частные корпорации и когда оно находится в руках государственных трестов. Полагаем, что подобная убежденность окажет успокаивающее действие на тех, кто думает, что мы должны любой ценой бороться против социалистического планирования, и в то же время даст новый довод против социалистов, которые пропагандируют борьбу за переход от капитализма к социализму. Ибо нам доказывают, что если капитализм сегодня равносителен управлению крупными корпорациями, то он в значительной мере означает то же самое, что социализм, который равносителен управлению крупными государственными трестами.

Эти соображения усердно повторял профессор Гэлбрейт в своих лекциях. Он говорил, что методы планирования производства, принятые государственными трестами в Советском Союзе, и методы планирования производства, применяемые корпорациями в других промышленных странах, становятся все более и более сходными. Это, однако, неверно. Методы планирования производства в Советском Союзе отличаются от методов планирования в капиталистических странах по крайней мере в двух важных отношениях. Во-первых, *план вырабатывается на основе очень широкого обсуждения с демократическими организациями, и ответственная администрация на всех уровнях обязана действовать в рамках целей, определяемых демократическим путем.* Во-вторых, *существует демократический контроль за выполнением плана для того, чтобы обеспечить принятие мер для его выполнения.* В результате этого целью планирования в Советском Союзе является снабжение людей всем необходимым и доставка этого по назначению. И то, что планируется, действительно достигается. Основой социалистического планирования является демократический контроль народных организаций над производством и распределением всего необходимого людям, а «общественная собственность» — это форма, в рамках которой осуществляется этот демократический контроль.

Социалистическое планирование в интересах общественного благосостояния требует создания тщательно разработанной структуры институтов, в рамках которых формулируется и выполняется план. Это, разумеется, нечто совершенно непохожее на свойственную «смелому

новому миру» фантазию одного «холистического планировщика», издающего распоряжения, о котором говорит д-р Поппер. Существуют необходимые учебные и научно-исследовательские институты, институты экономики, разрабатывающие теорию планирования как «точную науку», применяющую математические методы. Имеются необходимые взаимосвязанные учреждения для составления центрального и местных планов, тесно связанные посредством проводимых обсуждений с общественными организациями, профсоюзами, администрацией предприятий и т. д. Необходимы также учреждения для наблюдения за выполнением планов и его проверки, связанные с производственными учреждениями (заводы, фермы, железные дороги, органы местного управления и т. д.), которые выполняют план. Когда создается такая структура институтов планирования, как это сделано в Советском Союзе, то становится очевидным, что представление, будто квалифицированное руководство несовместимо с демократическим контролем,— это лишь одна из иллюзий капиталистической идеологии. Ибо в такой структуре сочетаются, с одной стороны, экспертиза, превращение хозяйственного планирования в дело экспертов, которым занимаются высококвалифицированные специалисты, а с другой стороны, демократический контроль.

Эти соображения показывают, что нужно сделать в промышленно развитых странах, чтобы перейти от капиталистических институтов к социалистическим. Не может быть и речи о полном разрушении всех институтов, что, по представлению д-ра Поппера, будет сделано революцией, которая передаст политическую власть рабочему классу. Основа аппарата социалистического планирования уже существует в научно-исследовательских и технических институтах, в управленческом аппарате крупных корпораций, а также в организациях национализированных отраслей, муниципальных органах и в органах социального обслуживания. Величайший шаг, который должен быть сделан,— это *установление демократического контроля со стороны народных организаций*, которого нет в настоящее время. «Превращение пролетариата в господствующий класс» действительно означает, как сказано в «Манифесте Коммунистической партии», «завоевание демократии».

2. ОТ СОЦИАЛИЗМА К КОММУНИЗМУ

Большая часть социалистического планирования всегда должна относиться не непосредственно к производству товаров потребления и услуг, а к производству средств производства. И в тех случаях, когда средств производства недостаточно, их производству следует отдавать значительное предпочтение с тем, чтобы позже была удовлетворена большая часть потребностей потребителей. При этом основной целью является планирование такого роста производства, который сможет удовлетворить все индивидуальные потребности. А это значит, что *все социалистическое планирование есть планирование движения к коммунизму*, когда будет создано такое полное изобилие, что руководящим принципом организации общества станет принцип «каждому по потребностям».

Именно поэтому марксистские партии обычно называют себя «коммунистическими партиями». Коммунизм — это цель, которой они руководствуются во всей своей политике. И между прочим, она наглядно демонстрирует еще одно крупное, возможно самое крупное, различие между социалистическим демократическим планированием и тем планированием, которое уже осуществляется в капиталистических странах. Последнее, конечно, не ставит своей целью продвижение по пути к коммунизму, а предполагает сохранение общественных отношений, совершенно не совместимых с этим планированием, и поэтому, по всей вероятности, приведет к тем большему беспорядку, чем выше будет уровень технического прогресса. В настоящее время слово «коммунист» не все еще понимают, но оно станет более понятным, когда мы столкнемся с теми проблемами, которые ставит развитие техники.

Маркс в «Критике Готской программы» охарактеризовал социализм как «первую фазу коммунистического общества». Социализм является первой фазой коммунистического общества потому, что, когда средства производства переходят в общественную собственность и вводится социалистическое планирование, производство уже не подчиняется извлечению прибыли, получаемой частными собственниками от продажи продуктов, а вместо этого начинается планирование производства в целях

удовлетворения человеческих потребностей. Коммунизм — это организация общественного производства в целях удовлетворения человеческих потребностей. В его первой несовершенной, или социалистической, фазе производство еще недостаточно развито, чтобы удовлетворить все потребности, и полное коммунистическое общество возникает лишь тогда, когда это ограничение будет преодолено.

В то же время социализм может быть охарактеризован как переходная стадия от капитализма к коммунизму, потому что, когда впервые уничтожаются капиталистическая собственность и управление, остаются многие условия, унаследованные от капитализма, которые также должны быть уничтожены, прежде чем будет полностью построен коммунизм. Как пишет Маркс, «мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое *развилося* на своей собственной основе, а, напротив, с таким, которое только что *выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло... эти недостатки неизбежны в первой фазе коммунистического общества, в том его виде, как оно выходит после долгих мук родов из капиталистического общества»¹.

Главным из этих «неизбежных недостатков» является сохранение системы заработной платы. Люди вступают в соглашение с нанимающими их организациями (государственные тресты и тому подобное), чтобы работать в течение определенного количества часов за определенную плату. То, что они получают для удовлетворения своих потребностей, зависит поэтому главным образом от их работы. Что касается рабочего, то он получает за свою работу, и получает столько, сколько может заработать, повышая свою квалификацию, находя работу и работая усердно — точно так же, как в капиталистическом обществе. Сохранение системы заработной платы является общественной необходимостью, потому что до тех пор, пока общественного продукта еще недостаточно для удовлетворения всех потребностей по праву каждого, распределение общественного продукта не

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 18—19.

может не осуществляться по социалистическому принципу «от каждого по способностям, каждому по труду».

Разумеется, этот принцип никогда не применяется со всей последовательностью и строгостью. Ведь это означало бы, что дети, старики и больные должны были бы жить на индивидуальные заработки и сбережения, тогда как социалистические правительства всегда делают все возможное для того, чтобы применить коммунистический принцип, удовлетворяя, насколько возможно, потребности детей, стариков и больных из общественных фондов. Кроме того, обеспечивается множество других социальных услуг, пользование которыми не зависит от заработков и пособий. Действительно, многое в этом отношении уже сделано и при капитализме, где общественная необходимость, подкрепленная требованиями рабочего класса, вынуждает господствующий класс согласиться на введение этих первых элементов коммунизма. Капиталисты, однако, обычно неохотно идут на уступки в предоставлении социальных услуг, которые, по их мнению, и стоят слишком дорого, и подрывают «моральный дух» тех, кто их получает. Капиталисты предоставляют их, насколько это только возможно, за счет страхового фонда, создаваемого на взносы рабочих, заставляя последних оплачивать как можно большую его стоимость. В социалистическом обществе, наоборот, социальное обслуживание непрерывно расширяется, причем не считается желательным сводить его только к социальному страхованию.

Система заработной платы, подкрепленная социальными услугами, переносится в таком случае и должна быть перенесена из капитализма в социализм. Вместе с нею неизбежно переносятся и многие старые привычки — привычки присваивать себе все, что можно, за счет других, заботиться только о собственном благополучии и предоставлять другим, если это возможно, заботиться о себе, — и образ мышления, соответствующий этим привычкам. Во всяком случае, подобные явления индивидуального сознания будут существовать по инерции, так как всегда требуется долгое время для того, чтобы новый образ мышления распространился среди всех индивидов. Однако эти явления поддерживаются сохранением системы заработной платы. Поэтому неудивительно, хотя

это и внушает беспокойство, что мы обнаруживаем в социалистическом обществе существование некоторых из числа ненавистных явлений капитализма, включая такие явления, когда честолюбцы по спинам своих коллег взбираются вверх по служебной лестнице, или люди, занимающие руководящие посты, презирают своих подчиненных и ожидают от них почтительного отношения и т. д. Настоящий коммунист не может из-за этого терять веру в движение человечества к коммунизму, потому что в этом нет ничего неожиданного. Но на этом основании он не займет позицию принятия и одобрения этого, не говоря уже о том, что сам не будет вести себя подобным недостойным образом.

В то же время система заработной платы в социалистическом обществе коренным образом отличается от таковой при капитализме. Главное отличие проявляется не внешне, не в способе получения заработной платы или в процедуре перехода ее от кассира к работнику, а исключительно в общей форме развития общественного производства. Это различие состоит в том, что заработная плата не является больше ценой, которую платит наниматель за покупку рабочей силы, а представляет собой сумму, выплачиваемую рабочему в денежной форме нанимающей организацией и составляющую такую часть стоимости совокупного общественного продукта, которая соответствует затраченному им труду. Рабочая сила больше не продается и не покупается. А ее стоимость, то есть стоимость товаров и услуг, необходимых для поддержания способности к работе, не входит больше в определение заработной платы. Ибо рабочая сила не является больше товаром, а заработная плата — ценой этого товара. Эксплуатация рабочего, создающего своим трудом в течение неоплаченного рабочего времени прибавочную стоимость для предпринимателя, уничтожена.

Могут возразить, что подобные теоретические соображения бессмысленны, с точки зрения человека, так как рабочий будет чувствовать себя в такой же степени эксплуатируемым, поскольку он вынужден упорно трудиться, а получать за свой труд слишком мало. Однако они далеко не бессмысленны, ибо они означают, что при социализме сумма, получаемая рабочим, определяется не сделкой с предпринимателем, который покупает его

рабочую силу, платя известную сумму за час работы, а расчетом, какая масса общественного продукта имеется в наличии для распределения в качестве товаров потребления и услуг. По мере того как растет общественный продукт, должно повышаться и благосостояние рабочих. Урегулирование вопросов заработной платы не является больше результатом классовой борьбы. Рабочие в буквальном смысле слова работают на себя, а не на предпринимателя.

Иногда также говорят, будто в социалистическом обществе продолжается такая же эксплуатация, как и при капитализме, потому что рабочие своим трудом вносят лепту на содержание большого «класса чиновников и бюрократов». Последних характеризуют как эксплуататоров, руководящих трудом рабочих и присваивающих прибавочную стоимость так же, как это делают капиталистические эксплуататоры. Хотя верно, что при любой системе управления возможно казнокрадство, если не принимаются меры, чтобы положить ему конец, тем не менее утверждение, будто оплата чиновников, администраторов и управляющих представляет собой форму эксплуатации рабочих, является абсурдным. Конечно, этим людям следует платить, потому что они выполняют необходимую работу. Если же некоторые виды работы оплачиваются выше других, то это может быть справедливым или нет, но это не эксплуатация. Содержание аппарата управления за счет стоимостей, создаваемых трудом,— это эксплуатация труда не в большей степени, чем эксплуатация труда для возмещения доли стоимости новых средств производства, вместо распределения всего продукта в товарах потребления и услугах.

Конечно, для того чтобы социалистическое производство продолжало развиваться и расширяться, необходимо, чтобы общественный труд непрерывно производил излишек сверх того, что идет на заработную плату, капитальные вложения в будущее производство, расходы на содержание управленческого аппарата и социальное обслуживание. Это показывает, между прочим, что содержащееся в нынешних методах советского планирования настойчивое требование к предприятиям добиваться «прибыли» не представляет собой возврата к капитализму, а является одним из пунктов эффективного пла-

нирования производства в интересах повышения благосостояния, ведущего прямо к коммунизму.

То, что социалистическое планирование ведет к коммунизму, означает, что это планирование развивается в направлении *планирования полного удовлетворения потребностей*. Коммунизм вырастает из социализма в результате планирования, и продолжительность этого периода зависит, разумеется, от того уровня общественного производства, с которого он начался. Переход осуществляется путем постепенного перевода снабжения из сферы товаров, которые покупаются на заработки, в сферу бесплатных услуг. Когда общественное производство будет производить достаточно ресурсов для завершения этого процесса, мы достигнем цели. С этого времени уже не будет стоять вопрос об оплате людям за их труд, а потребности будут удовлетворяться в форме социальных услуг, благами которых имеет право пользоваться каждый. Система заработной платы исчезает, а вместе с ней и производство предметов потребления как товаров. Естественно, что, пока людям выплачивается заработная плата, они используют ее для покупки того, что они могут купить себе, так что все те вещи, в покупке которых они нуждаются, все еще производятся как товары. Если потребности удовлетворяются и распределение осуществляется в форме социального обслуживания, то нет больше купли-продажи и нет больше товарного производства.

Это, однако, не означает, что не будет больше личной собственности, что никто не имеет ничего своего, а все — общее. Каждый будет обладать гораздо *большой* личной собственностью, чем большинство людей в настоящее время. Но каждый *приобретает ее как принадлежащую ему по праву* (человеческому праву присваивать те вещи, в которых он нуждается для личного пользования и удовольствия), а не должен *покупать* ее. То, насколько эффективно все люди будут пользоваться этим своим правом, зависит от их сотрудничества в деле производства средств, необходимых для того, чтобы пользоваться этим правом.

Глава 6

ОТКРЫТОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО ВРАГИ

1. КОММУНИЗМ И АНТИКОММУНИЗМ

Из нашего обсуждения следует, что развитие в направлении к открытому обществу есть развитие по пути к коммунизму.

Путь к открытому обществу — это путь *демократического контроля над общественным управлением*. И нравится нам это или нет, это *предполагает классовую борьбу*. Ибо классовые интересы эксплуататорских классов не совместимы со свободой и безопасностью остальных классов общества. Мы не можем двигаться к открытому обществу, уважая права эксплуататорских классов, а можем сделать это, лишь нарушая эти права и окончательно отменяя их. Массовым демократическим организациям нужно объединиться для проведения практической политики противодействия господствующим классам. Они должны, если воспользоваться удачной фразой из британского государственного гимна, «разрушить их политику, разоблачить их мошеннические трюки». Это борьба за открытое общество.

Но это как раз противоположно тому, что говорит д-р Поппер об открытом обществе и его врагах. Считая, что капитализм за последнее время коренным образом изменился, что эксплуатация, классы и классовая борьба исчезают, он говорит, что капитализм сам по себе — открытое общество. Поэтому он утверждает, что сторонники открытого общества, организующиеся для того, чтобы избавиться от капитализма, это его враги, а враги

открытого общества, которые организуются для сохранения капитализма, это его друзья.

Подтверждением того, что, рассматривая современные проблемы, д-р Поппер ставит их с ног на голову, является его работа «Открытое общество и его враги», где он доказывает, что великой борьбой за открытое общество против его врагов является борьба против определенных идей и учений. И такими идеологиями, враждебными открытому обществу, являются, по его мнению, идеологии, которые считают человеческие институты не созданными людьми. Они учат, что институты не создаются людьми, чтобы служить их целям, а декретированы богом или развились благодаря действию неумолимой необходимости. С их помощью распространяются авторитарные, либо тоталитарные, взгляды, согласно которым все, что делают люди как в общественной, так и в личной жизни, должно направляться поставленными над ними властями и никто не должен бросать вызов власти своим самостоятельным мышлением.

В качестве типичного примера таких идеологий д-р Поппер указывает на взгляды Платона, Гегеля и Маркса. Но в чем бы ни убеждали от имени Платона и Гегеля последователи Платона и гегельянцы (многих из которых не осталось в живых), наше обсуждение взглядов Маркса показало, что д-р Поппер сильно ошибается, выбирая марксизм в качестве примера идеологии, выступающей против открытого общества. То, что взгляды, которые он рассматривает, действительно не совместимы с прогрессом, не подлежит сомнению. Но так же, как д-р Поппер ошибается, причисляя к ним научные идеи марксизма, он ошибается, полагая, что подобные взгляды являются ныне главным препятствием для нашего продвижения к открытому обществу. Если бы это было так, то не нужно было бы особенно беспокоиться, ибо они давным-давно уже преодолены в умах наиболее мыслящих людей.

Действительным идейным врагом открытого общества является сегодня все то, что включает в себя выражение «антикоммунизм». И борьба за открытое общество — это борьба против всего того, что делается для сохранения и усиления эксплуатации человека человеком под маской антикоммунизма. Антикоммунизм не

столько установившаяся теория, сколько ярость и предубеждения, пронизывающие и искажающие каждое теоретическое высказывание. Взгляды могут быть «прогрессивными», допускающими критическую позицию по отношению к установленному порядку, требование демократии, равенства и свободы, а также поиски путей улучшения условий жизни для большинства человечества,— но в то же самое время элемент антикоммунизма превращает их во взгляды, поддерживающие капиталистическое status quo и враждебные практическим предложениям избавиться от него. В этом они смыкаются с самыми реакционными взглядами, которые противоположны научным методам мышления и защищают традиционные догмы и святость давно установленных деспотических институтов. В наши дни мало кто из стоящих у власти людей не уверяет в том, что он убежден в ценностях демократии и свободы; но они претендуют на защиту этих ценностей от угрозы коммунизма и в этих целях используют силу, лгут, заставляют людей действовать по приказу и подавляют демократические организации столь рьяно, словно «Законы» Платона убедили их в том, что демократия и свобода — это зло, которое следует пресечь.

В бесспорно искреннем антикоммунистическом негодовании д-р Поппер посвятил свою книгу «Нищета историцизма» «памяти бесчисленных мужчин и женщин всех убеждений и наций, которые пали жертвами фашистской и коммунистической веры в неумолимые законы исторически неизбежного хода событий». Д-р Поппер связывает коммунизм с фашизмом, а жертвы гитлеровских газовых камер с жертвами плохого правления Сталина в то время, как в Советском Союзе строился социализм. Однако именно советский народ, идущий к коммунизму, нанес смертельный удар Гитлеру и впоследствии демократическими методами навел порядок там, где имели место злоупотребления властью при Сталине. Нам следует помнить о всех тех, кто с тех пор во Вьетнаме, в Греции, в Испании и Португалии, во многих частях Африки, Азии и Латинской Америки пал жертвой насилия и жестокости империалистической агрессии, совершаемой во имя антикоммунизма.

Д-р Поппер осуждает «тиранию». И его принцип государственного права, заключающийся в том, что

«нам нужно различать лишь две формы правления — демократию и тиранию», кажется; сформулирован не столько как руководящий принцип для социологов и историков при изучении форм государства (для этой цели он неадекватен), сколько как руководящий принцип практической политики, чтобы проводить различие между капиталистической демократией и коммунистической тиранией, а также чтобы убеждать и призывать стражей «свободного мира» выступать против коммунизма и оказывать ему сопротивление, используя всю свою силу. Этот принцип — клич, призывающий к защите империализма. Д-р Поппер действительно может вполне обоснованно отвергать любой намек на то, что его аргументы являются простым отголоском антикоммунистической пропаганды, так как его работа «Открытое общество и его враги» провозгласила стратегию холодной войны даже раньше, чем это было сделано в Фултонской речи Черчилля. Но для трудящихся вопрос о власти не является вопросом: демократия или тирания, а является вопросом о *нашем* контроле над властью в отличие от *их* контроля над властью. Чтобы вступить на путь к открытому обществу, нужно преодолеть этот последний контроль над властью, а вместе с ним и вводящую в заблуждение идеологию антикоммунизма.

В этом свете ошибки д-ра Поппера в работе «Открытое общество и его враги» являются действительно серьезными ошибками. То, что он сделал, есть систематическая разработанная в деталях пропаганда аргументов антикоммунизма. За это он заслужил благодарность (и действительно получил ее) от врагов открытого общества. Но не от его друзей.

2. ПРОТИВ НАСИЛИЯ, ЗА СПРАВЕДЛИВЫЕ ЗАКОНЫ, ЗА ПРАВА ИНДИВИДОВ

Коммунизм — это тирания, коммунизм разрушит демократические институты, уничтожит свободу индивида, запретит вам думать о себе, заставит подчиняться приказам, уничтожит всякую возможность критики, распространит усиленный догматизм, повернет вспять развитие науки, уничтожит культуру, разрушит цивилизацию,

вернет нас к животному состоянию — такова теория антикоммунизма. Антикоммунизм — враг открытого общества, поскольку, с одной стороны, он мешает объединиться в общем действии тем, кто при взаимном уважении и понимании хочет идти вперед от закрытого общества эксплуатации, насилия, расточения ресурсов, бедности и неуверенности; а с другой стороны, он создает условия для пропаганды и оправдания всего, что делается для сохранения власти капитала, какими бы деспотическими и насильственными эти действия ни были. В соответствии с этим д-р Поппер основывает свой главный довод, что коммунизм — это враг открытого общества, на утверждении, будто коммунисты стоят за насилие, за установление незаконной тирании и уничтожение демократических прав индивидов.

Выдвигая эти три обвинения, д-р Поппер допускает столько же ошибок. Рассмотрим сначала вопрос о *насилии*.

Д-р Поппер смешивает воинственность с пропагандой насилия. Марксизм пропагандирует, что массовые организации трудящихся не должны кротко мириться с предписаниями, издаваемыми властями, которые они сами не контролируют и которые подвергают преследованиям трудящихся ради прибыли эксплуататоров. Трудящиеся должны быть непримиримы в своем противодействии любому виду контроля над властью со стороны эксплуататорского класса. И они должны быть едиными в своих требованиях того, что должно быть сделано немедленно, а также готовы поддержать своих вождей и тех, в чьи руки они вверяют полномочия для того, чтобы это было сделано. Эту позицию противодействия диктату эксплуатирующего меньшинства не следует смешивать с позицией насилия, направленного против демократических институтов.

Марксизм не вносит никаких предложений применения насилия для разрушения законным путем установленных демократических институтов там, где они существуют. И если кто-нибудь действительно пытается применять насилие для уничтожения демократических институтов (а такие попытки, причем иногда небезуспешные, часто предпринимались в последнее время), то коммунистическая партия объединяется для их защиты с другими демократическими организациями. Для

нас вопрос о насилии может возникать лишь как вопрос о том, как, с одной стороны, отстоять яростные атаки на демократические институты, на деятельность демократических организаций, а также на выполнение решений демократических властей и, с другой стороны, как преодолеть насильственные методы, препятствующие завоеванию демократических институтов и демократических прав. Как уже неоднократно говорили марксисты, если господствующий класс прибегает к насилию с тем, чтобы либо лишить людей существующих демократических прав, либо помешать их завоеванию, то тогда в случае необходимости должно быть применено насилие, чтобы победить это насилие. Но несомненно, чем более организованным, дисциплинированным и сплоченным будет массовое демократическое движение, тем меньше возможностей для господствующего класса прибегнуть к насилию и тем меньше насилия потребуются для отражения насилия, если оно будет иметь место.

Этот вопрос был затронут Марксом еще 8 декабря 1880 года в письме Генри Гайндману (которое д-р Поппер сам цитирует). В этом письме Маркс рассматривает возможность «революции» в Англии в контексте, который показывает, что под «революцией» подразумевалось насильственное восстание. «Если бы неизбежная эволюция перешла в революцию,— писал Маркс,— то в этом были бы повинны не только правящие классы, но и рабочий класс. Каждая миролюбивая уступка первых была вырвана у них «давлением извне». Их действия следовали за этим давлением, и если последнее все больше и больше ослабевало, то только потому, что английский рабочий класс не знает, как пользоваться своей силой и использовать свои свободы, которые предоставлены ему законом»¹. Таким образом, Маркс говорил Гайндману, что если классовая борьба в Англии когда-нибудь приведет к насилию гражданской войны, то это будет вина рабочих, потому что они «не знают, как пользоваться своей силой и использовать свои свободы». Если бы они знали, как это делать, то тогда «неизбежная эволюция» к социализму могла бы завершиться без революционного насилия. Нынешняя программа Коммунистической партии Великобритании повторяет и отчет-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 34, стр. 383.

Ливо выражает в современных политических терминах эти идеи Маркса о знании того, как использовать силу демократической организации и умело пользоваться демократическими правами.

Д-р Поппер взялся доказать, что марксисты всегда занимают «насильственную позицию», потому что мы всегда заявляем о своей готовности применить насилие для подавления насилия. Он произвольно допускает, что сам Маркс воздерживался от предсказания, что социалистическая революция неизбежно при всех условиях будет насильственной революцией. Но, продолжает он, «социальная революция является попыткой объединенного в значительной степени пролетариата завоевать полностью политическую власть, предпринятой с твердой решимостью не отказываться от насилия, если насилие будет необходимо для достижения этой цели, а также оказать сопротивление любому усилию его противников вновь приобрести политическое влияние». И «если человек решил применить насилие для достижения своих целей, то в таком случае мы можем сказать, что, в сущности, он занимает насильственную позицию, независимо от того, применяется или нет насилие в каждом отдельном случае»¹.

Итак, согласно д-ру Попперу, марксисты всегда занимают «насильственную позицию», поскольку мы всегда заявляем о своей готовности применить насилие для отражения насилия. Согласно ему, мы насильники, потому что мы не только предлагаем завоевать и использовать демократические права, чтобы добиться избрания социалистического правительства, но также заявляем о своей готовности применить насилие, если кто-нибудь попытается насильственным путем лишить нас этих демократических прав или воспротивиться осуществлению социалистических мероприятий. Однако как могут быть сохранены демократические права или осуществляться любая демократически выработанная политика, если мы не готовы оказать сопротивление тем, кто пытается, применяя насилие, помешать тому, чтобы использовались эти права и осуществлялась демократическая политика? Д-р Поппер сам признает, что для достижения

---

¹ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 2, p. 150.

таких целей необходима физическая сила. Мы предлагаем не уклоняться от насилия, если оно требуется для защиты социалистического государства и демократических организаций, на которых оно основано, или для того, чтобы не позволить господствующему классу запретить и подавить демократические организации. Мы предлагаем разоружить тех, кто носит оружие, направленное против народа, и, если необходимо, самим носить оружие, чтобы быть способными поступить таким образом.

При этом мы допускаем гораздо меньше «насильственной позиции», чем некоторые из так называемых демократических властей, которыми д-р Поппер так восхищается. Если он хочет осудить «позицию насилия», то он лучше обратил бы внимание прежде всего на позицию насилия, которую занимают Соединенные Штаты Америки. Дело в том, что, когда д-р Поппер вместе с другими мнимыми друзьями открытого общества приходит в ужас при мысли о том, что марксисты выступают за насилие, направленное на защиту демократических организаций от их противников или на создание таких организаций, он забывает, что именно эти противники, а не те, кто старается завоевать и использовать свои демократические права, делают это необходимым, занимая позицию насилия, и в то же самое время забывает осудить безмерное, несправедливое и систематическое применение насилия, в том числе насилия самого ужасного, какое только можно себе представить,— в военных кампаниях в целях защиты прав капитала. Мнимых защитников открытого общества ужасают насилие и жестокости, иногда применяемые людьми, которые долгое время были лишены прав и вынуждены прибегать к отчаянным мерам. Насилие и жестокость законоустановленных властей оправдываются, даже когда о них стоит сожалеть.

По-видимому, настоящие возражения д-ра Поппера направлены не против насилия, как такового, которое он считает иногда необходимым, но против *незаконного* насилия. Если он думает, что насилие должно быть под контролем закона и контролироваться таким образом, чтобы его применяли лишь в минимальных размерах, необходимых для завоевания и защиты демократических прав и проведения демократической политики, то в таком случае мы полностью с ним согласны. У нас нет

никакого желания давать волю вооруженным группам на улицах и позволять им вешать на фонарных столбах всякого, кто им не нравится. А между прочим, именно такие группы дали себе волю в Венгрии в 1956 году, когда неистовствовали «борцы за свободу». Но мы хотим подавления не только *незаконного* насилия фашистских банд и групп военных заговорщиков, направленного против легальных демократических институтов, но также и всего *узаконенного* насилия, имеющего своей целью защиту барышей и привилегий.

Из всех угроз, преодолеваемых на пути к открытому обществу, самой страшной является сейчас угроза войны. Она исходит из того, что контроль над многочисленными вооруженными силами находится в руках военных организаций, которым вверена защита капитала и капиталистических прибылей. Они созданы для того, чтобы не дать возможности освободительному движению в колониальных и бывших колониальных странах устранить капиталистический контроль над их правительствами и экономикой, а также (как это обнаружилось в Греции в 1967 году), если потребуются, вынашивают планы свержения демократии, где бы то ни было. Главным в борьбе за открытое общество является достижение демократического контроля над вооруженными силами, борьба с истерией и «тоталитарной безответственностью индивида», на которых пышно расцветает милитаризм; а там, где милитаристы уже ведут войны, необходимо заставить их прекратить эти войны. Это требует объединения в мировом масштабе сил демократического сопротивления, использования демократических прав теми, кто их имеет, а также, где это необходимо, вооруженного сопротивления со стороны тех, против кого направлена военная сила.

Во-вторых, рассмотрим вопрос о *беззаконной тирании*. Д-р Поппер смешивает противодействие законам, которые увековечивают эксплуатацию и неравные права, с желанием уладить все произвольным декретом, не контролируемым законом.

Одним из достижений буржуазной революции было установление «власти закона». Была введена единая система закона, применимая к каждому в пределах территории данного государства, а также выборное законодательное собрание, облеченное решающей властью

создавать и изменять законы. Это значит, что исполнительные государственные чиновники и все те, в чьих руках находятся средства принуждения, должны действовать в рамках закона. Им вверено проводить законы в жизнь и не позволять их нарушать. Их функции определены законом, и они подвергаются наказанию, если пытаются использовать свое влияние в собственных целях, игнорируя закон. Так, на решающей стадии буржуазной революции в Англии парламент поставил монархию в рамки закона с помощью силы оружия. До этого буржуазия поддерживала монархию Тюдоров, потому что они положили конец деспотическому насилию баронов и распустили их личные армии.

Основная экономическая причина, почему буржуазия стала поборницей власти закона, довольно ясна. Она поступила так, потому что это было необходимым условием, обеспечивающим развитие внутреннего рынка. Без него буржуазия никогда не могла бы стать столь процветающей и сильной, какой она стала. А это делало необходимым законы, защищающие право эксплуатации и отменяющие право выступать против эксплуатации. Марксисты выступают против эксплуатации и делают это даже тогда, когда закон вмешивается, чтобы защитить ее. Но это, говорит д-р Поппер, означает, что мы хотим подорвать власть закона и существовать без него, тогда как без закона может быть лишь анархия или тирания.

Закон, против которого выступает марксизм, является законом постольку, поскольку он введен для охраны прав эксплуататорских классов. Мы не сторонники подчинения законам, которые предназначены для защиты безопасности и прав эксплуататоров. Мы предлагаем отменить такие законы. Но это не означает, что мы вообще против власти закона. Мы не предлагаем, чтобы любые индивиды или организации присваивали себе право ставить себя выше закона, но требуем, чтобы с помощью демократических институтов закон изменялся и соответствовал деятельности демократических организаций, направленной на изменение общественных отношений. В самом деле, очевидно, что власть закона является условием эффективного демократического управления. Демократия предполагает введение определенных процедур принятия решений и контроля за тем, что

делается. А это предполагает проведение закона в жизнь и регулирование законом всего дела управления. Без закона не может быть ни безопасности, ни прав, ни демократии. Поэтому там, где существуют незаконные диктатуры, топчущие демократические свободы ради выгоды банды эксплуататоров, мы предлагаем установление либо восстановление власти закона для защиты человеческих прав.

Можно привести убедительные слова Ленина, написанные им в 1917 году в начале брошюры «Пролетарская революция и ренегат Каутский»: «Революционная диктатура пролетариата есть власть... не связанная никакими законами»¹. Последующие аргументы Ленина показали, что он имел в виду. Каутский (предвосхищая д-ра Поппера) осудил советскую власть как незаконный произвол, так как русские рабочие пренебрегали старыми законами до того, как принялись за составление новых. «От нас он требует до буквочки разработанной конституции в несколько месяцев... — писал Ленин о Каутском. — Когда насквозь буржуазные и большею частью реакционные юристы капиталистических стран в течение веков... разрабатывали детальнейшие правила, написали десятки и сотни томов законов и разъяснений законов, притесняющих рабочего, связывающих по рукам и ногам бедняка... о, тогда буржуазные либералы и господин Каутский не видят тут «произвола»! Тут «порядок» и «законность»! Тут все обдуманно и прописано, как можно «дожать» бедняка... А когда трудящиеся и эксплуатируемые классы... стали сами строить новое, пролетарское государство... тогда все мерзавцы буржуазии, вся банда кровопийц, с их подпевалой, Каутским, завопила о «произволе»!»²

Сильные слова, без сомнения. Они выражают то, что задачей социалистической революции является установление эффективного контроля над властью со стороны народных организаций и использование ее для подавления капитализма. В этом народные организации не будут связаны старыми законами, которые ограничивали права народа, и, если необходимо, отстают свои права в бою, прежде чем определяют их в законе. Но это

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 245.

² Там же, стр. 285—286.

не значит, что перед ними не стоит задача создания системы законов. Напротив, задача заключается в создании системы процедур управления и законов, которые будут охранять права и личную собственность индивидов, контролировать и устанавливать ограничения на все виды полномочий, а также *воплощать в институциональных процедурах практику свободного обсуждения и критики, урегулирования споров, терпимости, свободы исследований и высказываний, а также совместной работы для создания средств и возможностей свободной жизни для всех.*

Это приводит нас к последнему вопросу, касающемуся *демократических прав индивидов*. Д-р Поппер смешивает решительные действия при проведении в жизнь решений с подавлением демократии в народных организациях.

Никто из тех, кто обладает чувством политической реальности, не может отрицать, что в условиях борьбы должны выбираться и приниматься быстрые и эффективные меры. По этой причине нельзя ждать, пока комитеты обсудят меры и все без исключения выскажут свои возражения, а нужно вручить командные полномочия сравнительно небольшой группе ответственных индивидов. Слово «диктатор» первоначально в демократической Римской республике означало должностное лицо, которому временно вверялись полномочия при возникновении государственной опасности. И очевидно, поэтому Маркс (человек, хорошо знавший классику), предвидя необходимость чрезвычайных полномочий для совершения перехода от капитализма к социализму, применил выражение «диктатура пролетариата» для характеристики управления рабочих. Некоторые марксисты в наши дни пытаются утверждать, что под «диктатурой» Маркс имел в виду не то, что он говорил; но в действительности он имел в виду именно то, что он говорил.

Д-р Поппер предупреждает нас, что, как только индивидам даются какие-нибудь диктаторские полномочия, у них возникает стремление удержать эти полномочия, расширить их и злоупотреблять ими в ущерб демократии. И действительно, опыт многих революций подтверждает это предупреждение. Уже не раз случалось, что революции выдвигали диктаторов, а эти диктаторы стре-

милось сохранить и расширить свою власть, обращая ее против народных организаций, которые дали ее диктатору, последние же затем восставали с целью свергнуть диктатора и т. д. Этот процесс в настоящее время рассматривается многими как нерушимый закон революции: «революция пожирает своих детей». Что же нам делать с этим? Должны ли мы по этой причине отказаться от любых демократических попыток ускорить коренное изменение общественной системы? Аргументы д-ра Поппера едва ли новы, и, если бы англичане прислушались к ним триста лет назад, мы продолжали бы наслаждаться плодами «божественного права» королей — точно так же, как если бы русские прислушались к ним пятьдесят лет назад, то они и поныне трудились бы ради увеличения прибылей монополистического капитала.

Проблема эта является проблемой *демократического контроля над властью*. Для такого демократического контроля над властью в социалистической революции должны существовать *массовые народные демократические организации* — хорошо организованные, основанные на сознательной дисциплине, имеющие хорошее руководство, ясно представляющие себе свои цели и требования. Такие организации, включающие в себя большинство трудящихся, способны подорвать капиталистический контроль над властью, установить свою собственную власть, сделав ее такой твердой и сильной, какой требуют условия, и демократически контролировать ее.

Существенным условием этого является то, что *организации должны быть построены на прочных принципах демократии*, включающих регулярное проведение деловых обсуждений, критику лиц и политики, выполнение решений, выборы лидеров и должностных лиц, а также ответственность лидеров и должностных лиц за политический курс, для проведения которого они были избраны. Ясно, что такая демократия организации должна быть не просто записана в уставе, а стать нормой, глубоко внедрившейся в сознание масс и утвердившейся в результате практического опыта, законом жизни всех организаций.

Такого рода демократия, которая не просто определяет методы назначения и увольнения должностных лиц, а регулирует деятельность миллионов граждан, не является «простой формой». Без нее невозможно осуществ-

влять эффективный и постоянный демократический контроль над правителями, даже если они назначены демократическим путем. И между прочим это объясняет, в каком смысле марксисты «относятся с пренебрежением» к «просто формальной» демократии всеобщих выборов и представительного правительства. Д-р Поппер говорит, что последние обеспечивают «единственное известное средство, с помощью которого мы можем пытаться защитить себя от злоупотребления политической властью». Опыт показывает, что это неверно, так как, несмотря на всеобщие выборы и представительное правительство, политической властью тем не менее злоупотребляют благодаря контролю над ней со стороны капиталистических организаций. Дело в том, что необходима демократическая организация, охватывающая повседневную деятельность миллионов, а она, и только она, способна обеспечить действительную защиту от злоупотребления политической властью и одновременно облеечь отдельных должностных лиц от имени народа всей властью, необходимой для доведения до конца мероприятий, направленных против оппозиции.

Контроль должен осуществляться с помощью ряда связующих звеньев, а единственный способ его осуществления — это объединение индивидов в демократические организации, члены которых постоянно пользуются своим правом обсуждения и критики, заслушивают отчетные доклады должностных лиц и решают голосованием вопросы политики. Если руководитель контролируется снизу такими организациями, то в этом случае организованные индивиды и каждый из них действительно осуществляют подлинный, а не просто случайный и номинальный контроль над руководителем. На правителей возлагается постоянная ответственность перед организациями, вверившими им власть. Каждый индивид в таком случае осуществляет действительный контроль благодаря тем правам, которыми он обладает как член организации.

Подведем итог. Марксизм предлагает организованное массовое сопротивление насилию господствующего класса; он предлагает оказывать сопротивление законам, существующим для охраны привилегий господствующего класса, и ввести систему законов, защищающих права простого народа; марксизм предлагает также установить

жесткий контроль над политической властью со стороны массовых организаций с тем, чтобы уничтожить капитализм и двигаться вперед по пути к коммунизму. Таковы основные практические предложения, касающиеся борьбы за открытое общество. Им противостоит политика, применяющая насилие — военное и полицейское насилие, узаконенное и незаконное насилие — в интересах эксплуататорских классов; политика с целью создания законов для защиты эксплуататорских классов и проведения этих законов в жизнь, а также политика недопущения контроля над политической властью со стороны организованных масс — такова политика врагов открытого общества.

3. РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ ВЕРА В РАЗУМ

Однако эффективная деятельность на пути к открытому обществу, как д-р Поппер неоднократно сообщает нам, возможна лишь на основе разума или разумности. Другими словами, она должна определяться как результат спора и критики, поисков оснований и тщательного их анализа, оценки последствий и проверки мнений опытом.

Разумность, продолжает он, объединяет. Ибо она дает людям возможность проверять свои посылки, делать обоснованные выводы и согласовывать свои усилия. В тех случаях, когда люди расходятся во мнениях, она дает им возможность разубедить друг друга и достигнуть соглашения, помогая друг другу обнаружить ошибки. Но именно это марксисты с их учениями о классовой борьбе отказываются делать. Они отказываются от попыток достичь соглашения с «классовым врагом». Исходя из этого, они отклоняют разумное обсуждение разногласий, возмущаются критикой, игнорируют доказательство, которое противоречит тому, что, по их решению, должно быть правильным, пренебрегают последствиями и слепо верят. А это и есть полнейший иррационализм.

Д-р Поппер, подобно многим другим, противоречит самому себе, когда рассуждает о разуме и необходимости разумности. С одной стороны, он целиком за разумность и говорит, как неразумны марксисты, предлагая

покончить с капитализмом. Но, с другой стороны, он отказывается обсуждать, как должны быть изменены условия, прежде чем смогут восторжествовать разумные обсуждения. Он попадает в ловушку на той же самой дилемме, на которой всегда попадались сторонники разумности. С одной стороны, дела никогда не будут идти хорошо, пока над столкновениями конкурирующих интересов не восторжествует разумность. С другой стороны, разумность не может восторжествовать до тех пор, пока люди не разумны, чему мешают конкурирующие интересы. Это затруднение было обнаружено еще Давидом Юмом (этим весьма разумным философом) в его работах о «человеческой природе». Люди, говорил он, движимы интересами и страстями, а не разумом. И поэтому одновременно с рекомендацией разумной, по его заключению, позиции в жизни он из того же самого рассуждения делал вывод, что большинство людей никогда ее не займет. Точно так д-р Поппер призывает нас быть разумными. Но при этом у него не возникает никаких надежд на создание рационального общества.

Однако слабость поддержки, предложенной рационализмом д-ра Поппера, компенсируется энергичностью осуждения им иррационализма марксистов. Рационализм, говорит он нам, является «позицией готовности прислушиваться к критическим аргументам и учиться на опыте»¹. Но марксизм не одобряет этой позиции. Согласно «исторической философии Маркса», ход общественного развития может определяться лишь «избранным классом, орудием создания бесклассового общества, и в то же самое время классом, предназначенным унаследовать земной шар». Это, говорит д-р Поппер, на одном уровне с «исторической философией расизма или фашизма», согласно которой «орудием судьбы» является «избранная раса»². Маркс, признает д-р Поппер, был в душе и стремлениях «рационалистом... Но его учение о том, что наши мнения определяются классовыми интересами, ускорило конец этой веры... Учение Маркса привело к подрыву рационалистической веры в разум. Таким образом, под угрозой как справа, так

---

¹ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 2, p. 225.

² *Ibid.*, vol. 1, p. 9–10.

и слева рационалистическая позиция в социальных и экономических вопросах едва ли могла устоять, когда на нее предприняли лобовую атаку историцистское пророчество и оракульский иррационализм»¹.

Итак, по-видимому, марксисты объединяются с расистами и фашистами, чтобы «подорвать рационалистическую веру в разум». И они делают это с помощью своего «учения о том, что наши мнения определяются классовыми интересами».

Если бы, допустим, из этого учения следовало (как, кажется, думает д-р Поппер), что классовые интересы, и только классовые интересы, определяют все мнения каждого индивида, тогда, очевидно, это учение было бы ошибочным, и столь же очевидно, что оно привело бы «к подрыву рационалистической веры в разум». Но Маркс никогда не создавал подобного учения. В самом деле, он никогда не создавал никакого «учения» с таким содержанием. Он изучал на конкретных фактах влияние классовых интересов на процессы формирования мнений и на основе этих исследований сделал вывод, что в разделенном на классы обществе классовый интерес является постоянным определяющим фактором формирования мнений. Его подход к этому вопросу был вполне научным.

То, как классовые интересы определяют мнения, нужно проследить в первую очередь не в *индивидуальных* процессах формирования мнений, а скорее в *совокупности* взаимодействий формирования и выражения мнений индивидами в обществе, разделенном на классы. Существует (как открыл Маркс, но не он один заметил это) очень тесная связь, всегда различимая в совокупности, хотя часто незаметная в отдельных случаях между экономическими, или классовыми, и духовными интересами. Двусмысленность слова «интерес» здесь очень важна. Классовые интересы приводят к тому, что люди начинают интересоваться определенными темами, определенными проблемами, и становится важным с точки зрения классового интереса, чтобы вокруг этих проблем формировались мнения. Одновременно классовые интересы приводят к образованию так называемых мертвых

---

¹ К. Поппер, *The Open Society and its Enemies*, vol. 2 p. 224.

точек при формировании мнений: определенные области опыта игнорируются, определенные вопросы просто не задаются, и такого рода цензура мнений поддерживается возмущением (или в некоторых случаях безразличием), с которым воспринимаются любые мнения, нарушающие границы мертвых точек. Далее классовые интересы ведут к тому, что делаются неоспоримые предположения в виде как фактических, так и оценочных суждений. В общем, *какой бы класс ни был господствующим или особо активным в продвижении своих интересов, его интересы получают отражение в наиболее важных в данное время в обществе направлениях интересов и формирования мнений.*

Эти и многие другие воздействия классового интереса на совокупный процесс формирования мнений не могут не иметь очень резко выраженного влияния на мнения, формируемые всеми индивидами в обществе. Отправным пунктом для всякого индивидуального интереса (то есть духовного интереса) и мнения является совокупность интересов и мнений, которые индивид находит распространенными в обществе и на которые он сам вынужден ориентироваться. Поэтому его интересы примут направление классовых интересов (но не обязательно интересов класса, к которому он сам принадлежит), а его мнения будут представлять собой либо классово определенные мнения, либо противоположные им и, таким образом, будут неизбежно носить как классовый, так и индивидуальный характер. Когда люди с исключительными умственными способностями и оригинальностью мышления вырабатывают мнения, они обычно служат интересам того или иного класса. Когда они подвергают сомнению общепринятое мнение, то они делают это, имея склонность помогать тому или иному классовому интересу. Или если мнения индивида прямо порывают с любым классовым интересом («интересом» в обоих смыслах), то тогда этот индивид становится изолированным эксцентричным человеком в своем обществе и он и его мнения соответственно страдают. И это не говоря уже о воспитании и образовании, которые получают индивиды и которые не могут не играть определяющей роли в формировании их мнений и посредством которых в их головы вводятся всевозможные классово определенные интересы, мертвые точки и допущения.

Так примерно обстоят дела, а из этого следует, что д-р Поппер необоснованно утверждает, что никакие мнения, определяемые классовыми интересами, не могут быть одновременно разумными. Ибо нет причин, почему классовые интересы должны всегда и непременно исключать «позицию готовности выслушивать критические аргументы и учиться на опыте». Напротив, во многих вопросах классовый интерес требует формирования разумных мнений, а именно в вопросах, в которых классовому интересу лучше служит правда, чем иллюзия.

Научные выводы Маркса о том, как классовые интересы определяют мнения, отнюдь не подрывают «рационалистическую веру в разум», а, напротив, дают ключ к тому, чтобы наконец понять *практические средства, с помощью которых можно сделать преобладающей позицию разумности*. Для того чтобы способствовать «рационалистической позиции в социальных и экономических вопросах», не требуется противопоставлять «разум» как некую идеальную силу, свободную от таких земных влияний, как классовый интерес, иррациональности классового интереса. Не требуется также, чтобы несколько рационалистов, которым удалось преодолеть в своем мышлении всякое влияние обстоятельств, смогли как-то обратить на себя внимание «свинских масс» и научить их тоже думать беспристрастно. Таковы противоречия «рационализма», которые заставили столь многих в прошлом и настоящем прийти к выводу, что разумность — это идеал, не поддающийся реализации. Нет, *работать для того, чтобы восторжествовала разумность, — значит работать для победы классового интереса, которому служит разумность*.

Недавно французский марксист Луи Альтюссер преподнес нам определение «идеологии», которая резко отличается (как классово определенное мнение) от науки. «Вопрос здесь состоит не в том, чтобы дать глубокое определение идеологии, — пишет он. — Достаточно сказать очень схематично, что идеология — это система (обладающая своей собственной логической последовательностью) представлений (образов, мифов, идей или понятий — в зависимости от обстоятельств), наделенных существованием и исторической ролью в рамках данного общества... идеология как система представлений отличается от науки тем, что ее практически-социальная

функция превосходит функцию теоретическую (или функцию увеличения знаний)¹.

Вот пример проявления той самой привычки выдвигать абстрактные антитезы, против которой направлена марксистская диалектика (поэтому Альтюссер прав, называя это «очень схематичным»). Конечно, если сопоставлять, скажем, «систему представлений» о строении материального мира, которая была общераспространенной в средневековом обществе, с современными представлениями о природе, можно противопоставлять первую как «феодалную идеологию» второй как науке. Однако причиной, почему научные концепции природы вытеснили феодалную идеологию, было то, что развитие капитализма потребовало и поощряло научный подход к познанию природы. Промышленность не могла использовать образы или мифы, и она не могла развиваться без научных идей или понятий. Поскольку речь идет о природе, «представления, наделенные существованием и исторической ролью» в рамках буржуазного общества, являются научными. Этому способствует интерес (в обоих смыслах этого слова) класса капиталистов. Это обусловлено не тем, что «практически-социальная функция» перестала превосходить «теоретическую функцию», и не тем, что спрос на приобретение знаний превзошел требования практики. Это обусловлено обстоятельствами, в которых практическую социальную функцию может выполнить лишь подлинно научное исследование. Поэтому в этой области буржуазная идеология научна и разумна. Представлять науку в качестве абстрактной антитезы идеологии было бы большой ошибкой. При определенных условиях идеология может развиваться, лишь приняв научные методы, чтобы осуществить свою практическую социальную функцию. И если бы это было не так, то было бы своего рода чудом, что научные методы и позиция разумности при формировании мнений когда-либо возникли, не говоря уже о том, чтобы они одержали верх.

Поскольку речь идет о классовых интересах в условиях настоящего времени, совершенно ясно, что классовые интересы класса капиталистов, а также те виды идеологии, распространению которых способствует со-

---

¹ L. Althusser, Pour Marx, Paris, 1966, p. 238.

циальное господство этого класса, не исключают «позицию готовности выслушивать критические аргументы и учиться на опыте» во многих вопросах. В этих вопросах отдается предпочтение разумности и научному мышлению, в результате чего в капиталистическом обществе эти хорошие вещи получили некоторое развитие. Это относится, в частности, к развитию науки и техники, а также, хотя и с некоторыми оговорками, к тому, что д-р Поппер называет «социальной инженерией», и в более теоретических вопросах — к обсуждению ряда проблем философии, этики, эстетики и т. д. Но когда дело доходит теоретически до основных вопросов, касающихся человеческих отношений и развития общества, а практически — до управления общественным производством, руководства классовой борьбой, контроля над государственной властью и выработки государственной политики, то тогда позиция разумности, готовность придерживаться и действовать на основании выводов научного исследования, готовность выслушивать критические аргументы и учиться на опыте исчезают. Берут верх иррациональное предубеждение, предвзятое мнение, отказ от критического исследования, софистика, слепота, пренебрежение последствиями, отказ смотреть в лицо фактам и неразумное негодование против каждого, кто привлекает внимание к этим вопросам.

Во всех этих жизненно важных вопросах интерес рабочего класса, и только он один, требует разумности и помощи науки. Не для того, чтобы сохранить эксплуатацию человека человеком, а для того, чтобы бороться и покончить с ней, а также для того, чтобы добиться такой политики, которая позволила бы эффективно руководить движением для достижения этой цели; интерес рабочего класса *требует, чтобы в идеологии не было ничего, кроме того, что выводится из научного анализа положения людей, регулируемого и развивающегося на основе критического обсуждения и проверки на опыте.*

Поэтому если сегодня голос разума имеет больше надежд на то, чтобы усилиться и быть услышанным, чем в прежние времена «глас вопиющего в пустыне», то это потому, что он не обвинитель, выступающий против всякого интереса, как это представляют себе рационалисты, а подлинный голос, выражающий интересы трудящихся. Независимо от того, сознают они это или нет, трудя-

щиеся классы заинтересованы в развитии разумности во всех идеях, во всех делах, во всякой практической политике. Все другое вредит им. И поэтому разумность имеет перспективу роста на почве классового интереса. И интеллигенция, которая озабочена тем, как прийти к рациональной точке зрения, находит общий язык с рабочими, но не может найти его ни с каким другим классом.

Рационалисты ставят вопрос: как сделать, чтобы в человеческих делах восторжествовала разумность? Для того чтобы ответить на него, они сами должны развивать разумный и научный подход к социальным вопросам. А для этого они должны отказаться от своих попыток опровергнуть марксизм и присоединиться к марксизму, став в оппозицию к идеям эксплуататорских классов. Тогда появится ответ. *Именно в борьбе трудящихся против эксплуатации может найти опору разумность, и только на основе этой борьбы она в конечном счете может восторжествовать.* Вот где произрастает разумность, и поэтому нужно помогать ей расти здесь и препятствовать всему, что душит ее как извне движения, так и изнутри его.

Из этого следует, что разумность — это не то же самое (как, по-видимому, предполагают д-р Поппер и многие другие), что всеобщая терпимость, или отказ от применения насилия, или примирение всех интересов. *Неразумно советовать искать способ примирения всех интересов там, где существуют несовместимые интересы.* Наоборот, там, где интересы противоречат друг другу, одни из них на практике должны подчиниться другим (как в капиталистических странах советуют примирить и подчинить рабочий класс капиталистическим интересам), *а разумным является подчинение интересов, которые препятствуют человеческому прогрессу, тем, которые способствуют этому прогрессу.* Неразумно советовать терпеть преграды прогрессу с помощью организованных и закрепленных законом имущественных прав и не применять физическую силу для победы над физической силой.

Наш век называют «веком человека» вследствие роста демократических институтов и демократической организации. «Простой человек» не преследует интереса эксплуатировать своих собратьев и еще менее — бороть-

ся с ними из-за экономических проблем, территориальных притязаний или идеологических разногласий. Если вопреки всякому разуму эксплуатация и враждебность будут продолжаться, то не из-за врожденной неразумности простого человека, а вследствие корыстной иррациональности администраторов, законодателей, вождей и правителей. Наша беда состоит не в иррациональности простого человека, а в институтах, которые ссорят людей и ставят над ними тех правителей, какие все еще есть у нас. Разумная идеология, которую мы должны иметь для того, чтобы покончить с подобными условиями,— это такая идеология, которая подвергает их разумной критике, с тем чтобы показать, как мы должны изменить институты, а также установить контроль над правителями и политикой. Принципы ее — это принципы науки и разума, ее развитие проходит через критическое исследование и обучение на опыте, она объединяет людей в разумной оппозиции шумным крикам и возбуждению разделяющих идеологий, она полагается на всю сумму научных методов мышления и провозглашает не «доктрины», а испытанный метод практического мышления.

- Абстракция 48, 72—75, 100, 101, 102, 103, 105—107, 110—115, 121, 136, 137, 141, 143—144, 145, 146, 157, 160—163, 165, 166, 170, 212, 221, 223, 224, 241, 254, 261—262, 270, 271, 317, 318, 320, 326
- Автоматизация 285, 309, 466—469, 470, 473
- Актон, лорд 240
- Альтюссер Луи 515, 516
- Антикоммунизм 48, 243, 249, 459, 498—500, 501
- Аристотель 41, 54, 88, 89, 154, 161, 166, 379
- Бальзак Оноре де 341
- Безопасность 385, 438, 461, 471, 497, 506, 507
- Беркли Джордж 74, 100
- Бернштейн Эдуард 131
- Блейк Уильям 462
- Бэргит Лео, сэр 467
- Вероятность 55, 61, 194—195
- Витгенштейн Людвиг 93—94
- Власть
— контроль над 240, 241—242, 255, 307, 343, 347—351, 353—354, 356—373, 374, 375, 376, 383—385, 386—388, 394—395, 398, 407, 408, 409, 413, 415, 447, 448, 457, 461, 500, 501, 507—511, 517, 519
- политическая 210, 212, 233, 235, 240, 241, 251, 253, 257, 279, 291—292, 308, 329—331, 335—345, 364—368, 395, 414, 437, 459, 490, 503, 510
- экономическая 233, 251, 343, 344, 364—368, 395, 414
- Возможность 211, 212, 231, 237, 238, 239, 301, 309, 422, 467, 476
- Война 192, 210, 239, 250, 278, 284, 287, 291, 292, 302, 307, 309, 362, 403, 504, 505
- Выбор 180—181, 418, 419, 421, 423, 427, 429, 432, 450, 457
- Выборы 336, 348, 353, 354, 363, 370, 371, 374, 376, 377, 379, 383, 386, 388, 451, 453, 510
- Галилей Галилео 41
- Гарантии 403—404, 405, 415
- Гегель Георг Вильгельм Фридрих 31, 32, 48, 49, 97—98, 104, 107, 114, 124, 145, 146, 152, 153, 162, 166, 168, 169, 171, 172, 207, 416, 417, 418, 421, 422, 448, 498

- Гераклит 145
 Гильберт У. С., сэр 401
 Гитлер Адольф 249, 351, 499
 Гоббс Томас 114, 403.
 Государство 114—115, 256, 257, 331—332, 338, 339—345, 365—368, 392—394, 398, 400, 401, 402, 403, 404, 408, 422, 435, 443, 444, 447, 448, 488, 500, 505
 Гэлбрейт Р., профессор 487—489
 Дарвин Чарльз 44—46, 47, 226
 Декарт Рене 66
 Демократия 232, 234, 240, 241, 242, 243, 251, 293, 334—338, 341, 346—373, 374—377, 389, 400, 401, 402, 403, 407, 413, 414—415, 436, 448, 459—461, 478, 487, 488, 489—490, 491, 497, 499, 503, 505, 506—511
 — демократические институты 232, 311—313, 316, 330, 334, 344, 348, 350—364, 394—398, 453, 500, 501, 502, 505, 506—509, 518
 Демокрит 99
 Диалектика
 — единство противоположностей 92, 97—99, 104, 107—108, 111, 118, 137, 139, 140—151, 167
 — законы (принципы) 54, 104, 124, 125—126, 130, 137—138, 142, 144, 153—155, 159, 163—164, 166—167, 168.
 — количество и качество 111, 137, 138, 147—148, 162, 165—166, 170
 — конкретный анализ 104—115, 133, 320
   и логика 58, 108—109, 168
 — материалистическая 62, 87, 108, 130
 — отрицание 108, 109, 138, 152—153, 443, 448
 — подход (метод) 86, 87, 96, 108—115, 135—136, 357, 366
 — познания 115—123
 — противоречия 51, 108, 111, 137, 139—143, 148, 151, 186, 235
 — связи 53, 87—88, 89—90, 92, 100—103, 107—115, 126—127, 130, 137, 139, 166, 170, 174, 270, 326, 366
 — триады («тезис», «антитезис», «синтез») 50, 56, 91, 96, 107, 174—175, 448
 Диккенс Чарльз 254
 Диктатура пролетариата 208—210, 212, 239—244, 246, 247, 299, 346—347, 364, 369—373, 437, 507, 508
 Дюринг Евгений 131, 138, 329
 Закон (законодательство) 242, 330, 360, 364, 371, 376, 377, 379, 380, 383, 384—388, 389, 390, 402, 403, 404, 449—450, 505—508, 510, 511
 Законы
 — мышления 77, 168—173
 — общественного развития 174, 186, 188, 200, 225—230, 237, 299, 308—309, 312, 314, 429, 456
 — природы 126, 225—226, 275, 318—319, 418—419, 420—422, 424, 425, 434
 — экономические 259—260, 270, 284
 Открытое общество 179, 434—436, 439—440, 444—449, 454, 456, 457, 459
 Заработная плата 266, 268, 271, 272, 492—495, 496
 Знание 42, 67, 69, 115—123, 176, 230, 231, 422, 423, 429, 482, 516
 Идеализм 40, 48, 63, 64, 65, 68, 70, 71, 72—73, 74, 82, 83, 97—98, 136, 161, 164, 171, 172, 207, 440
 Идеология 326, 444, 445, 490, 498, 500, 515—519
 Империализм 247, 250, 284, 291, 296, 499, 500
 Индивид человеческий (см. также Свобода индивида) 184, 217, 222—223, 337, 375, 388, 435—437, 447—448, 449—457, 510, 514
 Индукция 41, 61, 221
 Институты (см. также Демократия, Демократические ин-

- ституты) 182, 231, 288, 297, 463, 299, 300, 301, 306, 311—325, 229, 334—339, 346, 366, 371, 374, 375, 378—380, 384, 391, 402, 404, 405, 408, 426, 428, 430, 439—449, 450, 453, 454, 456, 464, 470, 471, 476, 489, 490, 498, 519
- и классы 312, 315, 324—328, — правила 317—320
- правительство 321, 329—345, 346—373, 394—399
- Интеллигенция 235, 295, 518
- Интересы 231, 232, 233, 236, 241, 242—243, 245, 246, 305—306, 325, 326, 327, 332, 334, 335, 337, 338—339, 361, 363, 366, 372, 383, 388, 393, 439—441, 444—445, 454, 456—457, 459, 460, 461, 482, 497, 512—519
- Историзм 48, 174—178, 205, 206, 211—214, 225, 227, 244, 245, 299, 393, 397, 429, 431, 437, 440, 513
- История 180—185, 186, 188, 245, 425
- историческое предвидение 185—208, 212, 224
- Кант Иммануил 161, 162, 166, 374
- Капитализм 37, 38, 44, 108, 152, 190, 195, 196, 200, 202, 210, 213, 214, 218, 226, 227, 228, 239, 248, 250, 252—287, 289, 293, 305—310, 311, 333, 335, 342—345, 346, 367—368, 377, 380, 383—386, 398, 404, 414—415, 430, 443—447, 453—456, 458—461, 463—465, 471—472, 477, 484—488, 489, 492, 493, 494, 507, 508, 511, 516
- кризисы 277, 283—284, 307, 309, 404, 414, 485
- монополия 253—257, 273, 278, 295—296, 343, 363, 464, 485—487
- накопление 268, 273—287, 306, 455
- Карл II, король Англии 355
- Категории 113, 146, 160—167
- Каутский Карл 507
- Классы 13, 175, 231, 236—237, 292, 294, 323—327, 332, 334, 335, 340, 346, 366, 371, 374, 378—388, 406, 443, 455, 497, 506, 512—513
- борьба 130, 131, 200, 208, 209, 210, 212, 237—238, 239, 241, 245, 246, 250, 276, 278, 305—306, 312, 325—328, 330, 333, 346—347, 351, 355, 357—364, 385, 402, 430, 432, 443—444, 446, 460, 461, 495, 497, 502, 517
- господствующий 238, 291, 292, 303, 304, 306—307, 327, 337—338, 347, 353—354, 361, 368, 384, 398, 413, 414—415, 489, 490—491, 502—503, 510
- идеи, политика 234—236, 324—328, 512—519
- примирение (компромисс, соглашение) 131, 289, 304—307, 325, 335
- рабочий класс 202, 210, 212, 214, 295, 326, 360, 403, 430, 431, 447, 461, 502, 518—519
- Кодвелл Кристофер 61
- Коммунизм (Коммунистическое общество) 130, 132, 175, 203—204, 255, 257, 447, 458, 459, 461, 470—479, 491—496
- первобытный (см. также Трайбализм) 175, 226, 444, 445, 446, 448, 455, 483
- Коммунистическая партия (Коммунисты, Коммунистическое движение) 84, 133, 172, 179, 187, 192—193, 201, 202—203, 241—251, 297, 302—304, 308, 334, 361, 415, 477, 480, 491, 494, 501—503
- Лаплас Р. С. 100
- Ленин В. И. 50, 52, 61, 66, 67, 107, 118, 133, 139, 140, 142, 148, 164, 166, 168, 170, 201, 204, 206, 207, 254, 270, 286, 303, 323, 507
- Либерализм 400, 407, 408—409, 413—414, 422, 454
- Линкольн Авраам 349
- Логика 51, 58, 76, 108—109, 123, 138, 142, 146, 149—150, 152, 153, 155—156, 157, 168, 191, 221

- логический тип 155—159, 160, 163
- закон непротиворечивости 51—56, 91
- Людовик XV, король Франции 198
- Максвелл 66
- Мальтус Т. Р. 45
- Маркс Карл
  - материализм 75—79, 98, 162, 164, 172
  - методология 44, 45, 46, 48, 49, 320—321, 357
  - о государстве 331, 339, 340—342, 344, 349, 352—353, 364—368, 398, 403
  - о диалектике 51—52, 55, 108, 111, 113, 137, 448—449
  - о капитализме 52, 239, 253—287, 410—411, 484
  - о классовой борьбе 208—209, 307, 326—327, 346—347, 431—432
  - о накоплении капитала 273—287
  - о науке и технике 461—465
  - о свободе 389—390, 409, 411—412, 414—415, 416, 420—421, 431, 432—433, 438
  - о социализме и коммунизме 152, 458, 459, 473—474, 491
  - политика 201, 231—239, 241, 300—301, 307—309, 457, 502, 508
  - предсказания 37—38, 127, 191, 198—203, 205—206, 252—253, 257—258, 273—274, 278, 279—280, 281, 463, 465, 467
  - трудовая теория стоимости 258—265, 270—273, 276
  - социальная теория 32, 34—49, 111, 112, 115, 124—125, 127, 174—192, 202—203, 204—214, 217—219, 220—230, 244, 245, 308—309, 316, 322, 323, 334, 378, 438, 440, 442, 454, 513, 515
- Марксизм
  - «догматизм» 31—32, 37, 38, 49, 57, 128, 129, 131, 133, 135, 154—155, 174
  - классовый характер 235—239
- научное развитие 32, 56, 129, 133—134, 155
- и общественные науки 112—115, 132, 202, 221—222, 429
- «ортодоксальный» 128—129, 173
- политическая программа 32, 130, 131—132, 212, 241, 244—251, 286, 291—297, 301—303, 358—364, 391—392, 403—406, 407, 408, 415, 438, 454, 459—460, 479, 506—511
- «ревизионизм» 131—132, 246
- теория государства 114—115, 332, 339—345, 364—368, 398, 442—443
- философия 58—59, 60—61, 65—69, 86, 135—136,
- Материализм 49, 63—85, 123, 126, 159, 163, 207
- диалектический 56—62, 99, 135, 153—155, 159, 167, 174, 186
- исторический 43, 49, 174, 182—183, 185—190
- метафизический 99—102
- Машины 282, 344, 426, 462—463, 467, 468, 470
- Метафизика 33, 58, 62, 86—96, 99—100, 103, 106, 107, 108, 136, 140, 146—147, 163—164, 166—167, 172, 326
- Милль Джон Стюарт 400, 401
- Намерение 181, 193—194, 196—200, 228, 230—231
- Наполеон 196
- Насилие 240, 242, 243, 247, 248, 288—289, 291, 292, 301, 303, 308, 311—312, 327, 334, 348, 350, 354, 355, 357, 430, 431, 459, 499—505, 510, 511
- Наука (см. также Социальная наука)
  - гипотезы 191—192, 465
  - диалектический характер 93—96, 102, 109—115
  - как производительная сила 464—466
  - материалистический характер 70—71
  - основы 37—42, 220, 221, 222, 223
  - точные 46

- эмпирические методы 39—41, 43—44, 56, 69—70, 116—117, 118—119, 120, 123, 465, 516
- Национализм 246, 436, 452
- Неизбежность 208, 209, 211, 212, 243, 244, 297, 308
- Необходимость 95, 123, 138, 141, 146, 150—151, 153—154, 165, 166, 208—213, 228, 238, 245, 250, 256, 300, 301, 402, 409, 412—413, 416—423, 433, 476, 483, 492, 498
- Ньютон Исаак 41, 99, 214
- Общественная формация 184, 204, 206, 228, 254, 291, 444, 455
- Организация 201—203, 205, 206, 232—233, 234, 241—242, 245, 246, 247, 250—251, 295, 303, 305—306, 326, 339, 342—343, 360—362, 364, 369—373, 381, 383—384, 385, 386, 388, 414, 447, 449, 453, 354, 456, 457, 466, 477, 478, 479, 488, 489, 497, 502, 503, 504, 506, 507—511, 518
- Ответственность 427—428, 435, 436, 437, 439, 449—457, 459, 463—464, 466, 475, 476, 509, 510
- Открытое общество 358, 427, 434—439, 444—449, 450—454, 457, 459, 460, 476, 479, 497—498, 501, 504, 505, 511
- Павел, апостол 417
- Парламент 290, 354, 363, 370—373, 506
- Перикл 435
- Писистрат 351
- Планирование
  - капиталистическое 202, 281—282, 285, 484—487
  - социалистическое 234, 284, 405, 409, 432, 433, 465, 478, 480—483, 488—491, 496
- Платон 31, 32, 74, 96—97, 98, 264, 269, 317, 324, 346, 435, 498, 499
- Плеханов Г. В. 139
- Политика 94, 176, 231—234, 240, 244, 300—301, 302, 309, 310, 313, 344, 408, 422, 459, 471, 478, 517
  - и наука 205—206, 212, 234—239
  - политические партии 231—232, 241, 336—337, 344, 345, 372—373, 384
  - рабочего класса 201, 233, 234—237, 241—251, 358—364
- Полярность 149—150, 151
- Поппер Карл, сэр, профессор 36, 37, 41, 52—53, 55, 60, 61, 92, 121, 149, 157, 164, 205, 275, 284, 295, 296, 424, 426, 458—459, 513, 515, 517, 518
  - о государстве 332—333, 392—399, 407—408
  - о демократии 334—335, 343—344, 346—364
  - о диалектике 49—51, 86, 96—97, 108, 124—128, 140, 149, 155
  - об институтах и классах 293—294, 311—315, 334, 338, 346—349, 356, 357—364
  - об историцизме, эссенциализме, холизме и утопизме 174—179, 184, 205, 206, 207, 208, 211—219, 225—228, 252, 299—300, 429, 431, 437, 512—513
  - о «Капитале» Маркса 253—254, 274—281, 308
  - о капитализме 252—253, 257, 273, 277—280, 497—498
  - о коммунизме 240, 242—244, 247—248, 288, 289, 290, 291, 299, 369, 372, 387, 417, 458—459, 480—483, 499, 500—510
  - о материализме 68—69
  - о научном методе 32—36, 46, 109, 113, 119, 154—155, 188—192, 221, 222, 225
  - об открытом и закрытом обществах 427, 434—457, 497, 498, 501
  - о политической власти 240, 241, 312—313, 329—330, 338, 352—353, 364—368
  - о равенстве 374—388
  - о свободе 389—390, 399—403, 406—407, 416—417, 421, 422, 423, 432

- о социальной инженерии 297—304, 486
- о социальной науке 222—230, 298
- об усиленном догматизме 31, 34, 37, 48, 49, 52, 53, 69, 104, 113, 128—133, 135, 172
- Права 351, 354, 359, 361, 369, 370, 374—388, 394, 396, 398, 400—406, 430—431, 459, 483, 492, 496, 497, 501, 503, 504, 505—511
- Практика 60, 70, 71, 75—85, 118—119, 190
- информация 60, 71, 79—84, 109—110, 123, 136, 155, 479
- Прибавочная стоимость 267—269, 272, 273, 280, 283, 367, 398, 494, 495
- Прибыль 36, 257, 266—267, 279, 281—282, 283, 285, 304, 385, 387, 405, 463, 464, 471, 478, 505
- Причинность 95, 160, 199, 418—419
- Прогресс 188, 190, 195, 312, 328, 352, 374, 375—377, 386, 518
- Производство общественное 36, 43, 45, 77, 181—184, 188, 190, 195, 200, 203, 208, 209, 219, 224, 234, 236, 252—256, 258—267, 282—283, 284—286, 290, 291, 309, 321—327, 331, 333, 387, 388, 391, 400, 403, 409—413, 423, 424, 429—430, 432, 443, 448, 454—457, 458—479, 483—486, 492
- Пропаганда 201, 345, 353, 362, 370, 372, 382, 384, 398, 406, 408, 482, 501
- Психология 170, 181, 222—223
- Рабочее движение (Движение рабочего класса) 32, 172, 194, 234, 235, 237, 246, 249—250, 252, 277, 280, 294—295, 296, 310, 339, 360, 381, 446, 457, 459, 461, 479
- Рабство 195, 226, 272, 277, 379, 430
- Равенство 279, 355, 356, 359, 374—388, 389—392, 393, 394, 405, 433, 499
- Разум (рационализм, разумность) 154, 274, 279, 290, 300, 301, 304, 311, 312, 393, 433, 436, 437, 439, 445, 453, 456, 458, 479, 480, 511—519
- Райл Гилберт, профессор 166, 419
- Рассел Бертран, лорд 93—94, 106
- Революция 288—304, 327—328, 348
  - буржуазная 293, 295, 340, 341, 505—506
  - русская 37, 38, 39, 250, 293
  - социалистическая 279, 290—297, 327—328, 358, 367, 370, 372—386, 388, 502, 503, 507, 509
- Рикардо Давид 114
- Ричард II, король Англии 451
- Свобода 278, 279, 288, 328, 352, 359, 361, 374, 389—433, 436, 437, 438, 459, 461, 471, 497, 499
  - выбора, от принуждения 406—433, 424—425, 427—428, 430
  - ограничения 389—392, 399—406, 408, 410—412, 415, 416—420, 423—424, 430—431
  - индивида 389, 398, 409—416, 426, 433, 448, 450, 457, 466, 473, 482, 483, 500, 508
  - необходимые условия 416—433, 438
  - политическая 392—406, 409
- Смит Адам 113
- Сноу Чарльз, лорд 344
- Собственность 36, 43, 226, 237, 256, 288, 292, 322—328, 330, 332, 335, 354, 356, 357, 365, 366, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 385, 386, 388, 398—399, 402, 403, 404—405, 406, 408—409, 422, 431, 442, 455, 457, 473, 496, 508
- Советский Союз (СССР) 196, 244, 247—248, 483, 489, 490, 495, 499, 507
- Социализм (социалистическое общество) 130, 132, 152, 190, 192, 193, 196, 198, 200, 201,

- 202, 203, 226, 239, 242—243, 247—248, 255, 257, 273, 285, 286, 296, 339, 368—373, 377, 405—406, 413, 415, 426, 447, 458, 471, 481, 488—486, 508
 — научный социализм 179, 234—239, 307
- Социальная инженерия 36, 297—310, 311, 313, 320, 328, 329, 471, 477, 481, 486
- Социальная наука и политика 231—239
 — основы 43, 202
 — отличия от естественных наук 112—115, 205, 220—230, 238—239
 — политическая экономия 110, 114, 265, 269—270, 485
- Социальное обслуживание 304—307, 490, 493, 495—496
- Спиноза Бенедикт Д. 211
- Сталин И. В. 244, 247, 499
- Стрэчи Джон 349
- Судьба (рок, фатализм) 178, 180, 196, 206, 211, 213—214, 228, 242, 243, 244, 250, 251, 300, 308, 512
- Счастье 243, 298, 302—303, 404—405
- Технология 36, 203—204, 276—277, 321, 322, 323, 327, 391, 408, 411, 425, 426, 440, 442, 448, 458, 459, 460, 461—469, 471, 472, 473, 481, 491, 517
 — техническая революция 285, 425—426, 465—469, 470, 472, 477, 478
- Тирания (деспоты, тираны, диктаторы, тоталитаризм) 240, 244—245, 248, 330, 331, 334, 336, 337, 341, 347, 348, 349, 350—351, 352, 353, 355, 356, 357, 358, 359, 361, 371, 372, 386, 389, 394, 436, 442, 446, 449, 450, 452, 453, 459, 482, 498, 499, 500, 501, 505, 506—507
- Товар 106, 112, 254, 258—265, 377, 383, 443, 444, 448, 472, 473, 484, 496
- Толстой Л. Н. 428
- Трайбализм 377, 424, 434—435, 439—449, 452, 458
- Труд 77, 266, 429—433, 462, 468
 — разделение труда 323—324, 331, 410—411, 412, 422, 429, 431, 441, 442, 473—475
- Управление 231, 248, 256, 266, 268—269, 282—283, 326, 329, 349, 350, 372, 391, 395, 432, 443, 444, 463, 464, 470, 475, 478, 482, 483, 488—489, 495, 506—507, 508, 517
- Утопия (утопизм) 132, 176, 178—179, 205, 215, 216—217, 219, 245, 252, 282, 284, 299—301, 334, 458, 459, 460, 472, 476, 478
- Уэллс Герберт 349
- Фабрианы 395
- Фашизм 247, 249, 499, 505, 512
- Феодализм (крепостное право, крепостные) 226, 228, 272, 277, 327, 341, 371, 377, 379, 430, 451, 463, 484, 516
- Фрейд Зигмунд 34
- Фукидид 332
- Хит Эдвард 338
- Холизм 176, 178—179, 215, 216—217, 218, 219, 486, 490
- Цены 259—260, 263—264, 269
- Цивилизация 240, 278, 284, 288, 289—290, 291, 292, 329, 334, 408, 411, 428, 446, 478
- Человек (человеческая природа, человечество) 45, 68, 77, 180—181, 194, 404, 418, 420—421, 432, 456, 477
- Черчилль Уинстон, сэр 290, 500
- Шекспир Уильям 232, 324
- Энгельс Фридрих 42, 44, 50, 52, 53, 56, 62, 63, 64, 68, 70, 75, 77, 128, 131, 144, 145, 181, 182, 183, 184, 215, 216, 223, 228, 229, 230, 233, 235, 245, 277, 281, 329, 347, 349, 387, 429, 484

— о государстве 331, 339—340, 475
— о диалектике 86—89, 104, 112, 137—140, 166, 167—168, 170
— о материализме 58, 62, 75, 97—103, 171, 193
— о развитии капитализма 256—257
— о свободе 237—238, 391, 409—413, 416—417, 418, 420—426, 457
Эксплуатация 210, 212, 234, 236, 238, 241, 243, 250, 251, 254, 257, 265, 271—273, 277, 279, 281, 289, 291—292, 293,

294, 296, 297, 300, 301—302, 307, 324, 327, 328, 332—333, 335, 352, 357, 359, 360, 361, 363, 367, 377—378, 380, 387, 390, 394, 396, 401—402, 405, 409, 410, 412, 414, 431, 444, 447, 448, 449, 455, 457, 471, 484, 494, 495, 497, 498, 501, 505, 506, 517, 518, 519

Эпикур 99

Эссенциализм 48, 176—179, 215—216, 219, 272, 333, 377, 396, 397, 406

Эггли Клемент Р., лорд 290

Юм Давид 114, 512

СОДЕРЖАНИЕ

Марксистский ответ Карлу Попперу	1
Предисловие	27
ЧАСТЬ I. К Открытой философии	31
Глава I. Научный характер марксизма	31
1. Марксизм в Стране чудес	31
2. Можно ли опровергнуть марксизм?	33
3. Основы марксистской социальной теории	39
4. Допускает ли марксизм логические противоречия?	49
5. Диалектический материализм и научный метод	56
Глава 2. Материалистический подход	63
1. Материализм против идеализма	63
2. Доводы против идеализма	70
3. Доводы в защиту материализма	75
Глава 3. Значение диалектики	86
1. Диалектика против метафизики	86
2. Материалистическая диалектика	96
3. Конкретный анализ конкретных условий	104
4. Диалектико-материалистическая теория познания	115
5. Усиление усиленного догматизма	124
Глава 4. Необходимость диалектики	135
1. Наука о взаимных связях	135
2. Единство противоположностей	140
3. Проверка диалектического материализма	153
4. Философия тождества	167
ЧАСТЬ II. Предпосылки для политики	174
Глава I. Историзм и историческое предвидение . . .	174

1. Догматизм историцизма	174
2. Люди сами делают свою историю	180
3. Историческое предвидение	185
4. Предвидение, вероятность и намерение	193
5. Необходимость и неизбежность	204
6. Наука и утопия	215

Глава 2. Наука в применении к политике 220

1. Проблемы социальных наук	220
2. Социальная наука и политика	231
3. Руководство и цели марксистских политических партий	239

Глава 3. Критика капитализма 252

1. Исчез ли капитализм?	252
2. Трудовая теория стоимости	258
3. Прибавочная стоимость и эксплуатация наемного труда	265
4. Всеобщий закон капиталистического накопления	273

Глава 4. Социальная революция и социальная инженерия 288

1. Социалистическая революция	288
2. Социальная инженерия	297
3. Реформа и революция	304

Глава 5. Институт политической власти 311

1. Институты	311
2. Институты и классы	321
3. Классы и политическая власть	329
4. Исполнительная власть государства	339

Глава 6. Завоевание демократии 346

1. Определение демократии	346
2. Публичный контроль и классовый контроль	356
3. Политическая и экономическая власть	364
4. Социалистическая демократия	368

ЧАСТЬ III. Прогресс в направлении открытого общества 374

Глава 1. Равенство 374

1. Равноправие	374
2. Равенство и ликвидация классов	383

Глава 2. Свобода 389

1. Свобода и ограничение свободы	389
2. Свобода, права и гарантии	399
3. Свобода от эксплуатации	406

4. Свобода и необходимость	416
5. Средства и возможности для индивидуальной свободы	426
Глава 3. Открытое общество	434
1. Закрытое и открытое общество	434
2. Путь к открытому обществу	439
3. Ответственность индивидуальная и коллективная	449
Глава 4. Коммунизм	458
1. Рациональность и практичность коммунизма	458
2. Социальные последствия развития современной техники	461
3. Коммунистическая программа	469
Глава 5. Переход к коммунизму	480
1. Демократическое социалистическое планирование	480
2. От социализма к коммунизму	491
Глава 6. Открытое общество и его враги	497
1. Коммунизм и антикоммунизм	497
2. Против насилия, за справедливые законы, за права индивидов	500
3. Рационалистическая вера в разум	511
Указатель	520